

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-
ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
СЕКЦИЯ ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ РАН**

ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 42

Издается с сентября 1993 г.

**МОСКВА
2 0 1 7**

ББК 83
Л 64

Главный редактор
А.Н. Николоюкин – д-р филол. наук

Редакция:
А.И. Чагин – д-р филол. наук (зам. главного редактора)
Е.А. Цурганова – канд. филол. наук,
Т.Г. Юрченко (ответственный секретарь)

Редакционный совет:
В.Н. Аношкина – д-р филол. наук, *И.Л. Волгин* – д-р филол. наук, *Н.В. Королёва* – д-р филол. наук, *О.А. Коростелёв* – канд. филол. наук, *Т.Н. Красавченко* – д-р филол. наук, *И.В. Логвинова* – канд. филол. наук, *А.Е. Махов* – д-р филол. наук, *В.Т. Олейник* – канд. филол. наук, *П.В. Палиевский* – д-р филол. наук, *А.Н. Сенкевич* – д-р филол. наук, *Л.В. Скворцов* – д-р филос. наук, *В.Н. Терёхина* – д-р филол. наук, *В.М. Толмачёв* – д-р филол. наук, *Е.П. Челышев* – академик РАН

Литературоведческий журнал № 42: Науч. журн. / РАН.
Л 64 ИНИОН; Отд-ние ист.-филол. наук. Секция языка и лит.;
Гл. ред. Николоюкин А.Н. – М.: ИНИОН, 2017. – 344 с.

В журнале публикуются научные статьи по истории отечественной и зарубежной литературы, по теории литературы, а также хроника литературной жизни и библиография по литературоведению.

The Journal of Literary History publishes articles and essays on the history of Russian and foreign literature, theory of poetry, as well as literary chronicle and bibliography. The manuscripts are reviewed. The articles by postgraduates are published gratis.

Номер журнала посвящен 200-летию рождения Алексея Константиновича Толстого (1817–1875) – русского поэта, прозаика, драматурга – и включает в себя статьи, раскрывающие своеобразие творческой манеры писателя, по-новому освещающие некоторые аспекты его творчества, рассматривающие его произведения в широком историко-литературном контексте.

Для литературоведов, культурологов, преподавателей и студентов высших учебных заведений.

Журнал входит в систему elibrary.ru

ББК 83

© Литературоведческий журнал, 2017. Научное издание

СОДЕРЖАНИЕ

К 200-летию рождения Алексея Константиновича Толстого

<i>В.А. Котельников</i> . Наследие А.К. Толстого в академическом издании.....	7
<i>А.В. Федоров</i> . Балладная трилогия А.К. Толстого	24
<i>А.В. Федоров</i> . Главный герой драматической трилогии А.К. Толстого	39
<i>В.А. Кошелев (Арзамас)</i> . Последний драматический замысел А.К. Толстого	51
<i>А.В. Федоров</i> . «Ленюсь переписывать»: Рукописные тетради графа А.К. Толстого.....	77
<i>А.С. Курилов</i> . «Державший стяг во имя красоты»: Теоретико-литературные взгляды А.К. Толстого	115
<i>В.А. Кошелев (Арзамас)</i> . Еще об «отношении графа А.К. Толстого к Пушкину».....	127
<i>В.Б. Трофимова</i> . «Поэт русского Возрождения»: Творчество А.К. Толстого в литературной критике М.О. Меньшикова	148

Теория литературы

<i>Д.Л. Чавчанидзе</i> . Искусство в двух видах словесного творчества (К вопросу о новаторстве в истории литературной формы)	161
--	-----

История литературы

<i>В.М. Гуминский. Русская паломническая литература между Востоком и Западом</i>	<i>168</i>
--	------------

Из истории цитат

<i>К.В. Душенко. «Самовластие, ограниченное удавкой»: К истории пушкинского афоризма</i>	<i>245</i>
<i>К.В. Душенко. Наступить на любимую мозоль</i>	<i>250</i>

Библиография

<i>Газета «Русская Речь» Евгении Тур (1861) / Составление и вступит. статья М.А. Бирюковой и А.Н. Стрижёва</i>	<i>254</i>
--	------------

Избранное литературное наследство

<i>А.К. Толстой. История государства Российского от Гостомысла до Тимашева</i>	<i>324</i>
<i>Коротко об авторах</i>	<i>341</i>

JOURNAL OF LITERARY HISTORY AND THEORY CONTENTS

To the 200-th anniversary of Aleksey Konstantinovich Tolstoy

<i>V.A. Kotel'nikov.</i> The A.K. Tolstoy's literary heritage in the academic edition	7
<i>A.V. Fedorov.</i> The trilogy of ballads by A.K. Tolstoy	24
<i>A.V. Fedorov.</i> The problem of protagonist in the dramatic trilogy by A.K. Tolstoy	39
<i>V.A. Koshelev.</i> The latest dramatic intention of A.K. Tolstoy	51
<i>A.V. Fedorov.</i> «I am lazy to rewrite»: The manuscript notebooks of A.K. Tolstoy	77
<i>A.S. Kurilov.</i> The theoretical views of A.K. Tolstoy	115
<i>V.A. Koshelev.</i> More about the «respect of count A.K. Tolstoy to Pushkin»	127
<i>V.B. Trofimova.</i> «The poet of the Russian Renaissance»: A.K. Tolstoy's creativity in the literary critic of M.O. Menshikov	148

Theory of literature

<i>J.L. Chavchanidze.</i> The two kinds of writing (To the problem of innovation in the history of literary form)	161
---	-----

History of literature

<i>V.M. Guminsky</i> . The Russian pilgrim literature between East and West	168
--	-----

From the history of quotations

<i>K.V. Dushenko</i> . «The autocracy limited by the halter»: To the history of Pushkin's aphorism	245
<i>K.V. Dushenko</i> . To hurt the favorite corn	250

Bibliography

The newspaper «Russkaya Reč» of Eugenia Tur (1861) / Comp. a. preface by A.N. Strisev a. M.A. Biriukova	254
--	-----

From the literary heritage

<i>A.K. Tolstoy</i> . The history of Russian state from Gostomysl to Timashev.....	324
Author Index	341

К 200-ЛЕТИЮ РОЖДЕНИЯ АЛЕКСЕЯ КОНСТАНТИНОВИЧА ТОЛСТОГО

В.А. Котельников

НАСЛЕДИЕ А.К. ТОЛСТОГО В АКАДЕМИЧЕСКОМ ИЗДАНИИ

Аннотация. В статье дается подробное описание подготовленного в Институте русской литературы Полного собрания сочинений и писем А.К. Толстого, обоснование его текстологических принципов.

Ключевые слова: русская литература XIX в.; А.К. Толстой; академическое Полное собрание сочинений.

Kotel'nikov V.A. The A.K. Tolstoy's literary heritage in the academic edition

Summary. The article deals with the detailed description of the Complete edition of A.K. Tolstoy's prepared in Institute of Russian Literature and its textological principles.

Keywords: Russian literature of the 19th century; A.K. Tolstoy; academic complete edition.

В нынешнем году выходит первое академическое издание Полного собрания сочинений и писем Алексея Константиновича Толстого [1]. Не только юбилейный год послужил поводом для этого – потребность в фундаментальном научно-критическом издании всего наследия выдающегося поэта, драматурга, прозаика давно была очевидной и для филологов, и для преподавателей русской словесности, и для российского читателя, сохраняющего живой интерес к подобным изданиям классики.

Стоит напомнить историю того, в каком виде и благодаря кому наследие Толстого приходило к читателю.

Лирика, поэмы, былины [2], баллады А.К. Толстого при его жизни печатались в периодических изданиях и сборниках и единожды вышли собранием (Стихотворения графа А.К. Толстого. СПб., 1867; далее – С-67), включавшим 131 текст, в том числе 16 напечатанных в нем впервые. Не вошли в собрание семь стихотворений, уже появлявшихся в печати, а также те произведения Толстого, что были опубликованы под именем Козьмы Прутоква. Тексты «Стихотворений» изобиловали опечатками, поскольку читавший корректуру (по просьбе отсутствовавшего Толстого) Б.М. Маркевич отнесся к делу очень небрежно, на что автор сетовал М.М. Стасюлевичу 11 октября 1868 г., припоминая «печатные „Стихотворения“, приносящие мне уныние, а Маркевичу срам» [3; 315].

Проза и драматургия также печатались в журналах, выходили отдельными изданиями, но в составе собраний до 1882 г. не появлялись (в С-67 был напечатан «Дон-Жуан», однако эта «драматическая поэма» (по определению самого автора) занимает промежуточное жанровое положение). Двухтомное собрание стихотворных произведений (*Толстой А.К.* Полное собрание стихотворений: В 2 т. СПб., 1876, без драматической трилогии; далее – ПССтих-76. Т. 1–2) было напечатано после смерти писателя, однако в подготовке его Толстой деятельно участвовал.

Произведения Толстого, остававшиеся в его архиве, в его письмах у корреспондентов, ходившие в списках, после 1875 г. публиковались в журналах и часть их вошла в издание: *Толстой А.К.* Полное собрание сочинений: В 4 т. / Под ред. Д.Н. Цертелева. СПб., 1882–1883. Это собрание, с небольшими изменениями, переиздавалось до 1906 г. В значительно пополненном составе вышло новое издание: *Толстой А.К.* Полное собрание сочинений: В 4 т. / С портретом графа Алексея Толстого и критико-биографическим очерком С.А. Венгерова. [Примечания и варианты подготовил П.В. Быков.] СПб., 1907–1908. Здесь было положено начало разысканиям и критической подготовке к печати текстов писателя. Одновременно профессором Лилльского университета А. Лиронделем и А.А. Кондратьевым собирались биографические и творческие материалы, вошедшие в их книги [4], В.И. Срезневским были проведены систематизация и научное описание сохранившейся части архива Толстого, переданной в Академию наук. Позже еще

одну (кроме вышеупомянутой) случайно уцелевшую часть архива, принадлежавшего семейству Хитрово, Л.Б. Модзалевский в 1922 г. обнаружил в бывшем имении Толстого Пустынька, близ станции Саблино Петроградской губернии. Все найденные материалы он тогда же передал в Рукописный отдел Пушкинского Дома при Российской академии наук. Им были сделаны копии нескольких десятков автографов произведений, писем Толстого и писем к нему, отдельных страниц записной книжки, собраны из разных источников документальные (в том числе изобразительные) материалы. Судя по всему, Модзалевский начал готовить наследие Толстого к публикации. Но издательство «Советский писатель», запланировавшее выпуск двухтомника произведений писателя в серии «Библиотека поэта», поручило подготовку его И.Г. Ямпольскому, который в 1930-е годы занялся изучением наследия Толстого и в начале 1936 г. представил в издательство первую книгу. Модзалевский стал рецензентом этого труда и дал ему весьма высокую оценку. Так появились научно-критические издания: *Толстой А.К.* Полное собрание стихотворений / Вступительная статья, редакция и примечания И.Г. Ямпольского. Л., 1937 (Библиотека поэта. Большая серия) и *Толстой А.К.* Драматическая трилогия. Редакция и примечания И.Г. Ямпольского. Л., 1939 (Библиотека поэта. Большая серия). На основании этих авторитетных изданий печатались в дальнейшем многочисленные массовые издания, в том числе подготовленное самим Ямпольским: *Толстой А.К.* Собрание сочинений: В 4 т. М., 1963–1964, пополненное несколькими новыми текстами (хотя в части стихотворений менее полное, чем издание 1937 г.) и включающее прозу и избранные письма. Работа была успешно продолжена Е.И. Прохоровым, подготовившим издание: *Толстой А.К.* Полное собрание стихотворений: В 2 т. / Вступительная статья Л.И. Емельянова. Составление, подготовка текста и примечания Е.И. Прохорова. Л., 1984 (Библиотека поэта. Большая серия. Второе издание) (далее – ПСстих-84. Т. 1–2). И.Г. Ямпольский занимался творчеством поэта до конца своей жизни (он скончался в 1991 г.); впоследствии результаты этой работы – уточнения, некоторые дополнения к примечаниям, вступительная статья – вошли в научно-критическое издание: *Толстой А.К.* Полное собрание стихотворений и поэм / Вступительная статья, составление, подготовка текста и примеча-

ния И.Г. Ямпольского. СПб., 2004. Новая библиотека поэта (далее НБП, переиздано в 2006 г.). В основу его были положены тексты и комментарии упомянутого выше издания 1937 г. Не только научный, но и широкий читательский интерес к наследию Толстого обуславливает появление многочисленных изданий его произведений. Из новейших отметим следующие: *Толстой А.К.* Из поэтического наследия / Составление, вступительная статья Г.А. Тиме, составление, комментарии Р.Ю. Данилевского. СПб., 2006; *Толстой А.К.* Князь Серебряный. Царь Федор Иоаннович. Стихотворения / Вступительная статья С.А. Небольсина. М., 2008; *Толстой А.К.* Собрание сочинений / Составление, комментарии, хроника жизни и творчества, указатель имен В.А. Котельникова. М., 2009; *Толстой А.К.* Избранное. Составление, предисловие и комментарии А.В. Федорова. М., 2010.

Представленное в названных научно-критических изданиях текстологическое и комментаторское обеспечение наследия Толстого, при значительных для своего времени достижениях, требовало сегодня весьма существенной переработки, расширения и дополнения. Во-первых, что несомненно, необходимо не выборочное и частичное предъявление имеющихся редакций и вариантов, как то делалось до сих пор, а наиболее полный их свод, в котором использованы все доступные источники (с точными отсылками к ним, отсутствовавшими в прежних изданиях) и в котором исчерпывающе отражена авторская работа над текстом. Во-вторых, необходим более детальный и развернутый комментарий, как историко-литературный, биографический, исторический, лингвистический, так и реальный, чтобы воссоздать жизненный и культурный контекст творчества. Такие цели были поставлены редколлегией нынешнего Полного собрания сочинений, подготовкой которого занимаются сотрудники Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН В.А. Котельников, А.П. Дмитриев, а также московский филолог А.В. Федоров. Работе над ПСС ближайшим образом предшествовало воспроизведение в серии «Литературные памятники» корпуса поэтических текстов Толстого из ПСССтих-76. Т. 1–2, выпущенного М.М. Стасюлевичем, теперь в издании «ЛП» снабженного сводом других редакций и вариантов и современным комментарием [5].

* * *

По поводу нашего издания может возникнуть вопрос: почему поэтическое наследие Толстого публикуется в нем не в порядке общей его хронологии (чему примеры были), а двумя самостоятельными корпусами – в первом и втором томах? Здесь есть некоторая историко-литературная проблема.

Дело в том, что в названном наследии писателя выделяются две основные части, которые очевидно неравнозначны в творческо-биографическом и, следовательно, в историко-литературном отношении.

Одна часть – произведения, включавшиеся самим автором в прижизненные собрания. Напомним, что тексты второго из них (ПССтих-76), хотя оно и вышло после смерти писателя, почти полностью им самим подготовлены (см. ниже свидетельства Д.Н. Цертелева и М.М. Стасюлевича). Включаемые в собрания произведения подвергались авторской правке, зачастую имели различные редакции и варианты; в итоге творческой работы над ними складывались окончательные тексты и состав собрания, в чем, в совокупности, выражалась воля автора, готовившего книгу к печати. Именно таково значение упомянутого выше прижизненного собрания его стихотворных произведений (С-67) и в еще большей степени – Полного собрания стихотворений (ПССтих-76), которое Толстой начал готовить летом 1874 г., но завершить не успел (он умер 28 сентября 1875 г.). Хорошо осведомленный о литературных делах поэта Д.Н. Цертелев в своих «Записках о графе Алексее Константиновиче Толстом» (датированных 3 ноября 1875 г.) сообщал: «Минувшей зимой гр<аф> Т<олстой> совершенно приготовил к изданию “Второе собрание стихотворений”». В него вошли все стихотворения, напечатанные со времени издания первого собрания, – многие из них с дополнениями и изменениями. Это “второе собрание” будет, вероятно, издано в непродолжительном времени. Оно будет заключать лучшие произведения гр<афа> Т<олстого>» [6; л. 11–11 об.]. Речь идет о ПССтих-76, издатель которого М.М. Стасюлевич утверждал, что это издание, «хотя и посмертное, является в свет тщательно просмотренное самим автором и с текстом, не только исправленным им собственноручно, но местами и измененным, сравнительно

с изданием первого собрания и печатью в журналах. Первое собрание исправлено автором по печатному тексту карандашом, а новые стихотворения второго десятилетия <1866–1875 годов. – В. К.> были переписаны в особую тетрадь и проверены им самим, за исключением “Дракона”, явившегося в печати почти в самый день смерти гр. А.К. Толстого» [7; IV]. У нас нет причин не доверять утверждению Стасюлевича, тем более что к выпускаемому им ПССтих-76 очень внимательно относилась С.А. Толстая, напоминая издателю о желаниях мужа; указав на некоторые недочеты, она осталась довольна изданием [см. ее письма к Стасюлевичу – 3; 386–390]. Свидетельство Стасюлевича подтверждается сличением текстов его издания с печатными и рукописными источниками; таким образом, это издание можно считать базовым для установления дефинитивных текстов большинства стихотворных произведений. (В некоторых случаях для основного текста мы выбирали иной источник, что мотивируется в примечаниях.)

Мы исходим из того неоспоримого факта, что составление самим автором поэтической книги и подготовка им к печати входящих в нее текстов занимают весьма важное место в его творческой работе. Из того же факта исходят, например, редакторы современного научного издания А.А. Фета, где они вполне обоснованно следуют текстологическому принципу, по которому стихотворения поэта «публикуются по *прижизненным сборникам*, подготовленным самим автором или при его ближайшем участии» [8; 416], а тексты, в эти сборники не входившие, выделяются в томе в особый раздел. Такому же принципу следовала Т.М. Двинятина при подготовке современного издания поэтического наследия И.А. Бунина, выделяя в основной раздел «Стихотворения, вошедшие в авторские издания», а прочие тексты публикуя в «дополнительном разделе» [9; 407].

Другая часть поэтического наследия Толстого – не включавшиеся им в собрания оригинальные стихотворения, хотя те из них, которые публиковались в журналах при его жизни, он подчас также редактировал. В том, что Толстой не включал их в готовившееся им в 1875 г. собрание стихотворений, следует видеть выражение авторской воли, хотя некоторую (отнодь не главную) роль здесь могли играть и причины нетворческого свойства (цензурные и редакционные условия, отношения с теми или иными лицами

и т.п.) – но и они являются немаловажными историко-литературными фактами. Характерно, что Толстой решил не печатать в ПССтих-76 30 уже опубликованных прежде стихотворений, опысы Козьмы Пруткова, равно как не публиковавшиеся сатирические и юмористические стихотворения, ранние произведения, экспромты и шутки, свои стихотворения на немецком и французском языках. Научно-критическое издание поэтического наследия должно учитывать это обстоятельство (как то сделано и в ПССтих-84. Т. 1).

И.Г. Ямпольский отмечал, что Е.И. Прохоров, готовивший ПССтих-84, отказался от принципа составления Бп-37, где стихотворения печатались в общем хронологическом порядке независимо от того, включал или не включал их автор в прижизненные собрания. Считая предложенные им в 1937 г. выбор и расположение текстов наиболее верными, Ямпольский находил непоследовательность в решении редактора ПССтих-84 выделить в отдельный раздел произведения, вошедшие в прижизненные собрания, но при этом не воспроизводить структуру этих собраний и не вводить в раздел входившие в те собрания переводы [10; 592]. Он также высказал сомнение (ни на чем, впрочем, не основанное) в том, что ПССтих-76 «было полностью подготовлено самим поэтом», – и в то же время Ямпольский признавал относительно «исправлений и изменений в тексте издания 1876 г.», что «большинство из них восходит, по-видимому, к поправкам Т<олстого>» [10; 589]. Но именно последняя авторская корректировка, осуществлявшаяся для этого издания, и является в данном случае решающим обстоятельством в установлении основного текста произведения и включения его в приоритетный раздел. Композиция же томов, возможно, принадлежит издателю, но это уже не столь существенно.

В нашем собрании сочинений Толстого мы, соблюдая общее традиционное распределение произведений по жанрово-хронологическому принципу, выделяем в два раздела указанные выше части поэтического наследия писателя и помещаем их, соответственно, в первый и второй тома собрания. При этом мы не воспроизводим композицию прижизненных собраний, поскольку у нас нет данных, указывающих, в какой мере она определялась издателями, а в какой – автором.

Стихотворения «Прозрачных облаков спокойное движенье...» и «Земля цвела. В лугу, весной одетом...», напечатанные уже

после смерти Толстого в ПССтих-76 (раздел «Последние стихотворения») и автором перед публикацией не просмотренные, включаются во второй том настоящего собрания сочинений. Напечатанные в прижизненных собраниях незавершенная драма «Посадник», драматическая поэма «Дон Жуан» помещены нами в том драматургии Толстого. Стихотворные переводы, как входившие, так и не входившие в прижизненные собрания, печатаются во втором томе нашего собрания.

Состав его по томам следующий.

Том 1 – оригинальные произведения, подготовленные Толстым для прижизненных собраний: лирика, былины, баллады, притчи, поэмы, повесть в стихах.

Том 2 – произведения, не включавшиеся Толстым в прижизненные собрания: стихотворения разных жанров, поэмы, тексты, входившие в корпус «Козьма Прутков», коллективное, стихотворные мелочи; переводы, стихотворения на немецком и французском языках, приложения.

Том 3 – драматические произведения.

Том 4 – повести, очерки, роман «Князь Серебряный», статьи, приложения.

Том 5 – дневник; письма.

Разумеется, для настоящего издания все тексты заново сверены с имеющимися рукописными и печатными источниками; установлены дефинитивные тексты произведений Толстого, помещаемые в основном разделе 1–4 томов. В разделе «Другие редакции, варианты, разночтения, наброски» впервые с необходимой полнотой и с точным обозначением источников (с их полными архивными адресами) приводятся рукописные и печатные редакции, варианты, разночтения, наброски, а также авторская правка. Полнота свода ограничивается только тем обстоятельством, что часть архива писателя утрачена и не ко всем его произведениям такие материалы сохранились. Но и те, что находятся в нашем распоряжении и приведены в разделе, позволяют решить важнейшую исследовательскую задачу: детально представить ход творческой работы поэта. Не включены в раздел лишь несколько повторяющихся с мелкими разночтениями черновых набросков стихов в записных книжках Толстого и лишь в тех случаях, когда такие разночтения не отразились в последующей работе над текстом.

При подготовке издания впервые были выявлены и систематизированы все архивные материалы (в значительной части не учтенные и не показанные в прежних изданиях), по которым можно судить о работе писателя над поэтическими произведениями. В наибольшем объеме (хотя и с некоторыми утратами) сохранились автографы и авторизованные списки стихотворений разных жанров – в отличие от рукописных источников для поэм, драматургических и прозаических текстов. Самая существенная (количественно и качественно) часть названных материалов имеется в фондах Рукописного отдела Пушкинского Дома; многие материалы находятся в РГАЛИ, РГБ, РНБ, ГЛМ, ГАРФ, ГИМ, СПбГТБ, РГИА и других архивохранилищах. Не вдаваясь в более подробные описания, укажем основные источники, заключающие в себе рукописи художественных текстов и писем Толстого.

1. Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН (далее ПД), фонд 301, Архив А.К. Толстого – сохранившаяся часть архива А.К. Толстого, переданная в 1903–1904 гг. Софьей Петровной Хитрово, племянницей жены Толстого (при посредничестве С.М. Лукьянова), в Рукописное отделение библиотеки Академии наук. В этом фонде находятся две тетради, две записные книжки, стихотворения на отдельных листах и другие материалы творческого и биографического характера. Подробное (но не полное и с неточностями) описание их с приведением некоторых вариантов стихотворений напечатано в издании: *Срезневский В.И.* Автографы графа А.К. Толстого (собрание Академии наук) // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. Т. 10. 1905. Кн. 4. С. 259–280.

Содержание основных единиц хранения данного фонда следующее.

№ 4 – тетрадь [1] в твердом картонном переплете, л. 1–62 об. Содержит разрозненные карандашные наброски и варианты стихотворных и прозаических текстов Толстого.

№ 3 – тетрадь [2] в бумажной обложке красного цвета, л. 1–87 об. Содержит беловые и черновые автографы стихотворений Толстого.

№ 5 – собрание автографов, набросков стихотворений Толстого на отдельных листах, 31 л.

№ 6 – записная книжка [1] Толстого, в твердом картонном переплете с тиснением NOTES, л. 1–66. Содержит наброски, варианты стихотворений, записи на русском и немецком языках. В этой же единице хранения – записная книжка [2] Толстого, в твердом картонном переплете с тиснением NOTES, л. 1–65. Содержит наброски, варианты стихотворений, записи на русском и немецком языках.

№ 9 – письма Толстого к Б.М. Маркевичу. 1858–1875. 258 л., 87 писем.

ПД, фонд 293, Архив М.М. Стасюлевича, опись 1, № 1441 – письма Толстого к М.М. Стасюлевичу. 178 л., 77 писем.

ПД, разряд I, опись 22, №№ 343–358 – письма Толстого к К.К. Павловой, включающие его стихотворения на немецком языке.

2. Российский государственный архив литературы и искусства, фонд 506, А.К. Толстой, опись 1, №№ 1–8 – стихотворения и поэмы, №№ 12, 15 – письма Толстого к А.П. Бобринскому, к Л.А. Перовскому.

3. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки, фонд 218, карт. 48, № 5 – «Альбом В. Ж.», альбом стихотворений Толстого, принадлежавший В.М. Жемчужникову. На обложке альбома вытиснены буквы «В. Ж.». Содержит списки стихотворений с авторской правкой чернилами и карандашом; фонд 178, карт. 6, № 36 – поэма «Грешница»; фонд 126 (Киреевы и Новиковы), № 28 – стихотворения, № 33 – письма Толстого к О.А. Новиковой.

4. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки, фонд 779, Архив А.К. Толстого, № 4 – записная книжка [3] Толстого в твердом кожаном переплете, л. 1–48, содержит наброски, варианты стихотворений, записи на русском, французском и немецком языках; фонд 1000, опись 2, № 574 – Альбом Капнистов, 1856–1865, 127 л., содержит списки стихотворений Толстого; фонд 817, опись 1, № 1 – Альбом Б.А. Фитингоф-Шеля, 180 л., содержит автографы стихотворений Толстого, переводы их на немецкий язык, его письмо.

5. Российский государственный исторический архив, фонд 1021, Перовские, опись 2, № 75, 97 – содержат автографы, списки стихотворений Толстого, его письма, документы, материалы, относящиеся к его жизни и творчеству.

В издании воспроизводятся рисунки Толстого, сделанные им в посланиях к Н.В. Адлербергу и в текстах двух ранних его произведений.

В ходе обследования архивных фондов были выявлены неопубликованные письма Толстого и письма к нему, документы, относящиеся к его жизни и творчеству, что было использовано в научном аппарате издания.

Научный аппарат издания представлен статьями «Алексей Константинович Толстой в жизни и в литературе», «От редакции», комментариями с изложением творческой истории произведений и построчными примечаниями, указателями произведений, имен, описанием основных источников текстов, списком условных сокращений.

В заглавной статье на основании всей совокупности данных рассматривается среди прочих вопрос о происхождении Толстого, вызывавший в свое время разноречивые суждения и не получивший бесспорного решения; в новом освещении предстают и непростые отношения писателя с С.А. Толстой. Также анализируются в связи с его творчеством философско-религиозные воззрения, эстетические, исторические и общественно-политические взгляды Толстого. Исчерпывающе поясняются в комментарии (наряду с уточнением пояснений, приводившихся в прежних изданиях) все исторические события и лица, мифологические и литературные персонажи, фигурирующие в произведениях Толстого, сообщаются с необходимой полнотой сведения о близких ему людях, друзьях и знакомых, об упоминаемых в произведениях, письмах личностях и реалиях. Также впервые даны отсутствовавшие в предыдущих изданиях многочисленные отсылки, цитатные и реминисцентные, к текстам предшествующих и современных Толстому писателей, к произведениям русского фольклора. Наконец, отмечаются все грамматические и стилевые особенности художественной речи Толстого, все без исключения использования им слов, оборотов древнерусского языка, малороссийских, диалектных, просторечных, заимствованных слов (с указанием их этимологии), именований и понятий, принадлежащих к прошедшим эпохам.

В примечаниях, как то принято, приводятся данные о первой публикации произведения, об источниках текста и источнике, по которому дефинитивный текст печатается в настоящем издании.

Подробные описания тех источников, которые приведены в перечне «Основные источники», в примечаниях не даются. Затем следует историко-литературный, биографический, исторический, лингвистический, реальный комментарий. Публиковавшиеся прежде переводы иноязычных текстов сверены с имеющимися подлинниками, при необходимости исправлены или же дан наш перевод – в таких случаях указываются источник и язык подлинника, а после того – имеющаяся публикация другого перевода. Если текст переводится впервые, указывается только язык подлинника. При лингвистических комментариях курсивом указывается, к какому языку, говору, диалекту относится данный текст, выражение или слово; при этом используются общепринятые сокращения.

Перед построчными примечаниями перечисляются композиторы, положившие на музыку комментируемый текст, и приводят-ся сведения о переводах его на иностранные языки.

Для датировки многих толстовских произведений (прежде всего лирических) нет прямых и точных данных. Толстой обычно не ставил даты в автографе; в первых публикациях авторские даты редки (они воспроизводятся в настоящем издании прямым шрифтом под текстом в том виде, в каком находились в печатном источнике). Время написания приходится устанавливать по косвенным данным и зачастую определять его широкими хронологическими рамками. И.Г. Ямпольский о своем редакторском решении в подготовленном им последнем критическом издании стихотворных произведений Толстого сообщал, что «датировка произведена на основании как печатных, так и рукописных данных, но обоснование их опущено» [10; 593]. Такое решение нельзя признать удовлетворительным: имеющиеся данные должны быть указаны и даты мотивированы.

Пытаясь решить проблему датировки, Е.И. Прохоров обратился к так называемому «Альбому В. Жемчужникова» и усмотрел в расположении текстов в альбоме некий хронологический порядок. «Анализ последовательности стихотворений в этом “Альбоме” позволил сделать вывод, что они расположены в нем в определенной хронологической последовательности. Так, первые 20 стихотворений “Альбома” относятся к произведениям 40-х годов. Исключение составляют лишь два стихотворения: “И у меня был край родной когда-то...” и “Коль любить, так не на шутку...”

<ошибка редактора; первый стих – “Коль любить, так без рассудку...”>. Оба эти стихотворения переписаны в “Альбоме” еще раз, ниже, на своем хронологическом месте, но здесь они зачеркнуты как повторно записанные. Далее в “Альбоме” следуют три стихотворения – “Пустой дом”, “Богатырь” и “Поэт”. Первые два А. Лирондель датировал 1849 г., а третье – 1850 г. Таким образом, они как бы заканчивают группу произведений, написанных в 1840-х годах. За ними идет зачеркнутое “Коль любить, так не на шутку...” <так в тексте Прохорова>, но оно должно находиться именно здесь, и датировать его можно 1850–1851 гг., поскольку следующее за ним – “Средь шумного бала, случайно...” – датировано самим автором 1851 г. Этим же годом обычно датируются три идущих за ним в “Тетради” стихотворения: “С ружьем за плечами, один при луне...”, “Ты не спрашивай, не распытывай...” и “Слушая повесть твою, полюбил я тебя, моя радость!...” – как непосредственно связанные с первыми впечатлениями Толстого от встречи с С.А. Миллер, будущей женой поэта. Затем идет зачеркнутое стихотворение “И у меня был край родной когда-то...”, но его место именно здесь, и датировать его можно 1854 г., поскольку в нем есть отклик на события этого года, связанные с Крымской войной. Эта датировка подкрепляется тем, что последнее стихотворение “Альбома” – “Поразмыслив аккуратно...” – вписано рукой Толстого и датируется по первой публикации также 1854 г. (в нем тоже есть отклик на события войны). Следовательно, пять стихотворений, находившихся между “И у меня был край родной когда-то...” и последним стихотворением “Альбома” (“Ой, каб Волга-матушка да вспять побежала...”, “Уж ты нива моя, нивушка...”, “Колодники”, “Уж ты, мать-тоска, горе-гореваньнице...” и “Ходит Спесь, надуваючись...”), датируемых обычно по первой публикации 1856 г., тоже относятся скорее всего к 1854 г.» [11; 526].

Соображения исследователя кажутся достаточно обоснованными, и предлагаемые им здесь датировки могут быть приняты. Наши разыскания позволили уточнить многие датировки предыдущих редакторов относительно текстов с проблематичной хронологией; необходимые обоснования приводятся в примечаниях. Наиболее определенными указаниями на временную отнесенность произведения являются свидетельства Толстого в письмах и дру-

гих документах, местоположения автографов, косвенные сведения или, за отсутствием перечисленного, время первой публикации – с учетом пересылок, набора, печатания, цензурования и пр. Во всех подобных случаях даты обозначаются редакторским курсивом под основным текстом. Прямым шрифтом под текстом обозначаются даты, имеющиеся в автографе или в публикации.

Редакторские даты произведений, документов, писем, созданных в дореволюционной России, и даты событий, в ней происходивших, приводятся по старому стилю. Для текстов, созданных к Европе, и событий, там происходивших, указывается двойная дата – по старому и – в скобках – по новому стилю, как то делал обычно и Толстой в письмах из-за границы.

Об имеющейся в публикациях подписи автора в примечаниях не сообщается, если она дана там в обычном виде («Гр. А. Толстой», «Гр. А.К. Толстой»).

* * *

Следует указать на некоторые принципы подачи текстов в нашем издании. Художественные, литературно-бытовые, деловые, эпистолярные тексты Толстого (как и все сопутствующие тексты дореволюционного периода, кроме относящихся к XII–XVII вв.) печатаются в современной орфографии и в соответствии с действующими ныне нормами письменной речи.

Вместе с тем учитывается, что во многих случаях (и их у Толстого больше, чем у других поэтов его эпохи) нормированная литературная речь в его текстах осложняется и видоизменяется под воздействием внелитературных и архаических языковых традиций.

Это происходит, во-первых, при использовании Толстым грамматических форм, свойственных обывденной народной речи («А и много про нее лыгано...» – «Правда»), в том числе и тогда, когда автор включает такие формы в собственную речь, а не только создает образ ее естественного носителя. Во-вторых, при использовании грамматических и синтаксических (связанных с особенностями ритмико-интонационного строя) форм, свойственных фольклору («А какая то другая думушка, что ни высказать, ни вымерить, Ни обнять умом, ни окинути?» – «Вырастает дума, словно дерево...»). В-третьих, при использовании исторических языковых

форм – как в произведениях с сюжетом и персонажами, принадлежащими к отдаленному прошлому, так и в собственной речи Толстого, когда он воспроизводит или имитирует речь былых эпох или же обыгрывает исторические реалии (в «Истории государства Российского...»: «Составил от былинок / Рассказ немудрый сей / Худый смиренный инок, / Раб Божий Алексей»; в письме к Н.И. Костомарову: «Написах и отправих днесь мужу, Стасюлевичу рекому, иже на Галерной, гистриново игрище мое...»).

Кроме того, сохраняются наиболее характерные для речевой личности Толстого особенности грамматических форм и пунктуации, а также некоторые грамматические формы того времени. Так, например, сохранено принятое тогда и неправомерно измененное правилами орфографии послереволюционного периода окончание *-и* в предложном падеже многих существительных среднего рода на *-ье*, поскольку с восстановлением этого окончания слово получает более точное значение, исключая двусмысленность («Торопит его в нетерпеньи...», «Хвалить Творца и славить в песнопеньи...», «Моя душа в надежде и в сомненьи...»; ср. смысл выражения с такого рода существительным в винительном падеже: «И выше восходить в сиянье правды вечной» – т.е. восходить во что, куда, а не в чем). Такое написание подсказывает нам сам Толстой, который был внимателен к соблюдению упомянутого правила в своих текстах и в письме к М.М. Стасюлевичу от 15 (27) января 1874 г. не преминул указать на ошибку в строфе 78 стихотворной повести «Портрет», опубликованной в «Вестнике Европы»: вместо нужного «На цыпочках, в торжественном *молчаньи* – напеч<атано>: молчаньѣ» [3, с. 371]. Сохранены для передачи историко- и социально-языкового колорита формы «скрыпят», «скрыпка», «Бетговен», «грохочат», «без песней», «мочалы вокруг сапогов» и некоторые иные. В том числе сохраняются написания «лиризм», «нигилизм», «атавизм», «ценсура» и т.п., отражающие произношение соответствующих французских слов и свойственные билингвизму Толстого и образованного общества того времени. В отношении Толстого, однако, правильнее говорить не только о русско-французском билингвизме, но о полилингвизме, имея в виду его столь же свободное владение немецким языком; но германизмы в русской речи встречаются у него довольно редко.

Употребление прописных и строчных букв, не всегда последовательное у Толстого, унифицировано и в большинстве случаев приведено в соответствие с современными писателю нормами. При этом в титулах лиц Императорского Дома все слова пишутся с прописной буквы как в именовании, так и в обращении. Дворянские титулы и названия церковного сана пишутся со строчной. В официальных и этикетных обращениях к лицам, имеющим титулы барона, графа, князя, чины, церковный сан, с прописной пишется местоименная часть, со строчной – предикатная, как и в общепринятом косвенном именовании их (Ваше сиятельство, Ваше высокопревосходительство, Ваше преосвященство, просьба Его высокоблагородия). В названиях высших и центральных государственных учреждений, а также должностей возглавляющих их лиц прописная буква пишется в начальных и специфических частях названия (Боярская Дума, Министерство Императорского Двора, Министр внутренних дел, Товарищ Министра народного просвещения, Обер-прокурор Святейшего Синода). С прописной буквы пишутся все именования священных лиц (и относящиеся к ним местоимения), мистических событий, актов и священных книг, предстоятелей христианской Церкви (Бог, Троица, Богоматерь, Спаситель, Распятие, Воскресение, Преображение, Святое Причастие, Священное Писание, Ветхий Завет, Евангелие, Предание, Патриарх, Папа Римский и др.), слово Церковь в значении исторической институции христианской общины. С прописной пишутся именования священных лиц, религиозных событий, установлений и книг иудаизма (Закон, Тора, Талмуд), ислама (Аллах, Пророк, Коран).

Со строчной буквы пишутся названия месяцев, национальностей, чинов, званий, должностей, за исключением указанных выше.

В единичных случаях в текстах Толстого сохраняется старая орфография – например, для устранения омонимии: «на темъ гор» (редуцированная форма; в современном написании было бы «на теме гор» от полной формы «на темени»). При цитировании текстов, относящихся к XII–XVII вв., написание максимально приближается к оригиналу.

Нужно полагать, что появление данного издания будет способствовать более глубокому изучению творчества А.К. Толстого во всем многообразии его литературных и социокультурных

связей как с современной писателю эпохой, так и с позднейшими временами.

1. *Толстой А.К.* Полное собрание сочинений и письма: В 5 т. / Гл. ред. В.А. Котельников / Составление, подготовка текстов, вступительные статьи, комментарии В.А. Котельникова при участии А.П. Дмитриева, Ю.М. Прозорова, А.В. Федорова. Редакционно-издательский центр «Классика». М., 2017.
2. Это жанровое обозначение ряда произведений Толстого по установившейся еще в его прижизненных изданиях (в том числе в ПССтих-76) и закрепившейся в научных изданиях И.Г. Ямпольского и других литературоведов традиции повторяет авторское их наименование и является условным: разумеется, это не былины в точном значении понятия, они лишь соотносятся с каноническим фольклорным жанром своими персонажами, сюжетами, некоторыми мотивами и стилевыми приемами. Впрочем, возможен и иной теоретико-литературный взгляд: поскольку на основе фольклорной сказки возникла и прочно утвердилась литературная сказка, то оправдано и существование литературной былины. Вопрос о жанровой классификации произведений поэта требует специального рассмотрения; недавно он был поднят А.В. Федоровым в статье «Научное собрание сочинений А.К. Толстого как историко-литературная проблема» (Толстовские чтения: Научно-практическая конференция, посвященная творчеству А.К. Толстого. Почеп, 2009. С. 10–13).
3. М.М. Стасюлевич и его современники в их переписке: В 2 т. СПб., 1912. Т. 2.
4. См.: *Lirondelle A.* Le poète Alexis Tolstoï. L'homme et l'oeuvre. Paris, 1912; *Кондратьев А.А.* Граф А.К. Толстой. Материалы для истории жизни и творчества. СПб., 1912.
5. *Толстой А.К.* Полное собрание стихотворений: В 2 т. / Подготовка текстов, вступительные статьи, комментарии В.А. Котельникова при участии А.П. Дмитриева. «Наука». СПб., 2016 (Сер. «Литературные памятники»).
6. ПД. Ф. 293. Оп. 1. № 1544.
7. ПССтих-76. Т. 1. См. также свидетельство Е.В. Матвеевой: *Матвеева Е.* (рожд<енная> кн<яжна> Львова). Несколько воспоминаний о графе А.К. Толстом и его жене // Исторический вестник. 1916. № 1. С. 174–175.
8. *Фет А.А.* Сочинения и письма: [в 20 т.] / Редакционная коллегия: А.В. Ачкасов, В.В. Гвоздев, Н.П. Генералова и др. «Академический проект». СПб., 2002 [Т. 1].
9. *Бунин И.А.* Стихотворения: В 2 т. / Вступительная статья, составление, подготовка текста и примечания Т.М. Двинятиной. Издательство Пушкинского Дома. СПб., 2014. Т. 1. (Новая библиотека поэта).
10. НБП.
11. ПССтих-84. Т. 1.

А.В. Федоров

БАЛЛАДНАЯ ТРИЛОГИЯ А.К. ТОЛСТОГО

Аннотация. В статье рассматриваются баллады А.К. Толстого, посвященные Иоанну Грозному («Старицкий воевода», «Василий Шибанов», «Князь Михайло Репнин»), как своеобразный цикл. Обнаруживаются и анализируются особенности осмысления автором образа первого русского царя в каждой из баллад.

Ключевые слова: баллада; цикл; образ; Иоанн Грозный; А.К. Толстой.

Fedorov A.V. The trilogy of ballads by A.K. Tolstoy

Summary. The article discusses the ballad by A.K. Tolstoy, dedicated to Ivan Groznyi («Staritsky Governor», «Vasily Shibanov», «Prince Mikhailo Repnin») as a kind of cycle. Detects and analyzes the characteristics of reflection by the author the image of the first Russian Tsar in each of the ballads.

Keywords: ballad; cycle; image; Ivan Groznyi; A.K. Tolstoy.

Эпоха царствования Иоанна Грозного легла в основу трех баллад А.К. Толстого – своеобразной трилогии, которая составляет любопытную параллель с известным драматическим циклом. Все три баллады («Василий Шибанов», «Князь Михайло Репнин» и «Старицкий воевода») написаны в 1840–1850-е годы, как раз во время работы Толстого над романом «Князь Серебряный», и поэтически интерпретируют три эпизода, описанные в «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина (на тот момент главного, хотя и не единственного исторического источника для А.К. Толстого). Этот цикл можно назвать «Три смерти», поскольку ключевое событие в каждой из баллад – гибель того персонажа, чьим именем названо произведение. Но центральным образом всего

цикла является, бесспорно, тот, кто является причиной (в прямом и переносном смысле) этих смертей, – царь Иоанн.

В «Старицком воеводе» (1858) перед нами вполне однозначный образ тирана, изощренно расправляющегося со своим (скорее всего, мнимым) врагом: сначала возведя его в царский сан (что само по себе является святотатством), воздав ему почести и унижаясь перед ним, Грозный неожиданно убивает этого ложного царя. Кстати сказать, заглавный герой этого произведения абсолютно пассивен, не совершает ничего, вообще не является действующим лицом. Как марионетку, царь его «наряжает», как бездушную куклу, повергает ниц. Может быть, это как-то сигнализирует о том, что Старицкий воевода на самом деле ничего не замышлял против Грозного и не мечтал о царском венце. То есть он ни при чем: его оклеветали, царь поверил и совершил свой скорый и циничный суд над невинным (хотя эпитеты, которые относятся к воеводе, допускают разное отношение к герою: «гордый», «осужденный», «виновный», «сверженный», «мертвый»). Таким образом, казнь «изменника» лишена торжественности обряда и не дает возможности воеводе подготовиться к неизбежному; это собственноручное убийство, как и предыдущее нарочитое восхваление, придает происходящему оттенок внезапной импровизации, хотя такое ироничное унижение, скорее всего, хорошо подготовлено Грозным.

*И осужденному поднес венец богатый,
И ризою облек из жемчуга и злата,
И бармы возложил, и сам на свой престол
По шелковым коврам виновного возвел.
И, взор пред ним склонив, он пал среди палаты,
И, в землю кланяясь с покорностью трикраты,
Сказал: «Доволен будь в величии своем,
Се аз, твой раб, тебе на царстве бью челом!»
И, вспрыгнув тот же час со злобой беспощадной,
Он в сердце нож ему вонзил рукою жадной¹.*

«Беспощадная злоба» не столько характеризует внутреннее состояние царя, сколько отражает его истинный характер, который проявился особенно ярко по контрасту с предшествующей «покорностью». Весьма показателен эпитет «жадной»: рука Иоанна – жадная до убийств, как будто соскучившаяся по смерти и крови².

*И, лик свой наклоня над сверженным врагом,
Он наступил на труп узорным сапогом.
И в очи мертвые глядел – и в дрожи зыбкой
Державные уста змеились улыбкой³.*

(Толстой-2016, 1, 272)

Запоминающаяся, яркая метафора помогает представить улыбку убийцы как нечто дьявольское и одновременно ядовито-издевательское. Вряд ли эта улыбка просто передает радость или веселье, или даже злорадное удовольствие тирана, поглотившего очередную жертву, – все-таки «зыбкая дрожь» сигнализирует о каком-то пограничном, нервном состоянии героя. Любопытно и то, что поэт как будто отделяет от Иоанна его «державные уста»: они живут собственной жизнью, и это несовпадение может напомнить, к примеру, наблюдение «странствующего офицера» за глазами Печорина, которые не смеялись, когда он смеялся. Что происходит в душе царя, когда он казнит Старицкого воеводу? Для читателя это остается тайной. Возможно, как и для поэта.

Более ранняя баллада «Василий Шибанов» (1840-е) в этом отношении гораздо богаче. Вот какой картиной открывается в ней Москва.

*Звон медный несется, гудит над Москвой;
Царь в смирной одежде трезвонит;
Зовет ли обратно он прежний покой
Иль совесть навеки хоронит?*

(Толстой-2016, 1, 250)

На этот вопрос баллада однозначного ответа не дает. Если история сохранила весьма эмоциональную переписку Грозного с Курбским, то Толстой здесь сосредоточил свой поэтический взгляд именно на «послании, полном яду» изменника и беглеца. А Грозный как будто соглашается с прозвучавшими из уст Шибанова обвинениями.

*«Да, боярин твой прав⁴,
И нет уж мне жизни отрадной!
Кровь добрых и сильных ногами поправ,
Я пес недостойный и смрадный!»*

(Толстой-2016, 1, 252–253)

При желании в этих словах можно расслышать иронию, зловещую интонацию тирана-палача, издевательски соглашающегося с будущей жертвой... Или эти обвинения настолько банальны и «вторичны», что царь их как будто заранее «знает наизусть»?

Но неслучайно все-таки письмо беглого князя звучит в балладе Толстого сразу после церковного покаяния, а *смирная* одежда, в которую царь облачен, – *траурная*. Что же за «трезвон» устраивает монарх, облаченный в траурное одеяние? Уж не панихиду ли по самому себе служит он? (Что не исключает, конечно, предположения о мгновенном прозрении палача, поминающего своих жертв, в том числе и невинно убиенных.) Может быть, ничего нового Курбский Иоанну не сказал, потому что сам Грозный уже сказал себе это – в минуты духовных потрясений? Потому и «мрачен владыки загадочный взгляд, / Как будто исполнен печали». Это уже не змеящаяся улыбка злобного тирана, а печаль внутренней дисгармонии сложной и глубокой личности⁵. Поэтому смягчена горделиво-богохульственная реакция Иоанна на известие о том, от кого послание. Например, в тетради В. Жемчужникова было:

*«Письмо от Андрюшки! от вора мово?
Письмо от злодея лихого?
Давно ли с Творцем говорит вещество?
И что нам гласит его слово?»*
(Толстой-2016, 1, 779–780);

а в итоге стало:

*И очи царя загорелися вдруг:
«Ко мне? От злодея лихого?
Читайте же, дяки, читайте мне вслух
Посланье от слова до слова!»*
(Толстой-2016, 1, 251)

Почти дословно (хотя и поэтически, как ранее это было с погребальным Тропарем Иоанна Дамаскина) воспроизводя реальное послание беглого князя, Толстой словно не предполагает *спора*, возражений и упреков со стороны Иоанна, выразившихся, как известно из истории, в ответном послании царя. Как будто внешний фактор (письмо) лишь метафорически раскрывает внутреннее

состояние Грозного: муки совести, раскаяние, покаянная молитва. Другими словами, в душе царя возвысил голос условный «внутренний Курбский» – не в смысле изменник, беглец и враг Отечества, а в смысле – бесстрашная и неприятная правда.

Тут вообще возникает отдельный интересный сюжет – ситуация «выговаривания истины» в лицо сильным мира сего. Необходимо ли стать беглецом (эмигрантом), чтобы иметь возможность эту правду открыть?⁶ Власть и правда несовместимы? Или это трусливая позиция, самооправдательная для «правдоруба» издалека? Думается, что для Толстого ответы на эти вопросы очевидны, как понятно и его отношение к предателю Курбскому⁷, несмотря на то что к Иоанну Грозному писатель не испытывал больших симпатий... Вот, например, фрагменты из трех показательных писем, обращенных к императору Александру Второму.

«Государь...

Вы кругом обмануты, и нет честного человека, который смел бы вам сказать правду. Возле вас пытаются, вопреки вашему приказанию, и вы этого не знаете. <...> Вас ведут от несправедливости к несправедливости, вас приведут к гибели, если не в этом свете, то в будущем свете истории... Что вам не может это понравиться, я в этом убежден, и оттого-то решаюсь писать к вам...»⁸

«Что же касается до Вас, государь... то у меня есть средство служить Вашей особе, и я счастлив, что могу предложить его Вам: это средство – *говорить во что бы то ни стало правду*, и это – единственная должность, возможная для меня и, к счастью, не требующая мундира» (Толстой-64, 4, 140).

«Ваше величество, есть два вида преданности своему монарху: один состоит в том, чтобы всегда быть одного мнения с ним и скрывать от него все, могущее возбудить в нем неудовольствие... подобная преданность, когда она не есть предательство, могла бы быть названа преданностью лакея или человека близорукого. Другой – истинный – вид преданности состоит в том, чтобы показывать монарху все вещи в их подлинном свете, предупреждать, когда надо, об опасности...» (Толстой-64, 4, 141).

Грозный, отправляя Шибанова «с Малютой в застенок», все-таки понимает о нем главное⁹:

«Гонец, ты не раб, но товарищ и друг...»
(Толстой-2016, 1, 253)

То есть он поступает точно так же – по закону, как это сделал царь в лермонтовской «Песне про Царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова». Шибанов шел на смерть – сознательно и не ожидал ничего другого:

*«А я передам и за муки
Письмо твое в царские руки!»*
(Толстой-2016, 1, 250)

Грозный помогает верному другу боярина исполнить свое назначение. Удивительным образом получается, что «Васька Шибанов, стремянный» и Иоанн Васильевич в нравственной системе координат толстовской баллады – на одной стороне. Изменник князь, полный «желчи и злобы», думающий лишь о «самовыражении», о мести, о перечислении «души оскорбленной зазнобы» – мелок и низок. Он как будто утратил лучшие черты национального характера, перебежав границу... И думает, что верность и самоотверженность можно купить: «А вот и рубли в награждение». А Шибанов возвращается, потому что остался русским, и его смерть на родине – его личный выбор, который выше и достойнее ругани на безопасном расстоянии. Правда, здесь есть какая-то роковая «неправильность», которая звучит в почти завистливом замечании Иоанна: «И много, знать, верных у Курбского слуг»: почему *верные* слуги – у *предателя*? Где здесь справедливость?

В этой ситуации измена Отчизне словно рифмуется с предательством по отношению к слуге: слово «преданный» обнаруживает свое «двойное дно» (князь «передает» Шибанова своему врагу как искупительную жертву или «плату» за то, чтобы иметь возможность «уязвить» Грозного ядом послания), а Курбский, высоким слогом обвиняющий тирана, оказывается на деле гораздо худшим тираном. В исследовательской литературе советского времени было принято подчеркивать нравственное превосходство Шибанова как над Курбским, так и над Грозным: «Именно этому скромному рабу суждено дать урок царю, забывшему свой долг

перед подданными, и посрамить князя, принесшего верного слугу в жертву – “за сладостный миг укоризны”»¹⁰. «Вопреки своему положению, он оказывается на такой нравственной высоте, что становится над Курбским и над Грозным. Толстой увидел в характере Шибанова глубинные народные основы, и потому рядом с ним и Курбский, и Иоанн кажутся временными, преходящими фигурами. <...> Василий Шибанов у Толстого, при всей его житейской определенности, – характер идеальный, иконописный»¹¹.

Правда, есть в балладе строка, которая словно объясняет многочисленные обвинения современной Толстому критики в поэтическом прославлении холопства:

Но рабскую верность Шибанов храня...
(Толстой-2016, 1, 249)

«Скажите, поэт, откуда вы выкопали, из каких воспоминаний и впечатлений, из какой хроники и летописи, такого... Неужели такие были? А если были, как редкое исключение, то неужели фантазия поэта должна или может останавливаться на таких личностях, типически воплощать их, стараться петь им апофеозы за то, что

Он славит сваго господина!»¹²

«Он славит своего господина!

Вот какая идея восхитила нашего поэта и для его поэтического воспроизведения он сочинил около полтора ста рифмованных строк. Впрочем, баллада “Василий Шибанов” все-таки имеет мысль, хотя и рабскую...”¹³

«Там, где рабство враждует с любовью к родине, поэт одним порывом вдохновения идеализирует и инстинкты рабства и самоотверженность гражданина. Хороший раб и скверный гражданин в ореоле мученичества, подвижник холопской верности и пособник государственной измены...”¹⁴

Может быть, Толстой так обозначил свою мысль о взаимосвязи между рабством и тиранией – ту самую мысль, которая не давала ему покоя при работе над «Князем Серебряным» и заставляла бросать перо «в негодовании, не столько от мысли, что мог существовать Иоанн IV, сколько от той, что могло существовать

общество, которое смотрело на него без негодования»? Рабство Шибанова – «дань веку», следствие тирании Грозного, признак повреждения нравов в ненавистную писателю «московскую эпоху», а вот его самоотверженность и нравственная твердость – они как бы не от временного, а от вечного, собственно человеческого... Только следует учесть, в каком контексте звучит строка о рабской верности: «Дороден был князь. Конь измученный пал... <...> Своею отдаст воеводе коня». Стремянный – т.е. конюх-слуга – выполняет свою прямую обязанность. К тому же слово «раб» приобрело отчетливо отрицательную коннотацию в России только к середине XIX столетия, до этого оно служило относительно нейтральным обозначением зависимого положения, крепостных в смысле социальном, а в церковном словоупотреблении вообще именовало любого человека «раб Божий». Причем эти смыслы друг другу не противоречили: если крестьянин – крепостной дворянина, дворянин – крепостной царя, царь – крепостной Господа Бога. Вся общественная вертикаль таким образом скрепляется понятием «служения». Шибанов верен «присяге», верен своей обязанности служить господину и готов за свою верность пострадать (истинная верность не требует награды, как вера – доказательств).

*«О князь, ты, который предать меня мог
За сладостный миг укоризны,
О князь, я молю, да простит тебе Бог
Измену твою пред отчизной!
Услышь меня, Боже, в предсмертный мой час,
Язык мой немеет, и взор мой угас,
Но в сердце любовь и прощенье –
Помилуй мои прегрешенья!*

*Услышь меня, Боже, в предсмертный мой час,
Прости моего господина!
Язык мой немеет, и взор мой угас,
Но слово мое все едино:
За грозного, Боже, царя я молюсь,
За нашу святую, великую Русь –
И твердо жду смерти желанной!»
Так умер Шибанов, стремянный.*

(Толстой-2016, 1, 253–254)

Ключевой поправкой, которую сделал А.К. Толстой в концовке своей баллады, можно считать изменение двух последних строк:

*«За всех моих злобных тиранов!»
Так умер Василий Шибанов.
(Толстой-2016, 1, 782)*

Получалось, что он молился за тех, кого называл «злобными тиранами», что содержало в себе определенное противоречие и делало финальным аккордом произведения тираноборческий пафос в духе рылеевских исторических дум. Неорганичность и фальшь такой концовки (ее несоответствие образу героя) поэт почувствовал и внес изменения. Теперь молитва Шибанова освобождается от мелочной злости, ведь «в сердце любовь и прощение». А вот видимое несоответствие между отзывами палачей о словах героя («он славит своо господина») и реальным содержанием его речи Толстой оставил – судя по всему, осознанно. Ведь Шибанов *не славит* Курбского, а *просит за него прощения* у Господа. При чем просит прощения не за то, что князь его «предать... мог за сладостный миг укоризны», – это прощение слуга «берет на себя», к Господу он обращается с молитвой за более тяжкий грех господина: «измену твою пред Отчизной». Далее мученик¹⁵ молит о своих прегрешениях (и Калашников, как мы помним, выходя на бой, не забывает о своих грехах¹⁶) и наконец обращает к Богу слова о главном: Царе и Руси¹⁷.

Эти понятия неразделимы. Если для Никиты Романовича Серебряного в момент прозрения они вдруг становятся антонимами («Не татары, а царь губит родину!»), то для Шибанова без царя нет и не может быть Руси¹⁸. Смиренная молитва за него, скорее всего, не означает попытки «вразумить», «наставить на путь», она лишь подчеркивает, что тайну царского креста может ведать только Господь. И не подданным судить об этой тайне и осуждать монарха как обычного человека.

Здесь Толстой-художник словно поднимается над собственными, более прямолинейными и рациональными утверждениями в письмах: «...я слишком художник, чтобы нападать на монархию. Но что общего у монархии с личностями, носящими корону? <...>

Но если один монарх дурен, а другой – слаб, разве из этого следует, что монархи не нужны? Если бы было так, из “Ревизора” следовало бы, что не нужны г о р о д н и ч и е , из “Горя от ума” – что не нужны чиновники, из “Тартюфа” – что не нужны священники, из “Севильского цирюльника” – что не нужны опекуны, а из “Отелло” – что не нужен брак» (к Б.М. Маркевичу от 13.12.1868. *Толстой-64*, 4, 247).

В балладе «Князь Михайло Репнин» (1840-е) также предстает неоднозначный и противоречивый образ царя. Ситуация царского пира с опричниками и «лихими гусярами» словно отсылает читателя к началу лермонтовской «Песни...»; вообще пир во многих романтических произведениях становится некой «точкой выбора» для героев, «экзистенциальной ситуацией», если пользоваться более поздней терминологией. И в творчестве Толстого подобный мотив представлен довольно широко – начиная от раннего французского рассказа «Встреча через триста лет» и заканчивая главой 8 романа «Князь Серебряный» и последней сценой трагедии «Царь Борис».

В балладе «Князь Михайло Репнин» многое перекликается с «Василием Шибановым» даже на сюжетном уровне: правдивое обвинение из уст героя и его мученическая смерть по царскому приказу или от царской руки, – но тем очевиднее контраст между молитвенно-покаянным пафосом первой из баллад и разгульно-маскарадным настроением, задающимся с начальных строк второй баллады. Правда, этот контраст не затрагивает глубинных характеристик образа монарха: Грозный в «Князе Михайле Репнине» пытается заглушить внутреннее недовольство – пир и гусяры его не веселят. Песенники неслучайно воспевают именно то, что достойно прославления в свершениях Грозного: «И взятие Казани, и Астрахани плен». Это прошлое, и оно противоположно настоящему, и царь, вероятно, это чувствует. Поэтому

Подать себе личину он кравчему велит:

*«Да здравствуют тиуны, опричники мои!
Вы ж громче бейте в струны, баяны-соловыи!*

*Себе личину, други, пусть каждый изберет –
Я первый открываю веселый хоровод!*

*За мной, мои тиуны, опричники мои!
Вы ж громче бейте в струны, баяны-соловьи!»
(Толстой-2016, 1, 258)*

Натужное веселье для Грозного – тоже один из способов борьбы с тоской, как и церковное покаяние. Однако этот способ ложный, поскольку не решает проблемы, а лишь помогает о ней забыть, что впоследствии приводит к усугублению ситуации. Ведь «правдивый князь», обличающий Иоанна за недостойное православного царя поведение, нарушает «правила игры» и призывает монарха взглянуть в лицо истине. Только эту истину Грозный, скорее всего, чувствует и сам, именно от нее пытается убежать, скрыть ее под дьявольской личиной. Его эмоциональный порыв психологически обоснован («царь вскрикнул, разъярясь») и приводит к убийству, судя по всему, тем же самым жезлом, который был вонзен в ногу Василия Шибанова при чтении письма Курбского. А после убийства наступает раскаяние:

*«Убил, убил напрасно я верного слугу!
Вкушать веселье ныне я боле не могу!»
(Толстой-2016, 1, 259)*

То, что Грозный умел ценить (иногда запоздало) прямоту и честность своих подданных, отмечено и в романе «Князь Серебряный», где Никита Романович остается невредим, несмотря на свое абсолютное прямодушие и неумение притворяться. Правда, в романе история с Репниным рассказана по-другому (и более достоверно – по Карамзину¹⁹): «Тут был боярин князь Михайло Репнин. Он заплакал с горести. Царь давай и на него личину надевать. “Нет! – сказал Репнин, – не бывать тому, чтобы я посрамил сан свой боярский!” – и растоптал личину ногами. Дней пять спустя убит он по царскому указу во храме Божиим!» (Толстой-64, 2, 196).

Любопытно, что в балладе кольцевая композиция (третье и четвертое двустишие почти буквально повторяются в предпоследней и последней строфах) обозначает некий замкнутый круг в душевном состоянии царя, причем если в начале о причинах тоски можно было догадаться по косвенным признакам («но голос

прежней славы царя не веселит» – вероятно, ключевое слово этой строки – «прежней»), то в финале сожаление о напрасно погубленной жизни проговаривается самим Грозным. Но по сути эти причины друг с другом связаны непосредственно: произошло что-то страшное с личностью монарха, некий «раскол», отразившийся, естественно, и на жизни всей страны. Бесы взяли в плен душу Иоанна; светлая и славная часть его правления покрыта мороком, замутнена, как будто перечеркнута... Ведь правдивый князь обличает не столько Грозного, сколько то, что с ним произошло:

*«О царь, забыл ты Бога! свой сан ты, царь, забыл!
Опричниной на горе престол свой окружил!*

*Рассыпь державным словом детей бесовских рать!²⁰
Тебе ли, властелину, здесь в машкере плясать!»*
(Толстой-2016, 1, 258)

А когда становится понятно, что эта речь для него – предсмертная, Репнин фактически поет славу истинному Иоанну Васильевичу:

*«Да здравствует во веки наш православный царь!²¹
Да правит человеки, как правил ими встарь!*

*Да презрит, как измену, бесстыдной лести глас!
Личины ж не надену я в мой последний час!»*
(Толстой-2016, 1, 259)

В этот момент сатира превращается в оду, просто в духе некоторых образцов жанра XVIII столетия ода вполне совместима с интонацией поучения... Воспевая прежнего Грозного, Репнин выступает на стороне светлых сил в борьбе за душу царя. И гибнет в этой борьбе.

Герои баллад «Василий Шибанов» и «Князь Михайло Репнин», таким образом, «материализуют, персонифицируют» внутреннее драматическое противостояние Грозного самому себе. Тем самым открывая всю сложность, непознаваемость личности монарха и смиренно останавливаясь на пороге великой тайны царского служения.

Судя по всему, личность первого русского царя явилась для писателя центром притяжения – в отличие от большинства других героев ему в творчестве Толстого отдано много творческих сил на разных этапах художнического движения – от 1840-х до конца 1860-х годов. Балладная трилогия о Грозном («Василий Шибанов», «Князь Михайло Репнин» и «Старицкий воевода») объединена темой смерти, непосредственно связанной с образом царя. Но если в «Старицком воеводе» перед нами злобный и изощренный убийца-душегубец, то две другие баллады представляют более сложный, если не сказать трагический, образ внутренне противоречивой, глубокой и страдающей личности. Таким образом, в балладной трилогии содержатся «зерна», которые затем по-разному прорастут в более поздних произведениях А.К. Толстого.

-
- ¹ Толстой А.К. Полное собрание стихотворений. В 2 т. / Сост., подготовка текстов, статьи, примеч. В.А. Котельникова; подготовка текстов, примеч. А.П. Дмитриева. Т. 1. СПб., 2016. С. 272. Далее ссылки на это издание в тексте *Толстой-2016*, с указанием номера тома и страницы.
 - ² Ср. в «Князе Серебряном» об Иоанне после казней: «...сытый душегубством, он повернул коня...»; «Он чувствовал после совершенных убийств какое-то удовлетворение и спокойствие, как голодный, насытившийся пищей» (*Толстой А.К. Собр. соч.: В 4 т. М., 1964. Т. 3. С. 405, 406. Далее ссылки на это издание в тексте Толстой-64, с указанием номера тома и страницы.*
 - ³ В журнальной публикации был менее удачный вариант – «Вокруг державных уст змеилась улыбка» (Русская беседа. 1858. № 3. С. 8).
 - ⁴ В одной из редакций было – «Да, изменник мой прав» (*Толстой-2016*, 1, 780). Характерно это изменение «принадлежности» Курбского (сначала – царю, а потом – Шибанову) в речи Иоанна.
 - ⁵ Правда, на память приходит и известное замечание Родиона Раскольникова об «истинно великих людях», которые, как ему кажется, «должны ощущать на свете великую грусть».
 - ⁶ Н.А. Добролюбов свои размышления о столкновении в образах Грозного и Курбского двух противоположных начал – византийского деспотизма и европейского уважения к личности – завершает выводом: «В царствование Грозного горькая истина должна была высказываться в чужой земле, далеко от России...» (*Добролюбов Н.А. Собр. соч. Т. 2. М.–Л., 1961. С. 247*). А герой-протагонист в романе В. Ключникова «Марево» выражает сомнение в плодотворности «правды издалека»: «...Писать *правду* о России можно только в России...» (<http://www.rulit.me/books/marevo-read-209207>).

- ⁷ Ср. с диалогом Годунова и Серебряного в романе А.К. Толстого: «Веришь ли, Борис Федорыч, иной раз поневоле Курбский на ум приходит; подумаю про него, и самому страшно станет: так, кажется, и бросил бы родину и ушел бы к ляхам, кабы не были они враги наши.
– Вот то-то, князь! В теперешнее время нам только и есть, что две дороги: или делать, как Курбский, – бежать навсегда из родины, или так, как я, – оставаться около царя и искать его милости. А ты ни то, ни другое; от царя не уходишь, а с царем не мыслишь; этак нельзя, князь; надо одно из двух» (*Толстой-64*, 3, 408–409).
- ⁸ *Герцен А.И.* Собр. соч.: В 30 т. Т. 19. М., 1960. С. 81.
- ⁹ «Образ Шибанова “раба” поразил и русского царя Ивана Грозного, увидевшего в нем не “раба” князя, а своего врага, носителя народного сознания» (*Клюев В.С.* Проблема историзма в творчестве Алексея Константиновича Толстого. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1975. С. 11).
- ¹⁰ *Лотман Л.М.* Лирическая и историческая поэзия 50–70-х годов // История русской поэзии: В 2 т. Л., 1969. Т. 2. С. 185.
- ¹¹ *Лобкова Н.А.* Баллады А.К. Толстого. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1970. – С. 9, 10. Ср. с утверждением Достоевского: «А царь, когда стал потом отвечать письмом князю Курбскому, написал, между прочим: “Устыдися раба твоего Шибанова”. Это значило, что он сам устыдился раба Шибанова» (*Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1984. Т. 26. С. 117).
- ¹² *Григорьев П.* Устарелые формы поэзии: Сочинения А. Толстого // Библиотека дешевая и общедоступная. 1875. № 4. С. 28.
- ¹³ *Без подписи* (С.А. Венгеров) Книжная поэзия: Полное собрание стихотворений гр. А.К. Толстого. Томы I и II. СПб., 1876 // Новое время. 1876. 8 июля. № 128. С. 1.
- ¹⁴ *Соколов Н.М.* Иллюзии поэтического творчества: эпос и лирика гр. А.К. Толстого. СПб., 1890. С. 132.
- ¹⁵ «И тот же, как и в Репнине, светлый дух незлобия делает образ мученика колоссальным» (*И. Х.* (И.И. Ханенко). О литературных заслугах графа А.К. Толстого (Читано в общем заседании общества Нестора Летописца 14 декабря 1875 г.) // Киевлянин. 1876. 4 янв. № 4. С. 1).
- ¹⁶ Неслучайно Ф.М. Достоевский, высоко оценивший созданный Толстым образ, сравнивал его как народный характер с пушкинским Пименом и лермонтовским Калашниковым (см.: *Достоевский Ф.М.* Собр. соч. Т. 12. М., Л., 1929. С. 352–354).
- ¹⁷ «Важно, что Шибанов под пыткой молится и за погубившего его на смерть Курбского, и за своего мучителя царя (потому что он *русский* царь), и за всю Русь, потому что ощущает свое с ними тождество. Перед нами – символический, обобщенный образ России, часто мучающей и распинающей самое себя, но несокрушимой духовно, выдерживающей любые испытания и восстанавливающейся любовью» (*Барашкова Е.В.* Проблема русского национального характера в исторических произведениях А.К. Толстого. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2009. С. 16).

- ¹⁸ Тем не менее близость этих персонажей в художественном мире Толстого уже была отмечена исследователями: «Мы видим крохотный исторический эпизод, который на мгновение высвечивает расстановку сил: деспот – предатель – и тот, кто, несмотря ни на что, верен обоим. Шибанов отдаленно напоминает Никиту Романовича Серебряного» (*Сазонова З.Н. Жанр и тематический аспект: баллада, роман, трагедия А.К. Толстого // Грехневские чтения. Нижний Новгород, 2001. С. 51*).
- ¹⁹ «Иоанн хотел надеть на него маску; Репнин вырвал ее, растоптал ногами и сказал: “Государю ли быть скоморохом? По крайней мере, я, боярин и советник Думы, не могу безумствовать”. Царь выгнал его и через несколько дней велел умертвить, стоящего в святом храме, на молитве...”» (*Карамзин Н.М. История государства Российского. Кн. 3. Т. 9. СПб., 1998. С. 11*).
- ²⁰ Исследователями неоднократно отмечалась принципиальная противопоставленность самой идеи опричнины традиционной иерархии религиозных ценностей: «Опричнина организовывалась как своего рода антимонастырь, с монашескими одеждами опричников как антиодеждами, с пьянством как антипостом, со смеховым богослужением, со смеховым чтением самим Грозным отцов церкви о воздержании и посте во время трапез-оргий, со смеховыми разговорами о законе и законности во время пыток...”» (*Лихачев Д.С., Панченко П.М., Понырко Н.В. Смех в Древней Руси. Л., 1984. С. 48–49*).
- ²¹ «За Грозного, Боже, царя я молюсь», – говорит Василий Шибанов. Кажется, что интонации героев абсолютно различные, как несовместимы на первый взгляд ода и молитва. Но ведь бывает и молитва о здравии, а не только мольба о прощении прегрешений? Так что можно предположить, что страстная речь Репнина, так же как и слова Шибанова, обращена прежде всего к Господу.

А.В. Федоров

ГЛАВНЫЙ ГЕРОЙ ДРАМАТИЧЕСКОЙ ТРИЛОГИИ А.К. ТОЛСТОГО

Аннотация. В статье рассматривается проблема главного героя драматической трилогии А.К. Толстого («Смерть Иоанна Грозного», «Царь Федор Иоаннович», «Царь Борис»), осмысливается роль Иоанна Грозного в постановке и решении важнейших духовно-нравственных вопросов, волновавших драматурга.

Ключевые слова: А.К. Толстой; Иоанн Грозный; Федор Иоаннович; Борис Годунов; драматическая трилогия; трагедия; герой; проблематика.

Fedorov A.V. The problem of protagonist in the dramatic trilogy by A.K. Tolstoy

Summary. In the article is analyzed the role of Ivan the terrible in the formulation and solution of important moral questions that have preoccupied the playwright.

Keywords: A.K. Tolstoy; Ivan Grozny; Fyodor Ioannovich; Boris Godunov; a drama trilogy; tragedy; character; perspective.

Алексей Константинович Толстой, оценивая свою драматическую трилогию сначала как замысел, затем в процессе воплощения и, наконец, ретроспективно, судя по всему, склонялся к признанию Бориса Годунова главным героем не только последней трагедии («Царь Борис»), но и всего цикла; в письмах называл его именем драматическую трилогию и признавался, что при внимательном изучении даже полюбил этого исторического деятеля, несмотря на то что изначально принял версию о его виновности в убийстве царевича Димитрия (см. его письма М.М. Стасюлевичу от 28.10.1868, К.К. Павловой от 18.11.1868, М.П. Погодину от

12.05.1869, М.М. Стасюлевичу от 30.11.1869¹). И в переписке, и в проектах постановки на сцене «Смерти Иоанна Грозного» и «Царя Федора Иоанновича» писатель подчеркивает сложность роли Годунова для исполнителя, даже по сравнению с ролью Грозного. «Роль Годунова несравненно труднее роли Иоанна. В ней нет той яркости, благодаря которой Иоанн виден из каждого своего слова, почти без комментариев» (3; 468); «Камень преткновения для актера состоит в том, что он легко может быть увлечен, или сделать из Годунова Тартюфа, или играть совершенно бесцветно. Ни то ни другое никуда не годятся; оттого-то роль Годунова так и трудна, не в пример труднее Иоанновой» (4; 192).

Действительно, многое в содержании трех трагедий указывает на Годунова как на центральное действующее лицо²: фактически он во всех произведениях совершает *главные* поступки, являясь одной из причин смерти Грозного, гибели Димитрия, возрождения и упадка Русского государства; кроме того, изображению его напряженной борьбы с собственной совестью и карающей дланью судьбы посвящена третья, заключительная часть трилогии. Именно Борис произносит ключевые слова, в которых сконцентрированы размышления писателя о целях и средствах, о нравственной «мере» истории, т.е. подведен итог всем трем трагедиям из эпохи предсудного времени:

*От зла лишь зло родится – все едино:
Себе ль мы им служить хотим иль царству –
Оно ни нам, ни царству впрок нейдет!*
(2; 552)

Тем не менее представляется возможным взглянуть на проблему главного героя драматической трилогии с другой точки зрения – менее «внешней», если можно так выразиться. И тогда неизбежно приходишь к выводу, что этот герой – не Годунов.

Да, он победил Иоанна и достиг желанной власти. Но это ложная победа, и сам победитель обречен. Его обреченность угадывается уже с финальных реплик Захарыина в первой трагедии:

*Злое семя
Посеял ты, боярин Годунов!
Не доброй жатвы от него я чаю!*
(2; 260)

Собирать этот «урожай» придется как самому Годунову (уже не боярину, а царю) – так и всей русской земле, ибо судьба царя и судьба Руси связаны таинственными духовными нитями.

Постепенно, с развитием действия трилогии, становится понятно, что Иван Васильевич Грозный не исчезает со сцены после своей смерти. Эту смерть, по прошествии семи лет, вспоминает Годунов в первом действии «Царя Федора Иоанновича», тревожно замечая, что история норовит идти по кругу – и зачеркнуть все достижения этого периода правления, вернуть Русь в ту ночь, «когда Иван Васильич преставился» (2; 275). С этого момента ощущение бессмысленного, ложного движения неумолимо нарастает: о царе Иоанне постоянно вспоминают разные персонажи.

Иван Петрович Шуйский ставит в вину Годунову нарушение воли Грозного и фактическую узурпацию трона при законном наследнике (т.е. Годунов как бы присвоил себе власть Грозного – помимо права наследования).

Старик Курюков в сцене общения Федора с выборными из народа представляет именно народный взгляд на усопшего государя, с ностальгией поминая его царствование («Был грозный государь! При нем и все бояре приутихли!»).

Клешнин, главный исполнитель «завуалированного» приказа об убийстве Димитрия, угрожая Волоховой, обращается к временам «покойного государя, блаженной памяти Ивана Васильича».

Принимая роковое решение об устранении малолетнего соперника, Годунов тоже возвращается к событиям Кириллина дня, когда перед смертью Иоанна он услышал предсказание о своем будущем торжестве и о враге, который «слаб, но могуч – безвинен, но виновен – / Сам и не сам – потом – убит!» (2; 358).

Кроткий Федор трижды³ обнаруживает – чей он сын: «Ты знаешь, что такое царь? Ты знаешь? / Ты помнишь батюшку-царя?»; «Да, я царь! Они забыли, что я царь!.. / Под стражу их! В тюрьму!»; «Палачей! / Поставить плаху здесь, перед крыльцом!.. / Пришла пора мне вспомнить, / Чья кровь во мне! Не вдруг отец покойный / Стал грозным государем! Чрез окольных / Он грозен стал – вы вспомните его!» (2; 343, 375, 395).

Об Иоанне вспоминает Ирина, сестра Годунова: «Чего боишься ты? / Ужель опять ко дням царя Ивана, / К дням ужаса, вернута ты б хотел?» (*Толстой-64*, 2, 386).

Сам Борис Федорович, мысленно подводя итоги своего правления при Федоре Иоанновиче, сравнивает Грозного с Божиим гневом:

*Семь лет прошло, что над землею русской,
Как Божий гнев, пронесся царь Иван.
Семь лет с тех пор, кладя за камнем камень,
С трудом великим здание я строю,
Тот светлый храм, ту мощную державу...
Напрасно все! Я строю над провалом!*
(2; 387)

И потом, ожидая своего схимника (Клешнина)⁴, царь Борис вновь оглядывается назад:

*Под схимой
Он от мирских укрылся тревожений,
А я, как грозный некогда Иван,
Без отдыха мятусь. Как он, среди ночи
Жду схимника, чтобы сомненье мне
Он разрешил. И как при нем, так ныне
При мне грозит Руси распаденье!*
(2; 530)

Годунов остается в магическом кругу, очерченном какой-то таинственной волей, а в центре этого круга – Грозный. Борис, думая, что удаляется от этой «точки отсчета», на самом деле движется вокруг нее. Он невольно повторяет Грозного, копирует его.

Замысел династического брака дочери Ксении с датским королевичем Христианом (любимая мысль Толстого о европейской «предыстории Руси», см. письма Н.И. Костомарову от 11.11.1868, М.М. Стасюлевичу от 10.02.1869, М.М. Стасюлевичу от 10.03.1869 (4; 240, 263, 268)), что должно вернуть державу на истинный, утраченный из-за татарского нашествия путь⁵, – напоминает о намерении (пусть и неосуществленном) Грозного жениться на племяннице английской королевы.

Встреча с Клешниным, принявшим постриг, – рифмуется со сценой разговора Грозного со схимником.

Бессильные попытки Иоанна наставить на будущее государство служение наследника престола, сына Федора, – отзываются в обреченном желании Годунова передать бразды правления сыну, тоже Федору.

Тень Грозного осеняет Годунова. И сам Годунов становится тенью Грозного.

*Меня царем Иваном
Они зовут? Так я ж его не в шутку
Напомню им! Меня винают упорно –
Так я упорно буду их казнить!
Увидим, кто из нас устанет прежде!*
(2; 481)

Тот же царь Иван через своего убиенного и «воскресшего» сына возвращает Бориса к дням борьбы и неопределенности, жестокости и подозрительности. Вообще царская смерть, в первой трагедии заявленная сначала как итог личного пути Грозного, постепенно приобретает символическое значение: царская смерть есть начало и условие смуты. Ее чашу предстоит испить Годунову и его детям. Страшные переключки-анalogии между убийством царевича Дмитрия и гибелью царевича Федора напоминают о теме родовой ответственности, так пронзительно прозвучавшей в первом фантастическом опыте А.К. Толстого – повести «Упырь».

В одном из писем А.К. Толстой признается: «Доктрина первородного греха вовсе не так чудовищна... Ничто не существует без достаточного основания существовать. Ну а что страдание существует, я в этом вам даю честное слово. Если бы допустили, что мы, не только мы, но все что существует, страдает незаслуженно, то это было бы хуже чем атеизм, это было бы надругательством над логикой, что должны допустить и сами атеисты. Но так как не только мы, благородные отцы, но и ребенок, который только что родился и не успел сделать зла, страдает, то нужно допустить достаточное основание для этого страдания... не находя его в настоящей жизни, мы принуждены искать его в жизни предыдущей»⁶.

Годунов – самозванец. Неслучайно предсмертный монолог – предупреждение Грозного завершается словом «вор» – именно так

будут именовать Лжедмитриев. А боярин Годунов – лжецарь. И ЛжеГрозный.

Причем это не заслоняет от читателя бесспорных достоинств Бориса Федоровича как главы государства; Толстой откровенно любит своего героя в сцене приема иностранных послов – его государственная мудрость, его твердость в отстаивании интересов Русской земли, его дипломатические способности, его русская щедрость и милосердие – все это заслуживает если не восхищения, то уважения. Перед нами хороший правитель.

Написанная в те же годы шуточная «История государства Российского от Гостомысла до Тимашева» наряду с Петром Великим в русской истории выделяет именно Годунова – как того, кто едва не завел долгожданный порядок в Отечестве.

*Борис же, царский шурин,
Не в шутку был умен,
Брюнет, лицом недурен,
И сел на царский трон.*

*При нем пошло все гладко,
Не стало прежних зол,
Чуть-чуть было порядка
В земле он не завел⁷.*

Но – НЕ завел. И случайностей в свершениях или несвершениях такого масштаба история не знает. И все высокие государственные качества Годунова, и все благие намерения и дела – бесполезны в итоге. Потому что в итоге – смута и разорение. Потому что в основании – слезинка ребенка. Безблагодатный правитель может быть сколь угодно умен, даже мудр, сколь угодно энергичен и последователен – благодать не дается за заслуги. Она вообще не покупается и не отрабатывается. На ее таинственную природу честно и тактично указывает драматург. Но, конечно, не пытается ее разгадать.

Анти-Грозный в драматической трилогии один – это Федор Иоаннович, его сын.

*Довольно крови на Руси лилося
При батюшке, Господь ему прости!
(2; 350)*

По точному замечанию П.В. Анненкова, «царь Федор второй трагедии графа Толстого служит как бы оправданием своего грозного отца, не пощаженного автором в первой его драме»⁸. Не следует забывать, что последний царь из династии Рюриковичей, Федор I Иоаннович канонизирован Русской православной церковью как Федор Блаженный. Герой Толстого наделен не только добрым сердцем и мягким характером, но и «голубиной мудростью», неслучайно именно ему посылается, может быть, самый символический из всех снов в творчестве писателя:

*...казалось мне, я снова
Тебя, Борис, мирю с Иваном Шуйским,
Он руку подает тебе, – а ты –
Ты также руку протянул, но вместо
Чтоб за руку, схватил его за горло
И стал душить – тут чепуха пошла:
Татары вдруг напали и медведи
Такие страшные пришли и стали
Нас драть и грызть; меня же преподобный
Иона спас...
Брат Дмитрий также снился мне и плакал,
И что-то с ним ужасное случилось...
(Толстой-64, 2, 332)*

Помимо рациональных подсказок о подлости Годунова по отношению к Ивану Петровичу Шуйскому, о будущей гибели Димитрия и о нападении татар – как внешних врагов, так и «внутренних» недругов, в этом сне есть и тайна о спасении Федора Ионой (в переводе с древнееврейского – «голубь»). Конечно, имеется в виду не библейский пророк, а митрополит Московский и всея Руси (1390-е годы – 1461), чудотворец, нетленные мощи которого покоятся в Успенском соборе Кремля. Но этот Иона канонизирован в чине святителя, а не преподобного! А преподобным называли и почитали еще при жизни как святого старца современника А.К. Толстого – Иону Киевского (1802–1902). Это уже не просто вольное обращение с историческим материалом, которое позволял себе писатель, «передвигая» события на несколько лет или изменяя место действия, здесь, осмелимся предположить, протянута нить от исторического прошлого – к настоя-

щему, причем не по принципу аналогии (или антитезы) – а как-то иначе, тоньше...

Кроме того, насколько известно из истории, царь Иоанн Грозный перед кончиной принял схиму и умер с новым именем – Иона. Толстой, как мы помним, лишил своего героя такой возможности: его Грозный в конце первой трагедии умирает не под тихую молитву духовника, а под кощунственные вопли скоморохов «Ой, жги, жги, жги! / Тащи козла за рога!» Но что мешает символически соединить в этих спасительных для Федора Ионах – не только русских святых, но и исторического (не литературного) отца этого кроткого правителя?

Однако Федор Иоаннович, на отца не похожий совсем (редкие вспышки гнева не в счет), в минуту отчаяния, понимая, что верховная власть остается для него непостижимой загадкой и тяжким нравственным бременем, ощущая собственное бессилие и недостаточность своего христианского нравственного чувства в деле царского служения, обращается с молитвой не к Господу, а к покойному родителю. Это тем более удивительно, что набожный Федор не может не знать: только святые – те, кому можно молиться, остальные же ушедшие в лучший мир – те, за кого можно молиться.

*Царь-батюшка! Ты, стольким покаяньем,
Раскаяньем и мукой искупивший
Свои грехи! Ты, с Богом ныне сущий!
Ты царствовать умел! Наставь меня!
Вдохни в меня твоей частицу силы
И быть царем меня ты научи!*

(Толстой-64, 2, 391–392)

Эта молитва как будто возвращает читателя к одному из лирических признаний Алексея Константиновича Толстого – «Господь, меня готовя к бою...», где главная трагедия несвершенного пути героя («и гнев я свой истратил даром, / Любовь не выдержал свою...») объяснялась тем, что «непреклонным и суровым» его Господь не сотворил.

В чем же смысл ценных даров слабому человеку, если он не в силах эти дары реализовать? В чем же смысл душевной чистоты Федора Иоанновича, если ее оборотной стороной становятся без-

защитность, недальновидность, наивность и – в конечном итоге – неспособность исполнить назначение?

Искусительная мысль о слабости как обязательном качестве добра (и, соответственно, о зле и жестокости как основаниях и условиях силы) – не она ли невольно утверждается Федором? И в таком случае он – тоже наследник Грозного, его «зеркальное», перевернутое отражение, которое доказывает важнейшую идею Ивана Васильевича о тождестве самодержавия и самовластия – только доказывает ее методом «от противного». Молитва Федора Иоанновича – знак смиренного принятия сыном правды отца. Что, конечно, не означает принятия этой правды драматургом, но и «беспроблемного» выхода из критической ситуации он не предлагает, показывая ограниченность личной правды Грозного, веря в существование правды Небесной, и при этом сознавая невозможность разрешить (во всяком случае, доступными обычному человеку средствами) трагический узел, завязавшийся в русской истории этой эпохи – эпохи, закончившейся Смутой.

По замечанию современного исследователя, «Иоанн Грозный в трилогии противостоит сразу нескольким персонажам: с Федором Иоанновичем он контрастирует своей решительностью, иногда безрассудством, с Борисом Годуновым – импульсивностью, с боярином Захарьиным – стремлением оправдать все свои поступки. Безграничное самовластье, страстность, впечатлительность, искренность – основные черты характера Иоанна Грозного»⁹.

Сам драматург в «Проекте постановки...» мысленно ставит своих героев в одну и ту же ситуацию нравственного выбора – и признает победу Иоанна над Борисом: «Годунов, в начале своей драмы, способен пожертвовать своими личными интересами для блага государства, но пожертвовать ими только временно, т.е. добровольно замедлить свое возвышение; совершенно же уничтожиться он не способен; тогда как Иоанн (не исторический, а мой Иоанн), если бы ему сказали, что, сойдя с престола, он может упорчить за своими наследниками положение богов на земле, был бы в состоянии принести эту жертву, которую, вероятно, не выдержал бы, но на которую бы решился с увлечением и искренностью, свойственным его характеру. В этом отношении он стоит выше Годунова» (3; 463). «Иоанн в трагедии то же, что бас в симфонии.

Он тот знаменатель, к которому приводятся все дробь, какого бы они ни были названия. Он также камертон, по которому строятся все инструменты. Между лицами трагедии он представляет солнце, вокруг которого вращаются все планеты, не исключая и самого Годунова... Вот почему роль Иоанна, в содержании своем равная важностью роли Годунова, несравненно ее важнее в исполнении, хотя последняя и требует более искусства. Если роль Годунова будет сыграна слабо, трагедия еще может существовать; если же будет испорчена роль Иоанна, пропала вся трагедия» (3; 493).

Таким образом, главным героем драматической трилогии, определяющим ее «внутреннее», духовное напряжение, является все-таки Грозный, сошедший со сцены в конце первой части цикла исторических трагедий Толстого. Он – «точка отсчета», эталон, с которым сверяют себя все остальные важные действующие лица. Он – единственный «пограничный» герой в «вертикальных» связях земного пути Руси с Божьим Промыслом о ней. Он – центр притяжения и отталкивания, он – имя не только человека, но и целого исторического периода. Он символ трагического смысла царского служения. Таинственного, как воля Провидения. И если Толстой в своем романе «Князь Серебряный» так или иначе попробовал убедить себя в том, что никакой тайны нет, а есть ложное оправдание нравственной низости государственной необходимостью, то в драматической трилогии запечатлен гораздо более зрелый (более «объемный», если можно так выразиться) взгляд на Грозного¹⁰.

Думается, что именно личность Ивана Васильевича является важнейшим основанием для того, чтобы утверждать полное соответствие всех трех трагедий А.К. Толстого заявленному жанру, ибо зримое и незримое присутствие первого русского царя на сцене и в развитии действия создает (мотивирует) объективную неразрешимость ключевых проблем (психологических, онтологических, экзистенциальных), поставленных драматургом в трилогии. А точнее, поставленных самой русской историей (как ее чувствует и понимает Толстой) перед настоящим временем. Неслучайно так настойчиво звучит тема рока, предопределения при обращении к событиям и героям далекого прошлого, ведь они даны как итог, как то, что случилось – и должно было случиться. Смута пришла в русскую землю. Почему? Можно ли было ее избежать? Или

необходимо было через нее пройти, как человечеству через всемирный потоп для заключения Нового Завета? Это урок для потомков? Или упрек для современников? Означает ли это отсутствие выбора в «долгой перспективе», когда личные сомнения и решения отдельных людей так или иначе «встраиваются» в неумолимый и неизменяемый ход истории? Или есть особые люди – исторические деятели, от которых зависит выразить «незаметный» выбор тысяч и миллионов подданных? Или они, как был уверен Лев Николаевич Толстой, только марионетки, только символы таинственного совпадения огромного количества случайностей и духа «воль»?

Осмелимся предположить, что первый русский царь в художественном осмыслении А.К. Толстого не только позволяет прикоснуться к тайне верховной власти, которая «не от мира сего», но и в целом обозначает трагическую пограничность любого человека на земле: могущественного и слабого одновременно, свободного и зависимого, величественного и жалкого, гордого и униженного, любимого творения Господа и бессмысленной игрушки в руках дьявольских сил.

Общее направление изменений в восприятии Толстым Иоанна Грозного вполне соотносимо с современными ему тенденциями в отечественной литературе и исторической драматургии в частности: многие русские писатели третьей четверти XIX столетия показывают Грозного не опереточным тираном-злодеем, а страдающей личностью с богатым внутренним миром и тяжким земным назначением, либо рисуют образ идеального сильного государя, твердой рукой державшего самые основы вверенного ему Русского мира: все-таки Смута началась именно после него, при нем она была невозможна. С одной стороны, это своеобразное «возвращение» к классицистической традиции (см., например, «Грозный, или покорение Казани» Г.Р. Державина) и еще дальше – к народным историческим песням, как правило, сочувственно изображающим грозного царя (или к древнерусской словесности – см., например «Казанскую историю»). С другой стороны, здесь возможна скрытая аналогия с современностью – совсем немного времени прошло после ухода из жизни сильного и жесткого монарха, так же остро осознававшего ответственность вверенной ему миссии хранителя России и так же трагически окончившего свой

земной путь, когда его держава оказалась в «экзистенциальном», пороговом положении, – во время Крымской (Восточной) войны. Как не допустить новой смуты? Каких ошибок нужно избежать?

История – ключ к современности. Прошлое – путь познания настоящего, его причин и плодов, а познание неотделимо от возможности воздействия, управления объектом познания. И драматическая трилогия А.К. Толстого, высшее его достижение как художника, обращена не столько в прошлое. И даже не столько в настоящее. Она – о Вечном. О Страшном суде. О последних вопросах, на которые когда-то (возможно, очень скоро, а может быть, уже сейчас) предстоит отвечать каждому человеку и целой нации.

¹ Толстой А.К. Собр. соч.: В 4 т. Т. 4. С. 242, 293, 326, 327. Далее ссылки на это издание в тексте с указанием тома и страницы.

² Этой же точки зрения придерживаются и многие исследователи; см., например: Дудина Т.П. Своеобразие конфликта драматической трилогии А.К. Толстого («Смерть Иоанна Грозного», «Царь Федор Иоаннович», «Царь Борис»). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1988; Григорьева Н.Г. Принципы характерологии в творчестве А.К. Толстого («Князь Серебряный», драматическая трилогия). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2005.

³ Конечно, не считая явно ироничной сцены с Клешнинным в четвертом действии, когда Федор попадает на удочку придворного, лстиво подчеркивающего суровость и «крутость» молодого царя: «Я знаю сам, Петрович, что я суров... К л е ш н и н : Весь в батюшку пошел!» (2; 364).

⁴ Зловещая фраза Клешнина «Так умирай, как пес!» (2; 534) как будто отсылает к первой части трилогии, где Грозный так боялся умереть без покаяния – «как пес». Теперь «песья смерть» пришла за Борисом...

⁵ Но сам Годунов, пытающийся искоренить «татарскую» Русь, – татарин. Так неоднократно называют его бояре.

⁶ Письмо А.К. Толстого к Б.М. Маркевичу, цит. по: Кнорринг Н.Н. Миросозерцание гр. А.К. Толстого. Харьков, 1914. С. 22.

⁷ Толстой А.К. Полное собрание стихотворений. М., 2006. С. 276.

⁸ Анненков П.В. Последнее слово русской исторической драмы // Анненков П.В. Критические очерки. СПб., 2000. С. 379.

⁹ Григорьева Н.Г. Принципы характерологии в творчестве А.К. Толстого («Князь Серебряный», драматическая трилогия). С. 18.

¹⁰ Своеобразная балладная трилогия («Василий Шибанов», «Князь Михайло Репнин» и «Старицкий воевода») также скреплена образом Грозного.

В.А. Кошелев (Арзамас)

ПОСЛЕДНИЙ ДРАМАТИЧЕСКИЙ ЗАМЫСЕЛ А.К. ТОЛСТОГО

Аннотация. Рассматривается творческая история последней (неоконченной) пьесы А.К. Толстого «Посадник», создававшейся на сюжет из средневековой истории Новгорода Великого. Предметами анализа становятся как сам текст трагедии, так и ее реконструкции: здесь представлены издержки демократического (вечевого) государственного устройства вольного Новгорода. Победу при такой организации часто одерживает управляемое народное «стадо», обрекающее истинного патриота либо на смерть, либо на изгнание, сколь бы правилен и честен он ни был. Недописанный финал драмы подчеркивал обреченность новгородского «народоправства» на Руси.

Ключевые слова: степенный новгородский посадник; вече; бояре; подвиг; несправедливость.

Koshelev V.A. *The latest dramatic intention of A.K. Tolstoy*

Summary. The article deals with the creative history of the last (unfinished) play by A.K. Tolstoy «the Mayor», created on the story of the medieval history of Novgorod the Great. The subject of analysis is the text of the tragedy, and its reconstruction: the costs of democracy (Veche) state structure of the free Novgorod. Victory at such organizations are often managed wins national «herd» dooms a true patriot either to death or to exile, no matter how right and honest he was. Unfinished finale of the drama emphasized the doom of Novgorod «popular rule» in Russia.

Keywords: sedate Novgorod posadnik; veche; nobles; feat; injustice.

В конце лета 1875 г., на пороге смерти, А.К. Толстой сожалел об одном: «...одного было жаль, что не окончен “Посадник”». Речь шла о драме, над которой поэт активно работал в последние годы жизни.

От Толстого-драматурга осталось пять драматических сочинений. Кроме «Посадника» это знаменитая драматическая трилогия («Смерть Иоанна Грозного», «Царь Федор Иоаннович» и «Царь Борис»), в которой были выведены названные самодержцы и художественно представлены события русской истории, приведшие страну к Смутному времени. Над этой трилогией Толстой усиленно работал в 1863–1869 гг. Несколько раньше, в 1859–1861 гг., он работал над драматической поэмой «Дон Жуан», не «исторической», а собственно «человеческой» драмой «вечного» литературного героя, любимца женщин, ставшего предметом поэтического исследования множества разных писателей.

К концу 1860-х годов Алексей Толстой устал от почти десятилетней работы над «историческими» сюжетами и от неизбежных полемических упреков по поводу того или другого исторического персонажа. Например, царь Федор Иоаннович не очень соответствовал благочестивой легенде о мягком по натуре правителе, который плохо разбирается в земных делах – но нравственен и добролюбив. А Борис Годунов в самом деле был неповинен в гибели малолетнего царевича Димитрия. Но художественная правда не равна исторической истине – да и попробуй укажи эту самую истину... Драматург стал задумываться над поисками такого «исторического» сюжета, который бы не уводил читателя (и зрителя!) от собственно человеческой и психологической правды характера.

Исторические события художник всегда воспринимает в их наиболее остром психологическом варианте – и когда, например, М.П. Погодин попенял Толстому за «неправду» в изображении Годунова (прислав свою «Историю в лицах о Борисе Феодоровиче Годунове»), поэт даже немножко обиделся, указав на «право драматурга выбирать то, что более соответствует его замыслу» (П: 4, 295)¹. И – еще до окончания «Царя Бориса» – стал искать такой вот «не противоречащий человеческому началу» драматический сюжет. «По прочтении нескольких былин, – писал он редактору “Вестника Европы” М.М. Стасюлевичу 22 декабря 1868 г., – впрочем, давно мне известных, меня *fert animus* (душа влечет – лат.) разработать которую-нибудь из них драматически, употребляя с большой осторожностью чудесное, только как приправу или как арабески. Но, *стоя вне исторической почвы, можно размахнуться шире на человеческой*, а русский быт веховой старины очень бы

кстати мне пришелся. Не знаю, начну ли я, но хочется начать» (П: 4, 332).

Именно на рубеже 1860–1870-х годов было создано основное количество знаменитых исторических баллад («былин») Толстого: в это время поэт активно изучает и поэтически «перерабатывает» эпизоды русской истории, посвященные раскрытию как раз «русского быта веховой старины». Перечислим эти баллады, написанные в 1868–1872 гг.: «Змей Тугарин», «Песня о Гаральде и Ярославне», «Три побоища», «Песня о походе Владимира на Корсунь», «Гакон Слепой», «Боривой», «Ругевит», «Ушкуйник», «Поток-Богатырь», «Илья Муромец», «Порой веселой мая...», «Сватовство», «Алеша Попович», «Садко». 1868 г., наконец, датируется сатирическая «История государства Российского от Гостомысла до Тимашева». Именно в этих текстах, выводящих художественное представление о «русской Руси», далекой как от «западных» кровопролитий, так и от «восточных» деспотий, наиболее четко отыскивается историческая концепция Толстого, проявившая (по словам И.А. Бунина) ту «степень патриотического сознания, которая до сих пор остается *высшей*»².

Для нашей темы здесь особенно важно, что исторический идеал, образ изначальной, «русской Руси» проецируется Толстым на «варяжские» времена и сюжеты, связанные и с первоначальной «Киевской Русью», и с «богатырями времен князя Владимира», и особенно с событиями, непосредственно связанными с тем историческим знаком, который обозначен символом северного, «вольного Новгорода». Интерес автора исторических баллад к такого рода сюжетам обозначился достаточно отчетливо – на глубочайшем уровне проработки соответствующих исторических источников.

Впрочем, на начальном этапе поисков материала для новой драмы Толстой как будто пытается оттолкнуться от исторической конкретики. «Сейчас я ишу, – сообщает он Б.М. Маркевичу 2 января 1870 г., – и не могу найти сюжет для драмы в дотатарском периоде нашей истории. Соблазняло меня падение Новгорода (не подумайте, что я отношу его ко времени до татар, это лишь *saltus mentis* [скачок мысли – *лат.*])... Хотел я воспользоваться и каким-нибудь преданием, соблазнял меня *Садко*, но это сюжет для балета, а не для драмы» (П: 4, 339–340).

Показателен толстовский «скачок мысли». Драматический сюжет ищется в «дотатарском периоде» – и в качестве примера видится «падение Новгорода» – т.е. смирение его великим князем Московским (случившееся в 1478 г., уже накануне окончательного свержения татарского ига)! Сюжет о «падении Новгорода» был для русской словесности отнюдь не новым, а облик его последней защитницы, Марфы Посадницы, стал с легкой руки Карамзина писателя своеобразным символом политической вольности. Но еще Карамзин понимал, что «падение Новгорода» было непосредственно связано с татарским игом: противостоять завоеваниям Орды могла лишь централизованная Русь – и через два года после новгородского «смирения» Иван III смог осуществить «стояние на Угре».

Но Толстой почему-то смещает времена – лет этак на 250. И продлевает мысленный эксперимент: ему почему-то важно представить вариант «падения Новгорода» вне известной «татарщины». Почему?

Вообще «смещение времен» – любимый прием художественно-исторических рассуждений Толстого. Герой его баллады Поток-Богатырь, живущий во времена Владимира-Солнышка, внезапно засыпает: сначала «на полтысячи лет», потом «лет на триста», наконец, «лет на двести еще». И, просыпаясь, соответственно оценивает изменившийся мир...

Ко времени цитированного выше письма к Маркевичу о поисках исторического сюжета для пьесы Толстой только что опубликовал былинку «Змей Тугарин», принципиальную для его исторической концепции. На пиру у Владимира-князя появляется «страшная рожа» с азиатскими скулами и начинает пророчить о будущем. Будущее это страшно: «Обнимет твой Киев и пламя и дым», наступит неволя, в результате которой русские люди, «наглотавшись татарщины влать», «беду перемогут» – но сами сформируют «татарское» государственное образование, далекое от «русской Руси» и от изначальных «варяжских» традиций: «И честь, государи, заменит вам кнут, / А вече – каганская воля!» Мысль о таком будущем и князю, и богатырям на пиру кажется нелепой. Владимир даже выпивает чашу «за русский обычай» и «за древнее русское вече». Далее появляется «новгородский символ»:

*За вольный, за честный славянский народ,
За колокол пью Новаграда,
И, если он даже и в прах упадет,
Пусть звон его в сердце потомков живет –
Ой ладо, ой ладушки-ладо!*

(С: 1, 137–142)³

Но пророчество «обдорской рожи», пишет И.А. Бунин, «как известно, исполнилось: через долгую “обдорскую” кабалу, через долгое борение с нею пришлось пройти Руси. И кончилось ли это борение?»⁴ Во времена Толстого, как известно, еще не кончилось: поминавшийся Поток-Богатырь, проснувшись и через 500, и еще через 300 лет, с ужасом видит следы «татарщины» и в опричных временах Ивана Грозного, и в «эпохе реформ» Александра Второго (С: 1, 171–177).

В новом замысле Толстой искал для себя новую художественную задачу: представить исконно русского, не испорченного «татарщиной» человека (в идеале – гражданина *вольного* Новгорода и радетеля «здорового русского вече») в условиях общественного катаклизма, не «импортированного» извне (от той же «татарщины»), а созданного внутри сообщества вольных людей, не умеющих договориться между собою. Словом, Толстой ищет сюжет драмы психологической, или, как он чаще писал, *человеческой*.

Через неделю после приведенной просьбы найти подходящий исторический сюжет в письме к тому же Маркевичу от 11 января 1870 г. Толстой уточняет просьбу: «Дорогой мой Маркевич, найдите мне сюжет для драмы не исторической, но такой, которая была бы возможна в русской обстановке и *не приурочена к определенному времени*» (П: 4, 343). Но сюжет все не находится. Через полгода, 5 июля, он обращается с той же просьбой к известной поэтессе К.К. Павловой: «Вы должны дать мне обещанный сюжет для драмы... мне нужно что-нибудь большое... дайте мне сюжет человеческий, но не этнографический, чтобы дело происходило черт его знает где и черт его знает когда» (П: 4, 345). Потом эта просьба, при личной встрече с Павловой, еще уточняется: «Я ей сказал, что ищу сюжет для драмы и что у меня была мысль – *представить человека, который из-за какой-нибудь причины берет на себя кажущуюся подлость*. Она схватила за эту мысль,

яко ястреб, и вертела ею во все стороны, но мы не нашли ничего подходящего» (П: 4, 346).

Но событие, происшедшее «черт его знает где и черт его знает когда», не могло удовлетворить Толстого. Ему нужно было вставить намеченное психологическое ядро будущей драмы именно в *русскую* обстановку, найти то место, где бы мог проявиться этот странный «человек». К концу июля замысел проясняется (еще без всяких исторических изысканий) – и перед Толстым вновь возникает символ Новгорода. Он сообщает жене: «Я приобрел проказию здоровья на целый год, найдя сюжет для *драмы – человеческой*. Человек, чтобы спасти город, берет на себя кажущуюся подлость. Но нужно вдвинуть это в рамку, и Новгород – была бы самая лучшая. Ты должна мне собрать все, что было написано о Новгороде, обычаях той эпохи, и вообще все, что известно о *вече* и об отношениях его с князем» (П: 4, 347). И даже – начинает писать «новгородскую драму»: «Драма дает мне много здоровья. Новгород – лишь рамка, вся драма *человеческая*. Честный человек, который берет на себя кажущуюся подлость» (П: 4, 347). И – подчеркивает: «...тут нет истории, и все будет вымыслено...»

Но уже через две недели (18 августа 1870 г.) – новая просьба к жене, касающаяся как раз *истории*: «Найди мне домашнее занятие для патрицианских женщин в Новгороде... Когда я говорю о патрицианских женщинах, я не подразумеваю одних *боярынь*. Мне надо семейство *посадника*, т.е. его жену и дочь; дочь – главное. Надо, чтобы сцена открывалась домашними занятиями, насколько можно более прозаичными, чтобы это произвело контраст с ролью *немного героичною*, в которую взойдет впоследствии дочь» (П: 4, 352). Из этой просьбы понятно, что основным местом будущей пьесы Толстой избрал Новгород, а основным героем – новгородского посадника. Этот посадник, «честный человек», «чтобы спасти город», «берет на себя кажущуюся подлость».

* * *

Этот толстовский герой – *посадник* – издавна являлся очень привлекательной и во многом таинственной фигурой исторической новгородики⁵. В толковом словаре В.И. Даля слово *посадник* снабжено пометой «*стар. новг.*» и определено: «начальник, стар-

шина города или посада, голова, выборный воевода». К.А. Калайдович, автор первого специального исследования о новгородских посадниках, отмечал: «Посадник, по словесному сего имени производству, означает чиновника, избранного для управления. Не определяя ни достоинства, ни должности избираемой особы, слово сие не представляет никакого ясного понятия. От сего произошло, что и мнения наших историков о сем чине большею частию поверхностны и неосновательны»⁶. Но неясным и неоднозначным оказывается не только слово «посадник». Права «старшины города» менялись с развитием Новгородской республики. Можно выделить по меньшей мере пять периодов таких перемен.

1. На раннем этапе развития Новгорода посадниками назывались киевские *наместники*, которые посылались князем, если не оказывалось нужной кандидатуры на княжеский стол. Так, первым новгородским посадником в летописи назван Добрыня, сын Малка Любчанина, дядя Владимира Красно Солнышко. Потом посадником был его сын Константин, затем некие Улеб и Остромир. После вокняжения Ярослава Мудрого, который декларировал неподсудность новгородского боярства князю, возникает фигура посадника, *избираемого* новгородцами на вече, – таковым стал, например, посадник Завид. Такой посадник на первых порах выступал в роли *княжеского советника*. Но с конца XI столетия новгородские бояре все активнее начинают выступать против вмешательства князя в городские дела.

2. В 1132–1136 гг. в Новгороде произошли антикняжеские волнения. Новгородцы, возмущенные слабостью и непоследовательностью князя Всеволода Мстиславича, сумели ограничить его власть – «и посадники, издревле знаменитые слуги князей, сделались их совместниками в могуществе, будучи с того времени избираемы народом»⁷. При этом в Новгороде был конституирован «смесной» суд посадника и князя, превративший избираемого посадника в *главу государства*, а само государство – в боярскую республику.

3. С этого времени место посадника, не будучи как-то регламентировано (срок избрания того или иного боярина на это место не ограничивался), стало предметом борьбы за власть различных боярских группировок и пяти «концов» Новгорода. Со своей стороны, и князья пытались противостоять всевластию

посадников. А поскольку вече было основным регулятивным органом, то там и происходили многочисленные «побоища». Вот как описывает Карамзин события 1219 г., когда новгородцы не приняли князя Святослава Мстиславича: «Посадник Твердислав, муж отличный достоинствами, взяв под стражу какого-то мятежного боярина, вооружил против себя многих его друзей и единомышленников. Началось междоусобие: одни стояли за Твердислава, другие за боярина; прочие оставались спокойными зрителями ссоры, которая обратилась в явную войну. Целую неделю были шумные вече при звуке колоколов; граждане, надев брони и шлемы, в иступлении своем обнажили мечи. Напрасно увещевали старцы, напрасно плакали жены и дети: казалось, что новгородцы не имели ни законов, ни князя, ни человечества. Чтобы еще более вспалить усердие своих друзей, Твердислав, устремив глаза на храм Софийский, громогласно обрек себя в жертву смерти, если совесть его не чиста пред Богом и согражданами. “Да паду в битве первым, – говорил он, – или Небо да оправдает меня победою моих братьев!” Наконец, злоба утолилась кровию десяти убитых граждан; народ образумился, требовал мира, и целуя крест, клялся быть единымдушным. Тишина восстановилась; но князь, недовольный Твердиславом, прислал своего тысяцкого объявить на вече, что сей посадник властью княжескою сменяется. Граждане хотели знать вину его. Святослав гордо отвечивал: *без вины!* “Я доволен, – сказал Твердислав, – честь моя остается без пятна: а братья сограждане, вольны избирать и посадников, и князей”. Народ вступился за него. “Вспомни условие, – говорили Святославу послы веча, – ты дал нам клятву не сменять чиновников безвинно. Когда же забываешь оную, то мы готовы с поклоном указать тебе путь; а Твердислав будет нашим посадником”»⁸.

4. К концу XIII – началу XIV в. из-за изнурительной внутрибоярской борьбы за власть потребовался новый регламентированный порядок избрания посадников. Таковые избираются только из числа представителей основных боярских (кончанских) группировок сроком на год. Посадничий титул пожизненно присваивается шести кончанским представителям, избираемым по одному от Неревского, Загородского, Людина и Славенского концов. От Плотницкого же конца избирались два посадника, чем достигалась паритетность сторон (по три от Софийской и Торговой сторон).

Ежегодно (в начале мартовского года) из числа этих посадников один избирался на должность главы города – *степенного посадника*.

5. В начале XV в. число посадников было еще удвоено: от Славенского и Неревского концов избирают по три, а от остальных концов – по два посадника. Позднее, после очередного политического конфликта боярство целует крест «заедин быти им всем межи собою» и расширяет число единовременных носителей посадничьего титула до 24, а затем и до 36. Таким образом сформировалась *боярская олигархия*: к управлению Новгородской землей привлечены практически все новгородские боярские семьи. Но при этом сам посадничий титул был девальвирован: начиная с 1420-х годов летопись не проявляет интереса к его конкретным носителям.

Время и место действия в начальной ремарке драмы обозначено так: «Действие в Великом Новгороде, в XIII столетии». Конкретизировать, какой именно эпизод «столетия» имеется в виду, невозможно – важно, что дело происходит *еще прежде татарского нашествия*: «татары» никак не упоминаются ни в одной из реплик. Но, с одной стороны, главный герой назван: «Боярин Глеб Мироныч, степенный посадник новгородский»; формула *степенный посадник* возникла уже в XIV в. (и никаких «кончанских» посадников в пьесе нет). С другой стороны, изображенные события напоминают знаменитую «битву новгородцев с суздальцами», самое ожесточенное сражение новгородцев (которых возглавлял посадник Якун Мирославич).

В феврале 1170 г. владими́ро-суздальский князь Андрей Боголюбский собрал коалицию союзных для «наказания» непокорного Новгорода. «Неприятели, – пишет Карамзин, – на трехстах верстах оставив за собою один пепел и трупы, обступили Новгород, требуя, чтобы мятежники сдались. Несколько раз с обеих сторон съезжались чиновники для переговоров и не могли согласиться; в четвертый день началась битва, кровопролитная, ужасная. Новгородцы напоминали друг другу о судьбе Киева, опустошенного союзным войском: о церквах разграбленных, о святынях и древностях похищенных; клялись умереть за вольность, за храм Софии и бились с остервенением»⁹. Штурм завершился поражением суздальцев: то ли помогла чудотворная икона Знамения Богоматери (ставшая с того времени главной новгород-

ской святыней), то ли возведенная перед городскими укреплениями линия оборонительных сооружений («острог», «город»). Во время преследования одни суздальцы были убиты, другие – захвачены в плен, третьи сумели спастись, испытывая голод и лишения. В конце концов новгородцам удалось найти удовлетворительные условия мира («по всей воли своей») и сохранить самостоятельность и независимость.

События драмы Толстого как будто продолжают это противостояние. Идет затяжная битва вольного Новгорода с суздальцами («низовыми»). Новгород – защищенная крепость – осажден воинством неугодного князя. Изнурительная осада продолжается уже «две недели»: защитники города стоят на валу «под прыском вражьих стрел» (С: 2, 557), суздальцы готовят решающую атаку, чтобы взять город приступом. В такой обстановке в городской боярской верхушке складываются две «партии». Одна – старые бояре, терпящие от войны убытки, – склоняются к тому, чтобы открыть врагу городские ворота, «город бы сберечь, до грабежа б не довести», «суздальцам на щит себя отдать» (С: 2, 535): «Князь бы за то спасибо нам сказал» (С: 2, 538). Другие – прежде всего новгородская молодежь, ушкуйники («повольники») – преследуют политические и моральные цели: в случае сдачи города суздальцам Новгород перестанет оставаться «вольным городом», а будет «суздальским пригородком» (С: 2, 525). И эту политическую волю они готовы отстаивать до конца.

Во главе партии старых бояр (их еще именуют «суздальские собаки») стоит воевода Фома Григорьевич; во главе молодых «повольников» («крысы подпольные») – способный и любимый молодежью боярин Андрей Юрьевич Чермный. Действие начинается сценой на улице: толпа народу возвращается домой после веча, на котором воевода Фома (собиравшийся «суздальцам ворота отпереть») был отставлен от воеводства, а новым воеводой – избран ушкуйник Чермный. Решающим оказалось выступление посадника («не речист, да метко его слово» – С: 2, 525), который сумел завоевать доверие разных «концов» Новгорода: его поддержали и «плотнички», и «вся Добрынина улица», и «наша Люгоща улица». На стороне старых бояр остались одни «кольчужники», но сделать ничего не смогли: «Не со всем же Новым-городом на драку лезть!» (С: 2, 527).

Посадник выведен идеальным руководителем городского организма. В первой сцене возбужденные после веча новгородцы четырежды повторяют его фразу: «Кто смелует мне, посаднику Глебу, не верить?» (С: 2, 525, 526). И действительно: никто не смеет. Он не богат (в сравнении со старыми боярами): его торговые корабли недавно «разбило в море» (С: 2, 537). Но он по существу своей духовной организации является харизматическим лидером. К власти он особенно не стремился и заявляет: «Я не просился в посадники, а выбрали меня, так уж знайте, кого выбрали!» (С: 2, 526). Он крут по характеру, и «спуску никому не дает», и «шеи гнуть не умеет». Он истинный патриот Новгорода – и многие бояре не могут ему простить самых разных «обид» (Жироху, например, он не позволил поднять цену на хлеб в голодный год). Но – «когда Глеб смотрел на кого!» (С: 2, 526). Он «не гнется» ни при каких обстоятельствах, никого не боится и знает, каким нужным словом убедить народ на вече:

*Да разве в крике дело?
Иное так словечко мимоходом
Как невзначай проронишь, а оно
И во сто крат сильнее, чем если б горло
Ватага целая орала...*

(С: 2, 537)

Начав работу над драмой, Толстой прежде всего отделял ее экспозицию. «Посадник, – замечал он в одном из писем, – главная фигура, и, отделявая стих, я также отделял и характер, который, как мне представляется, уже в самой экспозиции дан вполне определенным образом. Этого я и добивался – ведь экспозиция не должна оставлять сомнений насчет характеров. Она должна заключать в себе семена развития как будущих событий, так и каждого действующего лица, читатель должен вполне отчетливо видеть, какого рода перед ним семена, чтобы в дальнейшем для него не было *неожиданностей*... Так как историческим у меня является только фон картины, то я располагал большей свободой движения, чем в трех предыдущих драмах, и могу создать нечто органически цельное, где все части сцепляются более тесно» (П: 4, 387).

Иными словами, обстановка древнего Новгорода сознательно воссоздавалась драматургом лишь в самых общих, во многом мифологизированных деталях. В основе всего – символ *вече*, выражающего «мнение народное» (мнение Земли, по славянофильской терминологии). Символ *вольного Новгорода*, переживающего период «бескняжия» и «смутной години» (С: 2, 592). Символ харизматического *посадника*, человека, наделенного беспрекословной властью и зависимого исключительно от «мнения Земли». Над ним нет ни князя (против неугодного князя, пришедшего с «суздальцами», Новгород как раз и воюет), ни архиепископа (каковой в реальном бытии Новгорода часто вмешивался и в светские дела). Ситуация «вольного противостояния» необходимо представляется в ее наиболее простом и «очищенном» от многих исторических реалий виде.

Тот исторический «фон», который необходим для правдоподобия, был взят Толстым, по-видимому, из двухтомного труда Н.И. Костомарова «Северно-русские народоправства во времена удельно-вечевого уклада» (СПб., 1863). Здесь поэт мог отыскиать сведения о роли «Ярославовой грамоты», давшей Новгороду право избирать и изгонять князей и освободившей его от дани киевскому князю. Кроме того, специальные разделы труда Костомарова посвящены описанию города, характеристике общественной жизни и нравов Новгорода, здесь встречаются некоторые реалии, в том числе названия и описания пяти новгородских «концов», имена новгородских персонажей. При этом Новгород остается только «рамкой», в которую вписана ситуация, вымышленная художником.

Толстой многократно повторял, что в «Посаднике» «нет истории», что его «не связывала история». В истории Новгорода не отмечено посадника по имени Глеб Мироныч (в отличие от упомянутых в диалогах посадников Якуна или Варуха Буслаевича [С: 2, 544], руководивших городом на рубеже XII–XIII вв.). В пьесе не использован ни один исторический факт, ни одно конкретное событие, упомянутое в трудах историков. Для писателя важнее именно *человеческая* (психологическая) правда, применительно к которой бытие человека внутри вольного «вечевого» (республиканского) порядка было совсем не простым.

* * *

Итак, Новгород в «смутную годину», осажденный «суздальцами». Старые бояре, «суздальская» партия коварством и хитростью делают все, чтобы сдать город врагу и принять власть князя. Глеб Мироныч, степенный новгородский посадник, — искренний радетель вольности, храбрый и честный. В беседе с «повольником» (ушкуйником) Василько, нареченным женихом дочери Веры, он излагает принципы новгородской свободы:

*Великое ты выговорил слово;
А знаешь ли, какой его есть толк?
В чем воля-то? В том, что чужой мы власти
Не терпим над собой! Что мы с князьями
По старине ведем свой уговор:
Се будь твое, а се будь наше. В наше ж
Ты, княже, не вступайся! А когда
Тот уговор забудет князь, ему
Мы кажем путь, другого ж промышляем
Себе на стол...*

*.....
Мы Новгород Великий государем
Поставили и головы послушно,
Свободные, склонили перед ним.
Вот наша воля! Прав своих держаться,
Чужие чтить, блюсти закон и правду,
Не прихоти княжие исполнять,
Но то чинить безропотно и свято,
Что государь наш Новгород велит, —
Вот воля в чем!*

(С: 2, 561)

Посадник выстраивает прежде всего политический идеал «воли», которую обеспечивает власть «государя Новгорода» — горожан, имеющих возможность изложить свое мнение на вече. Справедливость этой власти обеспечивается прежде всего единством решающего свои судьбы народа. А единство достигается прежде всего *авторитетом* избранного посадника, который умеет вовремя сказать необходимое слово — и сосредоточить многих

людей, носителей разных желаний и «воль» на том главном, что необходимо делать в данную минуту. Но помимо авторитета, на который уповает посадник, существует еще и масса способов подорвать «единство». Можно, например, подкупить (или просто «угостить») участников вече (чем активно занимается бывший воевода Фома Григорьич). Можно противопоставить идеалу *воли* – идеал *обогащения*, который тоже иных увлекает: «Не все ли равно торговать, что на своей ли, что на княжой ли воле?» (С: 2, 527). Можно на вече поставить своих союзников «вразбивку», чтобы «кричали» как надо. Можно еще посеять в толпе разные слухи и переиначить («скривить») происходящие события. Да мало ли что можно?

На первом вече народ сменяет воеводу: в трудные дни осады им становится способный воин Алексей Чермный, который наводит порядок в обороне и становится исполнителем решения новгородцев погибнуть, но не поступиться свободой. Есть, правда, у него недостаток: «уж больно до женского пола охоч» (С: 2, 526). Это в конечном счете и становится причиной измены. Наталья, «полюбовница Чермного», желая спасти своего брата, похищает у нового воеводы ключ от тайного прохода в осажденный город. Этим пользуются изменники, обвиняющие Чермного и желающие сместить его.

Изменников – множество: бояре, богатые купцы и даже вздорная старуха боярыня Мамелфа Дмитровна, этакая грибоедовская Хлестова или Кабаниха Островского из XIII в., не имеющая формально никакой власти «взбалмошная баба», но властно организующая *общественное мнение*. Тут *политическая* составляющая происходящих событий напрямую связывается с *нравственной*. И возникает явление, подмеченное еще Грибоедовым. Вот пущен неправедный и ложный слух – и:

*Поверили глупцы, другим передают,
Старухи вмиг тревогу бьют,
И вот общественное мнение!*¹⁰

Это «общественное мнение», которое создается «старухами», оказывается вовсе не безобидно. Образом Мамелфы Дмитровны Толстой очень дорожил: сцена, где она появляется, стала единственной сценой из «Посадника», напечатанной при жизни

автора. В январе 1874 г. Толстого пригласили принять участие в сборнике «Складчина» в пользу голодающих самарцев. Поэт послал туда вторую сцену первого действия («Дом Посадника»), в которой, как он писал Стасюлевичу 15 января 1874 г., «выдаются два характера, не лишённые занимательности» (П: 4, 419), т.е. Посадник и Мамелфа Дмитровна. Автор просил Стасюлевича организовать чтение сцены на редколлегии «Складчины» и в качестве чтеца привлечь И.А. Гончарова (которого заодно просил высказать свое мнение).

«Боярыня Мамелфа Дмитровна, вдова прежнего посадника» (так она обозначена в списке действующих лиц), с самого начала производит впечатление глупой, но не в меру властной старухи, высоко несущей себя и играющей в «правдолюбницу». Вот она является у Посадника; тот еще не пришел с веча – и она недовольна, «что он не поторопится»: ей, такой значимой и «высоко несущей» себя особе, невтерпёж сию же минуту «о вечевом услышать приговоре». Она начинает восхвалять воеводу Фому Григорьича: тот-де «благочестив и вежлив», «почтителен и скромен», «боится Бога да живет по правде». Она «слыхала» от самого Фомы, что тот собрался «мириться с князем», не унижая Новгорода, – и восстанавливает «общественное мнение» на сторону предателя города. И никаких аргументов и слышать не хочет: «Да ты меня, отец, / Перебивать-то не моги! Тебя / Я разуму учу, так стой и слушай...» (С: 2, 553). И – ниже: «Другим давать уроки, / А не себе их слышать от других / Привыкла я. Учиться благочестью / И вежеству собирается ко мне / Весь Новгород...» (С: 2, 558).

Но из тех слухов и сплетен, которые выдумывает «взбалмошная баба», могут произойти самые неприятные последствия. Вот она походя очерняет «полюбовницу» Чермного Наталью, якобы стремящуюся стать «воеводшей», или обвиняет лихого ушкуйника в том, что тот в Бога не верует и в церковь не ходит:

Посадник

*Некогда ему
В соборе быть. Уж две недели с валу
Он не сходил. Под прыском вражьих стрел,
От приступов спасая город, служит
Он Господу!*

Боярыня

*Что? некогда быть в церкви?
Нет времени молиться? Стало быть,
Нам не нужна молитва?*

Посадник

*Не криви
Моих речей, боярыня. Молитва
Всегда нужна. Но если воле нашей
Грозит беда, ее одной молитвой
Не изживешь. Защитник нужен нам!
И не о том мы спрашивать должны:
Он часто ли, не часто ль ходит в церковь,
А как он в бой полки свои ведет!*
(С: 2, 557)

Но все человеческие аргументы бессильны перед силой старухиной сплетни. Тут же она заявляет, что и сам посадник Глеб Мироныч – «безбожник». И удаляется победительницей – разносить эту сплетню по городу и формировать «общественное мнение» (которое очень скоро сыграет в судьбе Посадника роковую роль).

Это «мнение» тоже организует будущее новгородское вече: умные бояре давно уже научились направлять стихийное мнение в нужное им русло. Народное собрание республики изменчиво и импульсивно. *Вече* многолико и отнюдь не свободно от скоропалительных решений. Толстой воспринимал новгородское вече еще «по-карамзински»: как демократический центр, в работе которого принимало участие чуть ли не все взрослое население города¹¹. Но и в этом случае, решавшее политические вопросы, связанные с властью, вече не могло представить «нравственной легитимности» избранным вождям. Об этом бесспорно заявляет Посаднику та же боярыня Мамелфа:

*Смотри, пожалуй! Вечем, вишь, поставлен!
Да разве все апостолы сидят
На вече-то? Чай, сторона твоя
Перекричала тех, кто был разумней?*

*Да, слава богу, Новгород не весь
По дудке пляшет по твоей! Доселе,
Слышь, спорят как! Опомнятся, даст бог,
Еще до завтра!..*

(С: 2, 554)

Новгородское вече представлено в третьем акте драмы Толстого, в последней дошедшей до нас сцене. Изменники становятся «вразбивку» и обвиняют ненавистного им Чермного в измене. Для мудрого посадника понятно: если им удастся сместить нового воеводу – Новгород падет. И тогда, чтобы спасти город, посадник берет вину и позор на себя. Город спасен, но вече приговаривает посадника сначала к смерти, а после, в уважение к его прошлым заслугам, к вечному изгнанию из Новгорода. Воевода пытается спасти посадника, – но ему пора отбивать неприятеля. Вот заключительные фразы драмы:

Гридень (*вбегает*)

*Где воевода Чермный?
Враги идут на приступ с двух сторон!*

Посадник

Ты слышишь? Прочь! Твое в раскатах место!

Чермный

*Иду – но правду покажу твою –
Иль в божью правду верить перестану!
За мной, на вал!*
(Уходит.)

Посадник (*с поклоном*)

*Я Новгород Великий
Благодарю за милостивый суд!*

(Сходит с лобного места.)

Толпа перед ним раздается. Занавес опускается.

«Милостивый» коллективный вечевой суд – оборачивается очевидной несправедливостью. «Идеальный» руководитель «демократической» Новгородской республики, который в течение не одного десятилетия успешно руководил ею и который в трудное для нее время готов жертвовать своей свободой и жизнью во имя сохранения Новгорода, – «коллективным» решением жителей изгоняется из своей стихии. Он верно следовал всем заветам «народоправства» – и страдает именно из-за своей верности.

Так что демократическая форма правления на Руси тоже оказывается, по Толстому, вовсе не панацеей и не гарантией справедливости. Толстой представляет ярчайший парадокс этой самой «демократической» власти: всякая демократия оказывается ущербной именно потому, что – вольно или невольно – становится «управляемой». Вот – невеселый вывод, который в данном случае напрашивается.

* * *

«Посадник» Толстого в том виде, в каком он представлен в окончательной редакции, – драма незавершенная. Черновые автографы пьесы (в которых автор доводил-таки ее до сюжетного финала) до нас не дошли. Действие обрывается на своей кульминации.

После смерти Толстого его племянник Д.Н. Цертелев, которому был доступен архив поэта, опубликовал письмо, где рассказал в самых общих чертах намеченное автором окончание драмы. При этом Цертелев заметил: «В изложении я руководствовался частью моими личными воспоминаниями, частью набросками самого графа Толстого, которые, к сожалению, слишком отрывочны, чтоб я мог привести их в тексте».

Четвертое действие, по словам Цертелева, происходит в доме Посадника:

«Посадник сидит у стола; посадница в углу плачет. Дочь молча смотрит на отца. Входит боярыня Мамелфа; она предлагает посаднице и ее дочери переселиться к ней, говоря, что они не виноваты, что она берет их под свое покровительство и что, когда они будут жить у нее, никто не посмеет сказать про них худо. Посадница отвечает нерешительно, и боярыня говорит ей: “Я, ма-

тушка, тебя не уговаривать пришла; / Коль хочешь, останься с ним. / Добро, в твоей то воле. / Тогда прости!”

Она уходит, является жених Веры, Василько, и повторяет свое предложение; но та отказывается, говоря, что пойдет за него только в том случае, если отец ее будет оправдан. Василько обращается к посаднику, прося его уговорить дочь. “Иди”, – говорит ей отец. Но она все-таки не соглашается. Наконец, Вера остается с отцом наедине и спрашивает его: “Скажи ты мне, что этого не сделал?” Посадник отвечает только: “Почем ты знаешь?” Входит посадница, говоря, что от него требуют сдачи печати и казны. Является Чермный. Он отбил приступ, но отчаивается найти вора.

Посадник спрашивает жену: пойдет ли она за ним в изгнание? Та отвечает нерешительно. “А ты, Вера?” – говорит он дочери. “Нет, у меня другое дело; когда воевода отчаивается найти виноватого, так я его найду”.

Оскорбление за оскорблением сыплются на посадника. Он уже подходит к валу, чтоб оставить город, когда Вере удается отыскать Наталью, которая во всем сознается перед народом. Посадник оправдан, но не хочет оставаться в Новгороде. Все упрощают его. Входит Чермный, одержавший решительную победу над суздальцами. Затем, в намерении автора, посадник должен был умирать на сцене¹².

Этот недописанный финал толстовской драмы еще более подчеркивал обреченность новгородского «народоправства» на Руси. В самом деле: «оправданный» посадник, отдавший вольному городу всю свою жизнь, готовый пожертвовать всем во имя спасения его «вольности», – в конце концов «не хочет оставаться в Новгороде».

Как можно судить по пересказу Цертелева, Толстой серьезно продумал всю архитектонику и даже поэтику пьесы. Об этом же свидетельствуют и упоминания о «Посаднике» в письмах последних лет. Так, еще 25 февраля 1871 г. он сообщал Я.П. Полонскому: «Написал в Дрездене три акта сплеча, прозой, приехал сюда и завяз в делах. Потом болезнь, потом болезнь жены, так и не продолжал. Но на днях заглянул в рукопись и с горя стал переключивать прозу в стихи, и о чудо! – тотчас все очистилось, все бесполезное отпало само собой, и мне стало ясно, что *для меня писать стихами*

легче, чем прозой! Тут всякая болтовня так ярко выступает, что ее херишь да херишь» (II: 4, 361).

Действительно, вся пьеса написана «слитным» – прозаическим и стихотворным – текстом. Прозаические разговоры новгородской толпы неожиданно переходят в «белые» пятистопные ямбы (принятые, вслед за пушкинским «Борисом Годуновым», в русской исторической драматургии). Эти ямбы как будто «вырастают» из прозаического текста, возникая в тех местах, в которых действие обрastaет мыслью и обретае символическое значение. Стихотворная часть выглядит действительно естественнее, чем прозаическая.

Но почему-то поэт, написав «три акта сплеча» еще к началу 1871 г., все никак не мог взяться за продолжение. В одном из писем он даже объяснил задержку тем, что его писание не понравилось жене. Он глубоко любил Софью Андреевну, называл ее даже своей Эгерией (имя нимфы, тайной супруги римского царя Нумы Помпилия, которому та внушила его религиозные и гражданские законы). А ее критический суд был для поэта важнее всех журнальных откликов. Именно жена, жалуется Толстой, «отбила у меня охоту, сказав, что это плохо. Откровенно говоря, я с ней не согласен, но охота пропала» (II: 4, 336).

Именно так: *«охота пропала»!* Или, в другом письме: «...вот уже целый год, как я до нее не дотрагивался – “Die Stimmung fehlet mir” (У меня пропало настроение – нем.)» (II: 4, 410). Наконец, уже перед смертью, 5 февраля 1875 г. на вопрос своей итальянской корреспондентки К. Сайн-Витгенштейн: «Что делает новгородский мэр?» Толстой ответил: «Он на бумаге не продвинулся ни на шаг, из-за причин, о которых я Вам уже говорил, но он крепко сидит у меня в голове с изменениями, которыми я обязан Вашему поэтическому и артистическому чувству, т.е. я решительно заставляю его умереть в последней сцене» (II: 4, 438). По существу, это – последнее упоминание о «Посаднике» в письмах Толстого. 28 сентября 1875 г. поэт умер, так и не закончив драмы, которой он, видимо, очень дорожил.

Кажется, что, прописав сцену новгородского веча, несправедливо отрешившего Посадника и возведшего на него несправедливое обвинение в ответ на сокровенный патриотический порыв («Не за тебя – за Новгород гублюсь!», «О Новгороде думай, не обо

мне!» – С: 2, 601, 608), драматург попросту растерялся. Тот идеал «русской республики» и символ русской демократии в ее изначальном, «неуничтожимом» виде, который Толстой проповедовал в качестве образца для современности, выказал свою зыбкость при самом общем художественно-психологическом прикосновении.

Показательно, что практически одновременно с написанием трех актов «Посадника», в начале 1871 г. Толстой пишет упомянутую уже историческую балладу «Поток-Богатырь», герой которой, путешествуя по разным эпохам исторического развития России, не может найти того политического строя, который был бы лучше эпохи Руси изначальной. Вот «гость из прошлого» чудесным образом переносится в те времена, когда жил и действовал автор баллады, попадает на либеральные собрания разных «патриотов», «слышит: *почва, гуманность, коммуна, прогресс*» и всякие громкие слова – и заявляет:

*«Много разных бывает на свете чудес!
Я не знаю, что значит какой-то прогресс,
Но до здорового русского веча
Вам еще, государи, далече!»*
(С: 1, 177)

И тут же – в «Посаднике» – получается, что на этом «*здоровом русском вече*» допускается не то чтобы несправедливость, а вопиющее нарушение всех норм человеческой нравственности. Получается так, что самый достойный из жителей вольного Новгорода, самый признанный радетель его независимости, готовый пожертвовать за город всем чем угодно – и жизнью, и честью, – оказывается в системе республиканской демократии изгнанником. Последняя реплика Посадника, обращенная к «господину Великому Новгороду», – «*Я Новгород Великий / Благодарю за милостивый суд!*» – звучала приговором всей исторической концепции Алексея Толстого. Горькая ирония и трагический сарказм этого «приговора» разрушали всякую возможность поисков «справедливости» в прошлой истории Руси...

И сильнее этой реплики трудно было придумать: «милостивый суд» новгородского веча как будто «закрывал» возможность какого бы то ни было «продолжения». В структуре драматического

«действия» требовалось сюжетное завершение – но здесь как раз все было ясно: Чермный сумеет победить суздальцев, правда о «предательстве» – откроется: «добродетель восторжествует». Но ведь «порок» никак не может быть наказан: в любом случае в городской элите останутся и бояре-предатели вроде Фомы, Жироха, Кривцевича, а носителем «общественного мнения» будет Мамелфа Дмитровна. И не просто останутся: именно они и будут решать грядущие судьбы «русской республики».

Не случайно в пересказе сюжетного «продолжения» «Посадника», представленном Цертелевым, сам Посадник играет пассивную роль – и фактически не произносит значимых слов, и ни в чем не сознается (даже перед любящей его дочерью). Действительно: о чем в этой ситуации говорить? Если иметь в виду нравственные идеалы драматурга, то он как будто пришел к неразрешимому парадоксу: идеальный гражданин и руководитель вольной новгородской «общины», человек высочайших нравственных качеств, ничем не запятанный, желает сохранить в смутную годину эту общину – и изгоняется из нее. Причем орудием этой несправедливости становится самая совершенная и самая «здравая», по мысли Толстого, форма представительного русского правления – новгородское вече. На этом вече жители Новгорода, вчера боготворившие своего многолетнего вождя, выказывают готовность казнить его (и разграбить его усадьбу) – и только помня его «прошедшие заслуги», «милостиво» ограничиваются «изгнанием», предполагающим к тому же многочисленные «оскорбление за оскорблением» по адресу кристально чистого Посадника из уст людей аморальных, глупых, недостойных. О чем тут еще говорить? Какое «продолжение» еще требуется?

* * *

Через два месяца после смерти Толстого в Москве состоялось заседание Общества любителей российской словесности, посвященное его памяти. На этом собрании известный историк и фольклорист П.А. Бессонов прочитал «Посадника» по неизвестному нам источнику. Во вступительном слове он сказал: «Свежая могила унесла от нас тайну последней развязки, многие краски лиц и характеров, едва только выступавших на сцену в беглом очерта-

нии, и вместе скрыла нередко и самое *выражение лиц* и *тон речей их*». Но уже из того, что осталось написанным, можно судить, что «драматизм необыкновенно глубок и движение драматического действия чрезвычайно быстро. С этой стороны, сравнивая предыдущие драмы автора, всякий сознается, что он далеко ступил вперед в творчестве, и “Посадник” есть *лучшее из его драматических произведений*»¹³.

Опубликован «Посадник» был уже после смерти Толстого в 1876 г. во втором томе «Полного собрания стихотворений» – в составе трех написанных действий. Эта публикация, в сущности, является единственным источником текста пьесы: не сохранилось ни черновых, ни беловых ее рукописей (кроме авторской правки сцены «Дом Посадника» в наборной рукописи сборника «Складчина»). Известно, что в 1905 г. черновой автограф пьесы находился в собрании коллекционера П.Я. Дашкова¹⁴. Однако в настоящее время в этом собрании, хранящемся в основной своей массе в Пушкинском Доме, рукописи «Посадника» нет.

Но даже и в неполном виде пьеса оказалась востребованной театром: в 1877 г., в бенефис актера А.А. Нильского (который играл Черного), она была поставлена в Петербурге (на сцене Мариинского театра)¹⁵. В связи с этой постановкой Софья Андреевна Толстая передавала какие-то материалы пьесы покойного мужа в театр¹⁶ – но и они не сохранились. Кажется, что и после смерти автор «Посадника» противился возможным попыткам «продолжить» его незавершенный замысел – и напрямую высказать ту невеселую идею, к которой пришел в результате своих поэтических историософских размышлений.

В 1895 г. русский философ Владимир Соловьев опубликовал большую статью «Поэзия гр. А.К. Толстого». Со времени смерти поэта прошло уже 20 лет; Соловьев не был с ним знаком, но сблизился с его вдовой (и даже бывал у нее в гостях в усадьбе Пустынька под Петербургом). После смерти С.А. Толстой (в 1892 г.) он принимал участие в разборе бумаг поэта и в подготовке известного четырехтомного собрания его сочинений. Его статья стала итогом серьезных раздумий о творчестве этого странного писателя, который в эпоху самых яростных полемик «демократов» и «консерваторов» сумел остаться «двух станов не бойцом», не примкнул ни к одной из группировок – и не был принят ни теми, ни другими.

Статья Соловьева стала по существу опорной для последующих оценок наследия Толстого.

В этой статье Соловьев вовсе не обращается к драматическому наследию поэта – ни к знаменитой трилогии, ни к «Посаднику», – но представляет основу его размышлений: общие правила его патриотизма. Именно они составили основу толстовского понимания истории.

Патриотизм В. Соловьев определяет как «природное чувство, заставляющее нас жить и действовать для блага того собирательного целого, к которому мы принадлежим. <...> Для огромного большинства людей нашего времени собирательное целое, за которым их собственное чувство признает верховные права, есть *отечество*, т.е. кристаллизовавшаяся в государственную форму народность или группа народностей: *это* целое, преимущественно перед всеми другими, есть настоящий предмет патриотизма (в точном смысле слова) и вытекающего из него гражданского долга». Из подобного определения вытекает «самый главный и важный вопрос: в чем же благо моего отечества и что я должен делать, чтобы служить ему». Само стихийное чувство любви к отечеству ничего не решает, ибо, подчеркивает философ, «патриотизм, как и всякое натуральное чувство, может быть источником и добра, и зла. Вся история свидетельствует, что государства и народы как спасались патриотами, так от “патриотов” же и погибали»¹⁷.

Алексей Толстой, отмечает Соловьев, искал прежде всего «истинный патриотизм», который «заставляет желать своему народу не только наибольшего могущества, но – главное – наибольшего достоинства, *наибольшего приближения к правде и совершенству...*» Но в этих поисках заключалось и противоречие: «Народное вече может казаться красивым издали, но на самом деле это было лишь разновидностью междоусобной войны, и поэтический колокол Новгорода призывал обыкновенно не к гражданским подвигам, а просто к рукопашному бою». В противовес официальным тенденциям Толстой выступал «против идеализации, московского периода, против стремления *увековечить* его дух», – и здесь он предпочел «не историческую, а пророческую точку зрения. Он не останавливался на материальных потребностях и условиях

прошедшего, а мерял его *сверху* – нравственными потребностями настоящего и упованиями будущего»¹⁸.

Именно в этих нравственных предпочтениях – суть историософских построений поэта: «Как патриот, он горячо стоял за то именно, что всего более нужно для нашей родины, и при этом – что еще важнее – он сам представлял собою то, за что стоял: *живую силу свободной личности*». Толстой, заявляет Соловьев, «был одним из очень редких у нас носителей этого истинно человеческого жизненного начала, в развитии которого главное условие будущности каждого народа. <...> Эти качества не суть единственные добродетели, но *без них* все прочие стоят немного; *без них* отдельный человек есть только произведение одной внешней среды, а сама такая среда является стадом»¹⁹.

Но если продолжить эти рассуждения философа о современной нравственной значимости исторического идеала Толстого применительно к его последнему драматическому замыслу, то придется признать, что в «Посаднике» поэт неожиданно столкнулся с тем, что в идеальном (вечевом!) государственном устройстве вольного Новгорода действительную победу – даже и тогда, когда «добродетель восторжествовала», – одержало именно «стадо». Сколько бы ни укреплять «упования будущего» – «стадо» в конечном итоге становится *победителем*. Для того чтобы быть *патриотом*, надобно не только противопоставить свою «свободную личность» этому «стаду», но и быть уверенным, что «стадо» непременно победит твою личность – и обречет тебя либо на смерть, либо на изгнание, сколь бы правилен и честен ты ни был.

На закате своего творческого пути А.К. Толстой в последней своей драме настолько точно смоделировал безысходность нравственного подвига русского деятеля в условиях «дотатарской» демократии, что сам испугался и растерялся перед той страшной картиной, которая открывалась за «милостивым судом» новгородского веча. И потому предпочел «не договаривать» финала, дабы не разрушить тех заветных историософских идей, которые утверждал всем предшествующим творчеством.

-
- ¹ Письма А.К. Толстого цитируются по изд.: *Толстой А.К.* Собр. соч.: В 4 т. М., 1964. Т. 4. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте (*П*). Курсив в цитатах – наш.
- ² *Бунин И.А.* Инония и Китеж // *Бунин И.А.* Окаянные дни. М., 1990. С. 362.
- ³ Стихотворения и пьесы А.К. Толстого цит. по: *Толстой А.К.* Полн. собр. стих-й в 2 т. Л., 1984 (*С*). Во всех случаях курсив А.К. Толстого.
- ⁴ *Бунин И.А.* Инония и Китеж. С. 360.
- ⁵ См.: *Янин В.Л.* Новгородские посадники. М., 2003.
- ⁶ <*Калайдович К.*> Исторический и хронологический опыт о посадниках новгородских. М., 1821. С. 26–27.
- ⁷ *Карамзин Н.М.* История государства Российского: В 3 кн. СПб., 1842. Кн. 1. Т. 2. С. 107.
- ⁸ Там же. Т. 3. С. 103–104.
- ⁹ Там же. Т. 3. С. 10.
- ¹⁰ *Грибоедов А.С.* Полн. собр. соч.: В 3 т. Т. 1. СПб., 1995. С. 113.
- ¹¹ Ср. современную точку зрения: *Янин В.Л.* Очерки истории средневекового Новгорода. М., 2008.
- ¹² *Цертелев Д.Н.* Драматическая трилогия графа А.К. Толстого // *Русский вестник.* 1899. № 10. С. 670–671.
- ¹³ Московские ведомости. 1875. 13 ноября.
- ¹⁴ Вестник литературы. 1905. № 19. На с. 431 приведено факсимиле страницы автографа.
- ¹⁵ *Вольф А.Н.* Хроника петербургских театров с конца 1855 до начала 1881 г. СПб., 1884. С. 61.
- ¹⁶ *Нильский А.А.* Воспоминания // *Исторический вестник.* 1894. № 6. С. 678.
- ¹⁷ *Соловьев В.С.* Литературная критика. М., 1990. С. 195.
- ¹⁸ Там же. С. 139–140.
- ¹⁹ Там же. С. 142–143.

А.В. Федоров

«ЛЕНИЮСЬ ПЕРЕПИСЫВАТЬ»: РУКОПИСНЫЕ ТЕТРАДИ ГРАФА А.К. ТОЛСТОГО

Аннотация. В статье рассматриваются рукописных тетради А.К. Толстого на основе архивных материалов. Предлагаются обоснование композиционного расположения стихотворений в тетрадах, анализ основных текстологических расхождений рукописных версий с окончательными редакциями произведений, характеристика авторской правки. Высказываются предположения о датировке некоторых стихотворений.

Ключевые слова: А.К. Толстой; А.С. Уваров; А.О. Смирнова; В.М. Жемчужников; рукописный сборник; редакция; композиция; правка; текстология; архив.

Fedorov A.V. *«I am lazy to rewrite»: The manuscript notebooks of A.K. Tolstoy*

Summary. The article discusses the manuscript notebooks of A.K. Tolstoy on the base of archival materials. The paper provides the substantiation of the compositional arrangement of the poems in notebooks, an analysis of the main textual differences of handwritten versions with the final revisions of the works feature the author's edits. The assumptions about the dating of some poems.

Keywords: A.K. Tolstoy; A.S. Uvarov; A. Smirnova; V.M. Zhemchuzhnikov; a manuscript collection; edition; composition; edit; textual criticism; archive.

1.

В рукописном наследии А.К. Толстого особое место занимают четыре тетради. Они представляют собой списки со стихотворениями поэта, расположенными в определенной последовательности. Первой (во всяком случае, по научной значимости) из

этих тетрадей следует считать единственную автографическую, подаренную А.К. Толстым своему дальнему родственнику и хорошему приятелю, археологу Алексею Сергеевичу Уварову. На титульном листе надпись: «Колокольчики. Графу Алексею Сергеевичу Уварову. От сочинителя». Хранится тетрадь в архиве Уваровых, в Отделе письменных источников Государственного исторического музея¹. Она включает следующие стихотворения.

Б/н (на титульном листе, после названия и адресата) Коль любить – так без рассудку...

1. Колокольчики.
2. Ты знаешь край, где все обильем дышит...
3. Цыганские песни.
4. Василий Шибанов (баллада).
5. Ты помнишь ли, Мария...
6. Благовест.
7. Шумит на дворе непогода...
8. Бор сосновый в стране одинокой стоит...
9. Колокольчики.
10. Дождя отшумевшего капли...
11. С моравского (Ой, стоги, стоги...)
12. По гребле, неровной и тряской...
13. Князь Михаил Репнин (баллада).
14. Милый друг, тебе не спится...
15. Ночь перед приступом.
16. Курган.
17. Волки.
18. Где гнутся над озером лозы...
19. Князь Ростислав.
20. Пустой дом.
21. Богатырь.
22. Поэт².

Вторая тетрадь адресована А.О. Смирновой и представляет собой писарскую копию с дарственной надписью А.К. Толстого «Колокольчики. Александре Осиповне Смирновой от сочинителя»³. Однако эта тетрадь считается утраченной, и о ее содержании сегодня можно судить только по книге А.А. Кондратьева «Граф А.К. Толстой: Материалы для истории жизни и творчества» (СПб., 1912). В приложении к биографическому очерку о писателе

ученый приводит (полностью или частично) помещенные в «смирновскую» тетрадь произведения, указывая на разночтения в текстах стихотворений по сравнению с «каноническими» версиями⁴. В состав тетради входят те же пронумерованные 22 стихотворения, в той же последовательности, что и в «уваровской тетради», за исключением «Коль любить – так без рассудку...». Оно отсутствует. С одной стороны, это стихотворение⁵ как будто указывает на то, что тетрадь Уварова более поздняя, если принять традиционную датировку всех стихотворений «смирновской» тетради 1840-ми годами (как предположил А.А. Кондратьев). Но с другой стороны, стихотворение «Коль любить – так без рассудку...» могло быть вписано Толстым позднее, на титульный лист уже готовой (или уже подаренной Уварову?) тетради, и в таком случае отсутствие у этого стихотворения номера объясняется именно этим, а не его ролью «эпиграфа» ко всему сборнику. К тому же в недавно опубликованной статье А.С. Курилова «Когда и о чем звенели колокольчики? К вопросу о датировке стихотворений А.К. Толстого»⁶ общепринятая датировка некоторых стихотворений Толстого, в частности баллады «Колокольчики мои...» поставлена под сомнение: как считает исследователь, произведения «украинского цикла» («Колокольчики мои...», «Ты знаешь край, где все обильем дышит...», «Ой, стоги, стоги...») созданы или завершены не ранее ноября 1853 г., после общения с двоюродным братом Л.М. Жемчужниковым, приехавшим из Малороссии, и к 200-летию юбилею воссоединения Украины с Россией (1854).

Не следует забывать и о том, что А.К. Толстой крайне тяготился таким видом деятельности, как переписывание собственных стихотворений, в чем неоднократно признавался: «...непреодолимое отвращение, внушаемое необходимостью переписывать стихи или хотя бы просматривать их изувеченные копии» (Б.М. Маркевичу от 09.01.1859)⁷; «...переслать Вам тетрадь со стихами мне больше всего помешало то, что я ленюсь переписывать (одна из самых скучных вещей, какие я только знаю). Те, кому я поручал переписку, столько напутали, что я зачастую лишь с трудом узнавал самого себя» (Б.М. Маркевичу от 20.03.1860)⁸. Однако для А.С. Уварова поэт все-таки сделал (единственное известное нам) исключение, преодолев свое «непреодолимое отвращение». Вряд

ли правдоподобно предположение, что Толстой сначала давал свои разрозненные стихотворения переписчику, чтобы составить и подарить тетрадь А.О. Смирновой, а затем, для Уварова, стал бы собственноручно дублировать эту тетрадь. Копии делаются с подлинника, а не наоборот. Скорее всего, «уваровская» тетрадь создана первой и послужила основой для всех остальных, в том числе и для «смирновской».

Третья тетрадь хранится в Государственном архиве Российской Федерации, в библиотеке Зимнего дворца⁹ (далее условно будем именовать ее «дворцовой»). Она написана неизвестной рукой, в ней те же 22 пронумерованных стихотворения, а без номера, перед первыми «Колокольчиками», поставлено «Коль любить – так без рассудку...», в точности как в «уваровской» тетради. Совпадения прослеживаются вплоть до расположения стихотворений на листах, но некоторые содержательные различия заставляют вспомнить о негодовании Толстого на переписчиков. Об этих различиях разговор будет особый.

Наконец, четвертая тетрадь принадлежит В.М. Жемчужникову, двоюродному брату Толстого и соавтору по Козьме Пруткову. Это писарская копия с авторской правкой; хранится она в Научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки¹⁰. По составу она расходится с предыдущими, особенно во второй части.

1. Колокольчики.
2. И у меня был край родной когда-то...
3. Коль любить, так без рассудку...
4. Цыганские песни.
5. Василий Шибанов (баллада).
6. Ты помнишь ли, Мария...
7. Благовест.
8. Шумит на дворе непогода...
9. Бор сосновый в стране одинокой стоит...
10. Колокольчики.
11. Дождя отшумевшего капли...
12. С моравского (Ой, стоги, стоги...)
13. По гребле, неровной и тряской...
14. Князь Михаил Репнин (баллада).
15. Милый друг, тебе не спится...

16. Ночь перед приступом.
17. Курган.
18. Волки.
19. Где гнутся над озером лозы...
20. Князь Ростислав.
21. Пустой дом.
22. Богатырь.
23. Поэт.
24. Коль любить – так без рассудку...
25. Средь шумного бала, случайно...
26. С ружьем за плечами, один, при луне...
27. Ты не спрашивай, не распытывай...
28. Слушая повесть твою, полюбил я тебя, моя радость!..
29. И у меня был край родной когда-то...
30. Ой, кабы Волга матушка да вспять побежала!..
31. Уж ты нива моя, нивушка...
32. Спускается солнце за степи...
33. Уж ты мать-тоска, горе-гореваньице!..
34. Ходит Спесь, надуваючись...
35. Поразмыслив аккуратно...

Назовем основные расхождения в составе. Вместо стихотворения «Ты знаешь край, где все обильем дышит...» поставлено «И у меня был край родной когда-то...». Стихотворение «Коль любить, так без рассудку...»¹¹, отсутствующее в «смирновской» тетради и поставленное без номера в самом начале «уваровской» и «дворцовой» тетрадей, здесь помещено третьим по счету. Из-за этого далее нумерация стихотворений смещается на одну позицию по сравнению с предшествующими тетрадями. Вплоть до стихотворения «Поэт» последовательность произведений сохраняется, а затем следует «дополнение» в виде 12 стихотворений. Правда, два из них являются повторами и зачеркнуты самим автором: «Коль любить, так без рассудку...» (повтор № 3), «И у меня был край родной когда-то...» (повтор № 2). На эти повторы обращает внимание Е.И. Прохоров в примечаниях к Полному собранию стихотворений А.К. Толстого, считая местонахождение указанных стихотворений на 24 и 29 местах соответствующим реальной хронологии их создания¹². На наш взгляд, это является косвенным доказательством того, что в первых трех тетрадях композиционная

логика была подчинена не столько хронологии, сколько другим, содержательным соображениям поэта, сознательно эту хронологию нарушившего. А тетрадь Жемчужникова как бы дополняет сложившийся сборник стихотворениями, написанными позднее, в хронологической последовательности.

2.

На то, что перед нами именно сборник, а не случайная выборка стихотворений, указывает определенная «архитектоника», трижды полностью воспроизведенная поэтом (и положенная в основу четвертой тетради). Обратим внимание на первую и последнюю позиции: «Колокольчики»¹³ и «Поэт». Означает ли это, что «Колокольчики» написаны первыми, а «Поэт» – последним из всего сборника? Вряд ли. И.Г. Ямпольский относит стихотворение «Поэт» к началу 1840-х годов, что имеет под собой некоторые стилистические основания. Мотивы, по которым А. Лирондель¹⁴ датировал «Поэта» 1850 г., неясны и не воспроизведены ни в одном из собраний сочинений. А.А. Кондратьев в своем примечании к «Поэту» предполагает: «По-видимому, одно из наиболее ранних стихотворений Толстого»¹⁵. Учитывая мнение А.С. Курилова о более позднем времени создания «Колокольчиков», приходится признать, что хронология не является единственным и определяющим композиционным принципом расположения произведений в первых трех тетрадях.

Завершающая – сильная позиция – у стихотворения «Поэт» с явно выраженным программным характером. В этом произведении речь идет не об авторе стихов, а о художнике в целом, т.е. осмыслено назначение человека искусства вообще. Как и одноименное стихотворение А.С. Пушкина, оно построено на контрасте между поэтом в обыденной жизни и его преображением в момент вдохновения. Тем показательнее принципиальные особенности трактовки темы у Толстого. Во-первых, ни малейшего намека на «ничтожность» и «малодушие» поэта в «заботах суетного света»: подчеркнута лишь сокровенность таинственного дара в «жизни светской, жизни душевной» – «скрыта», «таится», «скрывает», «дремлет». Да и определения «жизненных ролей» поэта здесь сугубо толстовские: «меж людей он добрый воин / Или мир-

ный гражданин». Удивительное сочетание «добрый воин» впоследствии отзовется диалектическим сочетанием любви и гнева в поэтическом словаре Алексея Константиновича (вспоминается в этой связи и «добрый меч», который готов «поднять за правду» лирический герой стихотворения «Двух станов не боец, а только гость случайный...», 1858). Во-вторых, Толстой уже не прибегает к античной эмблематике, говоря об искусстве, – если у Пушкина в первой части стихотворения к «священной жертве» поэта требует Аполлон, и лишь потом появляется «Божественный глагол», явно христианского происхождения (любопытным соединением того и другого становится словосочетание «святая лира»), то у Толстого вся система образов отчетливо связана именно с христианством: *Божия печать, пророк, Ангел, Богом вдохновенный, псалтырь, крылья херувима...* Если у Пушкина поэт покидал ничтожное общество и оставался наедине с природой, то у Толстого он покидает вообще «вещественный предел», т.е. преодолевает собственную телесную ограниченность, прикасается к Абсолюту. Вместо лиры поэт настраивает «псалтырь» «под голос грома» (позднее этот образ прозвучит в стихотворении «И.С. Аксакову»: «И я не раз под голос грома, / Быть может, строил свой Псалтырь», 1861), хотя звучат от «крыльев херувима» именно «струны». Таким образом, три тетради завершаются произведением, в котором искусство осмыслено как голос Бога в человеке, как путь преодоления ограниченности земного бытия, как окно в вечность.

Не менее показательна и первая позиция в сборнике: стихотворение «Колокольчики».

*Колокольчики мои,
Цветики степные!
Что звените вы в траве,
Темно-голубые?*

*Старину ль зовете вы?
Будущие годы?
Новгорода ль вам жаль?
Дикой ли свободы?*

*Иль морских богатырей
И царевен пленных?*

*Иль увенчанных царей
В бармах драгоценных?*

*Иль соборов на Москве
Во святом синклите?
Колокольчики мои,
Звените, звените!*

*Колокольчики мои,
В ковыле высоком!
Вы звените о былом
Времени далеком,*

*Обо всем, что отцвело,
Чего нет уж боле,
О боярах на Руси,
О казацкой воле.*

*Колокольчики мои,
В золотистом жите,
О Гетманищине лихой
Звените, звените!*

*Как лежит козак убит
В стороне немилой
И ракита говорит
Над его могилой!*

*Я прислушаюся к вам,
Цветики степные,
Русским людям передам
Я дела былые!*

*Гой ты, ветер, не шуми
В зеленой раките!
Колокольчики мои,
Звените, звените!*

Это стихотворение обычно помещают в собрания сочинений как ранний вариант широко известных «Колокольчиков»,

однако оно, кроме начальных и финальных строк, ни в чем не совпадает с балладой о всеславянском единстве, о чудесном всаднике, несущемся на коне «к цели неизвестной», о геополитическом выборе Руси-России. Этот «ранний вариант» направлен не в идеальное будущее, а в идеальное прошлое. Хотя во второй строфе и задается якобы риторический вопрос: «Старину ль зовете вы? Будущие ль годы?» – ответ на него дается всем последующим текстом – именно старину. Ее основные приметы перечислены: Новгородское вече («дикая свобода»), Московские соборы и «увенчанные цари», боярская жизнь и «козацкая воля». Фактически перед нами в сложном единстве здесь представлены те периоды русской истории, которые позднее для самого А.К. Толстого станут прямо противоположны друг другу – Киевско-Новгородская Русь, с которой связаны и былинные образы («морские богатыри и царевны пленные») – и Русь Московская, откуда и «драгоценные бармы» царей, и «святой синклит». Это не просто единство «прошлого» – того, что «прошло», хотя ностальгический мотив безусловно звучит одним из основных в общей тональности стихотворения («Вы звените о былом / Времени далеком, / Обо всем, что отцвело, / Чего нет уж боле...»). Единство здесь осуществляется и на каком-то ином уровне – не временном, а смысловом: все составляющие того прошлого, о котором пишет поэт, важны и нужны для понимания исторического пути России. Он прямо не обозначен, как проблема (пока), но он возникает из этого соотношения цветущего прошлого – и настоящего. Правда, ближе к финалу стихотворения появляется на первый взгляд неожиданная тема: «Как лежит козак убит / В стороне немилый, / И ракита говорит / Над его могилой». Частное и конкретное событие – смерть козака на чужбине – сообщает трагическую интонацию и «лихой Гетманщине», о которой шла речь в предыдущей строфе. Здесь временная дистанция по отношению к моменту лирического высказывания сокращается – возможно, еще и потому, что Алексей Толстой – внук последнего гетмана Малороссии, Кирилла Григорьевича Разумовского, – и образ деда появится уже в следующем стихотворении данной подборки. Здесь историческая память словно смыкается с родовым, семейным воспоминанием, обретая «определенно-личные» черты. Однако сам мотив гибели в чужом

краю биографических и исторических обоснований в трудах комментаторов пока не нашел.

Так или иначе, укоренившуюся практику относить это стихотворение к «ранним редакциям» известных «Колокольчиков», скорее всего, нужно менять. Перед нами *самостоятельное* произведение. Во-первых, хотя бы потому, что сам автор включил его в данный сборник *наряду* с «другими», привычными «Колокольчиками» – и даже поставил их довольно далеко друг от друга. Во-вторых, потому что содержание, образный ряд и авторская «сверхзадача» у этих произведений разные. Запоминающееся одинаковое начало – образ звенящих колокольчиков – продолжается, если можно так выразиться, в разных направлениях. Почти в противоположных, хотя и связанных, конечно, той узловой связью, которая соединяет прошлое с будущим через сердце поэта. Первое стихотворение можно считать своеобразной творческой программой поэта – впоследствии исторического писателя. Помимо обещания «русским людям передать... дела былые» здесь прямо обозначены и важнейшие «точки сборки» поздней историософии Толстого: Киевско-Новгородская и Московская Русь, пока еще не столкнувшиеся в борьбе за Россию сегодняшнюю и будущую. Этот конфликт созреет чуть позднее – сначала в балладах, а затем и в драматической трилогии.

Итак, первая и последняя позиции в «уваровской», «смирновской» и «дворцовой» тетрадах носят ярко выраженный программный характер: в первом стихотворении автор формулирует сам для себя задачу – рассказать о прошлом. В последнем стихотворении автор говорит о природе творчества как такового. То есть начинаются тетради с более или менее конкретного «попыла», а завершаются теоретическим обобщением; и то и другое имеет отношение к миссии поэта – как ее понимает А.К. Толстой.

Если посмотреть на состав тетрадей с точки зрения творческой программы, заявленной в первом стихотворении, то непосредственным выполнением этой программы являются баллады «Василий Шибанов», «Князь Михаил Репнин», «Ночь перед приступом», «Князь Ростислав», «Курган». Две из них посвящены Иоанну Грозному и составляют своеобразную дилогию («Василий Шибанов» и «Князь Михаил Репнин»), одна связана с эпохой Смутного времени («Ночь перед приступом»), одна поэтически

интерпретирует эпизод из «Слова о полку Игореве» («Князь Ростислав») и одна содержит размышление о памяти и забвении в исторической перспективе («Курган»).

Тема памяти в данной подборке решена не только через исторические произведения, ее можно назвать одной из «несущих» конструкций композиции всех трех тетрадей. Личностно-биографическое звучание темы обнаруживается в стихотворениях «Ты помнишь ли, Мария...» (лейтмотив «ты помнишь ли», обращенный к лирическому адресату), «Бор сосновый в стране одинокой стоит...» («Я люблю в том лесу вспоминать старину»), «По гребле, неровной и тряской...» («Все это уж было когда-то»), «Дождя отшумевшего капли...» («Так думал о днях я минувших»). Примечательно, что тема любви в лирических стихотворениях рукописного сборника практически нигде не выступает на первый план, звучит приглушенно, вводится опосредованно – через мотив утраченного счастья, общего воспоминания, через намек на близость к некоей «Марии», «Марусе». Только одно стихотворение содержит обращение к неназванной возлюбленной с призывом быть счастливыми «здесь и сейчас»: «Милый друг, тебе не спится...».

Совмещают исторический и «индивидуальный» аспект в авторских размышлениях о памяти стихотворения, посвященные семейно-родовым воспоминаниям, теме забвения, запустения, вырождения: «Ты знаешь край, все обильем дышит...» («О старине поет слепой Грицко»), «Шумит на дворе непогода...» (здесь тема разорения, утраты памяти отнесена в будущее время: «И дом навсегда запустеет»), «Пустой дом» («Забыли потомки свой доблестный род», «Забыл свою веру, забыл свой язык»).

Стихотворение «Цыганские песни» говорит о чудесной способности звука переносить слушателя в иное пространство и время – о том, что позднее выразится в балладе «Алеша Попович». Цыганские песни, слившиеся с русской натурой, словно напоминают лирическому герою о «лучшей земле», о «счастливом краю» и даже возвращают «прежние годы», причем не только в интимном ключе («Тихие речи, Маруся, твои»), но и в героическом, имеющем отношение к истории народа («Грозный шум сечи»).

В составе тетрадей соседствуют две баллады, которые в какой-то степени можно соотнести с классическими примерами этого жанра в творчестве В.А. Жуковского. Их сближает фантастический сюжет либо необъяснимое событие, влияющее на развязку. Это баллада о старухах-оборотнях «Волки» и баллада «Где гнутся над озером лозы...», существенно отличающаяся от итогового варианта, включенного автором в собрание сочинений.

Как будто смыкается с этими произведениями во внешней фантастичности сюжета баллада «Богатырь», описывающая некоего всадника, который разъезжает на своей кляче «по русскому славному царству» и в конце оказывается скелетом, «оглоданным остовом» с «безглазым черепом». Но это сходство-оборотничество (ведь и волки оказываются старухами, и веселые стрекозы оказываются коварными, почти демоническими существами) лишь внешнее, поскольку в данном случае перед нами явная и рациональная аллегория. Речь в балладе идет о губительной силе пьянства, и жуткий богатырь есть его олицетворение – всадник смерти, образ гибели, физического и нравственного разложения целой нации, попавшей под его дьявольское «притяжение» (усиливает этот момент упоминание о распятом Христе в связи с нравственной проблемой предательства-распятия). Пожалуй, только это стихотворение в сборнике имеет отчетливую связь с общественным явлением современной поэту действительности и проникнуто сатирическим пафосом. Любопытно, что оно стоит на предпоследней позиции и довольно резко контрастирует со стихотворением «Поэт» по содержанию и поэтической интонации, при этом по названию, наоборот, сближаясь с последним произведением сборника: в художественном мире Толстого богатырь и поэт (добрый воин) отнюдь не противостоят друг другу, а часто представляют собой разные грани творческого и жизненного самоощущения самого Алексея Константиновича. Неслучайно одна из наиболее глубоких и сочувственных статей о Толстом в дореволюционной критике называется «Поэт-богатырь» (М.О. Меншиков так переименовал название поздней программной баллады поэта «Поток-богатырь»)¹⁶. Получается, что название «Богатырь», само по себе как бы противопоставленное реальному содержанию баллады (в ней предстает антибогатырь, почти антихрист), особую иронию

приобретает еще и в соседстве с серьезным и гармоничным «Поэтом».

Особняком не только в составе тетрадей, но и во всей лирике Толстого стоит стихотворение «Благовест». В нем поэтически передано целебное воздействие на душу колокольного звона и открыто звучит мотив покаяния.

*Молюсь и каюсь я,
И плачу снова,
И отрекаюсь я
От дела злого...*

Связывает это стихотворение с другими произведениями рукописного сборника то, что в нем говорится о «родимом крае», причем его можно соотнести как с конкретным указанием на «родину души» – Малороссию («Ты знаешь край, где все обильем дышит...»¹⁷), так и с общим обозначением идеальной страны, «отчизны пламени и слова», того мира, куда «улетает» поэт в минуты вдохновения.

Две баллады в составе тетрадей имеют отчетливо панславистскую направленность – широко известные «Колокольчики» и «С моравского»¹⁸ («Ой, стоги, стоги...»). Их можно назвать «славянским циклом».

В первом стихотворении «дикость» и «непокорство» «славянского коня», несущего всадника к неизвестной цели, поэтически (возможно, иносказательно) представляют стихийность, рассудочную непознаваемость исторического движения, судьбы народов. Лирический всадник отдается этой увлекающей силе, в которой может явить себя Провидение, неслучайно единственно возможный ответ на вопрос об итогах и целях пути имеется лишь у Бога. Поэтому «простор», открытый перед всадником, означает еще и освобождение от самонадеянного человеческого стремления познать непознаваемое, от «узкого» представления о должном и недолжном развитии событий. Вера в промыслительность стремительного движения определяет и дальнейший пафос баллады: несмотря на предположительные «распутья» – смерть от зноя или медной стрелы «киргиз-кайсака» («монгольский тупик» русской цивилизации?), – именно «светлый град со кремлем престольным»

как итог получает поэтическое обоснование, являет собой апофеоз братского славянского единения. Вообще, с этого момента стихотворение приобретает отчетливые признаки баллады (хотя и не закреплённые самим писателем в подзаголовке, что было характерно для некоторых примеров данного жанра в его творчестве): вместо риторических обращений и вопросов проявляется повествовательное начало, точка зрения смещается в сторону объективного описания последовательности внешних действий, возникает диалог. Конечно, лирическое одушевление никуда не исчезает – описанная картина не просто близка сердцу лирического героя, она представляет собою воплощение его сокровенной мечты о судьбе народа и государства. На это указывают многочисленные оценочные эпитеты: «светлый» (трижды – о граде, о посланье, о лице хозяина), «чудно», «величавый». Особый акцент сделан на Малороссии и Польше – булава как признак гетманской власти, кунтуш как традиционная верхняя одежда поляков и украинцев... Но постепенно славянская «география» расширяется, на что указывают позднее исключённые строфы:

*На одних цвели полях
Древле наши деды,
Рус и Чех, Хорват и Лях
Знали те ж победы!*

*Будь же солнцем наших стран
И княжи над нами!
Кто на Бога и Славян
С Русскими орлами?*

В итоге создается идеально-праздничная картина любовного, добровольного и братского единения славянских народов; образ всадника сменяется образом восторженного наблюдателя совершаемого действия, и становится понятно – таков чаемый итог его пути как в конкретно-историческом, так и в метафизическом плане. Мечта привела лирического героя, как и все славянские народы, – в светлый стольный град, где воплощается Господний замысел о России как духовной наследнице Византийской империи. Любопытно, что стилистика, в которой описываются Москва («престольный кремль») указывает именно на нее, актуализируя

концепцию «третьего Рима») и «величавый хозяин», впоследствии будет характерна для произведений Толстого, посвященных Киевскому периоду русской истории. Обращение «Будь же солнцем наших стран» вызывает в памяти и образ Владимира Красное Солнышко, как будто перед нами не московский царь и не Российский император, а великий князь Киевский. Неслучайно «светлое посланье» идет «с запада», что впоследствии отзовется в «европейском славизме» как сознательной геополитической позиции А.К. Толстого (см., например, его письмо к Б.М. Маркевичу от 07.02.1869), воспевавшего Киевский период как гармонию исторически естественного единения Руси с западным миром. Таким образом, баллада «Колокольчики» наполнена еще и глубоко символическим смыслом: движение лирического всадника отражает духовный и исторический путь всего русского народа, освещенный авторским идеалом, представлением о Божественном Промысле в судьбе нации.

Стихотворение «Ой, стоги, стоги!...» начинается фактически так же, как и «Колокольчики», – с обращения лирического героя к природному образу. Но если в первой балладе это обращение остается риторическим, т.е. колокольчики необходимы как «пейзажное условие» для вдохновенного монолога-прозрения всадника, то вторая баллада оформлена именно как диалог: на свой вопрос, обращенный к стогам, герой получает ответ.

*«Добрый человек,
Были мы цветами,
Покосили нас
Острыми косами.*

*Раскидали нас
Посредине луга,
Раскидали врозь,
Дале друг от друга».*

Перед нами развернутая метафора, указывающая на трагическую разобщенность родственных наций¹⁹, если принимать традиционное истолкование образа стога в данном стихотворении. Трагизм усиливается еще и тем, что стоги состоят из мертвых растений, фигурально выражаясь, засохших колокольчиков. То есть

разрозненность и беззащитность перед внешними угрозами («в головах у нас черные вороны», «стая галок вьет поганые гнезда») смыкаются здесь с темой духовной гибели. Чтобы воскреснуть, славянскому братству необходимо соединиться вновь. На последних строфах в диалог «доброго человека» и стогов вплетается и еще один разговорный план – обращение (мольба) стогов к «орлу, отцу далекому», который осознается как единственный защитник и избавитель. Эпитеты, его характеризующие – «грозный»²⁰, «светлоокый», – напоминают образ величавого хозяина со «светлым лицом» в балладе «Колокольчики», соединяя «любовь и страх» в нерасторжимое единство.

*«Ой орел, орел,
Внемли нашим стонам!
Доле нас срамить
Не давай воронам!*

*Накажи скорей
Их высокомерье,
С неба в них ударь,
Чтоб летели перья...»*

Образ орла наполнен здесь отчетливыми «державными» ассоциациями как символ российской государственности (исключенные впоследствии строфы «Колокольчиков» также актуализировали этот образ: «Кто на Бога и славян / С русскими орлами?»). Конечно, рациональное истолкование развернутой метафоры «стогов» бессмысленно, поскольку орел реально ничем не может помочь в их соединении, не говоря уж о возрождении (как и черные вороны в реальности ничем не мешают стогам и не опасны для них, в отличие от воды и огня, например). Более важным оказывается ощущение раздробленности, разрозненности, связанное, скорее всего, с непосредственным зрительным впечатлением Алексея Константиновича, которое он стремится эмоционально передать читателю.

Обе баллады соотносятся друг с другом еще и по принципу контраста: «Колокольчики» рисуют отрадную картину – мечту о будущем, «Стоги» фиксируют печальную действительность настоящего (хотя возможно истолкование «Колокольчиков» как

прославления цветущего живого славянского мира в прошлом, а «Стогов» – как напоминания о былом единстве). В целом этот комплекс соотношений и антитез создает объемное художественное пространство, пронизанное стремлением привести реальность в соответствие с идеалом. Это стремление внутренне «скрепляет» оба стихотворения и через образ лирического героя – русского всадника.

Безусловно, «славянский цикл» А.К. Толстого является откликом на конкретное событие (юбилей воссоединения Украины с Россией) и учитывает положения конкретной геополитической идеи – панславизма. Но эта «внехудожественная» составляющая стихотворений почти растворена в лирическом одушевлении высказывания и иносказательном сюжетном построении обеих баллад. Толстой остается художником-лириком даже тогда, когда размышляет о политических темах. И его размышления всегда шире, универсальнее, «метафизичнее» конкретного повода. Может быть, поэтому четких представлений о том, как достичь желанного единства, как сделать реальностью светлую радость «Колокольчиков» и как преодолеть трагичное положение «Стогов», у автора нет. Он как будто чувствует, что не все зависит от каких-то рациональных решений, понимая, что историческая судьба народа есть тайна. И она, скорее всего, – в руце Божией.

Итак, три тетради представляют собой авторские сборники, в которых прослеживаются определенная логика и композиционный замысел. Этот замысел в общей схеме можно представить так:

- обещание – передать русским людям «дела былые» (в чем мой личный долг как поэта);
- исполнение обещания: поэтический разговор о времени – в историческом, личностном и философском аспектах;
- общий итог: в чем сущность истинного поэта (тема времени сменяется темой вечности. Без этого завершающего аккорда время было некоей самоцелью, теперь же оно включается в иерархию).

Важно и то, что тетради Уварова и Смирновой имеют один и тот же авторский заголовок: «Колокольчики». Причем два произведения с таким названием включены в сборники: под номером 1 и под номером 10. В символическом смысле этот природный образ помогает «скрепить» тему времени и тему искусства: все,

рассказанное поэтом (о прошлом и будущем), – лишь запись того, что ему «назвенели» колокольчики. Это как будто перекликается с представлением А.К. Толстого о «бессознательном» творчестве (см. более позднее стихотворение «Тщетно, художник, ты мнишь, что творений своих ты создатель!..», 1856). Кроме того, эмоционально и интонационно звон колокольчиков может звучать по-разному: весело и грустно, элегически и сатирически, лирически и эпически, – воздействуя звуком или рассказывая историю... В этом общем ключе и благовест с колоколами (по некоторым нюансам можно предположить, что это погребальный звон), и «гул колокольный» на улицах «престольного града» – тоже становятся одной из разновидностей ведущего, ключевого звукообраза всего сборника.

Что касается композиции «жемчужниковской» тетради, то она, естественно, не может обладать завершенностью и цельностью, поскольку фактически к уже сложившемуся сборнику «добавляет» написанные позднее произведения. Не считая двух повторов, новыми по сравнению с «уваровской», «смирновской» и «дворцовой» тетрадями являются 10 стихотворений. Четыре из них, посвященные С.А. Миллер-Бахметевой, представляют собой небольшой лирический дневник со своим сюжетом – встреча с возлюбленной, сомнения в чувстве, уверенность в чувстве, стремление быть вместе («Средь шумного бала, случайно...», «С ружьем за плечами, один, при луне...», «Ты не спрашивай, не распытай...», «Слушая повесть твою, полюбил я тебя, моя радость!..»)²¹. Далее идут четыре стихотворения «в народном духе», «разбавленные» ровно посередине стихотворением о каторжанах «Спускается солнце за степи...». Завершается тетрадь В.М. Жемчужникова стихотворением «Поразмыслив аккуратно...», которое, в отличие от предыдущих, вписано рукой самого Толстого – судя по всему, в то же время, когда производилась авторская правка списков. Учитывая, что стихотворение (последняя строфа) связано с событиями Крымской (Восточной) войны – с предательством лжесознонников австрийцев, – вся правка в тетради произведена, скорее всего, не ранее 1854 г. Любопытно, что в тетрадь не включены такие важные для понимания эстетических представлений А.К. Толстого стихотворения, развивающие тему любви в ее философско-психологическом ключе, как, например, «Мне в душу, полную

ничтожной суеты...», «Не ветер, вея с высоты...», «Меня, во мраке и в пыли...», – к тому времени уже созданные.

3.

Особый интерес представляют собой отличия текстов в тетрадях от окончательной редакции толстовских стихотворений (в сборнике стихотворений 1867 г. и в Полном собрании стихотворений 1876 г.²²), а также исправления в данных тетрадях.

Стихотворение, стоящее на нулевой (непронумерованной) позиции в «уваровской» и «дворцовой» тетрадях, «Коль любить – так без рассудку...», содержит еще одно – третье четверостишие:

*Коль плясать – так в хороводе,
Коль скакать – так на свободе,
Коль напасть – так уж врасплох,
Коль кричать – так с нами Бог!*

В тетради Жемчужникова это четверостишие отсутствует, а вторая строка второго четверостишия представлена в иной редакции: вместо «Коль *карать* – так уж за дело» – «Коль *стоять*, так уж за дело». Тем самым строка приобретает смысловую соотнесенность с войной, защитой Отечества, хотя поправка и нарушает внутрistroфическую оппозицию «коль карать» – «коль простить». В «дворцовой» тетради, как и в «жемчужниковской», – «стоять».

В «ранних» «Колокольчиках» строки «Где лежит казак убит / В стороне немилой» (первые три тетради) получают в «жемчужниковской» тетради иную, более лирическую «инструментовку», уже не связанную с «геополитикой»: «Где козак лежит убит, / Не оплакан милой».

В первых трех тетрадях стихотворение «Ты знаешь край, где все обильем дышит...» на три строфы (седьмая, восьмая и одиннадцатая) длиннее окончательной редакции: в исторический экскурс включены Святослав, Петр Первый и последний украинский гетман, прадед А.К. Толстого Кирилл Разумовский. Таким образом, тема Малороссии не только звучала в лирическом ключе, но и становилась «точкой пересечения» важнейших для всего Отечества цивилизационных категорий, персонифицированных в трех исто-

рических личностях. Святослав воплощает представление о древнерусской чести, мужестве и стойкости (ведущий мотив строфы интерпретирует его известное выражение «Мертвые сраму не имут», именно смерть здесь звучит как призыв и путь к защите чести); Петр в момент своего полтавского торжества над шведами символизирует победы и преобразования Нового времени, когда «европейский» выбор России был подкреплён усилением ее геополитического влияния (от этого периода в стихотворении останутся Мазепа и Кочубей); понятие чести является ключевым и в последней строфе как характеристика гетмана.

*Ты знаешь край, в беде не гнувшийся выю,
Где Святослав к дружине рек своей:
«Умрем за честь, погибнем за Россию,
Бо срама нет для тлеющих костей!»
Они ж рекли: «Мы все умрем с тобою!..»
Туда, туда стремлюся я душою!*

*Ты знаешь край, где древле наш Великий
В открытом поле шумно пировал,
Со звуком труб, побед сливались клики
И гордый Швед в смятении бежал?
Где наши деды все летели к бою,
Туда, туда стремлюся я душою!*

*Ты знаешь дом, где враг презренной лести,
Родной земле отдав остаток сил,
Последний Гетман жизни, полной чести,
Златой закат спокойно проводил?
Ты знаешь дом и липы над горою?
Туда, туда стремлюся я душою!*

Любопытно, что А.А. Кондратьев, курсивом отмечая выражения и строфы, отличающиеся от канонических версий толстовских произведений, выделяет таким образом только седьмую строфу, о Святославе. Почему? Может быть, это просто ошибка самого исследователя или следствие невнимательности наборщиков, корректоров? А возможно, Кондратьев имел в виду в качестве «репрезентативного» какой-то нам неизвестный вариант стихотво-

рения с двумя дополнительными строфами – о Петре Первом и о Кирилле Разумовском? Кстати, именно строфа о Святославе очевидно нарушает хронологию исторического повествования-воспоминания: шестая строфа заканчивалась образами Палея и Сагайдачного, после чего логично выглядит именно строфа о Петре Первом, пирующем после победы над шведами.

В балладе «Василий Шибанов» (во всех тетрадях) есть несколько весьма интересных расхождений с окончательной редакцией. Строка «Царь в смирной одежде трезвонит» в тетрадях представлена так: «Сам Царь, распевая, трезвонит». Возможно, тот образ, который возникал благодаря глаголу «распевает», не соответствовал стремлению представить момент вероятного духовного просветления монарха, поэтому впоследствии и появилась «смирная», т.е. траурная, одежда. Момент встречи гонца с Иоанном также существенно отличался. Вот канонический вариант.

*И очи царя загорелися вдруг:
«Ко мне? От злодея лихого?
Читайте же, дьяки, читайте мне вслух
Посланье от слова до слова!
Подай сюда грамоту, дерзкий гонец!»
И в ногу Шибанова острый конец
Жезла своего он вонзает,
Налег на костыль – и внимает...*

А вот «тетрадная» редакция:

*«Письмо от Андрюшки? От вора мово?
Письмо? От злодея лихого?
Давно ли с творцем говорит вещество?
И что нам гласит его слово?
Подай мне послание, дерзкий гонец!»
И в ногу Шибанова острый конец
Жезла своего он вонзает,
Оперся на жезл и читает...*

Как видим, принципиально изменилась ситуация с чтением послания: если в тетрадях Иоанн *сам* читал послание изменника, то в окончательном варианте он его слушает, что психологически

более оправданно, поскольку дает царю возможность наблюдать за мужественным гонцом («И царь на спокойное око слуги / Взирает испытующим оком»). Исчезло слово «вор», которым в то время называли прежде всего самозванцев, незаконных претендентов на чужое место, а также исправлен несколько святотатственный оборот, в котором Иоанн сравнивал себя с Творцом, а своего подданного – с «веществом». В «дворцовой» тетради вместо «вещество» поставлено малопонятное в антитезе с «творцем» «существо».

Строка «И молвил так царь: “Да, боярин твой прав!”» в тетрадах звучала следующим образом: «И начал так царь: “Да, изменник мой прав!”» Такое изменение «принадлежности» Курбского можно связать с усилением внимания именно к Шибанову – даже царь как будто признает гонца «точкой отсчета» при оценке Курбского.

Наконец, еще одно из содержательно значимых расхождений – последнее четверостишие баллады. В тетрадах было так.

*«За данного Богом царя я молюсь,
За нашу святую, великую Русь,
За всех моих злобных тиранов!»
Так умер Василий Шибанов.*

Получалось, что он молился за тех, кого называл «злобными тиранами», что содержало в себе определенное противоречие и делало финальным аккордом произведения тираноборческий пафос в духе рылеевских исторических дум. Неорганичность и фальшь такой концовки (ее несоответствие образу героя) поэт почувствовал и внес изменения. В последней редакции молитва Шибанова освобождается от мелочной злости, ведь «в сердце любовь и прощенье».

*«За Грозного, Боже, царя я молюсь,
За нашу святую, великую Русь –
И твердо жду смерти желанной!»
Так умер Шибанов, стремянный.*

Кстати сказать, выражение «За данного Богом царя» содержало в себе и объяснение, почему жертва молится за мучителя: этот мотив явственно присутствует и в романе «Князь Серебря-

ный»: «Мир праху вашему, люди честные! Платя дань веку, вы видели в Грозном проявление Божьего гнева и сносили его терпеливо; но вы шли прямою дорогой, не бояся ни опалы, ни смерти; и жизнь ваша не прошла даром...»²³

Стихотворение «Ты помнишь ли, Мария...» в первых трех тетрадях было длиннее на три строфы.

*Вельмож суровых много,
И много важных дам
На нас смотрели строго
И чопорно из рам.*

*Служившие когда-то
Бояре при Царях,
С осанкой бородатой,
Иль в белых париках,*

*Именем щедро розным
Даримые Двором
Иль павшие под грозным
Курляндским топором...*

То есть лиризм воспоминаний об «утраченных днях», имеющий отношение к адресату стихотворения – Марии, – уравновешивался (а то и перевешивался) эпическим обращением к историческому прошлому через фамильные портреты. В «жемчужниковской» тетради эти строфы зачеркнуты, сначала карандашом, потом пером – и сделано это, без сомнения, рукой автора, как и вся остальная правка.

В стихотворении «Шумит на дворе непогода...» также присутствовала «лишняя» (предпоследняя) строфа:

*А жадная дворня растащит
Скорей остальное добро,
Растащит старинные бронзы
И с древним гербом серебро.*

В этом варианте (учитывая строки предыдущей строфы – «Картины и редкие ткани / Наследник скорей увезет») основной

акцент делался на материальном – «рукотворном» разорении древнего поместья; впоследствии Толстой усилил метафизический и психологический характер происходящего, не связанный с виной конкретных людей. Примечательно, что в «жемчужниковской» тетради этой строфы уже нет, т.е. переписчик ориентировался либо на какую-то другую тетрадь, нам неизвестную, либо на конкретные авторские указания. Стихотворение это впервые было опубликовано в «Отечественных записках» в 1856 г., также без указанной строфы.

О двух строфах «общеславянского» содержания в составе «Колокольчиков» мы уже упомянули – они, впоследствии исключенные, присутствуют во всех тетрадах.

В балладе «Князь Михаил Репнин» (окончательный вариант названия – «Князь Михайло Репнин») было двестишестое, не вошедшее в последнюю редакцию произведения:

*Так молвил князь Михаил и горько зарыдал,
Но царь Иван Васильич от злости задрожал.*

Эти строки есть во всех тетрадах; однако образ рыдающего князя, судя по всему, показался Толстому не слишком органичным для ситуации, в которой нужно было проявить твердость и бескомпромиссность. Строки были исключены.

Стихотворение «Милый друг, тебе не спится...» в тетрадах предстает несколько измененным по сравнению с окончательной редакцией. Во-первых, была другая последовательность строф: «Не скрипят в саду ступени...» шла *после*, а не *до* «Встань, приют тебя со мною...». Во-вторых, в «уваровской», «смирновской» и «дворцовой» тетрадах присутствовали еще две строфы:

*Я пройду близ дикой вишни,
Около плетня,
У разрушенной кирпични
Ты найдешь меня! (третья строфа)*

*Дергачи кричат по нивам,
Перепел во ржи,
Час настал нам быть счастливым,
Друг, не откажи! (шестая, последняя строфа)*

В «жемчужниковской» тетради третья строфа уже отсутствует, стихотворение состоит из пяти строф, что отражает общую тенденцию работы поэта над текстом произведения: постепенное «очищение» его от слишком конкретных условий и настойчивых призывов, обращенных к лирическому адресату.

Баллада «Курган» в первых трех тетрадях была длиннее на шесть строф, которые представляли собой развернутый монолог тени витязя, погребенного в безымянном кургане. (По сравнению с окончательным вариантом более определенно звучала и нравственная мотивировка его забвения – вместо «громоносного имени» в устах певцов было «Наездника страшное имя».)

*Когда же на Западе дальний
Бледнея, скрывается день,
Сидит на кургане печально
Забывшего витязя тень;*

*Сидит и вздыхает глубоко:
«Где слава, где слава моя?
Минувшие веки далеко,
Отторгнут от прошлого я!*

*О жизни своей вспомяну ли?
Все было иначе тогда!
Певцы, вы меня обманули;
Венцов моих нет и следа!*

*И если бы знал я как скоро,
Как скоро увянут они,
Далеко от брани и сора²⁴
Я прожил бы мирные дни!»*

*Так думает витязь, вздыхая,
На темном кургане сидит,
Доколе заря золотая
Пустынную степь озарит;*

*Тогда он обратно уходит,
В подземный уходит свой дом,
А ветер по-прежнему бродит,
И грустно и пусто кругом.*

Здесь звучит мотив, не сохраненный в окончательной редакции баллады: витязь имеет возможность убедиться в бренности собственной славы, причем печальная посмертная судьба связана для него с неверным жизненным решением. Поверив лстивым обещаниям певцов (на которых он пытается переложить ответственность), витязь выбрал «брань и сор» вместо «мирных дней». Конечно, не факт, что мирная жизнь обеспечила бы ему посмертную славу, но скорее всего речь идет именно о неоправданной жертве во имя тщетной надежды победить время. Брань, война, разрушение (не освященные великой целью – защитить Отечество, «положить душу за други своя») есть насилие над человеческой природой, есть торжество эгоизма и социал-дарвинизма, и его результат – nihil.

В тетради В.М. Жемчужникова отсутствует как раз строфа, имеющая отношение к сожалению витязя о неправильном выборе, – «И если бы знал я как скоро...». Остальные же пять строф зачеркнуты пером; таким образом, по количеству оставленных строф баллада соответствует окончательному варианту.

Стихотворение «Где гнутся над озером лозы...» в первых трех тетрадах также имело несколько дополнительных строф, которые в тетради Жемчужникова перечеркнуты; кроме того, там же исправлена первая строка – вместо *озером* написано *омутом*.

*Дитя побежало проворно
На голос манящих стрекоз...
Там ил был глубокий и черный
И тиною омут порос.*

*Стрекозы на пир поскорее
Прятелей черных зовут,
Из нор своих жадные раки
С клещами к добыче ползут,*

*Впились в ребенка и тащат,
И тащат на черное дно,
Болото под ним расступилось
И вновь затянулось оно.*

*И вновь где нагнулися лозы
От солнца палящих лучей
Летают и пляшут стрекозы,
Зовут неразумных детей.*

Такая концовка вполне соответствовала жанру «страшной баллады», в традициях В.А. Жуковского и европейских романтиков первой четверти XIX в. (ср., например, с образом губительной и персонифицированной природной силы в «Лесном царе» И.В. Гёте). Однако Толстой впоследствии снимает эту сюжетную часть, и баллада приобретает зловещую недосказанность, пробуждая фантазию читателя, и тем самым становится больше похожей на лирическое стихотворение.

В балладе «Богатырь» во всех четырех тетрадях по сравнению с окончательной редакцией, наоборот, отсутствовали следующие строфы.

*Стучат и расходятся чарки,
Трехпробное льется вино,
В кабак, до последней рубахи,
Добро мужика снесено...
<...>*

*Был сын у родителей бедных;
Любовью к науке влеком,
Семью он свою оставляет
И в город приходит пешком.*

*Он трудится денно и ночью,
Покою себе не дает,
Он терпит и голод и холод,
Но движется быстро вперед.*

*Однажды, в дождливую осень,
В одном переулке глухом,
Ему попадается всадник
На кляче разбитой верхом.*

*«Здорово, товарищ, дай руку!
Никак, ты, бедняга, продрог?
Что ж, выпьем за Русь и науку!
Я сам им служу, видит бог!»*

*От стужы иль от голодухи
Прельстился на водку и ты –
И вот потонули в сивухе
Родные, святые мечты!
<...>*

*«Теперь, вишь, другие порядки,
Знай пей молодец, не тужи!
А лучше чтоб спорилось дело,
На то топоры и ножи!»*

Кроме того, в тетради Жемчужникова зачеркнуто еще несколько строк:

*В деревню домой воротился
От службы усталый солдат;
Его угощают родные,
Вкруг штофа горелки сидят.*

*Приходу его они рады,
Но вот уж играет вино,
По жилам бежит и струится
И головы кружит оно.*

*«Да что, говорят ему братья,
Уж нешто ты нам и старшой!
Ведь мы-то трудились, пахали,
Не станем делиться с тобой!»*

*И ссора меж них закипела,
И подняли бабы содом;
Солдат их ружейным прикладом,
А братья его топором.*

*Сидел над картиной художник,
Он Божию Матерь писал,
Любил как дитя он картину,
Он ею и жил и дышал.*

*Вперед подвигалось дело,
Порой на него с полотна
С улыбкой Мария глядела,
Его ободряла Она.*

*Сгрустнулося раз живописцу,
Он с горя горелки хватил,
Забыл он свою мастерскую,
Свою Богоматерь забыл!*

*Весь день он валяется пьяный
И в руки кистей не берет,
Меж тем под рогожею всадник
На кляче плетется вперед.*

*Работают в поле ребята,
И градом с них катится пот,
И им сострадательный всадник
Клейменный свой штоф отдает.*

*Пошла между ними потеха!
Трехпробное льется вино,
По жилам бежит и струится
И головы кружит оно.*

*Бросают они свои сохи,
Готовят себе кистени,
Идут на большую дорогу,
Купцов поджидают они.*

Впервые в составе тетрадей мы находим стихотворение, которое перед включением в собрание сочинений было не сокращено автором, а, наоборот, дополнено несколькими отдельными историями губительного воздействия пьянства на физическое и нравственное здоровье нации: алкоголь разрушает отношения в семье,

уничтожает стремление к знанию, мешает труду и творчеству, способствует общей социальной криминализации. Единственная строфа, которая была в тетрадах и не вошла в окончательную редакцию:

*Пошли меж крестьянами толки,
«Дошла ж и до нас череда!»
Толпою идут из деревни –
И сами не знают куда!*

В «дворцовой» тетради изменен смысловой акцент в самой напряженной и «ударной» строфе:

*И много Понтийских Пилатов,
И много лукавых Иуд
Отчизну свою распинают,
Царя (в других тетрадах – Христа) своего продают!*

4.

Теперь обратим внимание на авторские исправления в тех 10 стихотворениях, которые входят лишь в тетрадь Жемчужникова. Из предыдущих наблюдений ясно, что какая-то правка в тексты стихотворений (в основном сокращения) вносилась еще до переписывания их в тетрадь Жемчужникова. Но и в тетради немало следов авторского «вмешательства» в тексты, как мы уже убедились.

Очень интересны они в стихотворении «Средь шумного бала, случайно...».

Лишь глазки лукаво блеснули...

Три слова густо зачеркнуты, над ними рукой Толстого вписано: *очи печально глядели*.

А смех твой, веселый и звонкий...

Слово *веселый* зачеркнуто, сверху написано: *и грустный*.

Я вижу лукавые очи...

Лукавые зачеркнуто, сверху написано: *печальные*.

Я слышу знакомую речь...

Вместо *знакомую* поставлено *веселую*.

И сладко я так засыпаю...

Вместо *сладко* стало *тихо*.

Наконец:

И в грезях (одно слово невозможно разобрать, настолько густо зачеркнуто) *я сплю...*

Вместо зачеркнутого эпитета вписано *неведомых*.

В первоначальном варианте характеристика «маски» была одномерной, отсутствовало противоречие между настроением и обликом героини, было дважды подчеркнуто лукавство как внутреннее качество (определение относилось к глазам); в итоговой правке (причем Толстой сделал все, чтобы первоначальный вариант было невозможно разглядеть – зачеркивания очень густые) вместо лукавства появилась печаль (грусть); благодаря этому возникает дистанция между «внутренним» и «внешним» (минорным и мажорным) планами в характеристике героини, мотив тайны, заявленный в первой строфе, тем самым получает продолжение и развитие; стилистически возвышается ее портрет за счет замены «глазок» на «очи», определение «тихо» вместо «сладко» более соответствует состоянию лирического героя, встретившегося с тайной, которую ему предстоит разгадывать.

В стихотворении «Слушая повесть твою, полюбил я тебя, моя радость!..» густо зачеркнуты пятая строка, третья и четвертая с конца; финал стихотворения содержит три строки, не вошедшие в окончательную редакцию (но в тетради не зачеркнутые). После обращения к лирическому адресату «Ты прислонися ко мне,

деревцо, к зеленому вязу» идет более развернутая характеристика образа «зеленого вяза», соотнесенного с лирическим героем:

*Врылись в недра земли глубоко мои крепкие корни,
Веют прохладой мои широкошумящие ветви,
Ты прислушайся к ним, в них голос веселого детства...*

В последнем стихотворении «жемчужниковской» тетради (в оглавлении, написанном карандашом и не рукой Толстого, оно названо «Немецкая служба») – «Поразмыслив аккуратно...» – одна из строчек звучит так: «Хоть сейчас пойду на Турку».

Впоследствии строка переработана поэтом: «Рад за родину сразиться». Вероятнее всего, при подготовке текста стихотворения к собранию Толстой постарался придать ему более обобщенный смысл, несводимый к позорному поведению лжесоюзников во время Крымской войны.

Осмысливая характер правки, произведенной рукой автора в «уваровской», «дворцовой» и «жемчужниковской» тетрадях²⁵, можно выделить несколько ее направлений.

1. *Поиск более точных (соответствующих действительности) и более благозвучных выражений.* Эта правка характерна для тетради Уварова и далеко не всегда носит принципиальный характер – ее правильно назвать вкусовой, отражающей этапы поиска оптимальных вариантов некоторых поэтических строк. Нередко зачеркнутый в этой тетради вариант восстанавливался затем самим автором (в других тетрадях, в журнальных редакциях и в собраниях стихотворений). Например:

*Шумит на дворе непогода...
И дом навсегда запустеет,
~~И сад заглушится~~ Аллеи заглохнут травой*

*Колокольчики мои...
В кунтушах и в чекменях,
~~С усами, с чубами,~~ С длинными усами*

*Дождя отшумевшего капли...
И все мои светлые мысли
~~Как бурю прочь~~ Одну за другой унесло*

Князь Ростислав
Я чаю, князя день и ночь
Княгиня дома ждет:
~~Ладыя его умчала прочь —~~
~~Назад не принесет~~
С дружиной в даль ушел он прочь,
С дружиной не придет!

2. *Сокращение, вычеркивание строф.* Эта правка нередка в тетради Жемчужникова, и вполне возможно, что она вносилась Толстым после того, как были подготовлены (или в процессе этой подготовки) редакции стихотворений для журнальных публикаций и для собрания стихотворений («Ты помнишь ли, Мария...», «Шумит на дворе непогода...», «Курган», «Где гнутся над омутом лозы...», «Богатырь»). В связи с сокращениями строф нередко вносится правка и в оставшиеся строфы – в качестве логической и эмоциональной «связки».

3. *Содержательная правка политического (возможно, конъюнктурного) характера.* В тетради Жемчужникова по-иному расставлены акценты в стихотворении «Колокольчики мои...». Вполне возможно, эта правка связана с началом Крымской войны, когда противостояние именно с турками стало источником конфликта с европейскими державами. В итоговом варианте Толстой возвращает «немцев» в последнюю строку строфы – как общее обозначение инородцев и иноверцев, противопоставленных славянскому братству.

Шум летит на дальний юг
К ~~Турке~~ Немцам и к Венгерцу –
И ковшей славянских звук
~~Немцам~~ Туркам не по сердцу!

4. *Изменения в характеристике лирического персонажа.* Эта правка относится к стихотворению «Средь шумного бала, случайно-но...» в тетради Жемчужникова.

Если обобщить наблюдения за авторскими исправлениями, то можно увидеть, что

во-первых, А.К. Толстой постоянно возвращался к своим стихотворениям и продолжал их править в поисках наиболее подходящих вариантов некоторых выражений и образов;

во-вторых, его правка в рукописных тетрадах отражает стремление к большей точности и краткости поэтического высказывания, некоторые из сокращений способствуют большей «лиризации» произведений: эпическое, балладное начала приглушаются, в сюжете появляется недосказанность;

в-третьих, ему важно внести исправления в текст, связанный с реальным человеком (С.А. Миллер), – вполне возможно, уточненная характеристика лирического персонажа представляет собой «ретроспективный взгляд» на произошедшее событие (встреча на бале-маскараде) и становится для писателя более ценной, чем непосредственная «импрессионистичная» зарисовка собственного впечатления. Поэт как бы заново осмысливает это событие уже с высоты своего знания о том, что «случайно» встреченный человек станет впоследствии самым близким, дорогим, любимым спутником жизни.

5.

Таким образом, рукописные тетради А.К. Толстого представляют собой авторские стихотворные сборники с определенной логикой расположения произведений и отражают его работу над текстом стихотворений. Композиция этих рукописных тетрадей вряд ли может быть буквально соотнесена с хронологией создания произведений, хотя все они относятся к наименее проясненному периоду его творческой жизни – от 1840-х до середины 1850-х годов. Дальнейшие архивные разыскания помогут определить точную датировку этих стихотворений, которые в существующих ныне собраниях сочинений писателя публикуются в разном порядке (а баллады традиционно выделяются в самостоятельный раздел). Вот несколько примеров.

«Бор сосновый в стране одинокой стоит...», «Поэт», «Колокольчики мои...», «Ты знаешь край, где все обильем дышит...», «Цыганские песни», «Ты помнишь ли, Мария...», «Благовест», «Шумит на дворе непогода...», «Дождя отшумевшего капли...», «Ой, стоги, стоги...», «По гребле, неровной и тряской...», «Милый

друг, тебе не спится...», «Пустой дом» (Собрание сочинений: В 4 т. М., 1964. Т. 1).

«Бор сосновый в стране одинокой стоит...», «Из Индии дальней...», «Ты помнишь ли, Мария...», «Шумит на дворе непогода...», «Дождя отшумевшего капли...», «Ой стоги, стоги...», «По гребле, неровной и тряской...», «Милый друг, тебе не спится...», «Ты знаешь край, где все обильем дышит...», «Колокольчики мои...» (Полное собрание стихотворений: В 2 т. Л., 1984. Т. 1).

«Бор сосновый в стране одинокой стоит...», «Колокольчики мои...», «Ты знаешь край, где все обильем дышит...», «Цыганские песни», «Ты помнишь ли, Мария...», «Благовест», «Шумит на дворе непогода...», «Дождя отшумевшего капли...», «Ой, стоги, стоги...», «По гребле, неровной и тряской...», «Милый друг, тебе не спится...», «Пустой дом», «Поэт» (Полное собрание стихотворений и поэм. М., 2006).

«Бор сосновый в стране одинокой стоит...», «Из Индии дальней...», «Шумит на дворе непогода...», «Дождя отшумевшего капли...», «Ой стоги, стоги...», «По гребле, неровной и тряской...», «Милый друг, тебе не спится...», «Ты знаешь край, где все обильем дышит...», «Колокольчики мои...», «Ты помнишь ли, Мария...» (Полное собрание сочинений и письма: В 5 т. М., 2017. Т. 1.).

Для уточнения датировки необходима и биографическая мотивировка обращения поэта к той или иной теме, вопросу, мотиву – так сказать некий внешний стимул, который послужил созданию каждого конкретного произведения. Некоторые из таких объяснений предлагает А.С. Курилов в упоминавшейся статье – и в этом направлении нужны дальнейшие разыскания и обоснованные предположения.

Нерешенными остаются множество вопросов. Как, когда и почему возникает у Толстого потребность в составлении авторских рукописных сборников? Может быть, это своеобразная «репетиция» для будущего собрания стихотворений? Несмотря на то что оно было осуществлено только в 1867 г., речь о нем периодически возникает в письмах Алексея Константиновича 1850-х годов. «Императрица – ангел... <...> ...сегодня вечером она заставила меня ей прочесть мои стихотворения... <...> Она очень меня поддерживала и сказала мне, чтобы я ей посвятил весь сборник...» (С.А. Миллер от 25.10.1856)²⁶; «Если бы я теперь издал свои

стихотворения, вышел бы целый маленький томик, включая переводы...» (С.А. Толстой от 25.11.1856)²⁷; «Собрание моих стихотворений – несмотря на то, что Вы дружески предложили присмотреть за их печатанием – я все еще Вам не послал...» (Б.М. Маркевичу от 09.01.1859)²⁸; «...попросить Вас, как Вы любезно предлагали мне, заняться изданием книжки моих мелких стихотворений...» (Б.М. Маркевичу от 20.03.1860)²⁹. Кстати сказать, упоминание о супруге государя Марии Александровне в первом из цитированных писем невольно наводит на предположение: а не задумана ли «дворцовая» тетрадь именно как сборник для Императрицы, с которой у Толстого были весьма теплые и доверительные отношения? Но вряд ли этот замысел был доведен до воплощения, поскольку тетрадь из Библиотеки Зимнего дворца даже внешне не соответствует такой «парадной» цели.

В любом случае главная «точка отсчета» для будущих размышлений в этом направлении – автографическая тетрадь А.С. Уварова. Когда она создана и подарена? Почему в нее без номера вписано стихотворение «Коль любить – так без рассудку...»? Могло ли знакомство с Уваровым как-то повлиять на состав тетради? Известно, что Алексей Сергеевич приехал из Петербурга в Москву, чтобы познакомиться с историком М.П. Погодиным (по рекомендательному письму своего отца, министра народного просвещения Сергея Семеновича Уварова) в 1847 г. В 1848 г. Уваров участвовал в раскопках на Черноморском побережье, в 1851–1854 гг. увлеченный археолог изучил в Московской и Владимирской губерниях более 7 тыс. курганов (не явилось ли общение с ним одним из стимулов создания баллады «Курган»?). И еще одно интересное предположение: «Граф А.К. Толстой, весьма близко знавший графа Алексея Сергеевича, по утверждению современников, под впечатлением его характера написал строки: *Коль любить, так без рассудку...*»³⁰

Очевидно, что архивные материалы, связанные с Алексеем Константиновичем Толстым, скрывают в себе немало тайн, от раскрытия которых зависит верность наших представлений о творческом пути этого замечательного писателя.

- ¹ ОПИ ГИМ. Ф. 17 (Уваровы). Оп. 2. Ед. хр. 444. Л. 1–58.
- ² Сразу назовем те стихотворения, которые впоследствии не были включены поэтом в собрание сочинений – ни в 1867 г., когда вышел его единственный прижизненный сборник стихотворений, ни в конце жизни, когда готовилось Полное собрание стихотворений, вышедшее в свет уже после смерти Толстого, в 1876 г. В собраниях сочинений отсутствуют стихотворения: «Колокольчики» (№ 1), «Цыганские песни», «Благовест», «Пустой дом», «Поэт».
- ³ *Колокольчики*. Александре Осиповне Смирновой от *сочинителя*. Ой не видно того села – тыльки видны хресты, / Туди любо, туди мило вигеньками увиты!
- ⁴ *Кондратьев А.А.* Граф А.К. Толстой: Материалы для истории жизни и творчества. СПб., 1912. С. 91–109.
- ⁵ Созданное, по мнению одних ученых (Л.И. Емельянов, Е.И. Прохоров; В.А. Котельников, А.П. Дмитриев), в 1850 или в 1851 г., а по мнению других (И.Г. Ямпольский) – в 1854 г.
- ⁶ *Курилов А.С.* Когда и о чем звенели колокольчики? К вопросу о датировке стихотворений А.К. Толстого // Литературоведческий журнал. 2016. № 39. С. 114–142.
- ⁷ *Толстой А.К.* Собр. соч.: В 4 т. М., 1964. Т. 4. С. 104.
- ⁸ Там же. С. 117.
- ⁹ ГАРФ. Ф. 728 (Библиотека Зимнего дворца). Оп. 1. Ч. 2. Ед. хр. 3182. Л. 1–51 об.
- ¹⁰ НИОР РГБ. Ф. 218. № 485.
- ¹¹ В «жемчужниковском» варианте именно так – с запятой, а не с тире в середине строк.
- ¹² См.: *Толстой А.К.* Полное собрание стихотворений: В 2 т. Л., 1984. Т. 1. С. 526. Доводы Е.И. Прохорова взяты за основу и в Полном собрании стихотворений, в двух томах (СПб., 2016, серия «Литературные памятники»), и в новейшем Полном собрании сочинений А.К. Толстого, в пяти томах (М., 2017).
- ¹³ Несмотря на то что в двух тетрадях, как мы помним, на первой (нулевой) позиции стоит «Коль любить – так без рассудку...», все-таки под номером 1 помещены «Колокольчики».
- ¹⁴ *Lirondell A.* Le poete Alexis Tolstoi. L’homme et l’oeuvre. Paris, 1912.
- ¹⁵ *Кондратьев А.А.* С. 116.
- ¹⁶ См.: *Меньшиков М.О.* Критические очерки: В 2 т. СПб., 1899. Т. 2.
- ¹⁷ Кстати сказать, концепт «край», неоднократно звучащий в стихотворениях сборника, этимологически родственен понятию *Украина*.
- ¹⁸ Этот заголовок мистифицирует читателя указанием на существование некоего подлинника, написанного на моравском языке. Впоследствии поэт снял название, и в собраниях сочинений стихотворение вошло по первой строке.
- ¹⁹ По мнению А.С. Курилова, эти два стихотворения составляют «украинский цикл» и в образе стогов выражена разобщенность *внутри* Украины (Левон-

- бережная, Правобережная, Запорожье, Буковина, Подолье, Закарпатье, Галиция).
- 20 Не здесь ли выступает «лучшая сторона» загадочной исторической личности Грозного?
- 21 Может быть, о своих отношениях с Софьей Андреевной, поэтически запечатленных в стихотворениях, Толстой счел возможным рассказать лишь своему двоюродному брату Владимиру Жемчужникову, посвященному в перипетии этого непростого жизненного сюжета?
- 22 А.К. Толстой принимал деятельное участие в подготовке этого собрания, но увидеть его напечатанным не успел. В последних научных изданиях (Полное собрание стихотворений: В 2 т. СПб., 2016, серия «Литературные памятники»; Полное собрание сочинений и письма: В 5 т. М., 2017) именно Полное собрание стихотворений 1876 г. взято за основу как последняя авторская воля. *Толстой А.К. Собр. соч.: В 4 т. Т. 3. С. 446.*
- 24 По свидетельству Кондратьева, в тетради Смирновой – *спора*. В тетради Уварова – *сора*. Возможно, речь шла не о соре как мусоре, а о ссорах.
- 25 О поправках в тетради Смирновой ничего не известно – Кондратьев о них не говорит.
- 26 *Толстой А.К. Собр. соч.: В 4 т. Т. 4. С. 88.*
- 27 Там же. С. 92.
- 28 Там же. С. 104.
- 29 Там же. С. 117.
- 30 *Вострышев М.И.* Исследователи древностей. Археологи и коллекционеры граф Алексей Сергеевич Уваров (1825–1884) и графиня Прасковья Сергеевна Уварова (1840–1925). Режим доступа: <http://litresp.ru/chitat/ru/%D0%92/vostrishev-mihail-ivanovich/moskovskie-obivateli/66>

А.С. Курилов

**«ДЕРЖАВШИЙ СТЯГ ВО ИМЯ КРАСОТЫ»:
ТЕОРЕТИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВЗГЛЯДЫ
А.К. ТОЛСТОГО**

Аннотация. В статье рассматриваются представления А.К. Толстого о сущности художественного творчества и назначении «чистого искусства».

Ключевые слова: искусство; поэзия; задачи и цели литературы.

Kurilov A.S. *The theoretical views of A.K. Tolstoy*

Summary. The article deals with the views of A.K. Tolstoy on the essence of creative activities and the mission of «pure art».

Keywords: art; poetry; task and aim of literature.

Теоретико-литературные взгляды писателей – это, по сути, оригинальные теории литературы. Они существуют в сознании писателей, как говорится, *де-факто*, никак не оформленные *де-юре* в виде определенных, зафиксированных соответствующим образом систем понятий о литературе. Будучи таковыми, эти взгляды, как и положено теории, также основываются на представлениях о сущности, специфике и назначении литературы и ее составляющих – жанров, выразительно-изобразительных средств и т.д.

В отличие от теоретиков-литературоведов, выстраивающих свои теории, учитывая сказанное о литературе другими, а также ориентируясь на собственное восприятие литературных произведений, писатели, как правило, исходят из своего личного художественного опыта, обосновывать который и призваны их теоретико-литературные взгляды.

Представления писателей о литературе, ее сущности, специфике, назначении и ее составляющих, однажды возникнув в их сознании, становятся затем для каждого из них не только руководством в собственной художественной деятельности, но и исходными при критике ими произведений других писателей. И часто только эти высказывания, говорящие, с каких позиций они судят о творчестве своих собратьев по перу, дают возможность понять и определить содержание и границы их теоретико-литературных взглядов. Потому что критика, как это у нас хорошо известно еще со времен В.Г. Белинского и В.Н. Майкова, есть приложение теории литературы к произведениям литературным.

Теоретико-литературные взгляды А.К. Толстого – не исключение.

Они основываются на представлениях писателя о поэте и поэзии, их сущности и назначении. Поэты для Толстого понятие – очень широкое. Это и «песнопевцы», и рассказчики-повествователи, и драматурги. На каждом из них, считает он, лежит «Божья печать», потому они и поэты. Для Толстого поэт и художник – синонимы. Слово «литература» в его суждениях и высказываниях почти не встречается. Для него лирика, романы, повести, трагедии, комедии, сатира и т.д. – одно: поэзия, ее синоним – искусство. Все произведения объединяет художественность – главный признак искусства. Поэтому все высказывания Толстого об искусстве и искусстве, не говоря уж о поэте и поэзии, носят общий теоретико-литературный характер, и в этом качестве должны рассматриваться.

В своих представлениях о поэте и поэзии Толстой исходит из того, что жизнь людей состоит, с одной стороны, из «духовных стремлений», а с другой – из «материальных побуждений», отдавая при этом приоритет духовной составляющей жизни. Именно «духовные стремления», считает он, определяют «внутреннее сознание народа», которое зависит только от этих стремлений и не зависит от «законодательных или административных мер». Проявляются же стремления «в безотчетном чувстве прекрасного», которое в «большей или меньшей степени врождено всякому народу».

В то же время, «вродившись», само это чувство «проявляется только в народе, достигшем известной степени нравственного развития», как «признак его превосходства над материальной сто-

роной». И вместе с «чувством законности и чувством свободы», изначально присущими любому гражданину, «чувство прекрасного», составляя «потребность жизни» народа, становится показателем того, что народ «уже готов к жизни гражданской» и может «путем разумных учреждений возводить государство на более высокую степень законности и свободы», потому что «свобода и законность, чтобы быть прочными, должны опираться на внутреннее сознание народа...» (III, 450).

Однако наш народ, полагает Толстой, к такой жизни пока еще не готов: его «нравственное развитие» еще не достигло необходимой для того степени (уровня). Развивать же нравственность в народе до необходимого уровня способна только поэзия, к чему она призвана и для чего предназначена. Это первая и, можно сказать, главная посылка теоретико-литературных взглядов Толстого.

«Поэзия, прекрасное, любовь к красоте, – пишет он, – ...это органически свойственно природе человека» (IV, 319). На понятии о прекрасном и возводит свою теорию поэзии (литературы) Толстой.

Прекрасным, совершенным, абсолютным, считает он, является все, созданное Всевышним. И иным оно быть просто не могло. Именно поэтому чувство красоты пробуждают в человеке

*...сокровища природы:
Степей безбрежный простор,
Туманный очерк дальних гор,
И моря пенистые воды,
Земля, и солнце, и луна,
И всех созвездий хороводы,
И синей тверди глубина.
«Иоанн Дамаскин»*

Прекрасное неизменно, считает Толстой (IV, 318), прекрасен был и человек, созданный Богом по своему образу и подобию. И изначально отличала его красота нравственная, внутренняя, человечность.

Однако постепенно красоты природы, окружающего человека мира перестали восприниматься им как прекрасное, как Божий дар, а люди век за веком теряли внутреннюю красоту, нравственную чистоту, человечность. И чтобы сохранить в человеке чело-

вечность, способность чувствовать и воспринимать прекрасное, Господь послал на Землю поэзию.

*Тщетно, художник, ты мнишь, что творений своих ты создатель!
Вечно носились они над землею, незримые оку, –
носились, чтобы затем по необходимости спускаться на грешную
землю (I, 128–129).*

Поэзия, отражая и выражая красоты мира внешнего и внутреннего, природы и нравственности, высвечивая лучшие черты и качества человека, устремлена к абсолюту, «есть ступень к лучшему миру» (IV, 91). В этом отношении искусство, считает Толстой, и прежде всего поэзия, полезнее любого «круга деятельности»; он ставит «искусство, как пользу, сто раз выше службы» (IV, 90), имея в виду государственную службу. При этом он сознает, что поэзия – тоже своего рода «служба», только особая – «служить Творцу его призванье»: певец рожден «глаголом вольным Бога славить!» (I, 514). Славя Бога, поэт приносит людям пользу, не давая им забывать о Создателе.

Заявив, что и от искусства есть своя польза, Толстой тем не менее пишет: «...назначение поэта – не приносить людям какую-то непосредственную выгоду или пользу, но возвышать их моральный уровень, внушая им любовь к прекрасному...» (IV, 426). Однако «возвышая моральный уровень» людей, «внушая им любовь к прекрасному», уже одним этим поэт приносит людям «непосредственную выгоду и пользу»: чем выше «моральный уровень» людей и чем больше их «любовь к прекрасному», тем они ближе к Богу. В этом отношении «непосредственная выгода» поэзии, ее «польза» очевидны.

Однако Толстой почему-то считает, что «выгода» бывает лишь материальной, а «польза», как он отмечал ранее, – только гражданской (III, 450). Поэта же, как он подчеркнет, должно занимать и волновать исключительно духовно-нравственное, «истинное, вечное, абсолютное, не зависящее ни от какого столетия, ни от какого веяния, ни от каких fashion (англ. мод. – А. К.)». А потому: «Да здравствует абсолютное...» (IV, 381) – предмет «чистого искусства». Это отвечает духовным стремлениям людей, где важнейшим ориентиром выступают именно «истинное, вечное, абсо-

лутное», проявляясь в «безотчетном чувстве прекрасного» и являясь нераздельными с «любовию к искусству для искусства» (III, 450).

Отстаивая принципы «искусства для искусства», предназначением которого было «возвышать моральный уровень» людей, «внушая им любовь к прекрасному», Толстой в своих суждениях о сущности и содержательной стороне литературы (поэзии), касаясь таких ее составляющих, как «мысль», «цель», «задачи», выглядит непоследовательным и противоречивым.

Так, поначалу, сознавая, что без мысли нет и не может быть произведений искусства, замечает: «Хорошо в поэзии недоговаривать м ы с л ь, допуская всякому ее пополнять по-своему». Затем пишет, что «сатана и ангелы» в прологе его «Дон Жуана» «нужны для того, чтобы развить м ы с л ь о необходимости зла, мысль, главенствующую в прологе» (IV, 131). И тут же, процитировав Гёте: «Я пою, как поет птица», — утверждает, что это «гётевское выражение» — «китайская грамота для большинства наших писателей, и им всегда хочется п р о в о д и т ь м ы с л ь и что-либо доказывать с заранее обдуманном намерением, что придает им характер более или менее дидактический, да накажет их Бог!» (IV, 144). Но упрекая писателей в желании п р о в о д и т ь м ы с л ь и доказывать что-то «с заранее обдуманном намерением», сам поступает таким же образом, признаваясь, что в прологе к «Дон Жуану» он «намеренно» развил мысль «о необходимости зла, истекающей органически из существования добра» (III, 454), чтобы «путем анализа пролить свет на характер и чувства дон Жуана» (IV, 131).

Разделяя Гётевское: поэт поет, как птица, — т.е. просто поет, потому что хочется петь, поет естественно, произвольно, инстинктивно, бесцельно, — Толстой тем не менее показывает, что сам он «поет» не так, а иначе, прямо заявляя о том в «предисловии» к роману «Князь Серебряный». «Представляемый здесь рассказ, — пишет он, — имеет *целию*... изображение общего характера целой эпохи и воспроизведение понятий, верований, нравов и степени образованности русского общества во вторую половину XVI столетия» и что «если удалось ему воскресить наглядно физиономию очерченной им эпохи, он... почтет себя достигшим поставленной цели» (III, 161, 162). И в дальнейшем будет утверждать, что «всецело» (т.е. целенаправлено. — А. К.) отдается «всему ис-

тинному, вечному, абсолютному», считая это «единственной... истинной целью искусства» (IV, 342). Тем самым представление о естественной бесцельности (как у птиц) песен поэта он опровергает своим собственным творчеством.

«Достичь поставленной цели» невозможно, не поставив перед собой соответствующей задачи. Но это, с точки зрения Толстого, недостойно искусства. «...Я хотел бы знать, – вопрошает он, – что значит: *задача* в литературе? По мне, сохрани Бог от всякой *задачи* в искусстве, кроме задачи сделать хорошо... а задавать себе *задачи* – это значит сделать из искусства орудие и, стало быть, от него отказаться» (IV, 324).

Однако, говоря о «назначении поэта... возвышать моральный уровень» людей, «внушая им любовь к прекрасному», он четко обозначил конкретные *задачи* поэзии (литературы) как искусства, одновременно признавая и то, что именно искусство является *тем орудием*, с помощью которого поэт только и может исполнить свое назначение и добиться определенных целей, решить стоявшие перед ним *задачи*. Вместе с тем утверждение о недопустимости задач в искусстве, что якобы губит его, расходится с реальной художественной практикой самого Толстого.

Так, наметив цель романа «Князь Серебряный», он ставит перед собой задачу «воскресить наглядно физиономию очерченной им <в романе> эпохи». То же мы видим и в его разъяснениях относительно возможных постановок трагедий «Смерть Иоанна Грозного» и «Царь Федор Иоаннович», где идеи трагедий определяют и цели, и задачи их воплощения. Именно идея «Царя Федора Иоанновича»: к чему приводит «исполнение власти при совершенном нравственном бессилии», – определила и цель трагедии, и задачу, поставленную Толстым перед собой: «...изобразить Федора не просто слабодушным, кротким постником, но человеком, наделенным от природы самыми высокими душевными качествами, при недостаточной остроте ума и совершенном отсутствии воли» (III, 514–515), – что он и делает вопреки своим заявлениям, что «задавать себе задачи» значит «отказаться» от искусства.

Противоречия в рассуждениях Толстого об «идеях», «мыслях», «целях» и «задачах» литературы во многом связаны с защитой им принципов «чистого искусства», «искусства для искусства», которым он сам далеко не всегда следовал.

Прекрасно сознавая, что «мысль» – важнейший атрибут искусства (литературы), он при том уверен, что ее нельзя «п р о в о д и т ь» и «что-то доказывать с заранее обдуманном намерением». Мысль должна быть с л е д с т в и е м сказанного писателем, а не п о в о д о м для создания произведения. То же касается и «задач в литературе». Поводом для творчества, его целью, задачей, назначением может быть лишь одно: стремление «возвышать моральный уровень» людей, «внушая им любовь к прекрасному», а как это делать – должен решать сам писатель. И ставит себя в пример: «...черт меня побери... если в какой-нибудь из моих трагедий я собирался что бы то ни было доказывать... Не моя вина, если из того, что я писал из любви к искусству, явствует, что деспотизм никуда не годится. Тем хуже для деспотизма!» (IV, 246).

Но именно эту мысль, и не столько «ради любви к <чистому> искусству», а достаточно осознанно, если не сказать сознательно, «намеренно», не признаваясь в том открыто, Толстой проводит и художественно доказывает в «Князе Серебряном», в драматической трилогии, а в прологе к «Дон Жуану» – мысль о *необходимости зла*.

Считая, что, «задавая себе задачи», писатель ставит себя вне искусства (литературы), Толстой в то же время, говоря о «назначении поэта», указывает, с одной стороны, на задачу, которую поэт задавать себе не должен: «...приносить людям какую-то непосредственную выгоду или пользу», а с другой – определяет задачи, которые поэт решать обязан, как того требует «чистое искусство»: «...возвышать моральный уровень» людей, «внушая им любовь к прекрасному». И хотя, обозначая, что должен и не должен делать поэт, Толстой не говорит об этом как о каких-то «задачах» и даже обходится без самого слова «задачи», резко выступая против постановки в литературе каких-либо «задач» вообще, тем не менее ведет разговор именно о конкретных «задачах в литературе», предназначенных для решения поэтом. То же видим, когда он пишет, что искусство «отвергает все случайное, все ненужное и сохраняет только то, что ведет прямо к цели, т.е. к выражению заданной идеи». Но идти «прямо к цели», «выражать заданную идею» невозможно, не «задав себе» соответствующей задачи.

Из сказанного Толстым выходило, что кроме задач, которые задает поэту «чистое искусство», иных «задач в литературе» просто быть не может, их постановка не только бессмысленна, но и вредна. В противном случае литература перестает быть литературой, теряя свой смысл как искусство, художество.

К таковым Толстой относит и задачу «проводить» в литературных произведениях какие-либо мысли или что-то «доказывать». Подобное его откровенно возмущает. «Просто ужасно, — пишет он, — до какой степени не только у нас, но даже к Германии удалились от единственной, от истинной цели искусства, до какой степени его низвели к назначению простого средства для *доказательства* той или иной вещи», ведь «произведение искусства как таковое само в себе несет лучшее доказательство всех тех истин, которых никогда не доказать тем, кто садится к своим письменным столам с намерением изложить их в художественном произведении» (IV, 342, 343). Однако «изложить» что-то в художественном произведении — значит показать это что-то людям, а что показано, как подметил уже В.Г. Белинский, то и доказано. И никаких особых доказательств для тех или иных «истин» не требуется: это природное свойство искусства — доказывать, излагая и показывая.

Толстой полагает и хочет то «доказать, что искусство не должно быть *средством*, но что в нем самом уже содержатся все результаты, к которым бесплодно стремятся приверженцы утилитарности, именующие себя поэтами, романистами, живописцами или скульпторами» (IV, 343). Он не видит, что «чистое искусство», в защиту которого он активно выступает и старается теоретически обосновать его необходимость, само является *с р е д с т в о м*, которым писатель пользуется для «нравственного развития» людей, стремясь «возвысить их моральный уровень» и «внушить им любовь к прекрасному».

В отличие от «не чистого», так сказать, искусства — «злободневного», «натурального», «тенденциозного», «публицистического» и т.п., — которое художественно решало самые разные, простые и сложные нравственные, социальные и идеологические вопросы, «чистое искусство» было нацелено исключительно на решение только одних нравственных вопросов. Его появление у нас в середине XIX в. естественно и закономерно, как реакция на преобла-

дание в отечественной литературе художественных решений преимущественно социальных вопросов и отсутствие должного внимания писателей к духовно-нравственной стороне жизни. Сказывался авторитет В.Г. Белинского, подчеркивавшего социальную роль литературы. «Отнимать у искусства право служить общественным интересам, – писал он, – значит не возвышать, а унижать его, потому что это значит – лишать его самой живой силы, т.е. мысли, делать его предметом какого-то сибаритского наслаждения, игрушкою праздных ленивцев. Это значит даже убивать его».

И хотя каждое общество всегда и кровно заинтересовано в повышении собственного «морального уровня», что вообще является важнейшей составляющей «общественных интересов», неотъемлемой их частью и в значительной степени определяющим фактором развития самого общества, однако в те годы под «общественными интересами» понимали исключительно интересы социальные, повседневные, бытовые, одним словом, гражданские, оставляя в стороне духовно-нравственные. Такое понимание сущности «общественных интересов» устраивало тогда далеко не всех. Среди них был и Толстой, считавший такое направление утилитарным, публицистическим, бездуховным.

Отсюда его резкое неприятие «натуральной школы» как «зеркала общества». «Это, – пишет Толстой, – дурной хлам, инвентарий мебели и пустые разговоры...», а все «писатели *натуральной школы*», начиная с Писемского и Достоевского, «скучны и утомительны» (IV, 76). Отсюда его негативное отношение к публицистике, «применению» искусства «к какой-нибудь гражданской цели» (III, 450), а также отрицание необходимости каких-либо «задач в литературе», потому что «задавать себе задачи – это значит, – говорит он, полемизируя с Белинским, – делать из искусства орудие и, стало быть, от него отказаться» (IV, 324) – т.е. устранить его из жизни людей.

В отличие от Белинского, который прямо говорит, что главная задача современного ему искусства – «служить общественным интересам», Толстой, выступая на словах против каких-нибудь «задач в литературе», тем не менее сам ставит перед собой конкретные задачи и не только нравственного характера, но и публицистические, «гражданские». Одни он художественно решает в балладах «Василий Шибанов», «Князь Михайло Репнин», поэмах

«Грешница», «Иоанн Дамаскин», романе «Князь Серебряный», драматической трилогии. Другие – в сатирах, отдавая с их помощью дань осуждаемым им на словах публицистике и «тенденциям», и даже обосновывает необходимость создания такого рода произведений.

«Сатира, – пишет Толстой, – есть не что иное, как зеркало, представляющее дурные или смешные стороны общества или части общества в данную минуту». Она «есть обвинительный акт со смешной стороны». В то же время «негодующая сатира перестает быть сатирой и переходит в лирическое стихотворение». В «“Потоке” я выставил со смешной стороны раболепство перед царем в московский период. В других стихотворениях я писал сатиры на пьянство, на спесь, на взяточничество, на эгоизм и пр.» (IV, 376–377). Критическое «зеркало» общества и его части «натуральной школы» для него неприемлемо, а смешное и сатирическое «зеркало» он допускает и даже оправдывает.

Утверждая, что «в искусстве, конечно, необходима» естественность, что все «должно согласовываться с законами правды» и что сама «сущность искусства есть высшая красота и высшая правда (что одно и то же)», Толстой видит в «высшей правде» не правду действительности, не «историческую правду», а «человеческую» – понимая под этим правдивое изображение поведения и поступков людей, соответствующих их характеру, который дан человеку свыше, а значит, и независимого от времени и эпох, в которые люди живут. Это и должен показать писатель. «Человеческие желания и стремления», считает Толстой, четко прослеживаются «при каждом значительном событии», *«в ходе которого развиваются и проявляются интересные характеры»* (IV, 232–233).

Для писателя, убежден Толстой, главное – «нравственная кульминация» в поведении и поступках его героев, а не безусловная верность историческим событиям. Конечно, считает Толстой, знание их полезно и даже необходимо, потому что «легче вышивать по готовой канве, чем самому придумывать сюжет. Так, – оправдывает он необходимость подобного шага, – избегаешь известной ответственности и укрываешься под сень некоего предания или же истории, которую к тому же изменяешь, как тебе требуется» (IV, 343). Вообще, замечает Толстой, «стоя вне истории

ческой почвы, можно размахнуться шире на человеческой» (IV, 332), т.е. нравственной, поведенческой.

Толстой убежден в справедливости такого отношения к истории. «Поэт... – пишет он, – имеет только одну обязанность: быть верным самому себе и создавать характеры так, чтобы они сами себе не противоречили; *человеческая* правда – вот его закон; *исторической* правдой он не связан. Укладывается она в его драму – тем лучше; не укладывается – он обходится и без нее» (III, 456).

Это он подтвердит и говоря о «коренном законе искусства», который, как он считает, «предписывает взаимное проникновение идеализма и реализма, или, простыми словами, соединение правды с красотой». И замечает, что реализм – «полная и голая правда», в том числе и историческая, – «есть удел науки, а не искусства». Да, пишет Толстой, «искусство не должно противоречить правде, но оно не принимает ее в себя всю, как она есть. Оно берет от каждого явления только его типические черты и отбрасывает все несущественное» (III, 544–545). «Типическое» и «несущественное» с точки зрения художника, писателя.

Пренебрегая реализмом, «исторической правдой», искусство – и Толстой это прекрасно видит – «производит» иллюзию жизни (вспомним Карамзинское: «Что есть поэт? Искусный лжец!»), но при этом она «не должна быть иллюзией полного обмана». И здесь на помощь писателю и художнику приходит «идеализм», призванный соединить «избранную» ими «правду» с их же представлением о красоте (III, 545).

Дело в том, замечает Толстой, что «удовольствие, ощущаемое нами при виде художественного портрета, есть иное чувство, чем созерцание оригинала в зеркале. Напротив, оригинал часто бывает нам неприятен, а воспроизведение нас привлекает. Причина тому, что живопись (когда она достойна этого имени) отбрасывает все, что в оригинале случайно, незначительно, *индифферентно*, и сохраняет только его сущность. Она возводит единичное явление природы в тип или в идею, другими словами, она его *идеализирует* и тем придает ему красоту и значение. То же делает драматург с историческим событием...» (III, 545). И признается, что в «Смерти Иоанна Грозного» сам поступал таким же образом, «позволив себе... отступать от истории всегда, где того требовали выгоды трагедии» (III, 460).

Таким образом, «чистое искусство», «искусство для искусства», что защищал и теоретически обосновывал Толстой, ратуя за его «чистоту» от злободневности и «тенденциозности», ориентирующее писателей исключительно на вечное, абсолютное, вневременное, было не только независимо от «гражданских» проблем и вопросов, но и никаким образом не связано с «исторической» и «современной» писателям правдой. Отсюда все уроки нравственности, которые Толстой преподавал людям, чтобы «возвышать их моральный уровень» и «внушать любовь к прекрасному», прикрывались либо стремлением «избегать ответственности», «укрываясь» под сень преданий или истории, которую можно было «изменять», как это требовалось самому писателю, либо обобщенно-сатирическими образами.

При том, что довольно примечательно, Толстой стремился проводить свои понятия о красоте и «человечности», недостойном поведении людей, как говорится, от п р о т и в н о г о, изображая некрасивое и неприглядное, широко используя исторический материал, изменяя его в соответствии с задачами произведений. Аналогичным образом — от п р о т и в н о г о — поступали, по словам Белинского, Н.В. Гоголь, путем «изображения» всего «низменного и пошлого» (обыденного) возбуждая у читателей «тоску по идеалу», а также М.Ю. Лермонтов, вызывая «тоску по жизни».

Однако у Толстого не было ни «тоски по идеалу», ни «тоски по жизни», а была надежда, можно даже сказать, уверенность, что только красота, «врожденное» человеку стремление к прекрасному, способна изменить мир, сделать его лучше, человечнее. Во имя этой будущей красоты и держал он свой стяг.

В.А. Кошелев (Арзамас)

ЕЩЕ ОБ «ОТНОШЕНИИ ГРАФА А.К. ТОЛСТОГО К ПУШКИНУ»

Аннотация. Предмет исследования – шуточные стихотворные «надписи» А.К. Толстого на полях произведений Пушкина, раскрывающие особое отношение поэта следующего поколения к образам и художественной манере своего предшественника. Эти экспромты позволяют наилучшим образом охарактеризовать новаторство стихотворной поэтики Толстого и ее существенное отличие от пушкинского видения мира.

Ключевые слова: надпись под стихотворением; жанр; экспромт; техника стиха; художественный мир.

Koshelev V.A. More about the «respect of count A.K. Tolstoy to Pushkin»

Summary. The subject of the study – a humorous verse of «inscriptions» by A.K. Tolstoy on the margins of the pages of Pushkin, revealing the special relation of the poet of the next generation to the images and artistic style of his predecessor. These improvisations are the best way to describe the poetic innovation of the poetics of Tolstoy and its essential difference from Pushkin's vision of the world.

Keywords: the inscription under the poem; genre; improvisation; technique of verse; the art world.

В августе 1913 г. в газете «Санкт-Петербургские ведомости» появилась обширная заметка покойного князя Дмитрия Николаевича Цертелёва (1852–1911), поэта, философа, критика, переводчика и исследователя Шопенгауэра, издателя журнала «Русское слово» и признанного «оценщика» русской поэзии. Заметка называлась «Отношение графа А.К. Толстого к Пушкину (Из неоконченной статьи)»¹. Самыми замечательными в этой публикации были

известные «Надписи на стихотворениях А.С. Пушкина» – под таким заглавием эти тексты печатаются в современных изданиях сочинений Толстого.

Д.Н. Цертелев еще в юности познакомился и сблизился с А.К. Толстым, – тот имел на молодого философа и поэта огромное влияние. Он увлекся поэзией Толстого и в собственных стихах выступил его «прямым последователем и учеником» (именно так охарактеризовал его поэзию А.А. Голенищев-Кутузов), – за что и получил, между прочим, Пушкинскую премию². После смерти Толстого Цертелев подготовил к печати его полное собрание сочинений (1882–1883) с обширным очерком о его творчестве, затем выступил с рядом солидных и вполне «правильных» статей: «Драматическая трилогия графа А.К. Толстого» (1899), «Граф А.К. Толстой в его стихотворениях» (1900), «Юмористические и шуточные стихотворения графа А.К. Толстого» (1907)³ и др.

Интересующий нас отрывок «из неоконченной статьи» был опубликован уже после смерти Цертелева – и, судя по всему, не предназначался «последователем и учеником» А.К. Толстого к напечатанию. Он никак не был отражен в четырехтомном собрании толстовских сочинений, Цертелевым подготовленных, хотя в нем содержались тексты 14 неизвестных стихотворений Толстого.

В своей «неоконченной статье» Цертелев сообщал о существовании утраченного экземпляра лейпцигского издания стихотворений Пушкина 1861 г., испещренного подобными надписями Толстого. Надписей этих, согласно его сообщению, было множество, «преимущественно в форме двустижий или четверостижий». И далее: «Везде, где попадают слова: Лель, повеса, шалуны, цевницы, хариты – Толстой подчеркивает их и снабжает примечаниями. <...> Против некоторых стихотворений стоят краткие восклицания: “хорошо”, “великолепно”, “вот это я понимаю”; но большею частью примечания имеют характер шутки». К сожалению, описанный Цертелевым томик стихотворений Пушкина с пометами Толстого, как указал еще И.Г. Ямпольский, «повидимому, пропал безвозвратно»⁴ – и «неоконченная статья» Цертелева оказывается единственным источником толстовских «надписей».

Обстоятельства появления этого источника вызывают естественные вопросы. Когда мог Цертелев видеть описанный сборник

с пометами Толстого? – со времени смерти писателя, когда появилась эта «неоконченная статья», прошло около 40 лет. Почему Цертелев, ощущавший себя «душеприказчиком» А.К. Толстого, не счел возможным опубликовать эти пометы при своей жизни? Что он видел в них, собственно, «непечатного» или принижающего личность своего учителя и кумира? С другой стороны, Цертелев поступил по-дилетантски и не снял для себя *полной* копии помет Толстого возле стихов Пушкина (как это сделал в аналогичном случае Л.Н. Майков, впервые описавший пушкинские пометы на втором томе «Опытов...» К.Н. Батюшкова). Цертелев выписал лишь некоторые особенно яркие стихотворные пометы, представлявшие, по его разумению, особенный интерес. Поэтому мы не можем ни представить эту сторону толстовского наследия целостно, ни реконструировать контекст толстовских помет, однозначно определяющий их целевую направленность.

Можно, конечно, усомниться в подлинности этих помет: не сохранилось ни их автографа, ни сколь-либо надежного источника – и посчитать их, например, творчеством самого Цертелева. Однако этому предположению мешает то, что достоверность в данном случае, как заметил С.Л. Франк по другому поводу, «совершенно очевидна по *внутренним* основаниям»⁵, невзирая ни на какие текстологические «сомнения». В этих пометах настолько ярко отразился не только стиль, но и характер художественного мышления Толстого, что их просто невозможно приписать никому другому.

Толстого-поэта часто сопоставляли с Пушкиным. Тот же Цертелев в статье 1900 г. сравнивал двух поэтов по принципу отсутствия «двойственности», разделенности «между личной и общественной жизнью художника» – в этом отношении Толстой, по его мысли, оказывался более «целен» и монолитен, чем Пушкин: «У Толстого мы находим редкое согласие между его поэтическим миром и его частною жизнью»⁶. Но дело не только в «частной жизни». Вот, например, четверостишие Толстого, написанное возле стихотворения Пушкина «В.С. Филимонову при получении поэмы “Дурацкий колпак”»:

*Сей Филимонов, помню это,
И в наш ходил когда-то дом:*

*Толстяк, исполненный привет,
С румяным ласковым лицом.
(С. 403)⁷*

«Исходный» пушкинский экспромт, набросанный 22 марта 1828 г. (III, 99)⁸, представляет собой изощренный дружеский мадригал, обыгрывающий мотив «колпака» и «красного колпака»⁹. Толстого вся эта поэтическая условность попросту не интересует, как и собственно «колпак»: он дает непосредственное биографическое «воспоминание» о Филимонове – то, чего недостает в пушкинском экспромте. Иногда такого рода «воспоминание» переносится за рамки пушкинской эпохи, и стихотворение открывает неожиданные параллели и «дополнительные смыслы». Рядом с последней строфой стихотворения «Анчар» («А князь тем ядом напитал...») и т.п.) Толстой записал:

*Тургенев, ныне поседельй,
Нам это, взвизгивая смело
В задорной юности читал.
(С. 403)*

Вероятно, упомянутый эпизод относится к началу 1850-х годов – и, соответственно, добавляет существенный штрих и к тургеневской биографии, и к истории восприятия «Анчара» в новую эпоху русской жизни. Этот эпизод возможно отнести, например, к зиме 1853–1854 гг., когда Тургенев, по воспоминаниям Л.М. Жемчужникова, «очень часто» бывал на вечерах у Толстого «и читал нам Пушкина, Шекспира и некоторые свои произведения»¹⁰. А поскольку в самой «надписи» эпизод отнесен к «задорной юности», можно предположить, что она писалась уже лет 20 спустя, в конце жизни Толстого.

Часто толстовские тексты служат существенным биографическим «дополнением» к текстам Пушкина. Так, к лету 1817 г., ко времени первой поездки Пушкина с родными из Петербурга в Михайловское, относится его экспромт, сохранившийся «в памяти одного из друзей»¹¹:

*Есть в России город Луга
Петербургского округа;*

*Хуже б не было б сего
Городишки на примете,
Если б не было на свете
Новоржева моего.*

(II, 35)

Пушкин упоминает здесь две большие почтовые станции на Белорусском тракте, которые находятся на пути от Петербурга до Михайловского. Толстой в своей «надписи» напоминает еще об одном «городишке», который находится на пути в его Красный Рог:

*Город есть еще один,
Называется он Мглин,
Мил евреям и коровам,
Стоит Луги с Новоржевским.*

(С. 401)

Вне контекста этой «надписи» пушкинский экспромт выглядит вполне завершенным. Толстой «расширяет» виртуальную «географию» и указывает еще одну «точку», не уступающую своими достоинствами тем, которые упомянуты Пушкиным. Но любой русский человек может подобным образом указать и «свои» подобные же «точки» – экспромт, воспринятый на фоне «дополнения» к нему, приобретает вид «бесконечного» топоса.

Подобный же поворот в «бесконечность» видим в «надписи», продолжающей пушкинский стихотворный афоризм «Золото и булат». Вот как выглядит «совмещение» текстов пушкинского стихотворения и толстовской «надписи»:

*«Всё мое», – сказала злато;
«Всё мое», – сказал булат;
«Всё куплю», – сказала злато;
«Всё возьму», – сказал булат.*

(III, 452)

*«Ну так что ж?» – сказала злато;
«Ничего!» – сказал булат;
«Так ступай!» – сказала злато;
«И пойду!» – сказал булат.*

(С. 403)

Толстой в данном случае демонстрирует механизм «снятия» исходной аллегоричности пушкинского текста. Вошедшее в хрестоматии пушкинское четверостишие стало признанным примером метонимической образности. Толстой, переводя диалог «злата» и «булата» на уровень бытового, «необязательного» обмена репликами, обесмысливает изначальный афоризм, сводит его к некоей абсурдистской ситуации: встретились «злато» и «булат», обменялись несущественными репликами – и разошлись...

Показательно, что толстовская «надпись» была первоначально опубликована в сатирическом журнале «Искра» (вероятно, без ведома автора: журналисты просто передали «ходячий» текст) в несколько иной редакции:

«Всем известно четверостишие Пушкина “Золото и булат”; мы слышали другое, присочиненное неизвестно кем:

“Ну так что ж?” – сказала злато;

“Ничего!” – сказал булат;

“Пошел вон!” – сказала злато;

“И пойду!” – сказал булат»¹².

Различие между текстом, сообщенным Цертелевым, и текстом «Искры» – в одной реплике «злата» – вместо вялого: *«Так ступай»* – энергичное: *«Пошел вон!»* Но это различие определяет принципиально иную семантику оценки пушкинского текста. Пушкин в своем афоризме утверждал конечную «победу» *булата* (что вполне соответствовало «воинственной» атмосфере времени создания четверостишия: 1814–1826 гг.). Реплика *«Пошел вон!»*, которой «булат» вынужден подчиниться, означает конечную победу «злата», способного «все купить». Этот смысл точно отражает ситуацию 1860-х годов, времени активизации русского капитализма и русских «чумазых». Показательно в связи с этим, что анализируемая «надпись» приписывалась не Толстому, а «демократу» М.Л. Михайлову¹³.

То обстоятельство, что приведенный выше вариант «надписи» был опубликован в 1859 г. (в то время как источник статьи Цертелева – томик стихотворений Пушкина, изданный в 1861 г.), позволяет гипотетически выстроить специфику творческой истории создания этого цикла Толстого вообще. Конечно же, «надпи-

си» не могли создаваться одновременно и «в один присест»: они стали отражением специфической «игры» Толстого с пушкинскими текстами, подобной «игре» в «Козьму Пруткува», которой в течение нескольких лет увлекались Толстой и братья Жемчужниковы. Эта «игра» выходила за пределы собственно литературы и становилась частью быта, отложившегося в ряде анекдотов о тех «шалостях» и «дурачествах», которые устраивали молодые остроумные авторы «Козьмы Пруткува»¹⁴. Нечто подобное представляла собой и «игра» Толстого с классическими пушкинскими текстами. Это была игра «для себя», никак не предназначенная для печати: Толстой проверял собственную художническую реакцию на текст, воспринимавшийся в рамках его времени как непрерываемо классический и «неприкосновенный».

Толстой «надписывает» пушкинское стихотворение – и тем самым «дописывает» его, создавая таким образом некую возможность отличения собственного художественного осмысления мира в границах того мировидения, которое предложено Пушкиным. Это «дописывание» строится по законам, противоположным тем, которые бытовали в пушкинскую эпоху.

Так, явное поэтическое неприятие вызывает у Толстого присутствующие в пушкинских стихах условные лексические обороты и «красивости», идущие от поэтической мифологии XVIII столетия. Рядом со стихотворением «Кто видел край, где роскошью природы...» (II, 190) он записывает:

*Пятьсот рублей я наложил бы пени
За урну лень и миртовы леса.*

(С. 402)

А рядом со стихотворением «Ответ» («Я вас узнал, о мой оракул...»; III, 211):

*Когда бы не было тут Пресни,
От муз с харитами хоть тресни.*

(С. 404)

Наконец, возле обращенного к Е.А. Баратынскому четверостишия («Я жду обещанной тетради...»; II, 237) – раздражается иронической диатрибой:

*Вакх, Лель, хариты, томны урны,
 Проказники, повесы, шалуны,
 Цевницы, лиры, лень, Авзонии сыны,
 Камены, музы, грации лазурны,
 Питомцы, баловни луны,
 Наперсники пиров, любимцы Цитереи
 И прочие небрежные лакеи.*
 (С. 402)

Те стилистические обороты, которые для Пушкина были устойчивыми и вполне естественными «поэтизмами» и составляли основное отличие «поэтического» сообщения от «прозаического», – в восприятии Толстого просто «небрежные лакеи», выступающие показателем поэтической «неряшливости». В духе этого представления, например, блистательное стихотворение молодого Пушкина «Дориде» (1820):

*Я верю: я любим; для сердца нужно верить.
 Нет, милая моя не может лицемерить;
 Всё непритворно в ней: желаний томный жар,
 Стыдливость робкая, Харит бесценный дар,
 Нарядов и речей приятная небрежность
 И ласковых имен младенческая нежность*
 (II, 137) –

Толстой «завершает ироническим «пуантом»:

Томительна Харит повсюду неизбежность.
 (С. 401)

В греческой мифологии хариты – это богини красоты, изящества и женской прелести, сопровождавшие Афродиту и Аполлона. В поэтической традиции они издавна воспринимались в качестве олицетворенной женственности. Но Толстой посмеивается и над этой поэтической условностью. Для него, представителя новой эпохи, «когда лексическая чувствительность и требовательность были уже утрачены»¹⁵, подобный образ кажется смешным анахронизмом.

Столь же активно отвергаются и основные лирические мотивы, идущие от еще «допушкинской» поэтической эпохи. Так, устойчивым образом русской лирики 1810-х годов стал идущий еще от Торквато Тассо облик возлюбленной в воинском наряде¹⁶. В своей элегии «Выздоровление» (1818) Пушкин развивает мотивы «Моих Пенат» Батюшкова: «Накинь мой плащ широкой, / Мечом вооружись, / И в полночи глубокой / Внезапно постучись...»¹⁷. Пушкин упоминает «знакомые красы под сей одеждой ратной», «под грозным кивером твои небесны очи» (II, 58) и т.д. Этот образ «переодевания» вносил в лирическое стихотворение необходимую «театрализацию», воссоздавал некую оживленность лирического действия.

Толстой «снижает» этот расхожий предромантический «театральный» мотив недвусмысленным замечанием:

*По мне же, вид являет мерзкий
В одежде дева офицерской.
(С. 401)*

Тут, помимо всего прочего, очень показательно уточнение: «По мне...». Толстой противопоставляет прежде всего свое собственное я – я «трезвого» человека «эпохи реализма» – тому пушкинскому я, которое выражало мысли и чувства «условного» человека. Этот «условный» лирический герой вполне ощущал себя вправе прямо соотносить собственное я с я всеобъемлющих стихий и прямо обращаться к ним с риторическим вопросом:

*Зачем ты, грозный аквилон,
Тростник прибрежный долу клонишь?
Зачем на дальний небосклон
Ты облачко столь гневно гонишь?..
(II, 365)*

Толстовское я – принципиально «приземленное»: оно как будто вовсе не допускает подобных риторических вопросов. Рядом с приведенными строками из стихотворения «Аквилон» (1824) он записывает:

*Как не наскучило вам всем
Пустое спрашивать у бури?
Пристали все: зачем, зачем? –
Затем, что то – в моей натуре!*
(С. 402)

Натура же в данном случае предполагает восприятие предмета таким, каков он есть, не допуская ни малейшего нарушения исходной «приземленности». Вот Толстой читает стихотворение Пушкина «Виноград» (1824) с его заключительным сравнением:

*Продолговатый и прозрачный,
Как персты девы молодой.*
(II, 342)

С.В. Денисенко, исследовавший пушкинскую графику, отметил соответствие этого условного литературного образа не только собственно стихотворной, но и рисовальной традиции, вполне укладывавшейся в рамки той же условности: «В черновой рукописи стихотворения “Виноград” (ПД 835, л. 38) внизу под стихами Пушкин карандашом изображает пять виноградин, которые в тексте сравниваются с “перстами девы молодой”. Поэт визуализирует это сравнение. Любопытно, что сравнение виноградин с перстами закреплено не только в литературной традиции, но и в изобразительном искусстве – в частности, в рисовальных пособиях мы встречаем постановку руки, держащей виноград...»¹⁸

Толстой явно не удовлетворен этой визуальной «условностью» и предлагает другое – тоже визуальное – истолкование:

*Мне кажется, тому немалая досада,
Чей можно перст сравнить со гроздом винограда.*
(С. 402)

Он по-другому привык видеть предмет. И там, где Пушкин видит некий идеальный антологический образ:

*Урну с водой уронив, об утес ее дева разбила.
Дева печально сидит, праздный держа черепок.
Чудо! не сякнет вода, изливаясь из урны разбитой;
Дева над вечной струей вечно печальна сидит.*
(Царскосельская статуя, 1830, III, 231) –

там Толстой отказывается видеть какой-либо «миф» – и готов предложить только то, чем на самом деле «видится» эта статуя:

*Чуда не вижу я тут. Генерал-лейтенант Захаржевский,
В урне той дно просверлив, воду провел чрез нее.*
(С. 404)

Наконец, та же «натура» заставляет Толстого по-хулигански «сниженно» и карикатурно воспринимать самые заветные призывы Пушкина – даже заключительный Божественный «глас» из стихотворения «Пророк» (1826).

Пушкин:

*Встань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполнись волею моей,
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей.*
(III, 31)

Толстой:

*Вот эту штуку, пью ли, ем ли,
Всегда люблю я, ей-же-ей!*
(С. 403)

Восклицание прямо напоминает знаменитые «базаровские» рацеи по поводу превосходства «материального» над идеальными «чувствованиями».

Между тем Толстой, как никто, был далек от «базаровщины». В письме к Б.М. Маркевичу от 7 ноября 1869 г. он прямо выражает возмущение «антипушкинскими» выпадами Писарева: «Как бы дивные стихи Пушкина:

*Несчастный друг! Средь новых поколений
Доучный гость, и лишний, и чужой, –*

ни истолковывались животными вроде Писарева, над которым да смилостивится Бог, истолкователи останутся животными, а Пушкин – поэтом *навек*. Поэзия, прекрасное, любовь к красоте – это, дорогой друг, не вопрос моды, не условность. Es liegt *organisch*

in der Natur des Menschen (это *органически* свойственно природе человека – *нем.*), так же как и религиозное чувство, которое никому Бюхнеру в мире не удастся *wegsophisten* (изгнать с помощью софизмов – *нем.*)»¹⁹.

В этом эпистолярном высказывании видна прямая отсылка к статье Писарева «Пушкин и Белинский», содержащей резко негативную оценку пушкинского наследия, представленную с позиций «реальной критики». Во второй части этой статьи («Лирика Пушкина») Писарев переводил «на общеупотребительный человеческий язык» пушкинские метафорические высказывания и демонстрировал удаленность Пушкина от «общеполезных трудов», «неискренность чувства», «умственную трусость», «жалкую неспособность возвыситься до разумного понимания жизни»²⁰ и т.д. При таком «пересказе» классического стихотворения «19 октября» (1825) «реальный критик» пытается показать «нежизнеспособность» того поколения, к которому принадлежали пушкинские лицеисты...

Те два стиха, которые приведены в цитированном выше письме Толстого, вызвали особенную насмешку критика: «Автор думает по-видимому, что новые поколения будут уже не людьми, а орангутангами, и что вследствие этого *несчастный друг* непременно должен оказаться среди этих новых поколений *докучным, лишним и чужим гостем*». Далее Писарев заявляет, что в этом «разладе» отцов и детей виноваты именно «отцы», которые удалялись от «общеполезных трудов» (чем отличались от «таких стариков, как Ньютон, Вольтер, Франклин, Александр Гумбольдт») и на старости лет превратились «в ходячую окаменелость». И наконец, «весь теперешний разлад заготовлен прошедшим» и нынешние «реалисты» поневоле должны как-то «разбираться» с прошедшими временами, «с тем, что выросло и укрепилось задолго до нашего появления на свет, во время обаятельного господства чистого искусства, гегелевской философии и тех исторических условий, которые обнаруживают всегда и везде трогательную солидарность с этими милыми явлениями умственной жизни»²¹.

Писарев, вслед за Бюхнером, «изгоняет с помощью софизмов» самую «любовь к красоте» и гордится особенно тем, что «в так называемом великом поэте» обнаружил «легкомысленного версификатора, опутанного мелкими предрассудками, погружен-

ного в созерцание мелких личных ощущений и совершенно не способного анализировать и понимать великие общественные и философские вопросы нашего века»²².

Толстой еще до появления писаревской статьи – в «Письме к издателю <Русского вестника>» (1862), – рассматривая аналогичное противоречие, высказал совершенно иное отношение к современному «мнению, что искусство без применения его к какой-нибудь гражданской цели – бесполезно и даже вредно, как занимающее в жизни напрасное место». Он пишет, что, высоко оценивая непосредственно «гражданскую деятельность», представители «нового» мышления демонстрируют неверное отношение к философии и искусству. «Они как будто забыли, что брожение вопросов и интересов, которые так сильно и справедливо занимают их, есть не что иное, как применение к жизни общих теоретических истин, не принадлежащих исключительно той или другой стране, тому или другому веку, но составляющих достояние всего человечества, в какие бы то ни было времена. Уяснение этих истин и приведение к общим законам есть задача философии, а облечение их в художественную форму – задача искусства. Отвергать искусство или философию во имя непосредственной гражданской пользы все равно, что не хотеть заниматься механикой, чтоб иметь более времени строить мельницы».

Рассуждая о диалектике «гражданственности» и «художественности», Толстой утверждает неизбежность проявления «чувства прекрасного», которое «врождено всякому народу» и которое «в своем полном развитии не может проявляться без чувства свободы и законности». Поэтому, заявляет он, «художественность в народе не только не мешает его гражданственности, но служит ей лучшим союзником. Эти два чувства должны жить рука об руку и помогать одно другому»²³. Такими тезисами Толстой сопровождал публикацию своей драматической поэмы «Дон Жуан», которая, по его признанию, была «подражанием Тирсо до Молина, Мольеру, Байрону, Пушкину» – и в этом смысле расценивалась как образец «чистого искусства», «чистого художества».

Иными словами, странное и явно насмешливое отношение Толстого к классическим пушкинским стихам никоим образом не сводилось к возможности некоего «позитивистского» отношения к пушкинскому мировосприятию: в этом отношении Толстой прямо

отталкивался от «писаревских» оценок – предпочитая пушкинские представления о художестве и художнике. Но чем же тогда объяснить приведенные иронические толстовские «восклицания» на полях томика пушкинских стихов?

В кругу «пушкинских» представлений о творчестве А.К. Толстой, как известно, вращался с детства: его «воспитателем» в этом отношении был весьма серьезный писатель «пушкинского круга» Антоний Погорельский (А.А. Перовский). Но некое «обретение» Пушкина ощутил лишь осенью 1856 г.: в его письмах этого периода к С.А. Миллер часто является Пушкин – точнее, особое ощущение, возникшее при «перечитывании» Пушкина: «Я стал читать “Онегина”. <...> Многие страницы были давно мне знакомы, но в этот раз они мне так понравились, что я невольно сказал несколько раз: “Как прекрасно! как хорошо!” <...> А когда я дошел до описания зимы в деревне, у меня брызнули слезы из глаз...» (письмо от 26 октября 1856 г.). Правда, в подобных признаниях присутствует важная оговорка: «...вообрази себе, что я стал энтузиастом Пушкина, – *не всего, но известной категории его стихотворений...*» (письмо от 25 ноября)²⁴. Но какая «известная категория стихотворений» имеется в виду?

Современные исследователи указывали, что толстовские насмешки над Пушкиным в интересующих нас «надписях» отпущены прежде всего «по поводу его (Пушкина – В. К.) юношеских стихотворений в духе так называемой “легкой поэзии” (*poésie fugitive*), характерных для нее мотивов и атрибутов»²⁵. Но легко убедиться, что это не совсем так. Многие из иронических толстовских надписей относятся к вполне «зрелым» пушкинским стихам, составляя как бы их ироническое «продолжение», – а сама поэтическая ирония как будто свидетельствует о неприятии всей *системы* поэтического мышления Пушкина.

В 1874 г. в письме к А. Губернату, вспоминая собственный творческий путь, Толстой так охарактеризовал его начало: «С шестилетнего возраста я начал мараить бумагу и писать стихи – настолько поразили мое воображение некоторые произведения наших лучших поэтов, найденные мною в каком-то толстом, плохо отпечатанном и плохо сброшюрованном сборнике в обложке грязно-красного цвета. Внешний вид этой книги врезался мне в память, и мое сердце забилося бы сильнее, если бы я увидел ее

вновь. Я таскал ее за собою повсюду, прятался в саду или в роще, лежа под деревьями и изучая ее часами. Вскоре я уже знал ее наизусть, я *упивался музыкой разнообразных ритмов и старался усвоить их технику*. Мои первые опыты были, без сомнения, нелепы, но *в метрическом отношении они отличались безупречностью*. Подобное «начало пути» было необычным: Толстой начал с постижения «стихов российских механизма», не особенно задумываясь над тем, что скрывается за «техникой» стиха. И только в совершенстве усвоив эту «технику», незаметно стал продвигаться к уяснению поэтической семантики. И лишь по достижении вполне зрелого возраста начал публиковать свои стихотворные создания («В 1855 году я напечатал впервые в разных журналах несколько лирических и эпических стихотворений...»²⁶). Собственно «ученический» период у поэта А.К. Толстого проходил, таким образом, от 6 до 38 лет, что в сравнении с другими русскими поэтами – уникально.

Ощущая себя с самого начала вполне сложившимся поэтом, Толстой не мог постичь ту сложную поэтическую эволюцию публичного «воспитания гения», которую пережил Пушкин. Едва получив известность как поэт, он предложил русской версификации ряд «технических» новаций, которые можно свести к тому, что пушкинской «школе гармонической точности» противопоставлялось представление о «гармонической неточности». Это выразилось, например, в утверждении права художника на формальное новаторство. Когда Тургенев упрекнул его поэму «Иоанн Дамаскин» в «хромых рифмах», Толстой не стал доказывать, что рифмы не «хромые», – а заявил о праве художника «быть небрежным»: *«Приблизительность рифмы <...> может, по-моему, сравниться с смелыми мазками венецианской школы, которая самой своей неточностью, или, вернее, небрежностью, добивается эффекта...»*²⁷ По подсчетам М.Л. Гаспарова, приблизительная рифма у Толстого «составляет более четверти всех женских рифм – высота небывалая»²⁸. Поэт изначально провозгласил отталкивание от «безукоризненной правильности линии» – и в этом отношении был последовательным новатором далеко не только в области версификации.

В октябре 1856 г., в пору наиболее активной поэтической деятельности, Толстой сообщал С.А. Миллер: «Знаешь, – хотя это приятно и хорошо, но мне часто мешает легкость, с которой мне

дается стихотворство; когда я что-нибудь пишу, у меня всегда складываются 3–4 редакции той же мысли, той же картины, и мне нужно было бы *свежее ухо*, чтобы выбрать одну из редакций той же самой вещи, – и чем более мне нравится мысль или картина, тем более я ее меняю и исправляю, так что иногда *теряю чутье суждения*»²⁹.

Несколько «редакций» одной и той же мысли часто встречаются и у Пушкина (при сравнении окончательных вариантов его стихотворений с черновиками). Но в поэтическом творчестве Толстого эта «вариативность» семантики оказывается сродни «приблизительности» в рифмовке. Так, осенью 1871 г. поэт переслал в «Русский вестник» для публикации несколько баллад, а в их числе – балладу «Алеша Попович», в которой описывалось катание в лодке богатыря и «чаровника» Алеши и «полоненной» царевны. Герой баллады – известный «птицелов» по «девичьей» части, в конце добивается своего. Редактор журнала М.Н. Катков отказался ее печатать по причине «безнравственности» содержания: «Добрый молодец привел душу-девицу и не отпускает ее, пока она не “сдастся”, а по миновании надобности он ее отпустит, как в подобных случаях бывает... Приведенное к простому выражению, это было бы гадко, но в вычурных прикрасах, раздушенное, идеализированное, возвышенное к апофеозу, это становится гаже и возмутительнее». На это обвинение Толстой шутиливо отвечал, что, как ему удалось выяснить, ничего «возмутительного» не произошло: «Попович и девица, проплыв 25 минут на лодке, сошли на берег в деревне по названию Папсуевка... где их и повенчал добрый священник отец Герасим Помдамурский»³⁰. Содержание баллады отнюдь не противоречит и такому «продолжению».

Между прочим, в этой балладе Толстой оставался верен «былинному» характеру Алеши Поповича: этот богатырь воспринимался современниками писателя как «бессовестный соблазнитель», «дерзкий и ловкий обманщик» и «бабий пересмешник»³¹. Но в данном случае он ратовал за право художника на «недосказанность», «вариативность», предполагавшую отсутствие непосредственной нравственной оценки действий богатыря. А склонное к позитивистской логизированности читательское восприятие второй половины XIX столетия узрело в столь изысканном и под-

робном воспевании эротических «подвигов» Алеши прежде всего «безнравственность»...

Подобная многовариантность «чутья суждения» заставляла Толстого по-особому относиться и к чужим стихотворениям. В начале 1869 г. он, в письме к М.М. Стасюлевичу, набросал свой «ответ» на гениальное стихотворение Тютчева: «Если б Вы знали, какой я плохой хозяин. Ничего не понимаю, а вижу, что все идет плохо. Это сознание внушило мне следующий ответ на известное стихотворение Тютчева:

*Эти бедные селенья,
Эта скудная природа!*

Вот мой ответ:

*Одарив весьма обильно
Нашу землю, Царь Небесный
Быть богатою и сильной
Повелел ей повсеместно.*

*Но чтоб падали селенья,
Чтобы нивы пустовали –
Нам на то благословенье
Царь Небесный дал едва ли!*

*Мы беспечны, мы ленивы,
Всё у нас из рук валится,
И к тому ж мы терпеливы –
Этим нечего хвалиться!<...>³²*

Непосредственным поводом для написания этого «ответа» явились весьма непоэтические картины голода на Брянщине – Толстой наблюдал их в своем имении Красный Рог. В этом «ответе» он никак не претендует ни на «конгениальность» тютчевскому шедевр, ни на «опровержение» его идей. Он просто предлагает иной взгляд на «край русского народа»: ни «бедные селенья», ни «рабский вид» благословившего их Спасителя, ни родное «долготерпенье» его не вдохновляют. И там, где Тютчев рисовал некую «картину», – там Толстой ставит весьма закономерный вопрос.

А этот вопрос может, в свою очередь, представить новый «вариант» поэтического раздумья. Возникает – как и в случае с пушкинскими «надписями» – новый инвариант поэтического *смысла*, «укрывшегося» за хрестоматийными строками.

К Пушкину, правда, Толстой относился по-особому. В 1874 г. в упоминавшемся письме к А. Губернатису он замечал, что по своему «колориту» его стихотворения «написаны в мажорном тоне, тогда как мои соотечественники творили большей частью в минорном». Несколько раньше, в письме к Б.М. Маркевичу от 5 мая 1869 г., он этот «тон» связал с Пушкиным: «Когда я смотрю на себя со стороны (что весьма трудно), то, кажется, могу охарактеризовать свое творчество в поэзии как мажорное, что резко отличается от преобладающего минорного тона наших русских поэтов, *за исключением Пушкина, который решительно мажорен*»³³. И.Г. Ямпольский замечал по поводу этого заявления: «“Мажорный тон” представлялся, по-видимому, Толстому тем свойством, которое сближало его с духом русского народа, и интересно, что именно в этом отношении он считал себя преемником Пушкина»³⁴.

Но он создавал и то, что истоки этой «мажорности» – принципиально иные. В письме к Губернатису Толстой пишет о своей репутации «ловкого охотника на медведей и лосей»: именно эта, охотничья, «любовь к нашей дикой природе» оказывается основой отраженного в его стихах «чувства пластической красоты». При такой основе абстрактное «чувство красоты» осложняется дополнительными «охотничьими» ощущениями *азарта* и *пользы*. Осознавая прямую соотнесенность «красоты» с «пользой», Толстой, во-первых, был гораздо более многих современников («не-охотников») озабочен непосредственно общественными проблемами современности: так, в том же письме он много пишет о своей «ненависти к деспотизму», совмещаемой с «ненавистью к ложному либерализму». А во-вторых, он оказывался гораздо менее, чем «не-охотник» Пушкин, зависим от прямой литературной традиции, более свободен в собственно литературных возможностях.

Пушкин в свое время высмеивал К.Ф. Рыльева, который в думе «Олег Вещий» вывел древнерусского князя, прибывающего к вратам Царьграда «свой щит с гербом России»: «Древний герб, с<вятой> Георгий, не мог находиться на щите язычника Олега; новейший, двуглавый орел, есть герб византийский и принят у нас

во время Иоанна III. Не прежде» (XIII, 176). Для самого Пушкина подобный анахронизм – сколь бы ярко он ни отражал патриотические чувства – немыслим.

Для Толстого-балладника показательно вполне свободное обращение с историей – и вроде бы «исторический» антураж часто оказывается для него только фоном для выражения вполне современных идей и мнений. В балладе «Порой веселой мая...» два былинных «лада» рассуждают о вполне современных «анархистах», а в качестве спасения «от их затей» предлагается наградить «коммунаров» современными орденами святого Станислава... В системе художественного мышления Пушкина такого рода «историческое» повествование выглядело бы абсолютно неуместным. В этом смысле Толстой выглядит поэтом более «свободным», чем Пушкин. В системе его поэтического мышления то обстоятельство, что о «российской коммуне» рассуждают «два лада», а действие стилизовано под «былинное» прошлое и тем самым доведено до абсурда, не только не лишает повествование смысла, но многократно усиливает эффект целого. Подобную же роль «былинные» реалии играют в балладах «Поток-богатырь», «Богатырь», «Пантелей-целитель»: открытые анахронизмы не мешают естественности проявления поэтической мысли.

И это же стало источником невысокой оценки его как поэта. В XX столетии все чаще стали появляться популярные оценки А.К. Толстого как «небольшого» поэта, который, во всяком случае, не может быть сопоставим с Пушкиным. Когда некий «известный прозаик» приписал Пушкину стихи Толстого «Средь шумного бала, случайно...», известный критик В.В. Кожин разразился целой диатрибой о так называемой «поэтической глухоте»: «Достаточно с нас и того, что художник слова может приписать Пушкину стихи А. Толстого, подернутые явной сентиментальностью (по-своему, конечно, целостной) и лишённые истинной поэтической глубины и точности (последнее подчас даже приводит к известному комизму: “В часы одинокие *ночи люблю я, усталый, прилечь*” – вот какой оригинальный индивид!). Между тем у Пушкина, как заметил один старый писатель, даже в зачеркнутых строках нет ничего плоского и глупого...»³⁵.

Но приведенная видимая толстовская «неряшливость» – не что иное, как оборотная стороны его «свободы». Не связанный

с традицией «гармонической точности», он существовал в иной психологической сфере версификации, внутри которой приведенная строка вовсе не становилась «плоской» или «глупой»: она вполне естественно воспринимается в контексте данного «целого»: человек, охваченный неожиданной, «среди шумного бала» пришедшей любовью, может быть косноязычным... «Неряшливость» Толстого демонстрирует «импровизационную» сущность его созданий, подобную той, которую убежденный последователь «пушкинской школы» Тургенев пытался уничтожить в стихах Фета, часто «исправляя» «плоские», по его мнению, фетовские стихи.

В своих «надписях» возле классических пушкинских текстов Толстой, в сущности, демонстрирует – *для самого себя*, ибо эти «надписи» не предназначались для публикации, – ту же *свободу*. Здесь Толстой нисколько не пытается ни «принизить» Пушкина, ни даже вступить с ним в «соревнование». Пушкин не перестает осознаваться как «солнце русской поэзии». Но, истинный поэт, Толстой переосмысливает и преодолевает «пушкинскую манеру», ощущая невозможность ее механического воспроизведения в новых поэтических условиях. И в качестве вариантов такого «преодоления» представляет собственные образчики «дописывания» пушкинских классических текстов.

¹ Санкт-Петербургские ведомости. 1913. № 182. 15 августа. С. 2.

² См. биографическую справку Л.А. Николаевой: Поэты 1880–1890-х годов. Л., 1972. С. 208–211.

³ Русский вестник. 1899. № 10. С. 652–672; там же. 1900. № 11. С. 187–204; Отд. изд. СПб., 1907.

⁴ Ямпольский И. Примечания // Толстой А.К. Полн. собр. стихотв. Л., 1937. С. 768.

⁵ Франк С.Л. Пушкин как политический мыслитель // Пушкин в русской философской критике: Конец XIX – первая половина XX в. М., 1990. С. 413.

⁶ Русский вестник. 1900. № 11. С. 187.

⁷ Стихотворения А.К. Толстого цит. по изд.: Толстой А.К. Полн. собр. стихотв. в 2 т. Л. 1984. Т. 1.

⁸ Произведения Пушкина цит. по Большому академическому изданию: Т. I–XVI. М. Л., 1937–1949.

⁹ Вацуро В.Э. Послание Пушкина к Филимонову // Вацуро В.Э. Записки комментатора. СПб., 1994. С. 91–99.

- ¹⁰ Жемчужников Л.М. Мои воспоминания из прошлого. Л., 1971. С. 159.
- ¹¹ Бартенев П.И. О Пушкине: Страницы жизни поэта. Воспоминания современников. М., 1992. С. 104.
- ¹² Искра. 1859. № 39. С. 352.
- ¹³ Свидетельство П.А. Ефремова: Пушкин А.С. Соч. СПб., 1905. Т. 8. С. 275.
- ¹⁴ См.: Бухштаб Б.Я. Козьма Прутков // Бухштаб Б. Русские поэты. Л., 1970. С. 163–168.
- ¹⁵ Гинзбург Л.Я. О лирике. Изд. 2-е. Л., 1974. С. 221.
- ¹⁶ См.: Горохова Р.М. Пушкин, Батюшков, Тассо. (К истории одного образа) // Сравнительное изучение литератур: Сб. ст. к 80-летию акад. М.П. Алексеева. Л., 1976. С. 248–252.
- ¹⁷ См.: Элиаш Н.М. К вопросу о влиянии Батюшкова на Пушкина // Пушкин и его современники. Вып. 19–20. СПб., 1911. С. 29.
- ¹⁸ Денисенко С.В., Фомичев С.А. Пушкин рисует. Графика Пушкина. СПб., 2001. С. 137.
- ¹⁹ А.К. Толстой о литературе и искусстве. М., 1986. С. 163.
- ²⁰ Цит. по: Писарев Д.И. Соч. в 4 т. М., 1956. Т. 3. С. 384–386.
- ²¹ Там же. С. 387.
- ²² Там же. С. 415.
- ²³ А.К. Толстой о литературе и искусстве. С. 106–107.
- ²⁴ Там же. С. 67, 70.
- ²⁵ Ямпольский И.Г. Об эстетических взглядах и литературных мнениях А.К. Толстого // Там же. С. 17.
- ²⁶ Там же. С. 209. Курсив наш.
- ²⁷ Там же. С. 91.
- ²⁸ Гаспаров М.Л. Очерк истории русского стиха. М., 1984. С. 193.
- ²⁹ А.К. Толстой о литературе и искусстве. С. 64.
- ³⁰ Цит. по: Толстой А.К. Полн. собр. стих. Т. 1. С. 565–566 (примеч. Е.И. Прохорова).
- ³¹ Так его характеризовал К.С. Аксаков в статье «Богатыри времен великого князя Владимира по русским песням» (1852). См.: Аксаков К.С. Эстетика и литературная критика. М., 1995. С. 253.
- ³² А.К. Толстой о литературе и искусстве. С. 154.
- ³³ Там же. С. 210, 157.
- ³⁴ Ямпольский И. Середина века: Очерки о русской поэзии 1840–1870 гг. Л., 1974. С. 130.
- ³⁵ Кожинов В.В. Как пишут стихи: О законах поэтического творчества. М., 1970. С. 203–204.

В.Б. Трофимова

**«ПОЭТ РУССКОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ»:
ТВОРЧЕСТВО А.К. ТОЛСТОГО В ЛИТЕРАТУРНОЙ
КРИТИКЕ М.О. МЕНЬШИКОВА**

Аннотация. В статье рассмотрено восприятие творчества А.К. Толстого литературным критиком М.О. Меньшиковым. На материале баллад, былин, драматургии и исторического романа «Князь Серебряный» Меньшиков определяет, что отличительной чертой А.К. Толстого как писателя было особое историческое мировоззрение. А.К. Толстой считал политическим и нравственным идеалом период Киевской Руси – «русское Возрождение». На примере творчества А.К. Толстого Меньшиков показывает проблемы историзма и народности, консерватизма и либерализма в литературном творчестве.

Ключевые слова: А.К. Толстой; М.О. Меньшиков; литературная критика; историческое мировоззрение; баллада; былина; историческая поэма; историческая драма; исторический роман; консерватизм; либерализм; славянофильство; западничество.

Trofimova V.B. *«Poet of the Russian Renaissance»: A.K. Tolstoy's creativity in the literary critic of M.O. Menshikov*

Summary. In article perception of creativity of A.K. Tolstoy by the literary critic M.O. Menshikov is considered. On material of ballads, bylinas, dramatic art and the historical novel «Kn'jaz' Serebryany» Menshikov defines that the special historical outlook was distinctive feature of A.K. Tolstoy as writer. A.K. Tolstoy considered a political and moral ideal the period of Kievan Rus' – «the Russian Renaissance». On the example of A.K. Tolstoy's creativity Menshikov shows problems of historicism and nationality, conservatism and liberalism in literary creativity.

Keywords: A.K. Tolstoy; M.O. Menshikov; literary critic; historicism; ballad; bylina; historical poem; historical novel; historical play; conservatism; liberalism.

М.О. Меньшиков восхищался лирической поэзией А.К. Толстого, а также его произведениями крупных поэтических форм – балладами и былинами на сюжеты из древнерусской истории; высоко ценил драматическую трилогию «Смерть Иоанна Грозного», «Царь Фёдор Иоаннович», «Царь Борис», даже ставил А.К. Толстого как драматурга-философа наравне с А.С. Пушкиным; привлекал внимание читающей публики к нравственно-этическому пафосу исторического романа «Князь Серебряный», авторскому достоверному воссозданию исторической эпохи, глубокому проникновению в характеры исторических деятелей русских средних веков в романе. Сама личность А.К. Толстого притягивала Меньшикова сочетанием выдающегося творческого дарования с высокими нравственными качествами, свободолюбием и независимостью. Для Меньшикова А.К. Толстой был ярким примером русского европейца, нашедшего благодаря своим историко-литературным изысканиям эпоху Возрождения в русской истории – домонгольский период Киевской Руси, Великого Новгорода, Пскова. В оценке творчества А.К. Толстого Меньшиков выходит за пределы собственно литературоведческого анализа, рассматривая его творчество в широком общественном и историко-культурологическом контексте 1850–1870-х годов.

Меньшиков посвятил творчеству А.К. Толстого большой литературно-критический портрет-этюд «Поэт-богатырь (По поводу писем гр. Алексея Толстого)». Этот этюд был приурочен к 20-летию кончины поэта и опубликован критиком на страницах журнального приложения к газете «Неделя» – «Книжки “Недели”» (1895. № 11). В первой публикации этот этюд носил другое название – «Поэт русского Возрождения», почти с тем же подзаголовком «По поводу писем гр. А. Толстого». К первой публикации Меньшиков взял эпиграфом не совсем точную цитату первой строфы из стихотворения А.К. Толстого «В совести искал я долго обвиненья...» (1858).

*В совести искал я долго обвиненья
(у Меньшикова «примиренья» – В. Т.),
Горестное сердце вопрошал довольно –
Чисты мои мысли, чисты побужденья,
А на свете жить мне тяжело и больно!*

В этой строфе важна лексема «совесть», которая стала одной из центральных категорий во всей литературной критике. В этюде «Поэт-богатырь» Меньшиков привлекает внимание к мукам совести, нравственным переживаниям А.К. Толстого.

В повторной публикации литературно-критического этюда-портрета о творчестве А.К. Толстого (Меньшиков М.О. Критические очерки. Т. 1. СПб., 1899. С. 294–329) Меньшиков снял эпиграф, однако начал этюд с цитаты из стихотворения «В альбом Ш» (1865) другого очень значимого для Михаила Осиповича поэта, с которым критика связывали почтительно-уважительные чувства ученика к наставнику, – Я.П. Полонского.

*Писатель, если только он
Волна, а океан – Россия,
Не может быть не возмущен,
Когда возмущена стихия...
Писатель, если только он
Есть нерв великого народа,
Не может быть не поражен,
Когда поражена свобода...*

Цитата позволяет Меньшикову перевести субъективно-лирические переживания осознаваемого поэтом стремления к чистоте и правде и одновременной дисгармонии с миром в плоскость закономерных переживаний поэтом дисгармонии современного общества, ощущения поэтом страданий всего общества как своих. Эта цитата из стихотворения Я.П. Полонского и весь ход критических рассуждений Меньшикова показывают, что критик не разделял устоявшегося во второй половине XIX в. литературного мнения, относившего А.К. Толстого к представителям «чистого искусства», поэзия которых не имела серьезного общественного значения. Меньшиков убедительно показывает, что А.К. Толстой как раз и являлся истинным поэтом-гражданином, сближаясь со своим литературным антиподом Н.А. Некрасовым. Причем, по убеждению Меньшикова, гражданственность творчества А.К. Толстого являлась ярким примером отрицания тенденциозности в искусстве: «“Лукавый царедворец” и “консерватор”, он болел вопросами времени не меньше, чем другой прославленный поэт, издатель передового журнала, живший в Петербурге. Если Некрасову

нельзя отказать в искренности душевных мучений, то нельзя в ней отказать и Алексею Толстому, который составлял во многом антипод Некрасова. Пусть Некрасов провел молодость в петербургских трущобах, а Толстой в придворных сферах – оба поэта были истерзаны современною жизнью, каждый – на свой образец. Некрасову с преобладанием у него ума над чувством гнет тогдашнего настроения, пожалуй, было даже легче, чем пылкому и страстному Алексею Толстому»¹.

Меньшикову очень импонировало это отрицание А.К. Толстым всякой тенденциозности в искусстве, неприятие деспотизма не только в политике, но и в художественном творчестве, безудержное свободолюбие поэта. Меньшиков видит несомненное автобиографическое начало в поэме «Иоанн Дамаскин» (1859), соединяя вольнолюбивые устремления лирического героя с бегством автора от великосветской жизни, отказом от почетной службы при дворе Александра II, который неоднократно делал попытки привлечь на службу своего любимца А.К. Толстого.

В этюде-портрете «Поэт-богатырь» Меньшиков приводит цитаты из опубликованных в конце 1890-х годов писем А.К. Толстого к великосветским адресатам², в том числе к Александру II и императрице Марии Александровне. Меньшиков приводит выдержку из письма А.К. Толстого к А.Ф. Тютчевой 1868 г.: «“Перехожу к литературе, которая и есть Ding an und für sich”³, так как все остальное есть лишь явления и... Вы мне говорите, что Теофил – эхо салонных консерваторов... Я вам скажу с грубой откровенностью... что такое эти консерваторы... ваши салонные консерваторы. Вы знаете, насколько я ненавижу все красное, и черт меня возьми, если я в той или другой из моих трагедий хотел что-либо доказать. Я презираю всякую тенденцию в литературном труде, я ее презираю, как пустой патрон... Я это говорил, и повторял, и перевысказывал! Но не моя вина, если из написанного мною ради любви к искусству само собою вытекает, что деспотизм никуда не годится. Тем хуже для деспотизма! Оно везде выскажется, во всяком художественном труде; оно выскажется даже в бетховенской симфонии. Я ненавижу деспотизм так же, как я ненавижу Сен-Жюста и Робеспьера и т.д. ... Я это не скрываю и провозглашаю это громко, да, м-г... V., да, я провозглашаю, не посетуйте, м-г Т... Я готов кричать это с крыш, но я слишком художник,

чтобы втискивать это в художественную работу, и я слишком монархист, да, m-г М... я слишком монархист, чтобы нападать на монархию. Я даже скажу, что я слишком художник, чтобы нападать на монархию. Но разве монархия и то или другое лицо, носящее корону, – одно и то же? Разве Шекспир был республиканец, потому что он написал “Макбета” или “Ричарда III”? Шекспир при Елизавете поставил на сцену своего “Генриха VIII”, и Англия от этого не рухнула!” Но зачем было трепетать Толстому? – восклицает Меньшиков и сравнивает А.К. Толстого с “официальными патриотами” консервативного стана: – Он мог бы писать рутинные “патриотические” пьесы, спокойно выводить в них отцов-благотетелей в лице Иоаннов и Федоров, и никто бы не причинил ему ни малейшей неприятности. Ведь делали же это многие другие писатели и делают до сих пор. Да, другие, но не он. Другие – пишущая челядь, а он был истинный аристократ – не только по титулу, а по благородной душе своей, не терпевшей ни малейшего покушения на ее свободу:

*Над вольной мыслью Богу не угодны
Насилие и гнет,
Она, в душе рожденная свободно,
В оковах не умрет...*

Это вдохновенное, страстное убеждение А. Толстого, которое он проповедовал всю жизнь, он вложил в уста Иоанна Дамаскина. Можно подумать, что сладость свободы была подсказана поэту этими личными его страданиями? <...> Да, он страдает глубоко и за себя, но не только за себя и, может быть, и за себя-то страдал только острою болью проснувшегося в нем стихийного, народного сознания”»⁴.

В этюде-портрете «Поэт-богатырь» на примере творчества А.К. Толстого Меньшиков продолжает изучение общественных антиномий «консерватизм – либерализм», «славянофильство – западничество». В этой критической работе творчество А.К. Толстого стало отправной точкой рассмотрения проблем народности и историзма в литературе. Исследование этой проблематики писатель продолжит в других этюдах книги «Критические очерки» (1899–1902).

По убеждению Меньшикова, А.К. Толстой не являлся ни консерваторм, ни либералом, ни славянофилом, ни западником в обычном понимании этих общественно-исторических терминов, а человеком, предложившим третий путь развития себя как гражданина и всего русского общества. В этом А.К. Толстой, по словам Меньшикова, значительно опередил И.С. Тургенева, многих писателей и историков конца XIX в., выработав особое «историческое миросозерцание». Это миросозерцание оказалось очень близко самому критику. Меньшиков пытается определить специфику писательского творчества А.К. Толстого, основанного на новом видении русской истории, которое отличало поэта от современных ему славянофилов и западников: «Что составляет отличительную черту гр. Алексея Толстого как писателя? Кроме честной души, которая и между писателями встречается нечасто, кроме выдающегося таланта и образования, – Алексей Толстой выделяется совершенно своеобразным историческим миросозерцанием, своими особенными общественными вкусами. Он не был ни западник, ни славянофил, ни консерватор, ни либерал, ни государственный, ни анархист, а нечто совсем особое, для чего нет еще и названия в русской жизни. Он считал идеалом государственности монархию – но какую? Современную ему? Нет, хотя личная дружба и связывала его с императором-освободителем. Монархию “петербургского” (до реформ) периода? О, нет, хотя он и служил ей, выросши при дворе. Монархию старого, московского периода, столь воспетую некоторыми славянофилами? Он ее ненавидел: “Моя ненависть, – пишет он (в 1869 г.), – к московскому периоду есть идиосинкразия, и я не подвинчиваю себя, чтобы говорить о нем то, что говорю. Это не тенденция – это я сам. Откуда взяли, что мы антиподы Европы? Туча прошла над нами, облако монгольское, но это была лишь туча, и черт должен поскорее убрать ее... Я несколько слов сказал об этом в моем проекте о постановке “Федора”. Нашли ли вы это сомнительным: русские – европейцы, а не монголы!”»⁵.

Меньшиков обращает внимание, что протест А.К. Толстого против деспотизма и «монголизма» в русском обществе был особенно важен именно в либеральные 1860-е годы, так как внутреннее рабство и дикость были еще очень сильны даже в либералах: «Вот корень миросозерцания А. Толстого и источник его страданий. “Мы – европейцы, а не монголы!” – с отчаянием восклицает

он в век грубый, когда русская жизнь еще едва начинала освобождаться от монгольского духа. Это было, скажете вы, в разгаре нашего либерализма. Да, либерализма на монгольский лад – с новыми целями, но со старыми средствами борьбы. Деспотизм монгольский в те либеральные 60-е годы еще был жив в наших нравах, как живет он и доселе. “Мы – европейцы, а не монголы!” – готов был кричать с крыши бедный поэт, видя всюду в жизни, и вправо, и влево от себя монгольские начала. Те, кто слышали его, соглашались, что мы – европейцы, но, как некоторые славянофилы и лжеохранители, проповедовали монголизм, сами того, быть может, не замечая. Истинный русский человек граф А. Толстой чувствовал себя, сверх того, и истинным европейцем: он носил в себе подлинные инстинкты не только своего племени, но и великой расы, к которой это племя принадлежит. Он недаром еще ребенком сидел на коленях у Гёте и чуть не молился на статую работы Микеланджело: Европа была его истинною второю родиной после России, его душа вмещала все откровения западных цивилизаций не как чуждые, а как родные, правда, припозабытые, но свои, как свои они для англичанина, немца и француза»⁶.

Соединение истинно русского в характере А.К. Толстого с ощущением его принадлежности к великой европейской расе было очень близко Меньшикову. В своих размышлениях о русском искусстве еще в 1870–1880-х годах (время написания книги путевых очерков «По портам Европы» (1884)) Меньшиков, по замечанию исследователя его творчества Н.И. Крижановского, использует категорию «раса»: «Искусство, по утверждению Меньшикова, должно приближаться к типу расы. Для критика тип европейской расы “реализовался на Аполлонах и Кипридах, а не на пьяной бабе, утирающей себе под носом”. Меньшиков формулирует свою позицию по вопросу присутствия идеала в искусстве: нужно показывать в произведениях идеал, изображать прекрасное, а не безобразное. С этими еще не совсем четко выраженными мыслями критик включается в актуальную и для публицистики 1870–1880-х годов полемику сторонников чистого искусства и последователей концепции искусства социально значимого, общительного»⁷.

В новом историческом мировоззрении А.К. Толстой, по мнению Меньшикова, опередил А.С. Пушкина и Н.М. Карамзина,

которые славили Московию, с уважением и трепетом относились к личности Иоанна IV. А.К. Толстой относил русское племя к европейской расе, считал московский период темными Средними веками русской истории. По мнению Меньшикова, неприятие деспотизма, отрицательное отношение к московскому периоду русской истории сближало А.К. Толстого с М.Ю. Лермонтовым, прославившим поступок купца Калашникова: «Даже столь искренние люди, как Пушкин, были захвачены культом “матушки Москвы”, единственным подвигом которой после Петра было сдаться французам без боя. Памятный для России 1812 год, тяжелая война и тяжелая победа омрачили и без того смутное сознание тогдашнего общества: из пепла Москвы возникла не только общественная реакция последующих сорока лет, но и романтический культ допетровского времени. Не только Карамзин, но даже Пушкин и его созвездие писателей были под влиянием этого ложно патриотического культа. Алексей Толстой всего на 18 лет был моложе Пушкина – но какая колоссальная разница в мирозерцании! Впрочем, возвратившись к дотатарским идеалам, Алексей Толстой обогнал сразу не только Пушкина, но даже и Тургенева с его “постепеновскими” воззрениями и обогатил наш век; кроме Льва Толстого, которого идеал еще шире и всемирнее, люди даже нашего поколения “конца века” пока не в состоянии вместить мысль Алексея Толстого»⁸.

Меньшиков видит в А.К. Толстом первооткрывателя домонгольского периода в русской истории. В исторических балладах, былинах, драмах А.К. Толстой «воспел русскую эпоху Возрождения – Киевскую Русь, вечевые республики, видя в этом периоде свой нравственный и политический идеал: “Теория” гр. Алексея Толстого в том, что было когда-то время, когда нравы наши были иные, полные достоинства и свободы, и дух деспотизма был чужд нашим предкам, как душе поэта. Но когда же была эта эпоха, и была ли? Гр. А. Толстому принадлежит честь ее открытия русскому обществу, хотя он был и не историк и хотя и ранее его некоторые историки догадывались об этой, в своем роде затопленной волнами монгольства, Атлантиде. Гр. А. Толстой был только поэт, но и одного художественного чутья было мало, чтобы найти лучшую из эпох истории: нужно было иметь благородную душу, не растленные народные инстинкты, ясный нравственный идеал. Все

это нашлось у Алексея Толстого, и он без труда увидел единственный “европейский период нашей истории”, как он его называет. Он его увидел не после Петра, как принято смотреть, а после... Рюрика. Неслыханная смелость, почти дерзость! Ересь против науки русской, против установившихся общественных воззрений. Ведь наука того времени утверждала, что настоящая русская история начинается только со времен Москвы, которая одна явилась создательницей России, собирательницей ее из хаоса удельного дробления. Период до Москвы считается подготовительным, временным, может быть, неизбежным, но ненастоящим. По мнению историков, он непременно должен был окончиться тем, чем окончился, даже если бы и не было татар. Иначе, совсем иначе смотрит гр. Алексей Толстой. Его можно назвать романтиком удельного периода – до того привлекательно ему кажется наша древняя, вечевая и княжеская старина. Он воспел ее в своих поэмах, балладах и былинах, в своих исторических драмах (“Посадник”), проповедовал в письмах. Изучая древнейший период нашей истории, он приходит в восторг, встречая несомненные доказательства живого общения тогдашней Руси с Западом»⁹.

Творчество А.К. Толстого в восприятии Меньшикова – это не только художественное творчество, но и нравственная проповедь своего идеала. Меньшиков обращает наше внимание, что, работая над историческим романом «Князь Серебряный» и изучая исторические документы, А.К. Толстой близко к сердцу принимал все ужасы этой эпохи, буквально жил в этой эпохе, был проникнут негодованием, не раз оставлял работу над этим произведением, что и стало причиной того, что работа над романом шла более 10 лет. Непосредственным итогом «проживания» исторического материала стал конец романа, который, по мнению Меньшикова, не соответствовал концу эпического произведения с художественной точки зрения. Однако с точки зрения нравственного идеала А.К. Толстого был абсолютно закономерен. «Видите, как горячо к сердцу он принимал все эти стародавние ужасы. Свой страшный роман он не может при всем старании кончить “эпически”: он заканчивает его молитвой, “чтобы Бог помог нам изгладить из сердец наших последние следы того страшного времени, влияние которого, как наследственная болезнь, еще долго потом переходило в жизнь нашу от поколения к поколению!” Великодушный поэт

приглашает простить грешную тень царя Иоанна, “ибо не он один создал свой произвол, и пытки, и казни, и наущничество, вошедшее в обязанность и в обычай!” <...> Конец этот в художественном отношении – совершенный клякс: подвести мораль к роману с тою же наивностью, как подводили ее к своим басням прежние баснописцы, – значит испортить впечатление от всего рассказа. И уж, конечно, как художник, Алексей Толстой знал, что это не эпический прием, но не выдержал, не мог выдержать: не успел замолкнуть в нем художник, как закричал человек, взволнованный и негодующий. Поэт приглашает читателей “простить грешную тень Ивана Васильевича”, но сам, очевидно, не может ей простить – это свыше его человеческих сил!»¹⁰.

По мнению Меньшикова, А.К. Толстому было свойственно высшее понимание народности, воплощение ее в литературе. С точки зрения отношения к истории и воплощения нравственного идеала в литературе Меньшиков ставил А.К. Толстого выше Пушкина, не уравнивая, конечно, их по масштабу дарования. Меньшиков сближал историческое мировоззрение и нравственный идеал А.К. Толстого с нравственным идеалом Лермонтова как автора «Песни про купца Калашникова»: «Но татарщина, однако, ведь исчезла: все эти ужасы и низости были три века тому назад. Чего же волноваться? Пушкин не волнуется. Он только художник, как Гёте, – Алексей же Толстой не только художник, а и проповедник. Он нравственно скорбел историей и мучился этим оскорблением. Он более сродни Лермонтову, в “Иване Калашникове” которого чувствуется это хотя крайне затаенное, но жгучее чувство нравственного оскорбления (в ответе купца опричнику и в драме всего события). Пушкин не был оскорблен, напротив: московская старина ему в общем нравилась; он очень гордился, что его предки участвовали в эпохе Иоаннов; Ивана Грозного он называет с чувством некоторого любования им – “гнев венчанный”. Пушкин очень высоко ставил историю Карамзина, т.е. панегирик Московской Руси. Отношение к нашей истории у Пушкина было политическое, у Алексея Толстого – строго нравственное. <...> Этот нравственный критерий – явление совершенно новое и весьма еще непрочное в нашем обществе. Алексей Толстой, современник поэтов-славянофилов, первый из них выдвинул нравственный взгляд на историю, чем всего резче он от них и отличался. Те были

заражены подчас крайне эгоистическим патриотизмом и ради неверных соображений о внешней силе и величии государства охотно жертвовали народной свободой, человеческим достоинством, благородством жизни, лишь бы только “наша взяла”»¹¹.

Меньшикову была очень близка проповедь А.К. Толстого – «художника русского Возрождения» – эпохи Киевской Руси и Новгорода, «о восстановлении благородства отношений между государством и личностью», о превращении крепостного раба в гражданина¹². Меньшиков был убежден, что русское Возрождение не только было до Московского царства, но и продолжалось в XIX в.: «На призыв Петра Россия, говорит один мыслитель наш, “ответила огромным явлением Пушкина”»¹³.

Меньшиков видел в А.К. Толстом «возрожденного в условиях современности древнего богатыря времен Владимира»¹⁴, который не устал показывать весь «ужас и омерзение» эпохи татарского порабощения, призывал восстанавливать «утраченные драгоценные дары нашей древней культуры»¹⁵, русского Возрождения.

Причину того, что благородные призывы А.К. Толстого не были услышаны русским обществом, Меньшиков видит в том, что поэт, хотя и обладал большим литературным талантом, не был гением. Ему была уготована участь вопиющего в пустыне, А.К. Толстой с горечью осознал свою роль. Поэт-богатырь, певец русского Возрождения еще не дождался своих слушателей: «...Это был проповедник прекрасных истин, но без дара чудес: мертвых он не воскрешал, слепым не давал зрения. Но все же это был талант мощный и сродни пророкам, все же он останется звучать в русской жизни, пока жива будет русская литература. И не его вина, если его призыв к возрождению не был принят в обществе с тем же одушевлением, с каким был сделан: ведь это не первый голос, вопиющий в пустыне! Но если в этой пустыне появятся, наконец, люди, имеющие уши, – они услышат этот в своем роде трубный, «мажорный» (по собственному определению А. Толстого) призыв, и он скажет душе их то, что, может быть, не даст иной и гений. В самом деле, разве не великая это задача жизни – восстановление истинных основ ее? Разве не нуждаемся мы – стомиллионная народная масса – в возвращении нам самосознания, достойного великого народа? Этого самосознания у нас теперь нет в сколько-нибудь определенной степени»¹⁶.

Меншиков осознавал, как трудно быть в России даровитым поэтом и притом совестливым человеком. В статье «Две правды» (1893) из сборника «Критические очерки» (1899–1902) критик высказал мысль о том, что талантливый писатель становится судьей своей эпохи: «Быть талантливым писателем в наше время, мне кажется, должно быть мучительно. Что касается бездарных – они счастливы, как всегда. <...> Другое дело – писатель одаренный, и чем выше его дар, тем тяжелее крест. Ясновидением пророка, тонким предчувствием будущего, проникновением в законы волнующейся жизни такой писатель присутствует как бы на страшном суде своей эпохи, перед ним вскрыты все язвы ее и тайные грехи»¹⁷. Именно подобного судью видел Меншиков в А.К. Толстом, эта роль в полной мере проявилась в его лирике, драматургии и эпике.

Интерпретация всего творчества А.К. Толстого Меншиковым позволяет нам проследить формирование авторской позиции его не только как литературного критика в ранний период творчества (1870–1890-е годы), но и как политического публициста в начале XX в.: объяснить «мировоззренческий дрейф» критика как закономерное развитие его литературно-эстетических и политических взглядов, проследить влияния на его мировоззрение. Вслед за А.К. Толстым он вопрошал: «“Кто мы? Для чего мы?” Великий ли мы народ или простая орда, принадлежим ли мы к благородной европейской расе, одарены ли мы вместе с нею задатками истинной, гуманной цивилизации, или племя рабов, обреченное “на подстилку” для великих племен?»¹⁸

Меншиков полагал, что России нужно воспринять западную цивилизацию, пробудить творческую и трудовую активность русского народа. В этюде-портрете «Поэт-богатырь» Меншиков подчеркнул, как важно русским ощущать себя «кровными европейцами», самобытным и талантливым племенем. Судьба России в соединении с Западом, а не с Востоком: «Форпосты цивилизации надвигаются на нас со всех сторон, и из простого чувства самосохранения мы должны усвоить то же оружие. <...> В самом деле, обидно быть вечными данниками Запада в материальном отношении, расплачиваться народной энергиею за недостаток просвещения. Обидно быть работниками Европы, но еще обиднее чувствовать себя и нравственно слабее ее, уступать ей в справедливости

и достоинстве жизни. Это сознание парализует духовное творчество нашего общества, лишает его радости существования. Пока мы искренно не повернемся “лицом к варягам”, пока не признаем себя, как мечтал Алексей Толстой, кровными европейцами, пока не почувствуем, что начала гуманности – наши родные начала, до тех пор и материально, и духовно мы будем в подчинении у Запада, в роли варваров, которых бояться, но презирают. Хорошо не знать этого презрения, но знать его – и чувствовать, как Алексей Толстой, что оно заслужено... Это тяжелое страдание»¹⁹.

-
- ¹ *Меньшиков М.О.* Поэт-богатырь (По поводу писем гр. Алексея Толстого) // *Меньшиков М.О.* Великорусская идея. Т. 2. М.: Институт русской цивилизации, 2012. С. 493–494.
 - ² Полагаем, что М.О. Меньшиков имел в виду публикацию писем А.К. Толстого в «Вестнике Европы» (1895). В дальнейшем письма были опубликованы отдельным изданием: Толстой А.К. Письма графа А.К. Толстого к друзьям. [Б. м.] [Б. и.]. Вырезка из «Вестника Европы». С. 629–634.
 - ³ Вещь в себе и для себя (нем.).
 - ⁴ *Меньшиков М.О.* Поэт-богатырь (По поводу писем гр. Алексея Толстого) // *Меньшиков М.О.* Великорусская идея. Т. 2. М., 2012. С. 485–486.
 - ⁵ Там же. С. 487.
 - ⁶ Там же. С. 487–488.
 - ⁷ *Крижановский Н.И.* Публицистика М.О. Меньшикова в контексте критико-философской мысли рубежа XIX–XX вв.: Монография. Армавир: АГПА, 2012. С. 21.
 - ⁸ *Меньшиков М.О.* Поэт-богатырь (По поводу писем гр. Алексея Толстого) // *Меньшиков М.О.* Великорусская идея. Т. 2. М., 2012. С. 488–489.
 - ⁹ Там же. С. 490.
 - ¹⁰ Там же. С. 501–502, 503.
 - ¹¹ Там же. С. 502–503, 504.
 - ¹² Там же. С. 505.
 - ¹³ Там же. С. 505.
 - ¹⁴ Там же. С. 507.
 - ¹⁵ Там же.
 - ¹⁶ Там же. С. 507–508.
 - ¹⁷ *Меньшиков М.О.* Две правды // *Меньшиков М.О.* Великорусская идея. М., 2012. С. 358–359.
 - ¹⁸ Там же. С. 509.
 - ¹⁹ Там же. С. 510.

ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

Д.Л. Чавчанидзе

ИСКУССТВО В ДВУХ ВИДАХ СЛОВЕСНОГО ТВОРЧЕСТВА (К вопросу о новаторстве в истории литературной формы)

Аннотация. В статье освещается возникший в первой трети XIX в. вопрос об изобразительных преимуществах прозы перед поэзией, сменяющийся затем утверждением о необходимости наличия в прозаическом творчестве поэтического элемента как условия его *художественности*. Пересечение противоположностей в прозаическом произведении свидетельствует о единстве содержания и формы, в котором возможный момент преобладания одного из двух компонентов подтверждает их эстетическую взаимозависимость.

Ключевые слова: поэтическое; прозаическое; роман; правдивость; фантазия.

Chavchanidze J.L. *The two kinds of writing (To the problem of innovation in the history of literary form)*

Summary. The article focuses the issue, emerged in the first third of the 19th century, that concerns depictive advantages of prose over the poetry. Later this was followed by a statement that the poetic component in a prosaic work should be regarded as an essential condition of its *artistry*. The junction of oppositions does not destroy the unity of content and form, even with the possible predominance of one of the components.

Keywords: poetic; prosaic; novel; veracity; fantasy.

Сопоставляя язык поэзии с языком прозы по передаваемому ими смыслу, В. Гумбольдт писал: «Поэзия берет действительность такой, какой видит и чувствует ее, не обращая внимания на то, что

делает ее действительностью, даже намеренно обходя такие показатели... Проза же выискивает в действительности ее корни...»¹. А. Потебня назвал поэзию «иносказанием в обширном смысле слова, в котором закономерность высказанного образом утверждается самим образом», противопоставив ей прозу как «выражение элементарного наблюдения»², где, как в науке, «подчинение факта закону должно быть доказано» [38].

М.Л. Гаспаров отметил, что антитеза «поэзия – проза» обозначилась еще в поздней античности, а в период варваризации и христианизации Западной Европы, в IV–VII вв., два вида словесного творчества «как бы поменялись своими критериями литературности»³. Оттеснение поэзии прозой и в дальнейшем происходило именно на этапах социокультурного перелома; в XVIII в. жизненная основа просветительских идей освещалась именно прозаиками.

На пороге XIX столетия реакция ранних романтиков на незримое и необъяснимое, характерная для произведения *поэтического*, стала получать выражение в прозаической форме, и синтез оказывался эстетически полноценным у самых разных авторов. Новалис в системе символов «Генриха фон Офтердингена» представил свою оригинальную философию, Шатобриан в «Рене» – человека в смятении его внутреннего мира, в разладе со всем, извне существующим. В 1811 г. Я. Гримм высказался о равенстве двух видов литературного творчества по их художественным возможностям убедительной метафорой: «Или разве протестанты в своих храмах с голыми стенами молятся не столь же благочестиво, что и католики, держащиеся старины?»⁴. Новый характер повествования, проникнутого *поэтическим* мироощущением, стал одним из главных отличительных признаков романтизма на фоне прозаического наследия века Просвещения, когда четко продуманное содержание требовало оформления, рационально подобранного, и даже остроумие, по замечанию Сент-Бева, было «нечто вроде цветов, прикрывающих оружие, яркие блески на обитых шелком ножнах шпаги»⁵.

Более того, в романтическую эпоху стих, «искусственная организация слова», если воспользоваться формулировкой А.В. Михайлова, нередко рассматривался как «искусственность»⁶. Складывалось понятие о преимуществах прозы перед лирикой, где

«изображение душевных процессов... отрывочно, а изображение человека более или менее суммарно»⁷. Булвер-Литтон в статье «Гёте в его посмертных произведениях» доказывал, что «стих не может вместить в себя столь нежно-утонченной мысли, какую выражает великий писатель в прозе; рифма всегда ее увечит»⁸. Поэзия утрачивала свой высший статус и в русской литературе, что с удовлетворением комментировал прозаик Бестужев-Марлинский: «Стихов никто не стал слушать, когда все стали их писать. Наконец, рассеянный ропот слился в общий крик: "Прозы, прозы! Воды, простой воды!"» [85].

На следующем литературном этапе, в 30–40-е годы, актуальным сделалось обратное: сохранение поэтического элемента в завоевавшей первенство прозе. Созданное только на наблюдении над реальностью, лишённое активной авторской фантазии не выглядело полноценным художественным сочинением. Преобладание содержания над формой называли «голой» правдой. Тот же Сент-Бев писал: «Правда неуловима и невыразима... Чтобы довести ее до ясности и точности... необходимо... что-то к ней добавить, а что-то урезать, где-то усилить краски, где-то сгустить тени»⁹. Гегель не одобрял прозу, в которой «образность вообще не важна, а важно значение, избираемое в качестве содержания»¹⁰. Грильпарцер, драматург и поэт, рассуждал в своих дневниковых записях: «Как может сочинитель предложить такое содержание, чтобы его не превзошел думающий и чувствующий читатель? Форма же – божественна. Она имеет завершенность как природа, как действительность»¹¹. Из прозы Грильпарцер признавал только новеллу: «Каждая хорошая новелла может быть переложена стихами, она, собственно, уже и есть необработанный поэтический сюжет» [Grillparzer, 182]. Роману он отводил «в лучшем случае половину поэзии» [Grillparzer, 38] и считал, что написанный стихом роман был бы бессмыслицей. Подобное мнение мог вызывать жанр, в котором, как сказано М.М. Бахтиным, «раскрывается многообразие путей, дорог и троп»¹², сама его структура не допускает заданных границ стихотворчества.

Тем не менее роман в стихах тогда уже существовал в России, «Евгений Онегин» Пушкина¹³. Ю. Тынянов заметил, что поэт, приступая к новому труду, не сразу установил для себя его жанр: у него оно – «то роман, то поэма; главы романа оказываются пес-

нями поэмы...»¹⁴. Вполне вероятно, что Пушкин сознавал рискованность использования стихотворной формы при содержании, подходящем для прозы, опасность ущерба и поэтической образности, и той картине жизни, какую всегда намеревается представить романист. Неуверенность в собственном эксперименте просматривается в его письме Вяземскому: «...пишу не роман, а роман в стихах – дьявольская разница!»¹⁵.

Как известно, в заглавной фигуре «Евгения Онегина» поэт запечатлел вариант так называемого байронического героя. Конструкции образа иного, с более широкой проекцией в реальность, препятствовала та самая «онегинская строфа», которая придала сочинению необыкновенную эстетическую силу. Пушкин, с легкостью заявивший, что «вдруг умел расстаться с ним... с Онегиным моим», на самом деле столкнулся с тем, что исчерпал все *поэтические* средства для развития действия – для продолжения истории центрального персонажа. Однако пушкинисты сходятся во мнении, что «противоречие, содержащееся в подзаголовке “роман в стихах”, разрешается в диалектическом примирении ценностей последних с ценностями первого»¹⁶. Стихотворная форма не помешала показать «современного человека», как назвал сам поэт тот тип, к которому причислил своего героя, притом показать в аспекте не Байрона, а французских прозаиков начала века, у которых такой герой всегда выведен в реальной жизненной ситуации.

Внимательно следивший за происходившим в западноевропейской литературе, Пушкин не мог не заметить в ней перехода от поэтического слова к прозаическому. И он тоже не принимал произведений, так сказать, *фотографически* правдивых – ни физиологических очерков Ж. Жанена, ни «вычурности» [116] сюжетов Бальзака, которые приравнивал к физиологическим очеркам за их отчетливо социальный характер. Более мягко относился он к Стендалю, но восхищался «поэтическими панорамами»¹⁷ Скотта, у которого находил сочетание шекспировской драматичности, бытописания XVIII в. и полузагадочной увлекательности народной баллады. Возможно даже, что в своем произведении он не без удовольствия усматривал нечто аналогичное Скотту: «собрание пестрых глав, / Полусмешных, полупечальных, / Простонародных, идеальных». Тынянов, выявляя степень близости пушкинского

романа к прозаическому, имел основания назвать в первую очередь «вальтер-скоттовский»: если там, в прозе, присутствует поэтический элемент, то в «Онегине» эфемерность поэзии снижается вторжением прозы. Но иным было лицо Пушкина – *автора* прозаических произведений. По заключению А. Белого, в них он «скован обязанностью написать рассказ», в его «холодноватую фразу» «не ввержена вся душа»¹⁸.

А. Белого беспокоило то же самое, что некогда Сент-Бева, Грильпарцера, того же Пушкина, критика и читателя: исчезновение из прозы образности, подобной поэтической. Именно в этом аспекте он противопоставил Пушкину-прозаику Гоголя: «Весь размах лирики, данный ритмами, от которых себя отвлекает в прозе Пушкин, вложил в прозу Гоголь, заставляя вздрагивать, как струны, вытянутые свои строки, дающие звук ассонансов и аллитераций» [5]. Прodelанный А. Белым анализ языка гоголевских сочинений как поэтического, даже *музыкально-поэтического*, может полностью пояснить определение, которое дал сам писатель жанру своих «Мертвых душ», написанных прозой: поэма. Это определение невольно напоминает о пушкинском: *роман в стихах* – об оправданном единстве противоположностей в художественном изображении, только у Гоголя кажется указанием читателю, скорее всего неосознанным, на совмещенность прозы и поэзии в явлениях *самой жизни*, что и намерен воспроизвести автор всеми лексически допустимыми средствами.

Опираясь именно на пример Гоголя, А. Белый рассматривал подлинное искусство как «соединение действительности с видимостью в художественной форме», когда «верность действительности осуществляется... в свободной группировке элементов видимости, входящих в форму художественного образа...»¹⁹. Имея в виду тот же принцип совокупности реального и субъективно зримого, он утверждал, что «не без Гоголя» происходило становление Сологуба, Блока, даже Мейерхольда и Маяковского, – и лично его, А. Белого: «...ищите его в каждом художнике слова, откроете Гоголя там, где ему не положено быть...» [320].

Мысль о непреходящем значении прозы *поэтической*, подобной гоголевской, А. Белый вынашивал также в условиях социокультурного перелома, при котором всегда существует опасность обесценивания подлинных ценностей из отодвигаемого и

опровергаемого прошлого. Тогдашняя действительность советской России не предполагала прозы поэтической, к тому же и собственно поэтическое, не замкнутое на материально-конкретной тематике, отождествлялось с чуждым настроению страны декадентским. За поэтическую образность передаваемого мировосприятия осмелел прозу самого А. Белого – с собственной точки зрения – Мандельштам: «Русский символизм не умер... Андрей Белый продолжает славные традиции литературной эпохи, когда половой, отраженный двойными зеркалами ресторана “Прага”, воспринимался как двойник...»²⁰. По мнению Мандельштама, именно *поэтическими* особенностями формы ущемляется полноценность содержания «Записок чудака», где А. Белый «не может пожертвовать ни одним оттенком, ни одним изгибом своей капризной мысли и взрывает мосты, по которым ему лень перейти. В результате, после мгновенного фейерверка, – куча щебня, унылая картина разрушения вместо полноты жизни, органической целостности и деятельного равновесия» [59]. Не будет натяжкой перевести такую характеристику метода *прозаика* словами Гумбольдта *о поэзии*: «Берет действительность такой, какой видит и чувствует ее, не обращая внимания на то, *что* делает ее действительностью». И Мандельштам прямо утверждал, что роман «Записки чудака» написан «полустихами» [256].

Оставляя без комментариев критику Мандельштама, стоит лишь учитывать, что его неприятие поэтического элемента в современной ему прозе вытекало из убеждения в *историчности* художественного слова, в задаче слова придавать литературному произведению значимость «общественного события» [72], иначе говоря, участвовать в формировании *особого* культурного облика *своей* эпохи, чему мешает следование примерам из *былого*. С этим был логически связан его вывод о неправомерности однозначной оценки какого-либо эстетического этапа: «Литературные формы сменяются, одни формы уступают место другим. Но каждая смена, каждое приобретение сопровождается утратой, потерей» [57].

Факты поочередного преобладания в литературном творчестве одной из двух тенденций, поэтической или прозаической, свидетельствуют о постоянно происходящих в нем поисках той максимальной выразительности, какую позволяет словесное искусство, охватывающее *все* стороны мироустройства.

-
- ¹ *Humboldt von*. Gesammelte Werke. В., 1848. Bd. 6. S. 231.
 - ² *Потебня А.А.* Теоретическая поэтика. М., 1990. С. 151. Следующая цитата там же, страница – в тексте.
 - ³ Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания. М., 1994. С. 159.
 - ⁴ Эстетика немецких романтиков. СПб., 2006. С. 290.
 - ⁵ *Сент-Бев Ш.* Литературные портреты. Критические очерки. М., 1970. С. 100–101.
 - ⁶ *Михайлов А.В.* Языки культуры. М. 1997. С. 408.
 - ⁷ *Гинзбург Л.* О лирике. Л., 1974. С. 8.
 - ⁸ Цит. по изданию: Литературно-критические работы декабристов. М., 1978. С. 211. В России статью Булвер-Литтона сразу же опубликовал в «Библиотеке для чтения» (1834, Т. 6) О.И. Сенковский. Следующая цитата там же, страница – в тексте.
 - ⁹ *Сент-Бев Ш.* Жизнь, стихотворения и мысли Жозефа Делорма. М., 1986. С. 183.
 - ¹⁰ *Гегель.* Эстетика: В 4 т. М., 1968–1973. Т. 3. С. 377–378.
 - ¹¹ *Grillparzer Fr.* Studien zur Literatur. Wien. O.J. S. 29. Далее Грильпарцер цитируется по тому же изданию, страницы – в тексте.
 - ¹² *Бахтин М.М.* Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. С. 91.
 - ¹³ По-видимому, Грильпарцеру не были знакомы известные к тому времени немецким литераторам суждения о «Евгении Онегине» в обширной статье Фарнгагена фон Энзе «Сочинения Александра Пушкина».
 - ¹⁴ *Тынянов Ю.Н.* Пушкин и его современники. М., 1969. С. 64.
 - ¹⁵ *Пушкин А.С.* Собрание сочинений: В 10 т. Т. 9. М., 1962. С. 77.
 - ¹⁶ См.: *Гринлиф М.* Пушкин и романтическая мода. СПб., 1996. С. 6.
 - ¹⁷ *Пушкин.* Сочинения. Л., 1935. С. 384.
 - ¹⁸ *Белый А.* Мастерство Гоголя. М.; Л., 1934. С. 5. Следующая цитата там же, страница – в тексте.
 - ¹⁹ *Белый А.* Символизм как миропонимание. М., 1994. С. 116. Следующая цитата там же, страница – в тексте.
 - ²⁰ *Мандельштам О.* Слово и культура. М. 1987. С. 254. Далее Мандельштам цитируется по тому же изданию, страница – в тексте.

ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

В.М. Гуминский

РУССКАЯ ПАЛОМНИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА МЕЖДУ ВОСТОКОМ И ЗАПАДОМ*

Аннотация. В статье анализируется первое русское произведение жанра путешествий – «Хождение» игумена Даниила (начало XII в.) – в контексте развития паломнического движения как в Западной Европе, так и в Византии и на Руси. Особое внимание уделяется исследованию изменений представления о пространстве и времени в разных культурных традициях и связи этих изменений с жанровыми трансформациями литературы путешествий (организация художественного мира и т.п.). Подобный комплексный подход позволяет дать широкую панораму ее развития вплоть до XX в.

Ключевые слова: паломничество; Святая Земля; Константинополь; пространство и время; литература путешествий; Россия и Европа.

Guminsky V.M. The Russian pilgrim literature between East and West

Summary. The article analyses the first Russian piece of travel writing – «The Pilgrimage» of the Russian Abbot Daniel (beginning of the XII century) – in the context of the development of pilgrimage movement in the Western Europe, as well as in Byzantium and in Russia. Special attention is paid to the study of the changes in the idea of space and time in various cultural traditions and the relation of such changes to the genre transformations of travel literature (organization of the literary world, etc.). Such a complex approach allows comprehending a wide panoramic view of its development all the way to the XX century.

Keywords: pilgrimage; Holy Land; Constantinople; space and time; travel literature; Russia and Europe.

* Статья выполнена в рамках работы над проектом «Русская литература путешествий в мировом историко-культурном контексте», поддержанным РГНФ (15-34-11069).

«Русь подключилась к паломническому движению в XI–XII вв., – отмечает современный исследователь, – когда оно как церковное и общественное явление христианского мира давно уже сформировалось»¹. Действительно, начиная с паломничества на Святую Землю равноапостольной Елены², матери византийского императора Константина (IV в.), паломничества становятся важнейшим социальным институтом христианской жизни (вопрос о евангельских, апостольских, апокрифических «паломничествах», так же как и «паломничестве» святой равноапостольной княгини Ольги в Царьград в 957 г.³, мы оставляем в стороне).

Совершают паломничества на Святую Землю Евдокия-Афинаида, супруга императора Феодосия II, основательница университета в Константинополе (V в.), датская королева Бодила, жена короля Эрика I (начало XII в.), похоронена на Масличной горе в Иерусалиме⁴, и др. В этот же типологический ряд А.В. Назаренко включает и древнерусские «княжеские паломничества»: паломничество англичанки Гиды, жены князя Владимира Всеволодовича Мономаха (вероятно, в 1097 г.), полоцкой княжны, преподобной Ефросинии (она посетила Святую Землю уже будучи игуменьей в 1160–1170-е годы); она скончалась в Иерусалиме и первоначально похоронена в лавре Феодосия Великого (в русском монастыре Пресвятой Богородицы, основанном в эпоху господства в Палестине крестоносцев и, вероятно, прекратившем свое существование после захвата Иерусалима мусульманами)⁵. В 1187 г. (год взятия Иерусалима войсками Салах-ад-Дина) ее прах был перенесен в Киево-Печерскую лавру, в 1910 г. в Полоцк, в Спасо-Ефросиньевский монастырь⁶. Не позднее 1124 г., как предполагает А.В. Назаренко, совершила паломничество в Иерусалим, там скончалась и была погребена еще одна русская княгиня (княжна), принадлежавшая к «дому Ростиславичей»⁷. Все эти паломничества не оставили после себя литературных памятников, подобно тому как не получило отражения в древнерусской паломнической литературе, например, «монашеское» паломничество Киево-печерского игумена преподобного Варлаама в 1060-е годы.

Таким образом, собственные изыскания заставили исследователя существенно уточнить точку зрения, заявленную им в работе 1999 г. В целом, – утверждал тогда А.В. Назаренко, – «в русском летописании XI – начала XII в. (т.е. в “Повести временных

лет” и в предшествовавших ей летописных сводах) все упоминания о Иерусалиме, Палестине, Сирии и так далее сводятся к литературным реминисценциям». «На протяжении полувека киевского печерского летописания XI в., основанного на современных записях (1060–1110-е годы), – делал он категорический вывод, – мы не найдем в нем даже намека на какие бы то ни было контакты Руси со Святой Землей. То же верно и в отношении других источников...»⁸.

Не столь категоричен был другой современный историк. Он полагал, что «древнерусские паломничества в Святую Землю начинаются... в 20-е – 30-е годы XI века, и их основными участниками становятся представители второго поколения по крещении Руси»⁹. Свое заключение диакон Александр Мусин основывал на рассказе о неудавшемся паломничестве Феодосия Печерского¹⁰ и на скандинавских источниках (преимущественно на «Хеймскрингле»), один из которых заслуживает особого внимания в связи с нашей темой.

Это «Сага о сыновьях Магнуса Голоногого» из «Круга земного» Снорри Стурлусона. Один из ее героев – Сигурд конунг – «летом поплыл из Греческого моря в Йорсалаланд (Палестину. – В. Г.). Затем он поехал в Йорсалаборг (Иерусалим. – В. Г.) и встретился там с Бальдвини конунгом Йорсалаланда (Балдуином I, графом Фландрским, одним из предводителей 1-го крестового похода, с 1100 г. королем Иерусалимским. – В. Г.)». Далее в саге приводится самая интересная для нас информация: «Бальдвини конунг очень хорошо принял Сигурда конунга и ездил с ним к реке Иордан и назад в Йорсалаборг...» Здесь же, в стихах ирландского скальда XII в. Эйнара, сына Скули, сообщается, что конунг «искупался <...> в чистых водах <...> иорданских»¹¹.

Диакон Александр Мусин обратил внимание, что это сообщение до мельчайших деталей соответствует известию игумена Даниила, побывавшего в Иерусалиме в начале XII в., когда русский паломник также пользовался радушием «Бальдвина, Князя Иерусалимского», который «с радостью повеле с собою идти» игумену, собиравшемуся на Иордан¹². Исследователь ограничился этим наблюдением, никак его не развив и не прокомментировав, за исключением упоминания «стружки от Святого Креста», что была

подарена Сигурду Балдуином. Креста, который историк соотнес с «подобным крестом-реликвариумом» из Тонсберга (конец XI в.)

Однако близость «иорданского эпизода» в рассказе о двух паломничествах заслуживает, на наш взгляд, большего внимания. Конечно, исключить, что Балдуин дважды на протяжении относительно небольшого отрезка времени сопровождал своих гостей-паломников в поездке на Иордан и обратно, нельзя, хотя этот факт и вызывает определенные сомнения.

Начнем с Сигурда конунга (1090–1130), короля Норвегии с 1103 г., получившего прозвище Сигурд Пилигрим или Крестоносец (др.-сканд. *Sigurðr Jórslafari*). В путешествии на Святую Землю, согласно саге, он вроде бы следовал традиционному паломническому маршруту с востока на запад: из Греческого (Эгейского) моря на Святую Землю. Но тогда отправным пунктом его похода должен был бы явиться Константинополь, который его современник, паломник Зевульф, даже называл «гаванью Эгейского моря»¹³ (см. ниже). Именно так, из Константинополя сначала через Мраморное («Узкое»), а затем Эгейское море с его многочисленными островами (с остановкой в малоазийском Эфесе, на Кипре др.), поплыл, например, в Палестину игумен Даниил.

Однако согласно той же «Хеймскрингле», Сигурд вместе с дружиной (по словам скальда Торарина Короткого Плаща, на которые ссылается Снорри Стурлусон, их было около 5000 человек на 60 кораблях – цифры явно гиперболизированы по закону эпического жанра) следовал в Палестину в 1108–1110 гг. совершенно иным маршрутом, с запада на восток: Англия, Пиренейский полуостров (Сантьяго-де-Компостела, Аль-Андалусе, Синтра, Лиссабон), Гибралтар, Балеарские острова, Сицилия и др. Иначе говоря, норвежцы могли попасть в Палестину по Атлантическому океану, Средиземному морю, точнее, по Тиренскому и Адриатическому морям, но не по Эгейскому. По пути экспедиция крестоносцев неоднократно вступала в сражения как на суше, так и на море (с пиратами), из которых всегда выходила победителем. Летом 1110 г. Сигурд наконец достиг Палестины и высадился либо в Аккре, либо в Яффе. Сообщение Альберта Аахенского о высадке Сигурда, которого он ошибочно называет «Магнусом, королем Норвегии», в Аскалоне едва ли заслуживает доверия. Аскалон в то время принадлежал мусульманам, и игумен Даниил писал о нем:

«Выходять бо оттуду срацини и избиваютъ странныя на путехъ техъ» (24)¹⁴. Этот прибрежный город был захвачен крестоносцами только в 1154 г., при короле Балдуине III. В Палестине вместе с Балдуином I Сигурд участвовал в захвате прибрежного Сидона (19 декабря 1110 г.), что подтверждается и другими источниками (в том числе арабоязычными, см.: Ибн аль-Асир и т.д.)¹⁵. Конечно, географические противоречия в рассказе о походе Сигурда можно было бы попытаться объяснить общими особенностями пространственного мировосприятия средневекового скандинава¹⁶. Однако эта связь не прослеживается здесь в достаточной степени определенно. Следует заметить, что о походе Сигурда Крестоносца в Святую Землю повествуют не только «Хеймскрингла», но и «три свода королевских саг, записанных примерно через 100 лет после смерти знаменитого норвежского» конунга, «не слишком расходясь в описании его маршрута»¹⁷.

В «Саге о сыновьях Магнуса Голоногого» встречаются не только географические, но и некоторые хронологические неувязки. Так, например, рассказывая о посещении конунгом Сигурдом Сикилеи (Сицилии) и о приеме норвежцев «Родгрейром герцогом», Снорри Стурлусон сообщает, что Сигурд «нарек его конунгом и облек его властью конунга над Сикилеей». Однако герцог Рожер II стал первым королем Сицилийского королевства только в 1130 г.

В целом же в рассказе Снорри Стурлусона о походе норвежского конунга, несмотря на географические и хронологические неточности, как будто особых смысловых противоречий нет: верный сподвижник Балдуина I, героический воин Сигурд Крестоносец, всегда побеждавший в многочисленных сражениях и не уходивший с поля битвы без огромной добычи, безусловно, заслужил у Иерусалимского короля радушный прием, «роскошный пир», поездку на Иордан и обратно в сопровождении самого Балдуина, одаривание святыней и т.п.¹⁸ Оснований для этого у него было, по крайней мере, никак не меньше, чем у игумена Даниила.

Впрочем, отношение Балдуина I к русскому игумену было едва ли не столь же доброжелательным. Сам Даниил свидетельствует, что иерусалимский король «познал мя быше добре и любии мя велми» (122). Это проявилось, например, тогда, когда князь «с радостию повеле ми пойти с собою» к Тивериадскому морю «и тако

проидохома места та страшная с вои царьскими без страха и без пакости» (92). А достигнув цели своего путешествия, «мы стахом с нимъ у самого верха Иорданова, купахомся на самом версе Иорданове...» (100)¹⁹. Конечно, Балдуин не специально сопровождал Даниила к Иордану (как вроде бы было с Сигурдом), а отправлялся в 1106 г. в поход против Тугтегина, сельджукского эмира Дамаска, и по просьбе русского игумена взял его с собой. Поход на Дамаск был прерван известием о вторжении фатимидских войск из Египта, занявших Яффу. Поэтому крестоносцы вынуждены были повернуть назад, и Даниил, провел 10 дней в граде Тивериадском, «дондеже прииде князь Бальдвинъ с войны тоа от Дамаска», осматривая «вся места та святаа около Тивериадскаго моря» (100).

Существуют разные точки зрения на то, чем объяснялось исключительно внимательное отношение Балдуина I к русскому паломнику. В.Т. Пашуто, например, даже писал, что Даниил «ездил» в Переднюю Азию, к осевшим там крестоносцам, «при поддержке иерусалимского короля». «Радушная» встреча игумена была обеспечена, по его мнению, прежде всего родственными связями великого князя киевского Святополка Изяславича с одним из предводителей первого крестового похода – Гуго Капетингом (графом Вермандуа), сыном короля Франции Генриха I и Анны Ярославны, следовательно, его двоюродным братом. Судя по всему, исследователь был склонен считать паломничество Даниила во многом военно-дипломатической миссией. Во всяком случае, он постоянно подчеркивал именно эту сторону дела. «В посольство, видимо, входили светские люди, – отмечал В.Т. Пашуто, – понимавшие толк в топографии и навигации: приведенные в отчете (!) данные о расстояниях по морю и по суше точно ложатся на современную карту <...> Едва ли, ныряя в Иордан, черниговский игумен думал только о нуждах будущих паломников. Если мы вспомним о широком участии Руси в средиземноморской политике, то желание этого человека воинской складки узнать побольше об Иерусалимском королевстве покажется вполне естественным. Дружеское отношение короля к русскому посольству тоже понятно»²⁰.

Однако вернемся к путешествию конунга Сигурда, точнее, к его возвращению из Палестины. Ведь именно на обратном пути домой он побывал сначала на Кипре, а затем в Константинополе.

Описание в сагах прибытия норвежцев в Царьград привлекло внимание известного византолога академика В.Г. Васильевского.

Вот его мнение по этому поводу: «Сага о короле Сигурде, палестинском пилигриме, рассказывает в числе других баснословных подробностей его путешествия о торжественном въезде его в Царьград, не замеченном, конечно, византийскими хрониками. “Люди рассказывают, – повествует Снорре Стурлесон, – что король приказал подковать свою лошадь золотом, прежде чем он въехал в город; это было устроено так, что одна из подков должна была свалиться на улице, и никто из его людей не должен был обращать на то свое внимание”. “Но старая французская хроника, – продолжает ученый, – то же самое приписывает герцогу Роберту Норманнскому. <...> Весьма вероятно, что исландцы заимствовали чужой рассказ и перенесли его на своего короля Сигурда. Подслушали они его в самом Константинополе, что возможно, или списали его с какой-либо французской хроники, что не менее вероятно: во всяком случае такие подробности мало рекомендуют историческую достоверность саги и не свидетельствуют в пользу неизменности и точности исландского сказания”»²¹.

Если принять скептический подход авторитетного исследователя к «Хеймскрингле» как к историческому источнику, тогда у него же можно позаимствовать и объяснение соответствия «до мельчайших деталей» (диакон Александр Мусин) рассказа Снорри Стурлусона о поездке Сигурда на Иордан и подобного же сообщения игумена Даниила. Общая хронология событий этому не противоречит: Сигурд побывал там в 1110 г., игумен Даниил, скорее всего, где-то в 1106–1108 гг. или, «как принято в последнее время, в 1104–1106 гг.»²². Может быть, следует только расширить географию возможного места «заимствования», включив Киев. Ведь «древнерусский след» в биографии норвежского короля выявляется со всей очевидностью. Как известно, по возвращении из крестового похода в 1111 г. Сигурд женился на дочери новгородского и перяславского князя Мстислава Мальфрид²³. Если наша догадка верна, тогда «снимаются» географические противоречия в рассказе «Хеймскрингли» о маршруте плавания Сигурда на Святую Землю, но главное, конечно, в другом. Перед нами предстает редкий случай раннего (по общепринятому мнению, Снорри Стурлусон создавал «Круг земной» в первой половине XIII в.) литературного

заимствования, и «Хожение» игумена Даниила вполне можно будет включить в число источников «Хеймскрингли».

К этому можно добавить следующее. Современные исследователи, анализируя «панегирические формулы щедрости правителя на пути из варяг в греки», обратили внимание на рассказ из кодекса «Гнилая кожа», посвященный тому же Сигурду Крестоносцу. Точнее, на один из его эпизодов, излагающий сюжет об испытании дарами норвежского конунга византийским императором Кирия-лаксом (Алексеем Комниным). Трижды послы приносили к стенам Константинополя золото, серебро во все более увеличивающемся количестве. Едва взглянув на них, конунг приказывал разделить богатство между своими воинами. Только на третий раз он обратил внимание на два золотых кольца, собственноручно положенных кесарем поверх остальных сокровищ. Надев кольца, Сигурд (по-гречески) поблагодарил императора за великодушие. После этого он принял дары, чем заслужил огромное уважение императора²⁴.

А.Ф. Литвиной и Ф.Б. Успенскому этот эпизод «не мог не напомнить» «знаменитый летописный рассказ о том, как князь Святослав Игоревич, внук Рюрика, подступил с войском под стены византийской столицы». «Два этих текста настолько близки, – констатируют ученые, – что иногда рассказ о Сигурде мог бы послужить проясняющим переводом к рассказу о Святославе» (правда, Святослав, как известно, вместо колец принял в дар меч и иное оружие). Характерен вывод, к которому приходят исследователи: «Сигурд Крестоносец жил, как понятно хотя бы из его прозвища, много позже некрещеного Святослава Игоревича, однако это не имеет принципиального значения для определения вектора заимствования нашего нарратива»²⁵. Впрочем, вопрос о заимствованиях требует, разумеется, дополнительных изысканий. Однако вернемся к карте ранних древнерусских паломнических маршрутов.

Согласно археологическим открытиям в Новгороде, ее вполне можно расширить и включить не только традиционные «Царьград, Иерусалим, Палестину», но и, например, Солунь с мощами святого великомученика Димитрия²⁶ или, согласно западным источникам, Хильдесхайм в Восточной Саксонии с мощами епископа Годехарда (XII в.). Однако в последнем случае остается неясным, были ли это русские паломники, возвращавшиеся из Святой

Земли, или, скорее всего, кто-то из купцов-«латинян», постоянно проживавших в Новгороде, как и в других древнерусских городах, активно торговавших в Западом²⁷.

Но все равно западноевропейские паломнические маршруты этого времени были гораздо разнообразнее. Это Египет, Синай, Месопотамия или Рим. А.В. Назаренко обратил внимание на «Поучение против язычников и иудеев» свт. Иоанна Златоуста, где говорится о том, что «цари, ипаты и стратиги притекают к гробницам Рыбаря и Палаточника», т.е. апостолов Петра и Павла. Иначе говоря, архиепископ Константинопольский «имел в виду, несомненно, реальную активную паломническую практику знати». Русские паломники откроют для себя святыни Рима, а тем более начнут их описывать намного позже. Хотя уже игумен Даниил уверенно указывал морскую дорогу к Риму в одном ряду с другими христианскими (паломническими) центрами: «И ту есть на Великое море внити: на шное въ Иерусалимъ, а на десно к Святей Горе, и к Селуню, и к Риму» (18)²⁸.

Впрочем, А.В. Назаренко напомнил и о ранних «паломничествах внутри Руси», сославшись на пример некоего киевского семейства, которое «ежегодно совершало на корабле по Днепру паломничество в Вышгород к мощам князей страстотерпцев Бориса и Глеба, жертвуя святым свечи, просфоры и ладан» (чудо свт. Николая «Об усопшем детище», конец XI в.)²⁹. «Благочестивым путешествием для поклонения святыне» митрополит Макарий считал посещение сначала Вышгорода, затем Софии Киевской, храма Богородицы Десятинной и Киево-Печерского монастыря Владимирко, князем галицким, после того как он вместе с Юрием Долгоруким в 1150 г. овладел Киевом. Как и прогулку самого Юрия Долгорукого вместе с детьми «для богомолья» из Переяславля на реку Альту, где принял мученическую кончину св. страстотерпец кн. Борис, и т.д.³⁰

Огромное значение для развития паломнического движения на Западе имел XI век. «Крестовые походы, – писала О.А. Добиаш-Рождественская, – являются огромных размеров паломничеством, расширившим русло тех потоков, которые задолго до XI века катились на Восток»³¹.

Что касается паломнической литературы, то к началу XII в. (времени «Хожения» игумена Даниила) ее история насчитывала не

одно столетие. Наследуя традиции римских итинерариев императорской эпохи (лат. *itinerarium* – описание путешествия), эти дорожники, путеводители включали в себя названия различных местностей с указанием расстояния между ними, мест отдыха, гостиниц и т.п. Разумеется, итинерарий пилигрима отличался от, например, *Itenirarium Antonini* (приписывается императору Антонину Августу, но датируется концом III в.), посвященного всем римским дорогам той эпохи. Прежде всего изменился сам маршрут путешествия³². Об этом маршруте рассказывает древнейший из сохранившихся путеводителей по (к) Святой Земле – «Бордоский путник 333 г.», или *Itinerarium Burdigalense*. В нем перечисляются все путевые станции («Под вязом», «Добрая гостиница» и т.п.) и указывается расстояние между ними по дороге от Бурдигалы (совр. Бордо) через Милан и Константинополь до Кесарии Палестинской и обратно от Эраклеи через Авлону и Рим до Милана. Средневековый пилигрим оставил и краткие замечания относительно реликвий Святой Земли: горы Кармил, храма Гроба Господня в Иерусалиме («...повелением императора Константина сооружена базилика; это храм Господень дивной красоты»)³³, базилики Рождества Христова в Вифлееме и т.п.

Эгерия Аквитанская совершила паломничество на Святую Землю, вероятно, в 381–384 гг. и описала в итинерарии «долину, которая <...> лежит под горою Божию, т.е. под Святым Синаем», сам Синай и восхождение на него, Палестину, Малую Азию, поездку в Месопотамию и возвращение в Константинополь. Три года она прожила в Иерусалиме, из которого совершала «различные экскурсии в местности библейских событий». Это уже не сухой перечень путевых станций с указанием расстояний между ними, а последовательный (дневниковый) рассказ в виде послания «достойным сестрам» о богослужении (в том числе в Великую субботу) в иерусалимских храмах, о посещении святынь, например пещеры пророка Илии на Синае: «Итак мы отслужили и там литургию и прочли соответствующее место из книги Царств: мы всегда настоятельно желали, чтобы, куда бы мы ни пришли, постоянно прочитывалось соответствующее место из Писания»³⁴.

В дальнейшем рассказы о паломничествах на Святую Землю оставили галльский епископ Аркульф (670–680)³⁵, святой Виллибальд, поведавший в путевых заметках о паломничестве в Рим

(720–723), Святую Землю (723–727) и Константинополь (727–729)³⁶, монах Бернард (870)³⁷ и др.³⁸ «Все сохранившиеся памятники такого рода – западноевропейского происхождения», – констатировал О.Р. Бородин³⁹. Исследователь попытался также объяснить, почему «от восточных областей бывшей Римской империи до нас не дошло ни одного отчета о паломничестве в Святую Землю»: «Вполне вероятно, что такие пилигримства были значительно менее распространены на Востоке, где поездку в Палестину и Египет никто не воспринимал как редкое и трудное предприятие»⁴⁰. Впрочем, современные историки (А.В. Назаренко и др.) предпочитают в данном случае говорить о религиозной «самодостаточности» Византии, собравшей в Константинополе огромное количество христианских реликвий и т.п.

Положение начинает меняться с VIII в. «Именно в средне-византийскую эпоху, – указывает О.Р. Бородин, – появляются первые итинерарии паломников, написанные на греческом языке»⁴¹. Речь в первую очередь идет о «Повести Епифания о Иерусалиме и сущих в нем мест»⁴². В.Г. Васильевский относил время создания «Повести» к первой половине IX в.⁴³, немецкий исследователь А.М. Шнейдер обосновал более раннюю датировку – вторая половина VIII в.⁴⁴

Повествование Епифания Агиополита (Святоградца) отличается предельным лаконизмом и конкретностью – это именно путеводитель по Иерусалиму и его окрестностям, главное в нем – достоверность, порукой которой служит свидетельство очевидца. «И прочетши же писание мое худого Епифана мниха, – написал автор в заключении труда, – еи, имите ми веру, весь бо по истине написахъ путь, якоже бо обходих и ведех своима очима, иные же не ведый истины поведають лжу, себе на пакость»⁴⁵. Это заявление напоминает слова игумена Даниила о том, что он, «хужши во всех мнисех», «виде очима своима грешныма» все «святаа места, обиходих всю землю Галилейскую и около святаго града Иерусалима по святым местом» (14). Еще ближе оно к словам Даниила из главки «О реке Иордане»: «Не ложно, поистине, яко видехъ, тако и написах о местехъ святыхъ. Мнози друзии, доходивше мечь сих, не могоша испытати добре, блазнятся о местех сих, а инии, не доходивше мечь сих, лжуть много и блядуть» (100). Конечно, такого рода общие словесные формулы свидетельствования (testi-

monia) достаточно распространены в паломнической литературе (о теологии свидетельствования см. ниже), и на основании подобной текстуальной близости говорить о заимствовании Даниилом у Епифания едва ли возможно. К тому же свидетельство Епифания конкретизируется во времени только один раз, когда речь заходит о «селе скудельниче»: «одесную ея (купели силуамской. – В. Г.) есть село скудельниче, на немъ же даше сребро цену Христову, и погребаютъ мрътвыя и *до днешнего дни* (курсив наш. – В. Г.)»⁴⁶. В остальном же повествование, как и полагается в путеводителе, отвлечено от времени и, если так можно выразиться, сосредоточено только на сакральном пространстве. Это не столько описание путешествия по Святой Земле, сколько перечень ее святынь, реликвий. В этом повесть Епифания близка к позднейшим проскинитариям (τό προσχυνητάριον – путеводитель для паломников, от προσχυνω – преклоняю колени, почитаю). Но о них поговорим чуть позже, а пока вернемся к категории времени у Даниила.

Эта категория постоянно актуализируется в «Хожении» и является, если можно так выразиться, главным инструментом свидетельствования, но свидетельствует о разном. У Даниила присутствует прежде всего линейное, естественное время, подчиняющееся земным законам старения, порчи, разрушения, словом, тем или иным историческим изменениям. Эти изменения обозначаются вполне традиционной временной формулой, которая может и подразумеваться: прежде («есть была», «прьво» и т.п.) и теперь («ныне», «доныне», «до днешнего дне» и т.п.). «И ту есть была на месте том церкви создана клетски велика велми, ныне же мала церквица» (36); «Хеврон же есть гора велика, и град был на горе той велик и твердь велми, и здания его суть ветхаа сильно. Множество людей седело прьво на горе той, и ныне же есть пусто» (74) и т.п. Все понятно: ход времени неумолим и теперь на месте прежней огромной базилики стоит маленькая церковка, а на горе Хеврон обветшали и были покинуты жителями здания когда-то крепкого города и т.п.

Сюда же примыкают свидетельства об исторических, как правило, весьма отдаленных во времени изменениях в топографии Святой Земли: «А ныне Сионъ гора вне стены градная есть, на югъ лицъ от Иерусалима Сионъ» (62); «Да то ся зоветь ныне Вифлеем, кде т.е. ныне Рождество Христово и градок-от, а ветхий Вифлеем

кроме того места был наперед, не дошедше Рождества Христова» (68) и т.п.

Той же «области естественного», исторического, но уже приближенного к современности принадлежат многочисленные свидетельства о разрушительных результатах военных действий и агрессии мусульман: «И есть на месте том был монастырь женский, и ныне же разорено есть от поганых» (42); «Манастирь же был градом оделанъ и церкви же была добра вверхъ. И ту есть близъ манастирь Святаго Феоктиста под горою на полудни лицъ от манастиря Еуфимиева. И то все ныне разорено от поганых» (60); «И ту есть была церкви создана, манастирь был Святыя Богородица, ныне же разорено есть от поганых» (66); «Над тою пещерою создана была церкви добра во имя святаго Иосифа, и ту былъ манастирь добръ. Ныне же разорено есть от поганыхъ место то» (70) и т.п.

Впрочем, при крестоносцах возводятся новые обители и обустраиваются опустевшие святые места: «И ту есть гробъ святаго Иоанна Предтеча, и есть на месте том церковь создана добра во имя Предтеча Иоанна. И есть ныне ту манастирь фряжский богатъ зело» (96); «То было место святое опустело пръвее, ныне же фрязи обновили место то суть и устроили добре» (116) и т.п. Русский игумен рассказывает и о разрушениях, учиненных крестоносцами на Святой Земле: «И есть Капернаумъ был град велик велми, и людей множество в немъ было, ныне же есть пусть град-от. <...> И о том Капернауме глаголет пророкъ: “О, горе тебе, Капернауме! Възнеслся еси до небесъ, и до ада снидеши”⁴⁷. Ис того бо града изыти хотяшеть антихрист. Да того ради ныне фрязи отпустили суть весь град-от Капернаумъ» (88).

Не исключено, что разрушение Капернаума крестоносцами было напрямую связано с эсхатологическими ожиданиями, распространившимися на Западе после побед крестоносцев и освобождения Иерусалима от «язычников» 15 июля 1099 г. Такие ожидания опирались на буквальное истолкование евангельского текста от Луки 21: 24–27, в частности, слов о том, что Иерусалим будет «попираемъ» язычниками, «дондеже скончаются» их времена. Это объявлялось знамением Второго пришествия, которое воспринималось как событие ближайшего будущего⁴⁸.

Рассказывая о церкви Воскресения Господня, Даниил обратил внимание на одну из мозаик Ротонды: «Въ олтари же велицем написано есть Адамово воздвижение мусиею...» (26). Речь идет об изображении «Сошествия во ад», когда Христос за руки «воздвигает», иначе говоря, выводит из преисподней Адама и Еву. Эта алтарная мозаика (Анастасис) была создана при восстановлении храма Гроба Господня Константином IX Мономахом и бережно сохранялась крестоносцами, а при перестройке здания в середине XII в. была перенесена в новую алтарную апсиду⁴⁹. Эта знаменитая мозаика повлияла на многочисленные изображения (фрески, миниатюры и т.д.) сюжета «Сошествия во ад» в средневековом искусстве, а само его распространение некоторые искусствоведы (Р. Краутхаймер, Р. Остерхаут и др.) также связывают с эсхатологическими ожиданиями конца XI – XII в.

Достоверность свидетельствования усиливается у Даниила за счет эффекта личного присутствия и даже своего рода физической причастности паломника к Священной истории: «Ис тоя пещеры исходит источник, и есть ту купель чудна, сама уродилась и яко создана от Бога. В той купели самъ Христос купался съ ученики своими. И есть знати до днешнего дне место то, идеже Христос седел на камени. Ту купахомся и мы грешнии недостойнии...» (96–98); «Тивириадское есть море обиходичаво яко озеро. <...> Рыбы же в нем много зело, и ту есть рыба едина, дивна и чудна зело, и ту рыбу Христос любил ясти; и есть сладка в ядь рыба та паче всякая рыбы, образом же есть яко коропичь (карп. – В. Г.). И яхъ сам рыбу ту многажды...» (100) и т.п. Так вполне «естественное» свидетельство становится свидетельством сверхъестественного, когда речь заходит о сакральном локусе (впрочем, не о каждом): здесь уже время бессильно, святыня сохраняется в историческом времени, пренебрегая законами уничтожения и тления: «И та врата зовутся Красная, идеже Петръ и Иоаннъ исцелиста хромца оного; и есть место то у врат техъ и донине» (40); «И ту есть дом Затхеевъ, и пень древа того и донине стоит, на нь же бяше възлезль, хотя видети Христоса» (54) и т.п. (другие примеры см. ниже). Таким образом, свидетельство Даниила оказывается многомерным и подвижным: отталкиваясь от настоящего времени паломничества, оно то и дело погружается в прошлое,

иногда в будущее, а порой вполне может заглянуть в вечность и вернуться назад. Совсем не так в проскинитариях.

Генезис этого жанра охарактеризовал Аф. Пападопуло-Керамевс в предисловии к публикации «Трех греческих безымянных проскинитариев XVI века». «Среди памятников греческой паломнической письменности, – указывал он, – встречается немалое количество проскинитариев или путеводителей по св. местам Палестинским и к богосшественной горе Синайской... Образование этих проскинитариев представляется нам в следующем виде. Для удобства поклонников составлено было некогда поклонником или, вероятнее, одним из местных духовных лиц более или менее подробное описание наиболее посещаемых св. мест и путей к ним; со временем такое описание, соображаясь с обстоятельствами, изменялось, дополнялось, сокращалось и служило руководством для нового издания». Исследователь осторожно предположил, что «следы таких проскинитариев восходят едва ли не к VII веку и, вероятно, существовали еще и ранее», впрочем, никак не уточнив свою точку зрения⁵⁰.

Много категоричнее своего предшественника оказался В.В. Данилов. «Письменные следы греческих проскинитариев, – утверждал он, – восходят к VII столетию, но появление их следует относить к более ранним векам»⁵¹. Обоснование здесь также отсутствует, как и раскрытие понятия «письменные следы». Впрочем, вместо историко-литературной аргументации В.В. Данилов вполне в духе времени предложил своего рода социально-промышленное «обоснование». Свидетельством того, что греческие проскинитарии XIV–XVII вв. («обычно анонимные») являются «продуктом длительной традиции», он объявил «материальные интересы профессионалов-книжников», и прежде всего – «рекламирование», подкрепив свое мнение примерами «прямой торговой рекламы» из стихотворных проскинитариев XVI–XVII вв. Между тем эти примеры (как и сама стихотворная форма) могут, на наш взгляд, свидетельствовать только об одном: об увеличении числа паломников именно в данную эпоху и желании составителей проскинитариев действительно выделиться из массы аналогичных путеводителей, но никак не о «длительной» традиции их существования.

«Следы влияния греческих проскинитариев в русской паломнической литературе, – утверждал В.В. Данилов, – заметны очень явственно». Исследователь готов был «подчинить» этому влиянию, по сути дела, все древнерусские хождения, начиная с произведения игумена Даниила. При этом он дал проскинитариям следующую категорическую характеристику: «Греческие проскинитарии по содержанию и стилю не принадлежат к художественной литературе. Это памятники практической письменности, содержащие сухие перечисления мест с указанием связанных с ними древнебиблейских и евангельских воспоминаний. Как произведения коллективные, создававшиеся веками, они не имеют ни авторской окраски, ни национальных очертаний»⁵². В качестве одного из примеров «безыскусственного изложения» В.В. Данилов процитировал «Сказание вкратце о городах и странах от Антиохии до Иерусалима, также Сирии, Финикии и о Святых местах в Палестине».

Между тем именно это паломничество никак не соответствует приведенной характеристике. Начнем с того, что нам известно (из текста «Сказания» и двух рукописных глосс, сделанных на единственном манускрипте конца XII в.) имя автора и даже некоторые подробности его биографии. Его звали Иоанн Фока, и, судя по всему, в качестве воина он «соратовал» императору Мануилу I Комнину (1143–1180) в его походе в Атталию (тогда Иоанн впервые встретился со старцем Ивиrom), после чего принял священнический сан (его отец на склоне лет принял монашеский постриг с именем Матфей), жил на о. Крит, откуда в 1185 г. совершил паломническую поездку по Святым местам. Словом, с «национальными очертаниями» у Иоанна Фоки все в порядке.

Что касается «авторской окраски», то она присутствует в «Сказании» в большой степени. О «живой фантазии и чувстве изящного» автора писал еще И.Е. Троицкий⁵³. Вслед за ним О.Р. Бородин указывал, что творение Иоанна Фоки «наделено значительными художественными достоинствами», «отличается логичной, продуманной композицией», а литературный стиль «отмечен чистотой, выразительностью и даже своеобразной изысканностью»⁵⁴. О литературном мастерстве автора свидетельствуют ландшафтные панорамы, экфрасисы в «Сказании» (описания фресок «дома Иосифа» в Назарете, «пещеры Рождества Христова

в Вифлееме» и др.), достойные встать в один ряд с лучшими образцами описательной прозы профессиональных византийских писателей, о его незаурядной образованности (как церковной, так и светской) – искусное владение разнообразным библейским и святоотеческим материалом, «библейские обороты речи» (И.Е. Троицкий), а также свободное цитирование Иосифа Флавия и Ахилла Татия («Левкиппы и Клитифона»). В «Сказании» содержатся уникальные сведения исторического, географического, экономического, этнографического характера: рассказ о периодических эпидемиях в Птолемаиде, о секте «хасиссиев», т.е. ассасинов, и т.д.

Но главное, наверное, заключается в том, что Иоанн Фока в «Сказании» явно не преследовал никаких утилитарных целей и не предназначал его, как и русский игумен Даниил, в качестве путеводителя будущим паломникам (хотя и он изредка указывал расстояние между отдельными пунктами своего путешествия). О.Р. Бородин неслучайно отмечал близость «Сказания» «по своей структуре и содержанию» к «ранним латиноязычным запискам пилигримов», действительно побывавших на Святой Земле, в отличие от авторов многих проскинитариев, которые только использовали в своих трудах сочинения благочестивых путешественников⁵⁵.

Иоанн Фока, демонстрируя знакомство с античной философией, в частности с «Государством» Платона, многословно писал о причинах, побудивших его взяться за перо: «Для тех, которые сами видели эти места, может быть, я делаю нечто лишнее. Ибо если цель слова состоит в подражании видимой действительности, а всякое подражание является ниже действительности по точности, то ясно, что я (своим описанием) доставлю им меньше удовольствия, чем какое было им доставлено собственными очами⁵⁶. Почему же однако ж я решаюсь на это? Потому, что тем, которые сами не видали этих прекрасных мест, а случайно от кого-либо слышали об них, мое изложение даст, думаю, более ясное об них представление, чем какое могли им дать те, которые сообщали им все без разбору, – да и видевшим доставит кое-какое удовольствие; ибо на что с удовольствием смотрелось, о том приятно и послушать»⁵⁷.

Столь же неубедителен пример В.В. Данилова с «Книгой Паломник» новгородского архиепископа Антония (в миру Добрыня

Ядрейкович, хиротонисанный в 1212 г.) как «произведения русской паломнической литературы»⁵⁸, которое может быть возведено «по общему своему характеру к влиянию проскинитариев»⁵⁹. Опираясь на суждения Е.Е. Голубинского, Х.М. Лопарева, исследователь склонен видеть в этом памятнике «протокольный перечень мест», образец «сухого... стиля», который, «подобно проскинитариям... не выказывает живого лица наблюдателя и его впечатлений».

Это не совсем так. «Живое лицо наблюдателя и его впечатления» явно проявляются, например, при описании выноса Святых даров во время литургии в Святой Софии: «Аллилуия поюще на амбонъ: подъяцы держать скрыжали во Моисьовых мѣсто, а переносу поют скопцы, а подъяцы прежде, и потомъ поеть чернецъ единый; и тогда дары Господня понесутъ много поповъ и диаконовъ, бывает же тогда плачь и умиление и смирение велико от всего народа не токмо дне во святѣи Софии, но и на полатахъ. Какъ же ли тогда страхъ и смирение и умиление епископи, попове и дьякони имѣють въ тои честнѣи службѣ? <...> Кии умь, и какова душа иже не помянетъ тогда о царствии небеснѣмъ и о жизни безъконечной? И въ каковой же ли чти и во смирении патриархъ службу совершаетъ?» И в заключение этого эмоционального «всплеска» следует обращение к соотечественникам будущего архиепископа (вероятно, клиру) с призывом следовать примеру богослужения в главном храме Византии: «Се же, братие, поминающе поревнуемъ таковой же службѣ быти со страхомъ, да получимъ добрую жизнь въ сии вѣкъ и въ будущий»⁶⁰.

Подобных мест с «авторской окраской» в «Книге Паломник» содержится немало. В ней есть также и «национальные очертания». Мы имеем в виду внимание, которое автор уделяет константинопольским реликвиям, связанным с Русью, точнее, с русскими князьями: «блюдо велико злато, служебное, Олгы Руской» в алтаре святой Софии⁶¹, «икона велика святыхъ Бориса и Гльба» в том же храме, церкви «святыхъ мученикъ Бориса и Гльба» в Испигасе (Галата и Пера): «Въ томъ градъ явишася святѣи, и исцѣления многа бывають отъ нихъ»⁶². Упоминает Антоний Новгородский и о том, что в церкви св. Даниила столпника в Пере «лежитъ блаженная княгиня Ксьния Брчиславля»⁶³. В одном из списков хождения

речь идет о мощах («в теле лежить») князя Бориса в церкви св. Платона в центре города⁶⁴.

Особый случай, в котором соединились «авторская окраска» и «национальные очертания», – описание чуда 21 мая 1200 г. («чюдо и страшно и святое явление»), когда малый крест с тремя зажженными «кандилами» сам собою вознесся выше великого креста (4,27 м), а потом опустился обратно. Эмоциональный рассказ очевидца необыкновенного события («при моемъ животу») подкреплён ссылкой на присутствие в это время в Константинополе, а может быть, и в самом храме соотечественников: «Твердяти-не Остромирица, иже пришесть посольствомъ, отъ великаго князя Романа со Неданомъ и со Дмажиромъ и со Дмитриомъ и съ Негваромъ посломъ»⁶⁵. Точно так же игумен Даниил, повествуя о чуде сошествия Благодатного огня в Великую субботу в храме Гроба Господня, ссылается в том числе и на свидетельства «русьстии сынове» («Мне же худому Богъ послух есть и Святый Гробъ Господень и вся дружина, русьстии сынове, приключыишиися тогда ты день новгородци и кияне...», 130).

В связи с этим следует отметить наблюдение Д.В. Айналова, обратившего внимание на использование в тексте «Книги Паломник» формы глагольного аориста во множественном числе («приидохомъ», «поклонихомся» и т.п.), что указывает на «коллективный» характер хождения Добрыни Ядрейковича по Царьграду⁶⁶. По предположению Э.А. Гордиенко, именно с посольством князя Романа русский паломник совершил путешествие из Галича в Константинополь⁶⁷.

Но, конечно, не эти детали определяют общий композиционный и стилистический строй хождения Добрыни Ядрейковича. Впрочем, не определяют его и проскинитарии. Хотя бы потому, что не существует проскинитариев, посвященных Царьграду. «Книга Паломник» формально примыкает к другой жанровой традиции византийской литературы, а именно к городским путеводителям, *vademecum* (от лат. *vade tecum* – иди со мной). Это позднеантичный «Град Константинополь – Новый Рим» (на латыни) и объемистый и весьма популярный (неоднократно редактировался и дополнялся) городской справочник-трактат «Отечество Константинополь» (рубеж X–XI вв.)⁶⁸.

Для того чтобы установить возможное влияние константинопольских путеводителей на «Книгу Паломник», необходимо, разумеется, сопоставительный анализ, которого, сколько нам известно, до сих пор не проводилось. При этом следует учитывать, что такое влияние вряд ли было прямым. Скорее всего, Добрыню Ядрейковича (возможно, «со товарищи») в его хождении по Царьграду сопровождал царьградский гид, проводник, подобный «вожу добру» игумена Даниила (см. ниже), профессионально знавший свой город и литературу о нем. Новгородскому паломнику оставалось только записывать за ним «перечень, каталог реликвий» (по подсчетам Н.П. Кондакова, Антоний перечислил 75 церквей и монастырей в самом Царьграде и 22 в Пере и Галате)⁶⁹, а также предания, связанные с той или иной святыней⁷⁰. Что, разумеется, никак не отменяет отражения личных впечатлений Добрыни Ядрейковича в «Книге Паломник». Ведь «эти записки (русских паломников, включая “книгу Антония”. – В. Г.) отличались живостью собственных наблюдений, ярко выделяются искренним чувством паломника», по словам Н.П. Кондакова⁷¹.

Вместе с тем ученый указывал: «Читателю этого хождения на первый раз должно показаться, что Антоний занят исключительно перечнем царьградских святынь, им виденных», поэтому главным для первого издателя «Книги Паломник» П.И. Савваитова⁷², снабдившего публикацию обширными комментариями, было «поверить, вполне ли точны его показания». Однако не менее важной, на взгляд Н.П. Кондакова, являлась задача установить, «где именно находилась та или другая церковь», иначе говоря, рассмотреть «хождение Антония со стороны топографической вообще»⁷³. Исследователь попытался буквально шаг за шагом восстановить маршрут, точнее, маршруты (насчитав их пять) Добрыни Ядрейковича по Царьграду и пришел к выводу, что его «более или менее последовательное описание главнейших святынь Царьграда» отличается по сравнению с другими источниками «топографической точностью». При этом он не устал подчеркивать «живость» описаний, а в случае Святой Софии – обилие приведенных паломником «фактов, как новых, так и известных», и ту же «известную последовательность» их изложения, когда Антоний «приблизительно по порядку описывает сначала то, что в алтаре, потом

по левую сторону (от алтаря), затем (т.е. посолонь) по правую (и по левую от входящего)»⁷⁴.

Что касается времени в «Книге Паломник», то однажды, при описании чуда в алтаре Святой Софии, оно было заявлено со всей определенностью: «Се же чудо свято и честно явилъ Богъ въ лѣто 6708-е <...> мѣсяца маия, на память святаго царя Константина и матери его Елены въ 21, въ день недѣльный...», т.е. воскресный. Более того, новгородский паломник, словно желая еще больше закрепить это событие в светской и церковной истории Византии и Руси, продолжил: «...при царствѣ Алексѣевѣ⁷⁵ и при патриарсѣ Иваннѣ⁷⁶, на соборъ святыхъ отецъ 318⁷⁷...» И далее следует сообщение о посольстве «отъ великаго князя Романа»: «а при посольствѣ Твердятине...» и т.д.

Строго говоря, из текста «Книги Паломника» трудно понять, присутствовали все перечисленные лица во время чуда с «кандилами» в Святой Софии и были ли они его непосредственными свидетелями (см. выше). Чуть позже сам Добрыня указывает: «А въ недѣльный же день ставаетъ патриархъ на утрени и на обѣднѣ...»⁷⁸ Но, судя по всему, ни императора, ни патриарха в тот момент в храме не было. Ведь чуть раньше Добрыня Ядрейкович уточнил время, когда произошло чудо, и назвал его единственного очевидца: «То же было чюдо по заутренѣи предѣ почятиемъ литургии: иереомъ во олтари зрящимъ». Но тут же добавил, расширяя круг свидетелей: «И людие вси во церкви видѣвшие со страхомъ и радостию великою рекоша: Уже насъ христианъ посѣтилъ Богъ милостию своею...» и т.д. А уже затем новгородец расширил этот круг до пределов всей столицы христианской империи, включив сюда и посольство с Руси, ставшее, таким образом, сопричастным чуду.

Для новгородца Добрыни Ядрейковича дата чуда в Святой Софии Константинопольской должна была показаться весьма знаменательной, возможно, еще по одной причине. Дело в том, что именно 21 мая вместо сгоревшей в 1045 г. деревянной церкви была заложена каменная София Новгородская. Согласно граффити в лестничной башне собора, его «почали делати на святааго Константина и Елену»⁷⁹, чьи изображения XI в. сохранились на пилоне, напротив южного входа в Мартирьевскую паперть. К этой же дате – 21 мая – предание, отразившееся в «Повести о взятии

Царьграда турками в 1453 году» Нестора Искандера⁸⁰, относит также «огненное» чудо в Святой Софии, ознаменовавшее падение Константинополя 29 мая 1453 г.⁸¹

Остальные даты у Добрыни Ядрейковича отсутствуют, его повествование не имеет дневникового характера. Да и в целом «Книга Паломник» в смысле «времени» много беднее «Хожения» игумена Даниила (см. выше). Начнем с того, что Антоний почти не цитирует и не ссылается на Священное Писание. Он не приводит традиционных для паломнической литературы «поясняющих» или «комментирующих» реликвии цитат из Библии даже тогда, когда это вроде бы само собой напрашивается. Взять хотя бы тот же рассказ о Моисеевых скрижалях завета (Исх. 24, 12 и т.д.). Или сообщение о золотых сосудах в алтаре Святой Софии, «иже при-несоша Христу съ дары волсви» (Мф. 2, 1 и др.).

Однажды Добрыня в связи с описанием в Святой Софии 30 малых венцов «у катапезмы» «въ память всъмъ християномъ и въ незабытии Июдиныхъ ради 30 сребреникъ» все-таки процитировал Псалтирь: «Яды мои хльбъ возвеличилъ естъ на Мя лествъ» (Пс 40, 10), применив прообразовательно слова псалмопевца ко Христу и его взаимоотношениям с Иудой и народом Израиля. Но следует учитывать, что эти слова царя Давида приобрели на Руси почти пословичный характер для оценки предательства и предателей: в Ипатьевской летописи, например, именно ими летописец характеризует (под 980 г.) поступок воеводы Блуда, предавшего своего князя Ярополка⁸². После этого новгородский паломник достаточно вольно пересказал евангельскую историю Распятия Господня, заострив ее против «жидове», и реакцию на него мироздания: «Завьса <...> раздрася до долу безакония ради жидовьскаго и тма бысть по всей земли...» и т.д.⁸³

В другой раз паломник процитировал Евангелие от Иоанна (4, 7), когда описывал «камень мраморянь, издолъбленъ аки кадъ», сквозь который «Самаряне черпаху воду» и у которого Иисус попросил у самарянки напиться⁸⁴. Вот, собственно, и все обращения Добрыни к Библии.

Русский паломник прежде всего сосредоточен на самом Константинополе и местных преданиях, его интеллектуальный и временной кругозор ограничен ими. Поэтому в «Книге Паломник» нет фундаментальной глубины Священной истории, точнее,

она остается за текстом, подразумевается, что она известна каждому христианину. Вместо этого в хождении предлагается, вплоть до подробностей, история Царьграда, поданная через реликвии и памятные предметы. Прошлое в «Книге Паломник» принадлежит Константинополю, оно определяется не датами, а относительным временем строительства столичных храмов. «И есть церковь, а в ней 7 апостолов лежить <...> а та церковь прежде и Царяграда поставлена»; «Ту жь и Маркель святыи, иже ту церковь поставиль, велми чюдну; прежде святыя Софии та церкви поставлена...»⁸⁵ и т.п.

Исторические и бытовые детали порой оказываются в одном ряду, «смешиваются» с самыми чтимыми святынями христианства, и повествование иногда приобретает, если можно так выразиться, отчетливо краеведческий характер. Царьград для Добрыни – это, конечно, в первую очередь грандиозный храм со своими святынями, но и великолепный музей истории великой христианской империи, откуда Русь получила крещение. Особого удивления у русского паломника это как будто не вызывает, и он полностью принимает точку зрения самих византийцев на свои сокровища. В алтаре Святой Софии, например, рядом с богослужебными блюдами находится место для довольно-таки неожиданного «бытового» предмета, даже учитывая святость его владельцев. Это «тельга сребряна Константина и Елены», т.е., вероятно, императорская колесница. Тут же в малом алтаре за крестом мерным, «колико былъ Христось возвышенъ плотию на земли», «лежить Анъна, иже давала дворъ свои святыи Софии», иначе говоря, домовладелица, которая подарила землю под строительство храма, «и того ради положена бысть ту»⁸⁶ и т.п. К бытовым подробностям можно отнести известие о том, что в алтаре Святой Софии есть «вода, и приведена по трубамъ ись колодезей» («а кладези мнози во святыи Софии»), и знаменитое описание сада, огорода и бани патриарха «на полатяхъ» собора. Здесь реализуется одна из основополагающих для жанра путешествий познавательных установок – рассказать, «как у них все устроено», в самом широком смысле. Это касается описания и патриаршего «холодильника» – «кладезя», где держат «дыни и яблоки и груши», которые «ужищемъ в кошницы <...> выимають студено», и особенностей богослужения, и примечательных обрядов (например, вынос главы Стефана Нового в день его памяти: ее «приносять къ погребу; идъже съделх ввержень»,

а потом ее «носить епархъ чрезь всю ночь со множествомъ людей со свѣщами; зовуще: «кирольсу»)»⁸⁷, и софійскихъ легенд. Например, легенды об иконописце, который создал шедевр, «образъ Спасовъ великъ мусиею», в самомнении возгордился и заявил «зря на нь»: «Господи, како еси живъ былъ, како же ты есмь написалъ». Но закончить мозаичную икону мастеру не удалось («у правыя руки не написалъ палца»), потому что сам образъ ответил ему вполне естественным в данной ситуации вопросом: «А когда Мя еси видѣлъ?»; этого автор иконы не смог перенести «и умре»⁸⁸. Подчеркнем еще раз: все это относится к историческому прошлому и принадлежит наследию византийской столицы, которое в настоящем времени находится в постоянном, порой почти фамиллярном, общении с вечностью.

Будущее в «Книге Паломникъ» – время чаяний и упований самого Добрыни Ядрейковича. После чуда с «кандилами» он словно подхватывает и развивает «патриотическую» мысль прихожан Святой Софії: Бог их посетил «милостию своею и молитвами пречистыя Богородицы и святїи Софїи, Премудрости Божїи, и молитвами царя Константина и матери его Елены». Результат такого посещения очевиден для византийцев. Он касается, конечно, их самих, и в первую очередь – их насущных, вполне земныхъ благ: «...хочеть ны дати Богъ житїя, якоже при Коньстантинъ было, и боль нынѣ того будетъ». Но возвращенія константиновскаго «золотого века» (и даже «боль нынѣ того») на византийскую землю русскому паломнику явно недостаточно. Его продолжает мучить «личный» вопрос о чудовищном, вселенском грехе «поганыя жидове», и спасение он видит только в одном: их «приведеть Богъ <...> во крещение». За примером ходить далеко не нужно: в Константинополе, в Испигани есть церковь Константина Синадскаго, который «первое жидовинъ бѣ и крещься»⁸⁹, после чего прославился аскетизмом и святостью. Главное состоит в том, что все «будутъ христїяне во единой любви, не имущи рати между собою». Впрочем, Добрыня тут же оговаривается, оперируя вполне «крестоносными» императивами: «...но токмо на техъ имуть воевати, кто не восхочеть во крещение внидти, да и волею и неволею принудить ихъ Богъ внити во крещение». Когда это осуществится, тогда и наступит сказочный «золотой» христїанскїй век, причем праведное житіе приведет к повсеместному благоденствїю, а вся

земля станет землей обетованной древних иудеев (Исх. 3, 8; 3, 17; 33, 3 и т.д.): «...обилия же всего добра на земли будетъ множество, и правда и святымъ житиемъ начнуть жити людие, обиды же не будетъ, земля изнесетъ плодъ отъ себе Божиимъ повелѣниемъ аки медь и млеко, добраго ради жития християнскаго»⁹⁰.

В конце «Книги Паломник» следует проповедь – призыв к читателям-землякам, потенциальной пастве будущего новгородского владыки. Добрыня исходит из того, что все «святѣи челоувѣцы же бѣша, яко же и мы». Но для того чтобы стать похожими на святых, обычным людям необходимо оставить «всяку злобу жития сего» и пойти «радующися к живому Богу въ жизнь вечную, не имущую конца». Примеров же подобной жизни в Константинополе «нескончаемое множество» (Хр.М. Лопарев), надо лишь поревновать «тѣх святыхъ житию, их же память есть написана здѣ»⁹¹.

Впрочем, Добрыня Ядрейкович почти никогда и ничего не рассказывает о подвижнической жизни святых, чаще всего лишь упоминает, что такой-то лежит в такой-то церкви «въ тѣль, аки живѣ», мощи такого-то лежат там-то. Сакральный, нетленный мир заполняет пространство «Книги Паломник», вещественность в святоотеческом смысле (см. ниже) самодостаточна и чаще всего не нуждается в пояснениях. Порой создается впечатление, что русский паломник предчувствует грядущее разорение Царьграда крестоносцами, поэтому старается ничего не пропустить и торопится зафиксировать в своем произведении как можно больше реликвий. Этот интерес к реальным носителям благодати мог быть обусловлен, помимо всего прочего, тем, что его паломничество преследовало и практические цели: Добрыня Ядрейкович, вероятно, еще на Руси предполагал привезти из Константинополя в Новгород некоторые реликвии, в частности такие, которые были связаны со святыми, уже известными и особо почитаемыми в русском городе⁹².

Так, к рассказу о церкви Иоанна Богослова, где хранится «камень, ижъ подложенъ былъ подъ главу святаго Иоана Богослова во гробъ его», автор «Книги Паломник» сделал приписку: «того камене и у мене есть»⁹³. Реликвия, судя по всему, предназначалась для придела апостола и евангелиста Иоанна Богослова в северо-восточной части новгородской Софии. Похожая приписка касается «свитки» Феодора Стратилата, хранившейся во Влахернах, –

«в ней мучень бысть». Частица этой «физы»⁹⁴, вероятно, должна была поместиться в храме во имя святого в Новгороде на Щирковой улице (освящен в конце XII – начале XIII в.). Наконец, частицу мощей святого Власия Добрыня вывез из царьградского Калужа монастыря, скорее всего, для новгородской деревянной церкви св. Власия, что была поставлена на Волосове улице в 1184 г.⁹⁵ Паломник доставил из Константинополя в Новгород и другие реликвии, которые должны были существенно «расширить местный пантеон святости» (Т.Ю. Царевская). Но теперь, в 1212 г., сам архиепископ Антоний «устраивает церковь Св. Антония, а вскоре церковь Св. Варвары: известно, что мощи этих святых Паломник видел в Константинополе и, надо полагать, там их приобрел»⁹⁶.

Возвращаясь к вопросу о влиянии проскинитариев на древнерусскую паломническую литературу, следует сказать, что такое влияние, конечно, имело место, но несколько позже. Поздневизантийская эпоха (XIII – первая половина XV в.) – время бурного развития жанра, количество проскинитариев значительно увеличилось, но при всем разнообразии произведений, среди которых встречаются авторские (паломничество протонотария Эфесской митрополии Пердики конца XIV в.), но большинство анонимных, стихотворные (тот же путеводитель Пердики и др.) и прозаические, исследователи отмечают тенденцию к их, если можно так выразиться, формализации и даже схематизации (О.Р. Бородин считает наиболее типичным в этом смысле «Душеспасительный рассказ о Святом Гробе» XV в.). Эта «схема вырабатывалась на протяжении всего поздневизантийского периода. Более жесткая при характеристике Иерусалима и Синая, в иных случаях допускающая варианты, она, конечно, явилась фактом не только чисто литературной жизни. Очевидно, в эти столетия сложился достаточно четкий стереотип поведения паломника в Святой Земле и было заранее известно, что и в каком порядке следует смотреть»⁹⁷.

Начиная с этой эпохи, влияние проскинитариев на древнерусские (славянские) паломничества становится, по мнению ряда исследователей, очевидным. «Под несомненным византийским воздействием, – отмечает О.Р. Бородин, – уже в XIII–XV вв. создаются славянские итинерарии пилигримов, в том числе рассказ о путешествиях св. Саввы, архиепископа сербского (вторая четверть

XIII в.), русское «Хождение архимандрита Агрефенья» (70-е годы XIV в.)... Этот же итинерарий с некоторыми изменениями составляет самостоятельное произведение, известное как «Сказание Епифания Мниха о пути к Иерусалиму». «Оба текста, – добавляет ученый, – в своей византийской части основаны на греческих итинерариях паломников»⁹⁸. А.А. Решетова рассматривает переводной проскинитарий «Поклоненье святого града Иерусалима» как «литературный источник» «Хождения» Василия Позняка, «Повести о святых и богопроходных местах» Гавриила Назаретского и т.д.⁹⁹

Для подобных проскинитариев в первую очередь характерно доминирование объективированного начала. Для них важен не столько автор паломничества и его отношение к «местам поклонения», сколько сами эти места как таковые и наиболее оптимальный маршрут их посещения. Отсюда первостепенное внимание к адресату путеводителя, так сказать, потребителю, потенциальному паломнику. Это проявляется уже с первых слов проскинитария, который открывается не традиционной, этикетной формулой паломничеств с «представлением» автора («худого Епифания мниха», «грешного игумена Даниила», «недостойный, многогрешный Антонеи» и др.), а своего рода «представлением» читателя проскинитария. Эту формулу-зачин Аф. Пападопуло-Керамевс называет даже «исключительною их чертою»: «Так как ты по благому своему произволению и желанию хотел знать о Св. Граде Иерусалиме...» и т.д. Греческий ученый опубликовал целый ряд проскинитариев «с таким начинанием»¹⁰⁰.

В этом смысле весьма характерна переработка произведения игумена Даниила от Первой ко Второй редакции («Паломник Даниила мниха: Сказание о пути, иже есть къ Ерусалиму, и о градах, и о самом граде Ерусалиме, и о местех честных, иже около града, и о церквах святых»). Русские книжники XV–XVI вв. переделывали «Хождение» в путеводитель по Святой Земле, что, безусловно, свидетельствовало о востребованности этого жанра именно в эту эпоху. Современные исследователи фиксируют в тексте Второй редакции отсутствие «подробностей географического и страноведческого характера, минимализацию “лирических эпизодов”, переданные в сокращенном варианте или опущенные библейские цитаты». При этом редактирование «не затрагивает полноту фактических сведений, сообщаемых автором “Хождения”, но демонст-

пирует установку автора Второй редакции на емкость изложения информации, стремление к обезличенности и вневременности повествования»¹⁰¹.

По мнению И.В. Федоровой, автор Второй редакции «паломником не был», но, «понимая, что между паломничеством Даниила и его собственной работой над “Хожением” прошло время, возможно, изменившее или даже разрушившее современные Даниилу архитектурные постройки, святые реликвии и библейские города, опустил исторические реалии, указывающие на время происхождения текста, но при этом содержательное ядро произведения он не затронул»¹⁰². Остается добавить, что на основании «Хожения» игумена Даниила было составлено по крайней мере 11 (по подсчетам Н.И. Прокофьева) рукописных кратких практических указателей маршрутов по Святой Земле¹⁰³.

Не менее характерно редактирование «Книги Паломник» Антония Новгородского, из которой были исключены «почти все известия, выходящие за рамки перечня царьградских реликвий, храмов, притворов, утвари и т.п. Переписчик (или редактор) “Книги Паломник”... как будто задался здесь целью превратить попавшее к нему в руки полнокровное литературное произведение, изобилующее живыми воспоминаниями, важными для автора и его современников, в сухой конспект реалий византийской столицы»¹⁰⁴. Сокращению в том числе подверглись русские реалии Царьграда в описании Антония: рассказ о блюде княгини Ольги, о посольстве князя Романа и т.п. М.Н. Сперанский убедительно объяснил эти «сильные сокращения» в «Книге Паломник» и в ряде других путешествий стремлением редакторов составить сводный путеводитель по Константинополю¹⁰⁵. Однако вернемся к игумену Даниилу.

Литературная судьба вновь «свела» его «Хожение», точнее «Паломник Данила мниха...», с «Повестью Епифания о Иерусалиме...». Речь идет о переводах повести на славянский язык. Первый перевод, как доказал В.Г. Васильевский, был осуществлен на Руси в XV–XVI вв. с первоначального авторского оригинала, рассказывающего только о святынях Иерусалима и его окрестностей. Поздневизантийские интерполяторы дополнили первоначальный текст путеводителя заимствованиями из «Церковной истории» Никифора Каллиста (XIV в.), восходящими к описанию паломничества

в Иерусалим св. Елены, матери Константина Великого (по «Житию Константина и Елены», рукопись XI в.). Второй перевод повести Епифания Агиополита был обнаружен в Сборнике конца XV в., принадлежавшем в то время библиотеке Московского общества истории и древностей российских, № 189 (ныне РГБ. ОИДР. № 189) и содержавшем рукописный текст «Хожения» Даниила (Вторая редакция). «Против текста путешествия Даниила на полях и на вклеенных листочках, — отмечал В.Г. Васильевский, — в разных местах поделаны вставки, иногда довольно значительные». Оказывается, что большая часть этих вставок «суть не что иное, как извлечение из Епифания». Причем как первый, так и второй переводы повести восходят, по мнению В.Г. Васильевского, к греческому протографу, не дополненному позднейшими интерполяторами¹⁰⁶.

«Хожение» игумена Даниила «встречалось» и с другими произведениями, посвященными Святой Земле. В «уникальном» и одном из древнейших списков «Хожения» (РГБ. Ф. 205. ОИДР. № 189, посл. треть XV в.) «текст снабжен глоссами из рассказа о святынях Иерусалима и Палестины Арсения Солунского»¹⁰⁷. Паломник XVI в. Даниил Корсунский внес в текст «Хожения» игумена Даниила свои комментарии и уточнения, но основу описания Святой Земли XII в. сохранил, причем в такой степени, что долгое время его произведение не считалось самостоятельным (хотя он обозначил на нем свое имя), а рассматривалось как западнорусская редакция «Хожения»¹⁰⁸. Все это свидетельствует об огромной популярности «Хожения» игумена Даниила в качестве, прежде всего, литературного образца для последующих поколений русских писателей-паломников¹⁰⁹ (известно почти 150 списков «Хожения»). Но что могло послужить образцом для самого Даниила?

Перед русским игуменом были, по сути дела, две традиции паломнической литературы, которые вкратце мы уже очертили: одна — западноевропейская — весьма развитая, берущая начало в IV в., другая — греческая, византийская — относительно недавняя. Обе они, вероятно, уходят корнями в античное язычество, наследуя римским итинерариям, но в своем развитии претерпели существенные изменения. Они связаны в первую очередь с сакральностью самого предмета описания, с большим или меньшим внесением в повествование «личного» элемента, экзотических деталей

(например, у Эгерии рассказ о «фанаритских значках», облегчающих путешествие по прибрежной пустыне, – их по ночам «чуют верблюды») и т.п. Вместе с тем все эти произведения в разной степени сохранили «родовые» признаки путевода, дорожника (указания на расстояние от святыни до святыни и т.п.)¹¹⁰.

В данном контексте, разумеется, немаловажным представляется и вопрос о владении Даниилом греческим и латинским языками. Судя по всему, греческий в определенной степени он знал¹¹¹, относительно латинского возникают большие сомнения. Во всяком случае, основанием для этого может служить реплика русского паломника по поводу латинского богослужения в Великую субботу – «латина же в велицем олтари начаша верещати свойскы» (128). О знакомом, более или менее понятном (следовательно и близком) языке так не говорят. В пользу этого мнения можно привести и другие аргументы, но в данном случае они представляются излишними.

Каких-то определенных следов знакомства Даниила с произведениями, принадлежащими этим двум (латинской и греческой) традициям паломнической литературы, не выявлено. Впрочем, за исключением порой общих цитат из Священного писания, упоминаний общих преданий (что естественно), общего «измерительного» подхода к реликвиям (у Даниила это указания не только на расстояние между ними, но и на их размеры, состояние и т.п.) и столь же общей последовательности повествования. Но тогда, может быть, все-таки права была В.П. Адрианова-Перетц, когда утверждала: «Нет оснований думать, что Даниил знал греческие или латинские “путники”». Совпадение с ними его плана, а порою и пересказываемых легенд объясняется скорее теми условиями, в которых протекал осмотр достопримечательностей Палестины. Проводники, руководствовавшиеся готовыми “путниками”, вели группы паломников установленным маршрутом, обращали их внимание на одни и те же памятные места, украшали свой рассказ одними и теми же легендами. Даниил сам называет своего “вожа добра”, монаха лавры св. Саввы, который “указа” ему “добре вся святаа та места, и в Иерусалиме и по всей земли той” поводи его. Именно руководство этого “вожа” придало рассказу Даниила типичный план»¹¹².

А.В. Назаренко идет в своих обобщениях много дальше: «Русская паломническая литература в период своего формирования вырисовывается как в некоторых отношениях вполне самостоятельное явление, питающееся собственными соками, и в создании такого оригинального и важного для паломников литературного жанра как “хождение” в Святую Землю, древнерусские церковь и литература выступают не как ученицы, а как сороботницы и сестры византийских церкви и литературы»¹¹³.

Своеобразие произведения игумена Даниила становится особенно заметным при сопоставлении с «Путешествием Зевульфа в Святую Землю в 1102–1103 гг.», которое в 1883 г. М.А. Венигинов опубликовал в переводе с латинского П.В. Безобразова в издании «Хождения» (приложение V). «Побудительной причиной» этой публикации, помимо того что Зевульф совершил свое путешествие «почти одновременно с Даниилом», ученый как раз и назвал «возможность сделать сравнение... двух дошедших до нас современных памятников палестинской паломнической литературы, из которых один – Даниил писал под православным влиянием, а другой – Зевульф под влиянием Запада»¹¹⁴.

«Путешествие Зевульфа» – это подчеркнуто документальное повествование, расписанное буквально по дням: «мы сели на корабль <...> в Воскресение, в праздник св. девы Мильдриды», т.е. 13 июля 1102 г. (263); «накануне дня св. апостола Иакова причалили к острову...», т.е. 24 июля (264); «мы пристали в первый день августа к острову...» (264); «за день до кануна дня св. Иоанна Крестителя с трудом достигли острова...» (290) и т.п. Причем выделяются «несчастные», т.е. тяжелые, неблагоприятные дни (*die aegyptica* – египетские) и даже часы (*hora aegyptica*)¹¹⁵. Впрочем, дневниковый характер повествования сохраняется у Зевульфа только тогда, когда речь идет о собственно путешествии, плавании в Палестину, а из нее в Константинополь. В описании Святой Земли хронологические указания отсутствуют, что весьма характерно.

Разумеется, Зевульф не мог миновать памятных мест, связанных с недавней историей Запада. Так, причалив во время плавания «в первый день августа» к о. Кафаланию (Кефалиния), он не преминул сообщить, что именно здесь умер (17 июля 1085 г.) Роберт Гвискар, норманнский герцог Апулии, Калабрии и Сицилии, окончательно изгнавший из Италии византийцев (264). В свою

очередь, игумен Даниил не забыл о «своих» князьях, указав, что на «Род острове», т.е. на Родосе, «был Олегъ князь русский 2 лете и 2 зиме» (20). Это единственное свидетельство того, где тмутараканский, затем черниговский князь Михаил-Олег Святославович провел часть своей четырехлетней ссылки (он был сослан в 1079 г. византийским императором Никифором III Вотаниатом). Именно «на чужбине», как полагал В.Т. Пашуто, русский князь женился на знатной гречанке Феофано Музалониссе¹¹⁶.

Но, пожалуй, самым любопытным совпадением в описании этих двух паломничеств является как раз «умолчание» по поводу одной из самых значимых святынь христианского мира – мощей свт. Николая Мирликийского. Нам уже приходилось писать о том, что игумен Даниил, рассказывая о плавании по Эгейскому морю, упоминает «Патеру град» («И ту есть рождество святого Николы, то его есть и отчина и род») и добавляет: «А от Патеры до Мир, идеже гробъ святого Николы, есть версть 40» (22). При этом русский паломник ни словом не обмолвился о том, что мощи свт. Николая еще в 1087 г. были перенесены из Мир Ликийских в г. Бари. Заметим, что праздник перенесения мощей свт. Николая (9 мая) был уже установлен на Руси, вероятно, между 1087 и 1091 гг.¹¹⁷

Зевульф также упоминает Патеру, «где родился блаженный архиепископ Николай». Затем путешественник побывал в «городе Миреев (Миры Ликийские. – В. Г.), где святой Николай управлял архиепископией» и где Зевульф даже поклонился «священной гробнице святого» (267). И опять ни слова о мощах святителя, хотя праздник их перенесения был установлен католической церковью в 1089 г. на соборе в Бари. Самое удивительное, что Зевульф не упоминает о них и тогда, когда в самом начале своего паломничества рассказывает об отплытии в Палестину из итальянской Апулии и о морских паломнических маршрутах: «Одни садятся на суда в Варе (Бари. – В. Г.), другие в Варле (Барлетто. – В. Г.) <...> а мы сели на корабль в Монополи, находящемся на расстоянии дня пути от Варо» (263). Единственное объяснение подобной «забывчивости» мы находим в том факте, что папа Урбан II при установлении праздника перенесения мощей свт. Николая предоставил местным церквям решать, отмечать или не отмечать его. Вероятно, и на Руси он также вводился постепенно. Напомним, что Греческая православная церковь так его и не приняла¹¹⁸.

Следует отметить, что именно рассказ о плавании (плаваньях) Зевульфа представляет наиболее драматическую, эмоционально насыщенную и, если так можно выразиться, религиозно окрашенную часть повествования пилигрима. Эти «приключения на море» в полном соответствии с законами литературной маринистики включают описание штормов, кораблекрушений, столкновения с сарацинским флотом, схваток с пиратами (на обратном пути в Константинополь) и т.п. Достоверность их по большей части не вызывает сомнения (например, рассказ о тяжелых условиях высадки с корабля в Яффе находит полное подтверждение в описаниях позднейших русских паломников)¹¹⁹. Но замечательно, что религиозные и глубоко личные переживания Зевульфа связаны именно с «пограничными ситуациями», как выразился бы экзистенциалист XX в., иначе говоря, с теми опасностями, которых путешественнику удалось избежать на море (иногда на суше) по милости Божией.

При этом порой создается впечатление, что Зевульф «работает на публику», по крайней мере его обращение к читателям, предваряющее тот же рассказ о буре во время высадки в Иоппии (Яффе), явно напоминает воззвание актера к зрительному залу. «Умоляю вас, мои любезнейшие друзья, подняв руки кверху рукоплещите; воскликните Богу вместе со мной гласом радования, ибо Всемогущий оказал мне милосердие во всем пути моем: да будет благословенно имя Его и ныне и во веки!» (268). И далее следует сообщение о том, как по прибытии в яффскую гавань «некто сказал, думаю по повелению Божию: Господин, выйди на берег, чтобы не случилась буря сегодня ночью или на рассвете и завтра тебе нельзя было высадиться» (268). Зевульф послушался и «достиг берега невредимым» (269). Но рано утром он стал свидетелем («я сам видел») катастрофического шторма, в результате которого остались в целости только семь из 30 «очень больших кораблей», которые «все были нагружены возвращающимися паломниками или товарами», «а людей обоего пола погибло в тот день более тысячи <...> но от всего этого милостию своею спас меня Господь, Ему честь и слава во веки веков, аминь» (270). Примерно в том же духе выдержано описание дороги от Яффы до Иерусалима, на которой паломники подвергались нападениям сарацин: «Бесчисленное количество человеческих тел, совершенно растерзанных дикими зверями, лежат на дороге и возле дороги». «Но мы со всеми

спутниками, – продолжает паломник, – дошли без повреждений до желанного места; благословен Бог, который не отверг молитвы моей и не отвратил от меня милости Своей, аминь» (271). Подобным же образом завершается эпизод, посвященный встрече в море с сарацинским флотом, идущим с войском «на помощь халдеям для войны с королем Иерусалимским»: «милость Господня спасла нас в тот день от неприятеля» (289).

Реликвии Святой Земли подобных эмоций у пилигрима не вызывают. Центральная часть путешествия Зевульфа даже формально («следует идти...», «затем входишь...», «идешь на север...» и т.п.) представляет собой путеводитель по «Иерусалиму и его ближайшим окрестностям» (288). Это эмоционально нейтральный, лаконичный текст, как бы изъятый из времени самого паломничества и обращенный только к святым местам. Их перечень автор нередко сопровождает кратким историческим комментарием, носящим, как правило, справочный характер. Причем Зевульф приводит разные точки зрения на те или иные реликвии, отдавая предпочтение в первую очередь ветхозаветным и новозаветным текстам, затем «сочинениям бл. Августина» (вопрос о месте погребения Адама), а из современных устных источников – свидетельствам «ассириян» (т.е. уроженцев Сирии), ибо их предки «были колонистами в этой стране, начиная с первого гонения» (273). При этом западноевропейский путешественник не забывает упомянуть и античные достопримечательности: еще во время плаванья мимо островов Эгейского моря он ошибочно назвал один из них – Кос – родиной Галена, «медика, пользующегося большой славой у греков» (на самом деле Гален родился в Пергаме, а на острове Кос родился Гиппократ – Зевульф перепутал медиков), не пропустил он и «знаменитый остров Родос» с его «колоссом, имевшим в длину 125 футов» («одно из семи чудес мира»), но и тут перепутал, назвав жителей этого острова – «колосьян» – адресатом одного из посланий апостола Павла (в действительности апостол написал послание жителям г. Колоссы во Фригии) и т.п.

Вообще, вопрос об известности того или иного памятника играет для Зевульфа немалую роль, что отразилось даже на аттестации храма Воскресения Господня: «Прежде всего следует идти к церкви Св. Гроба, которая называется Мартириум (так называла храм еще Эгерия. – В. Г.), и это не только сообразуясь с располо-

жением улиц, но также потому, что эта церковь знаменитее всех других церквей» (271–272). У Зевульфа порой встречается неожиданное (по «частям») соединение религиозного и прагматического отношения к происходящему. Взять хотя бы традиционную «начинательную» авторскую формулу паломнической (и не только) литературы – одно время ее называли этикетной формулой «уничтожение паче гордости» (ср., например, выше у Епифания Агиополита и Даниила): «Я, Зевульф, недостойный и грешник, отправился в Иерусалим поклониться Гробу Господню, но удручаемый отчасти тяжестью грехов, отчасти же за недостатком хорошего корабля, я не мог следовать по прямому пути...» (263). Подводя итоги характеристике «Путешествия Зевульфа», вполне можно заключить, что перед нами путеводитель, если угодно, гид по Святой Земле с уклоном в сравнительно-историческое комментирование и в «морском обрамлении».

Жанровые различия «Хожения» Даниила и «Путешествия» Зевульфа, не говоря уже о частностях, заметны на первый взгляд. «Хожение» игумена Даниила явно не предназначалось автором в качестве путеводителя по Святой Земле. Более того, по справедливому замечанию современных исследователей, Даниил стремился «удержать читателей от самостоятельного паломничества, чтобы те не впади в грех, возгордившись своим поступком»¹²⁰. «Любве ради святых местъ сихъ исписах все, еже видехъ очима своима, дабы не в забыть было...», «сие исписах верных ради чело-векъ» (14–16).

Совершенно отлично от Зевульфо-ва «путешествия» организован и художественный мир «Хожения». В нем, например, ничего не говорится о пути из Руси до Царьграда и обратно, читатель не узнает и о расстоянии от Руси до Иерусалима и т.д. Разумеется, нельзя удовлетвориться обычным объяснением. «Свое путешествие Даниил начинает и оканчивает в Константинополе, ничего совершенно не говоря о пути из Руси и на Русь, каковой, очевидно, представлялся ему всем хорошо знакомым и, во всяком случае, не заслуживающим описания»¹²¹. То же самое, в сущности, несколько раньше говорил и К.-Д. Зеeman в работе, посвященной «Хожению»¹²². Но этот «хорошо знакомый» путь русские паломники начинают описывать по крайней мере с «Пименова хождения

в Царьград» (1389), прямо от Москвы¹²³. То есть хорошо знали, а потом забыли?

Можно вспомнить и мнение на этот счет М.А. Вeneвитинова. «Хождение Даниила, — писал он в предисловии к своему изданию, — начинающееся и оканчивающееся Царьградом, наводит на мысль, что странствование его в Святую Землю могло быть предпринято не прямо из России, а после более или менее продолжительного пребывания в Царьграде, который как известно, находился в непрерывных сношениях с древнею Русью»¹²⁴.

Но Константинополь для Даниила — не столица великой православной империи, сокровищница святынь христианства, которая вскоре (в 1200 г.) привлечет внимание и русских паломников, но просто отправной географический пункт на «пути в Иерусалим», «куда же Христос Богъ нашъ походи своима ногама и велика чюдеса показа по местом темъ святымъ» (14). Интересно, что древнерусские книжники уже в XVI в. осознали такую «неполноту» «Хожения» игумена Даниила (речь идет о Второй редакции) и, соответственно, «недостаточность» отдельного описания святынь Царьграда в «Книге Паломник» Антония Новгородского. Поэтому «текст Антония при переписке его в сборниках XVI, XVII, XVIII вв. непременно, обязательно сопровождался текстом хождения Даниила»¹²⁵.

С.П. Розанов был, на наш взгляд, много ближе к истине, когда взглянул на дело с несколько иной точки зрения и подчеркнул: «Из того, что древние паломники не оставили нам своих путевых записок, еще не следует, что они ничем в пути не интересовались. Несомненно, они очень много и видели и слышали, но не занесли это в свои описания потому, что не считали достойными упоминания наряду с святынями...»¹²⁶. То же самое повторил и Д.С. Лихачев в «Поэтике древнерусской литературы»: «Если в хождениях ничего не говорится о сборах в путешествие или о всех перипетиях пути, то только потому, что все это считалось недостойным внимания, — следовательно, средневековый паломник видел смысл повествования не в самом путешествии, а в описании виденного»¹²⁷.

Н.С. Трубецкой попытался определить «психологическую сущность паломничества». По его мнению, «любое длительное и далекое путешествие связано с чувством оторванности от земного,

материального, действительного... путешественник в известной степени ощущает себя вне пространства и времени, ибо пространство и время, в которых живет путешественник не обычные, не повседневные». Но не всякий путешественник является паломником, хотя всякий паломник путешествует по свету. «Так долгое путешествие становится одним из способов отойти от земной, мирской жизни, что при соответствующем религиозном настрое может рассматриваться как разновидность замены монашеской аскезы». Отсюда следовало, что «паломник предстоял перед внешним миром как перед иконой, “иконизировал” его внутри себя». Этим объясняется, в частности, определенная избирательность взгляда паломника на окружающий мир и, соответственно, жанровое своеобразие организации художественного пространства хождений. Во всем, что паломник видел в пути, заключает Н.С. Трубецкой, – «он отмечал лишь то, что через сверхчувственное зрение мог связать своими религиозными мыслями и представлениями о Царстве небесном; мимо всего остального он проходил, не замечая его и никак не реагируя. Страна его паломничества была для него большим храмом с бесчисленными яркими иконами»¹²⁸.

Ведь и явно «виденное» Даниил описывает далеко не всегда. Скажем, его как будто совершенно не интересует море, которое столь значимо, например, для Зевульфа¹²⁹. Конечно, он время от времени упоминает о «Великом море» (Средиземном), об «узыщем мори» (Мраморном), о расстоянии, например, до Ефеса – «град есть на сусе, от моря вдале 4 верст» или до Патмоса – «на стране далече в мори Патмъ остров» (20). Но в целом морское пространство в его «Хожении» как бы отсутствует в своем особом, водном качестве, неясно даже, на чем Даниил его пересекает: для него как будто все равно, «по морю ити» или «поити по суху» (24). Подобное отношение к мореплаванию надолго сохранится в русской литературе путешествий. В.А. Котельников в целом прав, когда говорит, что пересечение морского пространства для Афанасия Никитина в его «Хождении за три моря» определялось *необходимостью*, а не свободой – как на континентальном Востоке. Исследователь распространяет эту точку зрения, по сути дела, на все последующее развитие русской прозаической маринистики вплоть до «Фрегата “Паллады”» И.А. Гончарова¹³⁰. Наблюдение совре-

менного литературоведа совершенно совпало с мнением былинного Садко (!), когда тот констатировал: «У меня воля не своя во синем море» (рефрен в былине «Садко и морской царь»)¹³¹. Подобное «отсутствие любознательности ко всему, что касается моря», отмечают и исследователи русской агиографии (О.В. Гладкова и др.), заключая, что авторов житий «не интересовало» «морское путешествие как таковое»¹³². Это «отсутствие любознательности» к морю в наивысшей степени проявляется, наверное, в «Житии прп. Антония Римлянина» (XII в.), который на камне, «якобы на кораблях легче», за два дня пересек обширные морские пространства, не обратив на них никакого внимания, и с берега Средиземного моря прямо ступил на берег Волхова.

Но дело, скорее всего, в том, что как авторов житий, так и авторов ранних хождений мало интересовало вообще «путешествие как таковое» в современном понимании жанрового термина, т.е. описание значительных перемещений в пространстве, приключений, впечатлений во время таких перемещений и т.п. (как у Зевульфа, например). В этом смысле самым известным и выразительным примером «утраченного», «пропущенного», «съеденного» пространства является путешествие (паломничество) Иоанна Новгородского в Иерусалим (XV в.), когда бес доставил святителя «во единой нощи» к храму Гроба Господня и обратно, так что тот, естественно, не заметил ничего в дороге¹³³. Немало аналогичных примеров знает и западноевропейская литература: сюжет с демоном, перенесшим рыцаря Эверхарда в Иерусалим, а также с мирянином Винандом, доставленным за час, наоборот, из Иерусалима в Лейпциг, с рыцарем Герардом, отправленным дьяволом на родину в Холенбах из церкви св. апостола Фомы в Индии, и т.п. («Диалоги о видениях и чудесах» Цезария Гейстербахского, XIII в.). Вообще, географическое пространство в представлении средневекового человека отличалось, как известно, поразительной подвижностью: оно могло свертываться и разворачиваться в обратном направлении, свободно перемещаться из одной точки в другую и т.д. Взять хотя бы пророчество волхва, прельщенного бесом, из «Повести временных лет», помещенное под 6579 (1071) годом: «Пришедь бо Киеву глаголаше, сие поведая людемъ, яко на пятое лето Днепру потещи вспять и землямъ преступати на ина места, яко стати

Гречьскы земли *на Руской*, а Русьской на Гречьской, и прочимъ землямъ изменитися»¹³⁴.

Показательна история самой жанровой терминологии русской паломнической литературы в ее связи с понятиями суши и моря. Древнерусские паломники, конечно, совсем не случайно называли свои произведения «хождениями». Это и были прежде всего именно «хождения» – хождения паломника шаг за шагом (естественно, по суше) от одной святыни, реликвии к другой, причем количество сделанных шагов порой точно запоминалось. Обязательное пешее странствие паломника подразумевалось, но, конечно, далеко не всегда могло осуществиться, так сказать, в полном объеме (тот же Даниил, естественно, плывал по морю на каком-то судне, до Иерусалима он явно добирался на коне, в Галилею отправился «наях под ся» какое-то животное, чтобы ехать верхом, но характерно, что даже не назвал его: конь ли это, осел или кто другой). И архиепископ Новгородский Антоний в качестве примечательного факта упоминает в своей «Книге Паломник» о погребении «на уболь¹³⁵ святаго Георгия» некоего св. Леонтия, «попа русина» и добавляет: «Великъ человекъ той бо Леонтии 3-жь во во Иеросалимъ пьшь ходиль»¹³⁶. Во второй половине XII в. можно было действительно пройти из Царьграда в Иерусалим пешком по побережью, очищенному от турок-сельджуков и арабов, а для Леонтия паломничества стали, судя по всему, своего рода образом жизни. Характерно также, что первое издание паломнических странствий В.Г. Григоровича-Барского, явно продолжавшего традицию «хождений», так и называлось: «Пешеходец Василия Григоровича-Барского Плаки Албова...» (СПб., 1778).

Но с течением времени на смену (пешим) «хождениям» (слово «ход» родственно греч. *ódos* – путь, *ódiťis* – странник, *ódeťo* – странствую)¹³⁷ пришли «путешествия по Святой земле» (А.Н. Муравьева, А.С. Норова и др.), а в самом термине «путешествие» явно присутствует «морской» элемент, от греч. *póntos* – море, путь по морю¹³⁸. С другой стороны, «обычное для ранних греческих текстов название паломничества *poréia* (путешествие) сменяется многозначительным *euxh*, *proseuxh* (букв. молитва), а паломник начинает именоваться *proskynhťis* (поклонник)»¹³⁹.

Но и с морем у игумена Даниила не все так просто, ведь оно тоже может иметь прямое отношение к Священной истории.

Например, рассказывая «о пути в Иерусалим», Даниил упоминает «град Ираклия Великаа» (Гераклея) и продолжает: «И противу тому граду святое миро выходит из глубины морьския: ту святи мученици погружении суть мнози от мучителейъ» (18). Не может он пропустить, описывая «Ефес град», «пристанище <...> идеже Иоанна Богословца море изверже» (20) и т.д. Не говоря уже о внутренних морях самой Святой Земли. Вот, скажем, описание Мертвого моря: оно «не имать в себе никакоже животна, ни рыбы, ни рака, ни сколии <...> изходит бо из дна моря того смола черемная верху воды тоя <...> и смрад исходит из моря того, яко от серы горяща; ту бо есть мука под морем тем» (60). При столкновении с сакральным реальное водное пространство может менять свою конфигурацию, перемещаться – «побежать». При этом оно начинает испытывать явно человеческие чувства, становится вполне антропоморфным. Подобным метаморфозам посвящен целый картинный рассказ со ссылкой на Псалтирь (Пс 113, 5) о месте, где Иоанн Предтеча крестил Иисуса Христа, или, по Даниилу, «О месте, идеже море виде, побеже, и Ердан взратися вспять»: «До того бо места изиде Иордан от ложа своего, возвратився, виде Творца своего, пришедша крестится, и убоявся, възвратися вспять и прииде то того места. И ту есть море Содомское близ купели тоя было, ныне же есть далее от Крещения, яко 4 весты вдалье отбегло. Тогда убо узрев море наго Божество, стояще в водах Иорданьских и, убоявся, и побеже; Иордан възратися вспять, якоже пророкъ глаголетъ о том: “Что ти есть, море, да побеже, и ты, Иордане, възратися вспять?”» (50)¹⁴⁰.

В этом смысле морское (водное) пространство для Даниила мало чем отличается от земного – суши. «Виденное» «очима своим грешнымъ» для игумена Даниила означает, помимо всего прочего, указание на невидимое, включающее зримые напоминания о давно прошедших событиях Священной истории. И не только напоминания о прошлом, но и указания на его пребывание в настоящем и в будущем. Вечность явно дает о себе знать именно на Святой Земле, в том числе деформацией реального географического пространства, изменением всеразлагающей природы времени, не властного над святынями. Рядом с гробом св. Саввы в монастыре его имени «лежат мнози святии отци, телесы яко живы (следует перечисление: св. Иоанн епископ Исихаст и т.д. – В. Г.)

<...> и инии мнози святи ту лежат, телесы яко живи; и благоухание от них исходит несказанно» (58). В монастыре св. Евфимия рядом с его гробом «ини мнози святии отци ту лежат, телесы яко живи» (60). В усыпальнице рядом с церковью с гробом св. Харитона «лежат святи отци, телесы яко живи <...> (следует перечисление. – В. Г.) и благоухание чюдно от них исходит» и т.п.¹⁴¹ Наконец, знаменитое описание дуба Мамврийского. «Дивно же и чюдно есть: толь много лет стоящу древу тому, на толь высоте горе, не вредися, ни испорохнети (не искрошилось. – В. Г.)! Но стоитъ, утвержень от Бога, яко то перво насажень» (72).

Впрочем, однажды Даниил не удержался и сообщил, чуть ли не в духе Зевульфа, о своем морском приключении. Речь идет о том месте в «Хождении», где рассказывается о возвращении паломников в Царьград. Это описание «возникает» в тексте «Хождения» довольно-таки неожиданно. Оно помещено не в конце произведения, как вроде бы следовало, а чуть ли не в середине (главка «О Велице Антиохии»). Даниил размеренно повествует о сухопутной дороге, перечисляет населенные пункты от прибрежного Капернаума к горе Кармил, Акре, Вирите и т.д. «Вдалье Адекия 100 верстъ, таже Малая Антиохия, таже Канинорось, таже Мавронорось, таже Сатилия градок, таже Хидония, островец мал. И ти вси гради суть подле море...» (90–92). И тут русский паломник словно пересаживается на корабль и смотрит на палестинское побережье теперь уже со стороны моря. Точнее, не «словно пересаживается», а пересаживается буквально и начинает рассказывать о своем действительном плавании в Царьград: «...да те грады вси минухомъ по морю, не приставающе, и приидохомъ близъ къ градомъ темъ; боязни ради ратных не приставахомъ в Хилидонии...» Совсем незаметно осталась позади Святая Земля, и наступила очередь средиземноморского побережья Ликии: «И оттуда идохомъ в Мира, таже к Патера граду...» Тут мореплавателей и ожидала встреча с корсарами: «...и того града сretoша нь хусарева въ 4-х галияхъ, и яша ны, и излупиша всех». Конечно, Даниил гораздо сдержаннее Зевульфа, он просто констатирует фактическую сторону дела, что никак не отменяет скрытого драматизма эпизода. Но никакого особого внимания на нем паломник не заостряет. Ведь впереди конечная цель плавания: «А оттуда доидохомъ къ Царюграду, и доидохомъ поздраву Царьграда» (92). Однако прибытие

«поздраву» в столицу Византийской империи совсем не означает завершения путешествия Даниила. Закончился лишь вставной «морской» эпизод, после которого русский игумен вновь возвращается на Святую Землю (главка «О Галилеи и о море Тивериад-стем»), для того чтобы продолжить свое повествование.

Даниил – паломник и, следовательно, очевидец, *de visu* убедившийся в существовании вещественных знаков, знамений, подтверждающих присутствие на земле иного мира (в этом смысле, конечно, особое значение имеет глава «О свете небеснем: како сходит ко Гробу Господню»). Отсюда столь необычное для древнерусской литературы подчеркивание авторства хождений, ведь они представляют собой еще и свидетельские показания. М. Гардзанини справедливо указал на неслучайность появления в тексте «Хождения игумена Даниила», в особенности в прологе и в заключении, отрывков из послания апостола Иоанна (1 Ин. 1, 1) или Апокалипсиса (Откр. 1, 1) как важнейших текстов теологии «свидетельствования»¹⁴².

На месте избияния камнями Стефана Первомученика, где сохранился гроб его, «есть гора камена плоска проселася в распятие Христово; то зовется Ад; есть близ стены градныя». А вот описание вулканических явлений на острове Тилос: «И в сем острове мука Иродова кипит серою горящею; и ту серу, варяче, продають, мы же огонь вытинаем»¹⁴³. Паломничество Даниила посвящено именно сакральной географии, начиная с самых первых пунктов маршрута. «Идя» в Иерусалим по Эгейскому морю, паломник оставляет без внимания острова, на которых нет значимых святынь (разве только упоминает о них), рассказывая о Святой Земле, почти ничего не сообщает о быте и нравах ее жителей, политической ситуации и т.д. У Даниила и в помине нет того, чтобы подчеркивать чуждость чужого, заострять внимание на экзотических деталях, а такого рода материал его путешествие могло предоставить в любом количестве. Палестина важна для него прежде всего тем, что принадлежит к одному с Русью христианскому миру с общими религиозно-нравственными ценностями, святынями, священной литературой. Более того, Иерусалим является центром этого мира, средоточием главных его реликвий. Отсюда более чем лояльное отношение Даниила к латинскому Иерусалимскому королевству и в особенности к самому королю Балдуину¹⁴⁴.

Даниил никак не индивидуализирует свои впечатления, эмоции при встрече со святынями. Напротив, эти чувства для него важны именно тем, что их разделяют все христиане без исключения, «вернии», «достойнии человеци», противопоставляемые иногда всем другим народам. Вот паломник, наконец, приближается к цели своего странствия и вступает на гору «близь града Иерусалима яко версты вдале» – «на той горе сседают с конь вси людие и поставляют крестьци ту и поклоняются святому Въскресению на дозоре граду»¹⁴⁵. Следует рассказ о переживаниях паломников, увидевших «святый град Иерусалим»: «И бывает тогда радость велика всякому христианину, <...> и ту слезамь пролитье бывает от верныхъ человекъ. Никтоже бо можетъ не прослезитися, узрев желанную ту землю и места святаа вида. <...> И идуть вси пеши с радостию великою къ граду Иерусалиму» (26). А вот как проходил «самы водокрешный праздник»: тогда «Духъ Святый приходит на воды Иорданския и видять достойнии человеци добрии, а вси народи не видят ничтоже, но токмо радость и веселие бывает тода въ сердци всякому христианину» (54). И, наконец, ожидание «бесчисленного множества народа» в храме Воскресения чуда сошествия «света святаго»: «И ти людие вси въ церкви и вне церкви иного не глаголють ничтоже, но токмо “Господи, помилуй!” зовут неослабно <...> И ту источники слезам проливаются от верных людей. Аще бо окамено сердце имат, но тогда можетъ прослезити. <...> И ть самъ князь Балъдвинъ стоитъ съ страхом и смирением великим, источники проливаются чюдно от очию его. Также и дружина его око стоитъ прямо Гробу близь олтаря великаго, вси бо сии стоятъ съ смирением» (126).

Все это не отменяет, однако, антилатинских выпадов, касающихся богослужебной практики католической церкви (упоминание о «начатке литургии хлебом и вином, а не опресноком» в рассказе о Мелхиседеке) или претензий на ее главенство в христианском мире (чудо с возжением греческих и русской лампад над Гробом Господним, когда «фряжьскаа кандила <...> ни единое возгореся») и др. Но все это явно относится к «области естественного», исторического, отступающего перед вневременной сакральностью.

Даже собственно земля как таковая, почва на Святой Земле отличается особой красотой и урожайностью явно из-за соседства

со святынями. Об этом писал еще Я.И. Горожанский: «Чем больше святость в каком-нибудь городе, чем важнее священные события, в нем совершившиеся, тем обильнее этот город должен быть и людьми, и скотом, и всякими овощами»¹⁴⁶. Этот принцип приобретает у Даниила характер закономерности и прослеживается на всем протяжении повествования (В.В. Данилов насчитал у него «четырнадцать» «земледельческих замечаний и описаний») ¹⁴⁷. «И земля та около Вифлеема красна зело в горах, и дрeвеса многоплодовита овощная стоять по пригорнемъ темъ красно: масличные, и смоквие, и рожцье бес числа, виногради мнози суть около Вифлеема и нивы по удолиемъ многи суть». Столь же прекрасно и плодородно поле около «Агия Пими́на, еже протолкуется Святаа паства» (поле, где ангелы благовестили пастухам Рождество): «И есть около места того поле красно велми и нивы многоплодны, и масличья много».

А вот описание Хананейской земли около Хеврона, обещанной Аврааму. «И ныне поистине есть земля та Богом обетованна и благословенна есть от Бога всем добром: пшеницею, и вином, и маслом, и всяким овощом обилно есть зело, и скотом умножена есть; и овци бо и скоти дважди ражаются летом; и пчелами увязло ту есть в камении по горам тем красным; суть же и виногради мнози по пригорию темъ, и дрeвеса много овощная стоять бес числа, масличие, смоквы, и рожцы, и яблони, инородия. И всякий овощ ту есть, и есть овощ-есть лучи и болий всехъ овощей, сущих на земли под небесемъ, несть такого овоща нигде же. И воды добры суть в месте том и всем здравии. И есть место то и красотою и всемъ добром. Неисказанна есть земля та около Феврона!» (74). По прямому благословию Божьему изобилие царит и на каменистых землях вокруг Иерусалима: «И жита добра ражаются около Иерусалима в камении том без дожда, но тако, Божиимъ повелениемъ и благоволениемъ» (46). Об источниках и говорить не приходится. Вот, например, кладязь св. Саввы: «пихом от кладязя того (расположенного в пустыне и безводных горах, и показанного св. Савве диким ослом. – В. Г.) воду сладку и студену зело» (60) и т.п. Совершенно иную картину представляют собой проклятые Богом места, например «дворъ Иудинъ, предателя Христова»: «Есть пусто и ныне дворище то проклятое: никтоже не смеетъ на месте том сести клятвы ради» (36), иссохшая по слову «Давыда

в Псалтири» «река Афамския» (70) или окрестности Мертвого моря (48)¹⁴⁸. Просвещенный паломник XIX в. – Авраам Норв – в своем «Путешествии по Святой Земле в 1835 году», постоянно обращаясь к библейским текстам, так же как и Даниил, буквально на каждом шагу убеждается в исполнении древних пророчеств и заключает: «Сама природа свидетельствует вечную истину»¹⁴⁹.

Логика, присутствующая в знаменитом определении заключительного ороса Седьмого Вселенского собора («честь, воздаваемая образу, восходит к первообразу»), понимание иконы как «окна к первообразу» лежат и в основе отношения Даниила к святыням. Как подчеркивает епископ Егорьевский Марк, «терминологически в православной традиции нет никакого различия в отношении верующего человека к святым иконам и к святым местам»¹⁵⁰.

Особое сакральное пространство Святой Земли у Даниила исходит из Священного Писания и апокрифической, агиографической и прочей христианской литературы, как бы топографически комментирует ее, подкрепляет «вещественно». Это слово в данном контексте более чем уместно, ибо именно так терминологически в святоотеческой литературе нередко называются чудотворящие объекты. Все пространство в хождении Даниила как бы разворачивается от реликвий, которые исторически напоминают о событиях Ветхого и Нового Заветов и отсылают к ним, так же как и последующая христианская история, в том числе история монашеских подвигов (мощи святых и т.д.), демонстрирующая преемственность сакральной традиции. Увиденное во время странствия реальное географическое пространство становится для Даниила особой средой, в которой в зависимости от значимости ветхозаветных и новозаветных святынь в той или иной степени нарушается обычный миропорядок. При этом ветхозаветные события, о которых рассказывает Даниил, как правило, имеют прообразовательное значение (см., например, начало главки «О жертвенице Авраамове» или главку «О купели»), а некоторые герои Ветхого Завета могут иногда даже прямо «войти» в современную христианскую жизнь, впрочем, в соответствии со Священным Писанием и с деталями, заимствованными из апокрифов¹⁵¹. Так, «царь Салима» (территория, традиционно отождествляющаяся с Иерусалимом), «священник Бога Всевышнего» (Быт. 14, 18–19) Мелхиседек, оказывается, «и ныне приходит» в свою пещеру на Фаворской горе,

«часто и литургисает в пещере той святей» (112). По крайней мере, об этом Даниилу поведали «вси вернии, иже ту живут в горе той святее». В своем рассказе «вернии», безусловно, исходили из слов апостола Павла о Мелхиседеке, который не имеет «ни начала дней, ни конца жизни» и, «уподобляясь Сыну Божию, пребывает священником навсегда» (Евр. 7, 3).

Но, конечно, «литературная ткань» средневековых «хождений» состоит не только «из подробного перечня увиденных реликвий, соответствующих рассказов о происходивших там чудотворениях, посвященных им исторических и легендарных историй»¹⁵², хотя они и составляют ее основу. Художественный мир хождений в определенной степени разомкнут и в пространственном, и во временном смыслах. Даниил ничего не сообщает о себе самом, о своей предшествующей жизни (эти частности недостойны упоминания в одном ряду со святынями), но не без гордости называет себя «Русьскыя земли игуменом». Подобное обобщение исходит из жанрообразующего в путешествиях противопоставления / сопоставления своего и чужого миров и становится особенно заметным в произведениях, осознаваемых их авторами как начало новой литературной традиции.

Даниил мог быть на Руси игуменом какого-нибудь черниговского, или воронежского, или любого другого монастыря — в мире своего «хождения» он представляет всю Русь: ставит «свое кандило на Гробе Святемъ от всея Русьскыя земля» (122), «во всех местех святых не забых именъ князь русских и княгинь и детей ихъ, епископъ, игумень, и боляръ, и детей <...> духовных, и всех христианъ николиже не забыл есмь, но во всех святыхъ местехъ поминалъ есмь» (132). Точно так же карамзинский путешественник мог у себя на родине быть москвичом, петербуржцем, жить на Чистых прудах или на Мойке, но стоило ему пересечь государственную границу, как он стал «русским путешественником», адресуя свои письма русскому читателю, как адресует ему же свое «Хождение» и Даниил.

По отношению к путешественнику (в плане его пространственно-временных перемещений) этот адресат выступает как прошлое и как отправной пункт, куда паломник предполагает вернуться (подразумеваемое будущее). Впрочем, для Даниила русский мир постоянно присутствует и в настоящем. Это прежде

всего русские паломники: «Вся дружина, русьстии сынове, приключьшиися тогда во тъ день (в Великую субботу в храме Гроба Господня. – В. Г.) новгородцы и кияне...» (130), которых он вместе с Богом и Святым Гробом Господним призывает в свидетели истинности своего рассказа о «свете небеснем» и его сошествии. Не называя по имени (кроме Балдуина) никого из обитателей Святой Земли (ни духовенство, ни мирян, ни даже «столпника» – «мужа духовна велми», подвизавшегося на Елеонской горе, 48), здесь Даниил предельно конкретен. По крайней мере двух соотечественников он называет (Первая редакция), причем как по родовому, мирскому имени, так и по отчеству, а также прозвищу: «Изяслав Иванович¹⁵³, Городиславъ Михайлович Кашичка». Так же конкретен Даниил и в знаменитом перечислении имен русских князей, которые он записал «в лавре у Святаго Савы» во поминовение их «во октении с женами и детьми их»: в последовательности списка В.Л. Янин, как известно, увидел изображение «в самой концентрированной форме <...> всей системы княжеского старшинства, возникшей в результате активного юридического творчества и по инициативе Владимира Мономаха»¹⁵⁴. При этом Даниил приводит, понятно, уже не только родовое, но и крестильное княжеское имя или же только одно крестильное¹⁵⁵.

Этот свой, русский мир является внутренним и вполне реальным центром «Хожения» (так же как и любого другого путешествия), дающим масштаб для подхода и оценки чужого, незнакомого мира путешествия (различия в природе и т.п.). И Даниил сравнивает Иордан с черниговской или воронежской рекой Сновью («И есть всем подобен Снове реце: в шире, и в глубину, и болонием подобень...», 98), «древо зигия» (20) – с ольхой, древесную смолу, предназначавшуюся для изготовления фимиама (22), – с вишневым клеем, кустарник по берегам Иордана – с вербой (52) и т.п.¹⁵⁶

Д.С. Лихачев настаивал, что «формы художественного пространства в древнерусской литературе... не изменяются по жанрам. Они вообще не принадлежат только литературе и в целом одни и те же в живописи, в зодчестве, в летописи, в житиях, в проповеднической литературе и даже в быту»¹⁵⁷. В сущности, на то же самое указывал и Ю.М. Лотман, подчеркивая необходимость «при анализе специфики пространственного чувства в русской средневековой литературе» привлекать и материал «древнерусской

живописи»¹⁵⁸. При подобном подходе вполне уместной выглядит и аналогия между «хождениями» и «иконами (а также миниатюрами, фресками, предметами шитья и литургической утвари)», проведенная И.А. Шалиной в ее работе «Реликвии в восточно-христианской иконографии». Исследовательница полагает, что «замкнутое и цельное пространство художественного образа иконы также уподоблялось своеобразной модели идеального христианского мира, в создании которого, как и в священной среде города (здесь Царьграда. – В. Г.), важную роль играли изображения святых и окружающих их святилищ»¹⁵⁹.

Не менее, а может быть, и гораздо более важной представляется связь паломнической литературы с богослужебной церковной практикой, литургией. Святая Земля, Иерусалим, так же как и другие святые места (Египет, Синай и т.д.), изначально неотделимы от литургии, составляют с ней органическое единство, которое укреплялось и утверждалось в эпоху Константина Великого строительством на Святой Земле базилик (базилика Вознесения Христова, базилика Гроба Господня, включавшая храм Воскресения, и др.), освящавшихся во имя тех или иных христианских праздников. Тем самым упоминание событий земной жизни Спасителя как бы «удваивалось», по выражению современного исследователя¹⁶⁰. Все это подтверждается свидетельствами первых памятников христианской паломнической литературы: Анонима из Бордо, Эгерии (IV в.)¹⁶¹ и др.

По мнению А.О. Архипова, «паломничество и отражающая его литература находились под влиянием богослужения Иерусалимской церкви (либо прямым, либо определенным устной традицией). Но и понимание литургии, и в особенности храма, его отдельных частей, во многом определялось практикой поклонения святым местам, так как различные части храма считались изображением иерусалимских святынь»¹⁶². Эту точку зрения применительно к «Хожению», по существу, уточняет М. Гардзанити, когда указывает, что повествование игумена Даниила «отражает палестинскую литургическую традицию с некоторыми существенными изменениями, происшедшими после завоевания Палестины крестоносцами»¹⁶³.

Несколько дальше в своих решительных обобщениях идет Л.В. Левшун. Она считает, что паломниками Святая Земля «мыс-

лилась алтарем единого храма (сотворенного Богом мира), в котором постоянно совершалась литургия...». Образное уподобление «страны паломничества» «большому храму с яркими иконами» уже встречалось в литературе о паломничествах (см. выше). Но продолжим цитату из «Истории восточнославянского книжного слова XI–XVII вв.»: «Так что не священнодействия литургии постепенно сменялись, следуя своим порядком перед взором неподвижного богомольца (как в храмовой литургии), а, напротив, паломник перемещался от одного тоposa к другому, постепенно приближаясь к апофеозу Бескровной Жертвы, переживая не воспоминания об известных событиях, но сами эти события, в буквальном смысле прикасаясь к ним через прикосновение к священным объектам...»

По логике исследовательницы, во время литургии переживаются только «воспоминания об известных событиях», а не сами эти события, что совершенно не соответствует смыслу литургии. Но исследовательница уже торопится сделать парадоксальный вывод: «Поэтому хождение, если говорить об идее жанра, – отнюдь не путешествие: ведь невозможно считать путешествием перемещение служителя в алтаре во время священнодействия»¹⁶⁴. Но литургия – это прежде всего главнейшее христианское богослужение, следующее определенным установлениям, строго закрепленным в канонических текстах (в православной церкви существуют три чина – св. Иоанна Златоуста, Василия Великого и литургия Преждеосвященных Даров). К тому же литургия как священнодействие может совершаться только епископом или иереем.

Хождения, безусловно, теснейшим образом связаны с литургией, но не по жанровой форме, не по жанровой «идее» (не по составу «исполнителей»), они никогда не претендовали, да и не могли претендовать на роль священных текстов, а само паломничество – на священнодействие. Это – литературные произведения, рассказывающие о святынях, но им не уподобляющиеся. Они открывают путь к «свидетельствам Бога на Земле», но путь к Богу оставляют за литургией. Цель паломничества можно определить, вслед за свт. Григорием Нисским (IV в.), как «созерцание знаков Божественного человеколюбия» или, теперь уже вслед за прп. Иоанном Дамаскиным (VIII в.), применявшим это определение

к иконам, как созерцание, приобщение к «вместилищам Божественной энергии»¹⁶⁵.

К.-Д. Зеeman полагал, что «хождения» в отличие от проповеднической и агиографической литератур «не обладали какой-либо официальной функцией»¹⁶⁶. Но сами паломники на Руси определенный статус, судя по всему, все-таки имели. Так, исследователи (А.С. Назаренко, М. Гардзанини и др.)¹⁶⁷ обратили внимание на то, что в «Уставе князя Владимира о десятинах, судах и людях церковных», восходящем к домонгольскому времени, паломники отнесены к «людям церковным» т.е. подлежащим церковному суду и опеке, хотя и трактуется не как монашествующие, а как представители низших слоев общества.

По мнению историков, все это свидетельствует о том, что уже в XII в. паломничество стало значительным социальным явлением, охватывающим все средневековое общество: от его верхов до самого низа (понятно, что далеко не всегда паломническая практика получала отражение в литературе). О масштабе явления говорит и тот факт, что оно нашло отклик не только в духовных стихах, но и в былинном эпосе (былина «О сорока каликах со каликою»). Весьма характерны и ограничительные, а порой и прямо запретительные меры, к которым прибегала православная церковь (в отличие от католической того же периода) в стремлении хоть как-то регламентировать, а порой и просто перекрыть «паломнический поток». Впрочем, уже и сам игумен Даниил призывал своих читателей: «Мнози бо, дома суще в местех своих, добрии человеци <...> добрыми своими делы, достигают мест сих святых, иже болшую мзду примут отъ Бога Спаса нашего Исуса Христа» (16). Почти дословно слова игумена были повторены и в официальном решении Константинопольского собора 1276 г., одоббившего действия епископа Сарайского Феогноста, который «воспрещал своим пасомым путешествовать в Иерусалим и повелел делать добро и жить богобоязненно дома»¹⁶⁸.

Очень знаменательна и стремительная внутренняя «реакция» Руси на развитие отечественного паломничества. Так, П.Л. Гусев не без оснований связывал введение в «Житие Иоанна Новгородского» сюжета с «гоголевским» путешествием праведного архипастыря Великого Новгорода на закрещенном бесе, превратившемся в коня и доставившем архипастыря в Иерусалим «во

мгновении ока» (вероятно, сказочный по происхождению мотив), с широкой практикой паломничеств в Палестину во второй половине – конце XII в.¹⁶⁹ Вообще, Иерусалим становится своего рода образцом для подражания. Так, современные искусствоведы (Р.М. Горяев, Н.М. Теребихин, М.П. Кудрявцев и др.) связывают с той же паломнической практикой, точнее, с топографией Иерусалима, описанной в хождениях, градостроительные идеи Древней Руси, в частности принципы «пространственно-мотивационно-временного многомерного построения средневекового города»¹⁷⁰, например – Суздаль, Новгород, Архангельск, Москва и др. Описывая земной, исторический Иерусалим, паломники за этим образом стремились угадать черты Иерусалима Небесного, и неслучайно современная исследовательница видит в «Палестине наших паломников» доказательство существования земного рая «на востоце», ссылаясь при этом на известный спор новгородского архиепископа Василия (Калики) с тверским владыкой Феодором о «земном» и «мысленном» рае¹⁷¹.

Однако постепенно система средневековой сакральной географии начинает разрушаться, и с XV в. происходит соответствующая трансформация жанра хождений. Так, дьякон Троице-Сергиева монастыря Зосима в своем паломничестве (1419–1422) описывает вместе и Царьград, и Палестину (до него о них рассказывалось только порознь), повествует о пути из «стольного града Москвы» через Киев, Белгород и т.д. до Царьграда, вводит рассказ о возвращении из Иерусалима в Царьград и т.д. Во втором «Хождении Варсонофия» в Каир, на Синай и в Палестину (1461–1462) появляются указания на дни прибытия в эти места, повествование приобретает определенно выраженный дневниковый характер. Подобные элементы постепенно закрепляются в жанровой структуре, видоизменяя и реорганизуя ее (например, с XVII в. – у Василия Гагары, Арсения Суханова и др. рассказ о возвращении становится обычным).

Но, пожалуй, самым значительным произведением этого переходного периода было «Хождение за три моря» Афанасия Никитина (1466–1472), целиком посвященное описанию путешествия в переднюю Азию и Индию. Анализ этого произведения убеждает, что автор вполне осознавал нетрадиционность (греховность) маршрута своего путешествия (неслучайно Афанасий Никитин так

и называет свое хождение «грешным хождением»), но вместе с тем такой маршрут был в определенной степени подготовлен в древнерусской литературе: «земной рай», располагавшийся где-то на востоке, из которого «идут» четыре реки – Тигр, Нил, Ефрат (Едем), Фисон; блаженная земля «нагомудрецов-рахманов» (браминов), лежащая у того же Ефрата («Хождение Зосимы к рахманам»), наконец, сказочное царство «поборника по православной вере Христове» «царя и попа» Иоанна, «посереде» коего «идет река Едем из рая» и которое буквально переполнено православными реликвиями («Сказание об Индийском царстве»). Но «литературная» Индия оказалась совсем не похожей на действительную, и характерно, что именно здесь путешествие Афанасия Никитина – «самовидца» необычной, экзотической страны, где «молятся каменным болванам, а Христа не знают», – пробило брешь в замкнутой системе средневековой географии с ее локальной этикой (Ю.М. Лотман). Однако едва ли следует преувеличивать «предвозрожденчество» Афанасия Никитина, как это делает Ю.М. Лотман (иначе «предвозрожденческий» тверской купец окажется приравненным к «предвозрожденческому» Марко Поло, что будет очевидной ошибкой), или настаивать на «перевернутости» «Хожения за три моря» по отношению к предшествующей традиции древнерусской паломнической литературы (Б.А. Успенский)¹⁷².

Мир для Афанасия Никитина, так же как и для неизвестного суздальца, написавшего «Хождение на Ферраро-Флорентийский собор»¹⁷³, еще не перевернулся, хотя во многом и начал терять свою устойчивость. Древнерусская литература путешествий в XV в. стала не «переворачиваться», а скорее разворачиваться во времени-пространстве реального мира, осваивая новые, в том числе считавшиеся прежде «грешными», маршруты, пролежавшие по «поганым», «неверным» землям (и поэтому не включавшиеся в древнерусскую литературу), рассказывать о пройденном по ним пути и т.п. Но все это происходило как бы помимо воли самих авторов-путешественников, оставшихся и в своей православной вере, и в отношении к «поганым» землям типичными средневековыми людьми, остро переживавшими, как, например, Афанасий Никитин, любые попытки «понудить» их в чужую веру («плачь по вере по хрестьянской» является, пожалуй, самой сильной по своей эмоциональной напряженности темой «Хожения за три моря»).

Действительная «перевернутость» начнет проявляться несколько позже и коснется прежде всего «обратной» оценки прежних «поганных», «грешных» земель (в «Казанской истории», «Путешествии М.Г. Мисюря-Мунехина на Восток», в статейных списках русских послов, «отписках» и «скасках» землепроходцев), но особенно заметной станет тогда, когда на смену средневековому типу паломника по святым местам в XVIII–XIX вв. придет получивший широкое распространение в русской литературе (в первую очередь, естественно, в литературе путешествий) тип дворянина, путешествующего по европейским политическим и культурным центрам.

В эту эпоху складывается новая система географических представлений, ценностная ориентация которой выглядит кощунственно «перевернутой» по отношению к национальному Средневековью. Особенно если вспомнить, что сами путешественники нередко называли себя паломниками или поклонниками, а свои поездки в Европу паломничествами, «традиционно» включая в это понятие и поклонение, и благоговение, и возможность увидеть собственными глазами то, о чем с восхищением узнавали еще на родине. Сакральное пространство Царьграда, Иерусалима и Палестины древнерусских хождений заменяется политико-культурным пространством путешествий XVIII–XIX вв. Запад становится для образованной части русского общества «страной святых чудес», по классической стихотворной формуле А.С. Хомякова («Мечта», 1835), и западноевропейская цивилизация приобретает в глазах своих русских поклонников черты светского, секуляризированного «земного рая», причем на роль центра этого «рая» претендует вместо Иерусалима «новый Вавилон» – Париж. Подобный образ начинает складываться уже в путевых записках петровского времени, например в «Архиве, или статейном списке...» А.А. Матвеева, в котором современная исследовательница видит «раннюю русскую утопию нового времени в стадии становления жанра», где «идеально обустроенный социум обеспечивает французская просвещенная абсолютистская государственность»¹⁷⁴. Затем будет критика этого нового «земного рая» в путевых письмах Д.И. Фонвизина, «Зимних заметках о летних впечатлениях» Ф.М. Достоевского и др.¹⁷⁵ Будут порой даже совсем «искусственные» попытки возродить этот планетарный утопический идеал в тех или иных

формах, например в виде Хрустального дворца в Лондоне (1851), в котором размещалась «Великая выставка промышленности всех стран» и который символизировал торжество технологии и обещал человечеству самое «светлое», идеальное будущее; подобные претенциозные утопические проекты живут и сегодня – скажем, «Биосфера» в Оракле (Аризона, США), «Тысячелетний купол» (Лондон) и т.п. Как известно, в четвертом сне Веры Павловны из «Что делать?» Н.Г. Чернышевского именно Хрустальный дворец превратился в образ «смелого, нового мира», и именно это сооружение заставило Достоевского в «Зимних заметках о летних впечатлениях» говорить об огромной и ужасной идее, объединяющей людей в «единое стадо»¹⁷⁶.

Литература путешествий приняла самое активное участие в становлении и развитии русской литературы нового времени, и ее жанровые принципы осваивались как в рамках различных направлений и школ (сентиментализм, романтизм, натурализм и т.п.), так и за пределами собственно литературы (в виде разнообразных записок, дневников, журналов, посвященных описанию путешествий с научными, образовательными и прочими целями). При этом граница между всеми этими разновидностями литературы путешествий оставалась достаточно прозрачной, и можно, например, смело говорить об определенной «художественной» трансформации «ученых» путешествий в русской литературе. Во всяком случае, Н.М. Пржевальский в «комплексно-географических» путешествиях всем сугубо специальным сведениям (дендрологическим, зоологическим и т.п.) отводил особые, справочные страницы, а в основном повествовании образ ученого-естествоиспытателя осложнялся явно литературными чертами героя «имперского романтизма» (М.К. Азадовский). Это был носитель высшей цивилизаторской идеи и поклонник грандиозности мироздания, величественные картины которого порой описывались явно в духе русской «ученой» поэзии XVIII в. (М.В. Ломоносова и др.). «Путешествия» Н.Н. Миклухо-Маклая вполне можно рассматривать на фоне традиции «исповедальной» руссоистской прозы, а в его папуасах легко узнаются прямые литературные потомки «мудрых дикарей» Вольтера и Руссо. Неслучайно Л.Н. Толстой в письме к ученому от 26 сентября 1886 г. говорит о «предлоге

научных исследований» и видит заслугу путешественника в служении «науке о том, как жить людям друг с другом»¹⁷⁷.

Еще более выразительным примером являются «научно-художественные» произведения В.К. Арсеньева. В них, по признанию самого автора во время беседы с М.М. Пришвиным осенью 1928 г., «ради художественной убедительности» нередко «перетасовываются события во времени», меняются хронология и маршруты действительных научных экспедиций, вводятся вымышленные эпизоды, фигура реального проводника-гольда лишается своих типичных отрицательных черт (патологическая лень, пристрастие к опиуму и т.п.) и вырастает в поэтический образ Дерсу Узала, присоединившийся к классической «галерее восточников русской литературы» (М.М. Пришвин) и, благодаря одноименному кинофильму Акиры Курасава (1975), ставший широко известным в мире. Во всех этих путешествиях при желании без труда можно вновь узнать черты поиска «земного рая», идеального (первобытно-идеального) пространства в реальной (современной) земной жизни или хотя бы образа представителя такого «земного рая», существующего в полном согласии с собой и миром¹⁷⁸.

Показательна и судьба традиционного (прежде всего в смысле маршрута) паломнического жанра («хождений»). Он был как будто вытеснен в XVIII–XIX вв. на периферию литературного процесса, в народное чтение и лубочную литературу («Хождение Трифона Коробейникова»), но стал постепенно в него возвращаться в обновленных формах: отрывки из «Пешеходца» В.Г. Григоровича-Барского печатает в «Парнасском щепетильнике» (1770) М.Д. Чулков, «литературные» же паломничества А.Н. Муравьева, А.С. Норова, С.П. Шевырева, П.А. Вяземского, «Воспоминание о поездке на Афон» (1881) Н.Н. Страхова и т.д. (вплоть до Б.К. Зайцева, И.А. Бунина и других писателей-паломников XX в.)¹⁷⁹ нередко становятся крупными событиями литературной жизни.

Но характерно и другое. Многим русским паломникам, занимающим определенное социальное положение, вне зависимости от личных побудительных причин паломничества, давалось, в том или ином виде, и некое официальное (государственное, церковно-государственное и т.д.), более или менее значительное задание. И даже если таковых поручений у него не имелось – все равно на

Ближнем Востоке к нему относились прежде всего как к представителю русского государства. Так было, начиная, пожалуй, с самого первого русского литературного паломника – игумена Даниила. Ведь ничем другим нельзя объяснить тот прием, как сейчас бы сказали, на высшем государственном уровне, который оказал ему король Иерусалимский Балдуин I. Можно спорить о том, какого рода миссия была возложена на русского игумена (шла ли речь о возможном союзе с крестоносцами, или именно здесь, у Гроба Господня, предполагалось разрешить внутривосточные проблемы Руси, внести высший порядок в междоусобицеские отношения и т.д.), но суть дела от этого не меняется. Точно так же знаменитый русский паломник XVI в. Трифон Коробейников входил в состав специального посольства, отправленного царем Иоанном Васильевичем в 1583–1584 гг. в Иерусалим, Египет и на Афон для раздачи милостыни на помин души убиенного царевича Ивана. В 1593 г. Трифон Коробейников возглавил делегацию, отправленную теперь уже царем Феодором Иоанновичем в Царьград, Иерусалим и Антиохию с прямо противоположной целью: раздачи милостыни во здравие только что родившейся царевны Феодосии. Арсений Суханов по указу царя Алексея Михайловича и благословению патриарха Иосифа направлялся в 1649 г. в Иерусалим «для описания святых мест и греческих церковных чинов». Во время паломничества он «выспрашивал» патриарха Александрийского и других греческих иерархов о «неких недоуметельных вещах», касающихся богослужебной практики, составил «чиновник, или тактикон», названный «Како греки церковный чин и пение содержат», трактат «Прение с греками о вере» (изложение церковной дискуссии с Иерусалимским патриархом Паисием, в частности, о перстосложении). Такое задание объяснялось готовящейся церковной реформой в России. В «Проскинитарии» Арсения Суханова просматривается и не столь очевидное: основная часть маршрута его путешествия пролегла по турецким владениям, и паломник подробнейшим образом описал многочисленные турецкие крепости и укрепления с точки зрения их фортификационных преимуществ и недостатков, словом, исполнил роль военного разведчика¹⁸⁰.

С похожей миссией в 1820 г. отправляется в Палестину и Грецию второй советник при русском посольстве в Константи-

нополе Д.В. Дашков. Накануне греческого восстания 1821 г. ему было поручено собрать «обстоятельные сведения» о политической, военной, церковной ситуации, в первую очередь в Иерусалиме, где предполагалось открыть русское консульство, а также как можно более подробно описать Храм Гроба Господня. Для более наглядного выполнения последнего задания дипломату был придан в сопровождение художник, академик живописи М.Н. Воробьев, в обязанность которого «вменялось» «снять под величайшим секретом план храма Воскресения». Литературным итогом поездки стали очерки «Афонская гора. Отрывок из путешествия по Греции в 1820 году» и «Русские поклонники в Иерусалиме. Отрывок из путешествия по Греции и Палестине в 1820 году», напечатанные в популярном альманахе «Северные цветы» (соответственно, за 1825 и 1826 гг.).

«Русские поклонники в Иерусалиме» – превосходный образец путевого очерка, написанного европейски образованным путешественником, или, как сейчас бы сказали, интеллектуалом-энциклопедистом, свободно и к месту цитирующим по ходу дела на языке оригинала или в собственном переводе Вергилия и Мильтона, Петрарку и Шатобриана, Иосифа Флавия и Гиббона. При необходимости Дашков обращался к древнегреческому языку или латыни, к древнейшим итинерариям (например, к «Бордосскому путнику» 333 г.) и проскинитариям (например, к греческому Проскинитария VI в., напечатанному в Вене в 1787 г.) или к новейшей географической литературе (от Ж.Б. Данвиля и К. Риттера до Г. Маундреля и доктора Аврамиотти). При этом он не забывал и об отечественной истории: цитировал ответ царя Иоанна Васильевича иезуиту Поссевино, ссылаясь на русских паломников-богомольцев нового времени, выделяя среди них В.Г. Григоровича-Барского. Небольшой очерк Дашкова насыщен разнообразной (исторической, географической и т.д.) информацией, его текст испещрен многочисленными разноязычными ссылками на первоисточники и специальные исследования. Просвещенный поклонник свободно ориентировался в политической обстановке на Ближнем Востоке, во многосложных взаимоотношениях представителей различных христианских исповеданий в Иерусалиме, трезво оценивал «мнимую терпимость» турецких властей, столкновения с которыми он не избежал и сам во время кровавой расправы

турок над греками в 1821 г. в Константинополе (в числе прочих казнили патриарха Григория), – только вмешательство русского дипломата спасло тогда от гибели десятки греческих семейств.

«Русские поклонники» Д.В. Дашкова стали своеобразной точкой отсчета для «Путешествия ко Святым местам в 1830 году» А.Н. Муравьева. Неслучайно Пушкин сразу же вспомнил, не называя его по имени, «другого русского путешественника», т.е. Дашкова, в начатой, но так и не законченной рецензии на эту книгу¹⁸¹.

По окончании Русско-турецкой войны 1828–1829 гг. (в ней Муравьев участвовал в качестве сотрудника дипломатической канцелярии штаба русской армии), «во время переговоров, среди торжествующего нашего стана, в виду смятенного Константинополя <...> молодой поэт думал о ключах Св. Храма, о Иерусалиме, ныне забытых христианскою Европою. <...> Ему представилась возможность исполнить давнее желание сердца, любимую мечту отрочества» (Пушкин). У Муравьева состоялся разговор на эту тему с главнокомандующим армии победителей И.И. Дибичем. В результате через того (Пушкин в рецензии почему-то называет его генералом, Муравьев в пересказе разговора в «Путешествии» – графом и фельдмаршалом) было получено высочайшее соизволение и средства на путешествие, в которое Муравьев и отправился в декабре 1829 г. через Константинополь, Александрию, Каир и т.д.

По точному замечанию современного исследователя, именно «на Востоке Муравьев обрел подлинное свое призвание, нашел для себя благодатную творческую нишу – рыцарь и певец Святой Земли»¹⁸². Следует заметить, что это был преимущественно Восток, по-прежнему находившийся под властью Высокой Порты. Но «никогда дотоле имя наше не было в такой силе и славе на Востоке», – подчеркивает Муравьев и добавляет, что даже «Царьград в 1830 году имел вид только южной столицы России»: «казалось, <...> во дворце посольства русского решались судьбы империи Оттоманской»¹⁸³. К этому же ощущению, не без вполне понятного удовлетворения Муравьев постоянно возвращается и на Святой Земле, в Иерусалиме. Русскому паломнику, безусловно, было приятно осознавать себя представителем столь могущественной державы, и он с удовольствием рассказывает о своих взаимоотношениях с турецкими властями.

«Я не искатель древностей и не с такой целью предпринял странствие, – замечает автор “Путешествия ко Святым местам” и добавляет: – Но я не умолчу о тех впечатлениях, которые произвели на мое сердце знаменитые развалины....» Далее следует уместное обобщение: «У каждого свои чувства, свой образ мыслей, и потому может встретиться что-нибудь новое и интересное в их излиянии при зрелище памятников великих, от времени до времени посещаемых любопытными разного племени и века»¹⁸⁴.

И его книга действительно является в первую очередь путевыми впечатлениями человека со своими стереотипами восприятия (прежде всего романтического), критериями и оценками происходящего, которые он готов навязывать окружающим, порой не считаясь с реальным положением дел. «Излияния» возвышенных чувств занимают в «Путешествии» Муравьева весьма заметное место, и часто за усложненными перифразами, риторическими восклицаниями, расхожей романтической образностью современному читателю трудно увидеть искреннюю религиозность – а она здесь, безусловно, присутствует, но сильно «затуманенная» литературными претензиями молодого автора. У него свои, вполне сформировавшиеся вкусы и пристрастия, касающиеся сферы изящного, и путешественник говорит о «тяжком зодчестве» византийцев, а в связи со Святой Софией вспоминает и «мрак наших древних, тяжелых соборов». И тут же не может удержаться от восклицания: «Неужели зодчество византийцев <...> не могло ничего воздвигнуть для жилища вельмож, кроме безобразных домов, которыми наполнен Константинополь, когда в то же время Запад славился своими замками и дворцами?» Так же он судит о напевах в греческой церкви, которые составляют «один из чувствительных ее недостатков», и досадует, что «жители Востока совершенно не постигают гармонии нашей, по образованию ли своего уха, или по невежеству». Достается от него и самим священнослужителям, привыкшим «более видеть в церкви дом свой, нежели храм», и т.д. и т.п.

Нередко паломника охватывает разочарование: высокие, поэтические представления о том или ином знаменитом месте вблизи разбиваются о суровую действительность. Так было в Галате, Царьграде: «Хотите еще более разочарования? – на быстром челноке переплывите в самый Царьград, о котором столько гласит

молва, и что же первое вам представится? – смрадные неправильные переулки...» и т.д.

И вольно было Пушкину в рецензии представлять автора «Путешествия» «смирненным христианином, <...> простодушным крестоносцем, жаждущим повергнуться во прах пред гробом Христа Спасителя». Именно у Гроба Господня в Великую пятницу Муравьев, не задумываясь, зовет турецкую стражу, чтобы водворить спокойствие в толпе «шумных поклонников веры православной, но состоявшей большею частью из полудиких арабов». На следующий день, в Великую субботу «смирненный христианин» схватил одного из своих единоверцев-арабов и «хотел повлечь на суд мусселима; стражи, увидя меня посреди буйной толпы, поспешили ко мне на помощь и снова водворили порядок». Но было поздно: русский паломник «решился в самый великий день Страстной недели оставить Храм, ибо не мог быть равнодушным»: в очередной раз «разочарованный в самых сладких и высоких впечатлениях души», он «с разбитым сердцем исторгся из воскресного Храма Христова, где уже не было более места для христианина»¹⁸⁵.

«Путешествие ко Святым местам в 1830 году» (СПб., 1832) А.Н. Муравьева имело оглушительный успех и было сразу же переиздано в 1833 и 1835 гг., а затем в 1840 и 1848 гг.¹⁸⁶ Критика восторженно приветствовала появление «русского Шатобриана» (автора знаменитого «Путешествия из Парижа в Иерусалим <...> и обратно из Иерусалима в Париж», 1811). Некоторые отзывы замечательны по тем представлениям о литературе, посвященной религиозной проблематике, которые сложились в русском (светском) обществе. Например, критику «Отечественных записок» язык «Путешествия» «мог бы показаться изысканным и напыщенным, если бы он выражал собой предмет обыкновенный, житейский или выходящий из сферы религиозной». А вот у Муравьева «язык в высшей степени приличный своему предмету».

Сам Муравьев, все более осознавая значительность такого успеха не только для себя как современного автора, но и для будущего развития отечественной словесности, торопится «закрепить» свое произведение в определенной литературной и культурной традиции. Так, в третьем издании «Путешествия» в качестве вступительной статьи появляется обстоятельный «Обзор русских

путешествий в Святую Землю». Он включает рассмотрение полутора десятков памятников русской паломнической литературы (XII–XIX вв.), от «Хождения» игумена Даниила до «Русских поклонников» Д.В. Дашкова. Кстати сказать, первым, кто опубликовал «Хождение» игумена Даниила, был, судя по всему, Н.М. Карамзин. В примечаниях к т. II, главе VI «Истории Государства Российского» он его отчасти пересказал, отчасти привел обширные выдержки: о короле «Балдвине», о чуде сошествия Св. Огня в Великую субботу и др. Древнерусские хождения Муравьев также цитирует и пересказывает либо по немногочисленным в то время публикациям, либо по рукописям. Это, так сказать, православная опора «Путешествия». В приложении к этому же изданию книги, автор которой, как известно, и сам был посвящен в рыцари Св. Гроба, помещаются две статьи: «Орден рыцарей Святого Гроба» и «О обрядах, с какими посвящают рыцаря Святого Гроба, когда он лично присутствует». Это, соответственно, католическая опора «простодушного крестоносца».

Но как бы то ни было, правда состоит в том, что «Путешествие» действительно «есть одна из тех книг, которые делают переворот в литературе и начинают собою ее новую, живую эпоху». Муравьев на склоне лет, уже будучи автором огромного количества книг «церковного содержания», так определил свои творческие заслуги: «Я, можно сказать, создал церковную литературу нашу, потому что первый облек в доступные для светских людей формы все самые щекотливые предметы богословские...» Или, по более емкой характеристике А.С. Стурдзы, призвание Муравьева заключалось в том, «чтобы сблизить и сроднить на Руси изящную словесность с духовною»¹⁸⁷. Но, оставляя в стороне споры о том, что принесло русской литературе и православной церкви муравьевское «церковно-беллетристическое» (Н.А. Хохлова)¹⁸⁸ направление, вспомним о трагических неудачах на, казалось бы, том же самом пути, постигшие писателей, гораздо более значительных, чем автор «Путешествия ко Святым местам», например Гоголя с его «Выбранными местами из переписки с друзьями»¹⁸⁹.

В этом же ряду находится и один из самых значительных памятников паломнического жанра в русской литературе XIX в. – «Сказание о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Святой Земле постриженника Святой Горы Афонской

инока Парфения» (1855). Именно в «Сказании» инока Парфения многие выдающиеся современники, писатели и критики как раз и увидели произведение, осуществившее на деле тот синтез двух великих литературных и духовных традиций, к которому так стремился Гоголь¹⁹⁰.

¹ Назаренко А.В. У истоков русского паломничества (исторические, богословские, дисциплинарные и правовые аспекты) // Назаренко А.В. Древняя Русь и славяне. М., 2009. С. 284.

² А.В. Назаренко приводит из «Церковной истории» Евсевия Памфила два примера еще более ранних паломничеств на Святую Землю. Это «археографическая экспедиция» сардского епископа Мелитона второй половины II в. и паломничество епископа, впоследствии иерусалимского патриарха Александра, совершенное в начале III в. См. об этом: Назаренко А.В. У истоков русского паломничества... С. 292–293.

³ О визите кн. Ольги в Константинополь и ее крещении см. подр.: Карпов А.Ю. Княгиня Ольга. М., 2012. С. 147–215.

⁴ См. об этом: Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях. Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII вв. М., 2001. С. 632.

⁵ См.: Там же. С. 33–634.

⁶ См.: Назаренко А.В. У истоков русского паломничества... С. 285.

⁷ См.: Назаренко А.В. Русские княгини в Иерусалиме XI–XII вв. // Императорское православное палестинское общество. К 130-летию со дня основания. Международная научная конференция. М., 2012. С. 88–98.

⁸ Назаренко А.В. Русь и Святая Земля в эпоху крестовых походов // Богословские труды. Сб. 35. М., 1999. С. 179. Со ссылкой на исследование: Айналов Д.В. Некоторые данные русских летописей о Палестине // Сообщения Императорского православного палестинского общества. 1906. Т. 17. Вып. 3. С. 333–352. Ср.: Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях... С. 617–619. Ср. также: Назаренко А.В. Русские княгини в Иерусалиме XI–XII вв. С. 87–88.

⁹ Мусин Александр, диакон. Археология древнерусского паломничества в Святую Землю в XII–XV веках // Богословские труды. Сб. 35. М., 1999. С. 94.

¹⁰ Нельзя не согласиться с А.В. Назаренко, что «страньницы <...> яко от святых мест есмь», к которым вознамерился присоединиться преподобный Феодосий, – это не русские паломницы (паломники), как нередко считают, а, наоборот, выходцы со Святой Земли, уже собравшиеся «вспять ити». Впрочем, также трактовал этот эпизод еще митрополит Макарий. См.: Макарий (Булгаков), митр. Московский и Коломенский. История русской церкви. Кн. вторая. Т. 2. М., 1995. С. 148. Убедительными нам кажутся и хронологи-

- ческие выкладки А.В. Назаренко: «По внутренней хронологии *Жития* эти события приходится приблизительно на 30–40-е годы XI века». См.: Назаренко А.В. Русь и Святая Земля в эпоху крестовых походов. С. 120. Ср.: Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях... С. 619.
- 11 Стурлусон Снорри. Круг земной. М., 1995. С. 485.
- 12 Мусин Александр, диакон. Археология древнерусского паломничества в Святую Землю... С. 93.
- 13 См.: Путешествие Зевульфа в Святую Землю 1102–1103 гг. // ППС. Вып. 3. СПб., 1883. С. 267.
- 14 Все цитаты (в упрощенной орфографии) из Первой редакции «Жития и хождения Данила, Русьския земли игумена» даются по изд.: «Хождение» игумена Даниила в Святую Землю в начале XII в. СПб., 2007. С. 15–135. Цифры в скобках в тексте означают номер страницы.
- 15 См.: Стурлусон Снорри. Круг земной. С. 481–485. См. также: Blöndal S. The Varangians of Byzantium: An aspect of Byzantine Military history / Transl., revised and rewritten by B. Benedikz. N.-Y., 1978 (по именному указ.); Луговой О.М. Крестоносцы-наемники в Византии // deusvult.ru
- 16 См., напр., об этом: Джаксон Т.Н. К вопросу о древнескандинавской системе ориентации // Средние века. 1997. Т. 60; Джаксон Т.Н. Путь как способ освоения пространства («Пути» в картине мира древних скандинавов) // Восточная Европа в древности и Средневековье. XVIII Чтения памяти В.Т. Пашуто. Восприятие, моделирование и описание пространства в античной и средневековой литературе. М., 2006.
- 17 См. об этом: Джаксон Т.Н. Гидрография Восточной Европы в древнескандинавских источниках // Джаксон Т.Н., Калинина Т.М., Коновалова И.Г., Подосинов А.В. «Русская река». Речные пути Восточной Европы в античной и средневековой географии. М., 2007. С. 343–344 (очерк 5. Из Рима в Иерусалим с остановкой в Ладогe).
- 18 Возможно, Сигурд Крестоносец и сам был поэтом. Скальдическая традиция приписывает ему по меньшей мере одну «отдельную вису». См.: Поэзия скальдов. Л., 1979. С. 72. Историческую драму-сагу посвятил Сигурду Б.М. Бьерсон, а Э. Григ – оркестровую сюиту (1872).
- 19 Даниил «трижды быти на святемь Иордане» (52).
- 20 См.: Пашуто В.Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 131, 132–133, 141–142. Ср.: Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях... С. 640–648.
- 21 Васильевский В.Г. Труды. Т. I. СПб., 1908. С. 240. В.Г. Васильевский цитирует эпизод с подковой по изд.: Antiquités russes d'après les monuments historiques des Islandais et des ansiens Scandinaves / Ed. C. Rafn. Copenhagen, 1850–1852. Т. I. P. 385. В основу русского пер. в серии «Литературные памятники»: Стурлусон Снорри. Круг земной. М., 1995 положено изд.: Snorri Sturluson. Heimskringla. Bjarni Aðalbjarnarson gaf út, Reykjavík, 1941–1951 («Íslenzk fornrit», 26–28). Здесь этот эпизод отсутствует.

- ²² Данилевский И.Н., Турилов А.А. Даниил // ПЭ.Т. XIV, «Да-Ди». М., 2006. С. 80.
- ²³ См.: Пацуто В.Т. Внешняя политика Древней Руси. С. 146. См. также: Джаксон Т.Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе (середина XI – середина XIII в.: Тексты, перевод, комментарий). М., 2000. С. 178. Комментарий. 10.
- ²⁴ Интересно, что «золотые кольца» (как символ щедрости конунга) стали своего рода постоянным атрибутом Сигурда Крестоносца. Так, скальд и священник Эйнар Скулусон завершит одну из первых христианских драм, поэму «Луч» (Geisli, 1153 г.), таким пассажем: «Эти стихи были бы щедро вознаграждены золотыми кольцами, если бы был жив Сигурд Старший». См. об этом: Гуревич Е.А., Матюшина И.Г. Поэзия скальдов. М., 2000. С. 250.
- ²⁵ См.: Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Панегирические формулы щедрости правителя на пути из варяг в греки // Древнейшие государства Восточной Европы. 2006 г. Пространство и время в средневековых текстах. М., 2010. С. 181–184.
- ²⁶ См.: Мусин Александр, диакон. Археология древнерусского паломничества в Святую Землю... С. 96.
- ²⁷ См.: Назаренко А.В. Крест «Иерусалимский»? «Новгородский»? «Хильдесхаймский»? К истории одной древнерусской паломнической реликвии // Православный паломник. № 6 (13). 2003.
- ²⁸ Любопытные факты о контактах с Римом древнерусских князей, в том числе князя-инока Киево-Печерской лавры Николая-Святоши, приводит в своей работе А.В. Назаренко. См.: Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях... С. 642.
- ²⁹ Назаренко А.В. У истоков русского паломничества... С. 287.
- ³⁰ См. об этом: Макарий (Булгаков), митр. Московский и Коломенский. История русской церкви. Кн. вторая. Т. 3. С. 407.
- ³¹ Добиаш-Рожdestвенская. Эпоха крестовых походов. Запад в крестоносном движении. Общий очерк. 3-е изд. М., 2010. С. 2.
- ³² Типология итинерариев и записок путешественников предложена в кн.: Richard J. Les Récits de Voyages et de Pèlerinages. Turnhout, 1981.
- ³³ См.: Бордосский путник // ППС. Т. I. Вып. 2. СПб., 1882. С. 29–30.
- ³⁴ См.: Паломничество по Святым местам конца IV века // ППС. Т. VII. Вып. 20. СПб., 1889. С. 110, V, 108.
- ³⁵ См.: Аркульфа рассказ о Святых местах, записанный Адамненом ок. 670 г. // ППС. Т. XVII. Вып. 1 (49). СПб., 1898.
- ³⁶ См.: Vita Willibaldi episcopi Eichstetensis // Bauch A. Quellen zur Geschichte der Diözese Eichstätt. Regensburg, 1984. S. 13–122. См. также: Palestine Pilgrims.Text Society. The Hodoeporicon of Saint Willibald. Trans. by Rev. Canon Brownlow. London, 1891.
- ³⁷ См.: Itinera Hierosolymitana edd. T. Tobler et Ang. Molinier. Genevae. 1879. I. См. также англ. перевод: Jerusalem Pilgrims before Crusades. Trans. J. Wilkinson. Warminster, 1977. На русский язык итинерарий Бернарда пере-

- веден лишь фрагментарно. Рассказ о сошествии Благодатного Огня в Великую субботу (Бернард оставил первое по времени описание этого чуда) вошел в антологию: Святой Огонь, исходящий от Гроба Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа в день Великой субботы в Иерусалиме, по сказаниям древних и новых путешественников. М., 1887 и в кн.: *Дмитриевский А.А.* Благодать святого Огня на Живоносном Гробе Господнем в Великую субботу. СПб., 1908.
- 38 Из обширной литературы, посвященной западным средневековым паломничествам, ограничимся ссылкой на работы отечественных исследователей. См.: *Горелов Н.С.* На пороге царствия небесного // Царствие небесное. Легенды крестоносцев XII–XIV вв. СПб., 2006. С. 7–8. См. также: *Добиаш-Рождественская О.А.* Западные паломничества в Средние века. Пг., 1924. Большинство итинерариев пилигримов этой эпохи не являются авторскими произведениями в собственном смысле слова, а дошли до нас в записи современников: для Эгрии таким посредником стал бл. Иероним, рассказ епископа Аркульфа о паломничестве записал св. Адамнен, св. Виллибальд поведал о своем паломничестве родственнице (племяннице), монахине из Хайденхайма Хигебург. Исключение составляют только Антонин из Пьяченцы и монах Бернард, собственноручно записавшие свои путевые впечатления.
- 39 *Бородин О.Р.* Развитие географической мысли // Культура Византии IV – первая половина VII в. М., 1984. С. 459.
- 40 *Бородин О.Р.* Развитие географической мысли... С. 460.
- 41 *Бородин О.Р.* Географические знания // Культура Византии второй половины VII – XII в. М., 1989. С. 357.
- 42 См.: Повесть Епифания о Иерусалиме и сущих в нем мест // ППС. Т. IV. Вып. 2 (11). СПб., 1888.
- 43 Там же. С. XV.
- 44 *Schneider A.M.* Das Itinerarium des Epiphanius Hagiopolita // Zeitschrift des Deutschen Palästina-Vereins. Leipzig, 1940. Bd. 63. H. 1–2. S. 143–155. Ср.: *Donner H.* Die Palästinabeschreibung des Epiphanius Monachus Hagiopolita // Zeitschrift des Deutschen Palästina-Vereins. Leipzig, 1971. Bd. 87. S. 49–91.
- 45 Повесть Епифания о Иерусалиме... С. 20. Вот как выглядит этот пассаж в переводе на русский язык, сделанном с основного греческого списка (Ватиканского) XIV в.: «Я написал всю истину, как я (сам) обходил и видел собственными глазами; иначе же рассказывающий себя обманывает, не разумея истины» (Там же. С. 31). Вообще, вопрос о недостоверности, лживости сведений, распространяемых паломниками, оставался, судя по всему, актуальным во все времена. Об этом могут свидетельствовать, например, «Вопросы» сарайского епископа Феогноста константинопольскому собору 1276 г., вошедшие в «Кормчую книгу»: «А что ходять в Иерусалим к святым, вельми аз сего браню <...> не то еще но и прилыгати начнетъ и поведывати на иных странах бывшая» (*Бенешевич В.Н.* Древнеславянская кормчая XIV титулов без толкований. Т. 2. София, 1987. С. 116). Характерно в этом смысле отно-

шение к «Хожению» Даниила. С одной стороны, авторитетность произведения «смиренного и трудолюбующего и снискающего игумена» для древнерусской книжности как будто не вызывает сомнений и как бы подчеркивается «агиографическим» названием ряда его списков, в том числе Первой редакции – «Житье и хоженъе Даниила, Русьскыя земли игумена». С другой – в XV–XVI вв. «Хожение» попадало в списки «ложных книг», точнее, тех, которые могут читаться только под руководством сведущих людей (см.: *Пыпин А.Н.* Для объяснения статьи о ложных книгах // *Летопись занятий Археографической комиссии.* 1862. Т. 1 (1861). С. 1–55, особ. 37, 48 (изд. текстов)).

46 Повесть Епифания о Иерусалиме... С. 18.

47 Даниил цитирует в качестве пророческих слова Иисуса Христа, относящиеся к Капернауму Тивериадскому (Мф 11, 23; Лк 10, 15), но не к одноименному городу на побережье Средиземного моря, опустошенному крестоносцами.

48 См. об этом: *Alphandéry P., Dupront A.* La Chrétienté et l'idée de Croisade. Paris, 1995. P. 34–42; *Rubenstein J.* Armies of Heaven. The First Crusade and the Quest for Apocalypse. New-York, 2011. P. 24–28.

49 См.: *Bulst-Thiele M.L.* Die Mosaiken der Auferstehungskirche in Jerusalem // *Frühmittelalterliche Studien.* 1979. N 13. P. 451; *Borg A.* The lost apse mosaic of the Holy Sepulchre, Jerusalem // *The vanishing past: Studies of medieval art, liturgy and metrology presented to Christopher Hohler.* Oxford. 1981. P. 7–12. На с. 262 исследования А. Борг приводит и в разной степени подробные описания этого произведения византийского искусства у западных паломников: Иоанна Вюрцбургского (ок. 1165 г.), Теодориха (ок. 1172 г.) и Франческо Кварезмия (1625).

50 См.: ППС. Т. XVI. Вып. 1 (46). СПб., 1896. С. I.

51 *Данилов В.В.* О жанровых особенностях древнерусских «хождений» // *ТОДРЛ.* XVIII. М.–Л., 1962. С. 22.

52 Там же. С. 24.

53 См.: ППС. Т. VIII. Вып. 2 (23). СПб., 1889. С. VII.

54 *Бородин О.Р.* Географические знания. С. 356.

55 Там же. С. 358.

56 Напомним: в «Государстве» Сократ развивает мысль о том, что поэзия (литература) имеет дело с видимостями, подражаниями, а не с подлинниками (сущностями, идеями), «стоит на третьем месте от царя и от истины» (т.е. от демиурга). Поэтические «вещи втрое отстоят от подлинного бытия и легко выполнимы для того, кто не знает истины, ведь тут творят призраки, а не подлинно сущее». См.: *Платон.* Собр. соч. в 4 т. М., 1994. Т. 3. С. 389–390.

57 Иоанна Фоки сказание вкратце о городах и странах от Антиохии до Иерусалима, также Сирии, Финикии и о святых местах в Палестине // ППС. Т. VIII. Вып. 2 (23). С. 30.

58 Как известно, «Книга Паломник» Антония Новгородского (1200) – это последнее паломническое описание Царьграда перед захватом и разорением столицы Византийской империи крестоносцами в 1204 г. Вместе с тем в не-

которых из девяти известных на сегодняшний день списках хождения (Вторая редакция) содержатся дополнения («приписка»), рассказывающие о разграблении в городе после латинского завоевания. Большинство исследователей (П.И. Савvaitов, Н.П. Кондаков, Хр.М. Лопарев и др.) полагают, что дополнения были сделаны самим Добрыней Ядрейковичем. Это мнение О.А. Белоброва считает «недоказательным» и указывает: «...дополнения о разграблении латинянами византийской столицы, о крещении княгини Ольги и другие могли принадлежать редактору или переписчику “Книги Паломник”» (см.: *Белоброва О.А.* «Книга Паломник» Антония Новгородского (К изучению текста) // ТОДРЛ. Т. XXIX. Л., 1974. С. 179). В таком случае получается, что Добрыня Ядрейкович побывал в Константинополе только однажды – в 1200 г. В принципе так считал и П.И. Савvaitов, который, однако, относил дату отъезда паломника из Царьграда к 1204 г., а Муралт, на которого ссылается Хр.М. Лопарев, – даже к 1211 г. Н.П. Кондаков допускал, что Добрыня провел в Царьграде не менее года (см.: ППС. Т. 17. Вып. 51 (3). С. 1). Другие исследователи (напр., А.В. Назаренко – см.: *Назаренко А.В.* Антоний // ПЭ. Т. II. М., 2001. С. 600) предполагают, что Антоний побывал в Царьграде «дважды (в 1200 и накануне 1208/9)». Странную непоследовательность в этом вопросе демонстрирует А.В. Майоров: на с. 217 своего фундаментального труда «Русь, Византия и Западная Европа» (СПб., 2011) он говорит об «одном (курсив наш. – В. Г.) из посещений столицы Византии» Добрыней (чуть дальше – о «первом» посещении паломником Царьграда в 1200 г.), а на с. 613 г. утверждает: «Какие-то причины заставили Добрыню-Антония на несколько лет продлить свое пребывание в Константинополе и отказаться от конечной цели паломничества – посещения Святой Земли». Откуда исследователю стало известно о «конечной цели паломничества» Добрыни Ядрейковича, не уточняется. Тут же А.В. Майоров безосновательно приписывает Н.П. Кондакову мнение, что Добрыне могло понадобиться на «осуществление описанного им маршрута... не более нескольких недель или даже дней, тогда как наш паломник пребывал в Константинополе вплоть до 1204 г.». Ни о чем подобном на страницах своего труда, в том числе на тех, на которые ссылается А.В. Майоров, Н.П. Кондаков не говорит, а лишь замечает: «Долго ли Антоний пробыл в Царьграде из книги его не видно, но во всяком случае это было пребывание наиболее продолжительное между посещениями других паломников...» И чуть дальше добавляет: «...это посещение продолжалось более года» (см.: *Кондаков Н.П.* Византийские церкви и памятники Константинополя. М., 2006. С. 84). Добавим, что А.В. Майоров достаточно аргументированно, на наш взгляд, полагает «наиболее вероятным» автором «Повести о взятии Царьграда фрягами» именно Добрыню Ядрейковича (С. 635–643).

⁵⁹ Данилов В.В. О жанровых особенностях древнерусских «хождений». С. 24–25.

⁶⁰ Хождение в Царьград Добрыни Ядрейковича // Малето Е.И. Антология хождений русских путешественников XII–XV вв. М., 2005. С. 224.

- ⁶¹ О нем см. у Хр.М. Лопарева. – ППС. Т. 17. Вып. 51 (3). С. СХІХ–СХХ. См. также: *Карпов А.Ю.* Княгиня Ольга. М., 2012. С. 213.
- ⁶² Хожение в Царьград Добрыни Ядрейковича. С. 221, 225, 232.
- ⁶³ Там же. С. 233. Речь идет о дочери великого князя киевского Мстислава Великого (1076–1132), жене Брячислава Давыдовича, князя полоцкого. Предполагается, что последний был сослан в 1130 г. вместе с другими полоцкими князьями своим тестем Мстиславом в Константинополь, куда за ним последовала и жена. По словам Хр.М. Лопарева, она «ехала не к чужим людям»: В византийской столице ее ждала встреча с родной сестрой, которая была замужем за императором Иоанном II Комниным, и другими высокопоставленными родственниками. См.: ППС. Т. 17. Вып. 51 (3). С. СХХV–СХХVI. См. также: Полоцкие князья // *Русский биографический словарь*. Т. «Плавильщиков – Примо». СПб., 1905. С. 386.
- ⁶⁴ Сказание мест святых во Царьграде Антония, архиепископа Новгородского в 1200 г. // ППС. Т. 17. Вып. 51 (3). СПб., 1899. С. 30. Хр.М. Лопарев отождествил Бориса с полоцким князем Давидом (Борисом-Давидом) Всеславичем, также сосланным Мстиславом Великим в Константинополь, но сам же назвал такое отождествление «смелой гипотезой» (см.: ППС. Т. 17. Вып. 51 (3). С. СХХIV–СХХV).
- ⁶⁵ Там же. С. 225. Речь идет о посольстве волынского князя Романа к императору Ангелу Комнину III, вызванному обсуждением вопроса о совместных антиполовецких действиях.
- ⁶⁶ См.: *Айналов Д.В.* Примечания к тексту книги «Паломник» Антония Новгородского // ЖМНП, 1906. Июнь. С. 234–236.
- ⁶⁷ См.: *Гордиенко Э.А.* Варлаам Хутынский и архиепископ Антоний в житиях и мистериях XII–XVI вв. СПб., 2010. С. 37.
- ⁶⁸ О них см.: *Бородин О.Р.* Географические знания. С. 352–353. Отметим, что первый римский путеводитель появился в 1140 г., путеводитель по Парижу Гвидо де Базош – около 1160 г.
- ⁶⁹ См.: *Кондаков Н.П.* Византийские церкви и памятники Константинополя. С. 89.
- ⁷⁰ О том, что «наши паломники» (в том числе Антоний) были руководимы, «очевидно, греками-гидами», писал еще тот же Н.П. Кондаков (Там же. С. 98). После него о «рассказах греческих проводников» постоянно упоминал Хр.М. Лопарев (см.: ППС. Т. 17. Вып. 51 (3). СПб., 1899. С. XXV, XXXII и др.), который даже подчеркивал, что «Антоний во многих случаях руководился показаниями греческих проводников, заносил в свою книгу не только то, что он видел лично, но и то, о чем он только слышал». О «византийском гиде» Добрыни Ядрейковича, «несколько спрямившем историю» при рассказе о гробнице мучеников Карпа и Папила в константинопольском мартирии (он приписал его строительство Константину Великому, тогда как, «согласно господствовавшей легенде», тот был построен его матерью, императрицей Еленой по образцу храма Гроба Господня), пишет и современный византи-

- нист. См.: *Иванов С.А.* В поисках Константинополя. Путеводитель по византийскому Стамбулу и окрестностям. М., 2011. С. 392.
- 71 *Кондаков Н.П.* Византийские церкви... С. 97.
- 72 См.: *Савваитов П.И.* Путешествие Новгородского архиепископа Антония в Царьград в конце XII столетия. СПб., 1872.
- 73 *Кондаков Н.П.* Византийские церкви... С. 99.
- 74 Там же. С. 122. Замечания и поправки Хр.М. Лопарева к топографии Константинополя у Антония Новгородского и ее интерпретации у Н.П. Кондакова см.: ППС. Т. 17. Вып. 51 (3). С. XXVIII–LXIV.
- 75 Речь идет о византийском императоре Алексее III Ангеле (ок. 1153–1211).
- 76 Имеется в виду патриарх Иоанн Каматир (1198–1206).
- 77 «В 1200 году Пасха праздновалась 9 апреля, – отмечает Хр.М. Лопарев, – 21 мая действительно приходилось на воскресенье (день недельный), тогда (7-е воскресенье по Пасхе) праздновался и собор 318 отцев Первого Вселенского собора» (см.: ППС. Т. 17. Вып. 51 (3). С. CXXVI). «Полный месяцеслов Востока» архиепископа Сергия (Спасского) (М., 1997. Т. II. С. 151–152; Т. III. С. 190–191) относит память Первого Вселенского (Никейского) собора 325 г., в котором участвовали император Константин и 318 епископов, среди которых были свт. Николай Чудотворец, свт. Спиридон Тримифунтский и др. святые отцы, не к 21, а к 29 мая, когда память и отмечается по сию пору. День памяти св. равноапостольного царя Константина и матери его Елены отмечается 21 мая.
- 78 Хожение в Царьград Добрыни Ядрейковича... С. 225.
- 79 См.: *Медынцева А.А.* Древнейшие надписи новгородского Софийского собора XI–XIV вв. М., 1978. С. 56–57. Т.Ю. Царевская со ссылкой на Софийскую первую летопись указывает: «Как известно, дата закладки Софийского собора... связана с днем Воздвиженья Креста – 14 сентября» (*Царевская Т.Ю.* О царьградских реликвиях Антония Новгородского // Восточнохристианские реликвии. М., 2003. С. 406). Однако в летописи в данном месте говорится о другом событии: «В лето 6558. Священа бысть святая Софеа в Новегороди на Въздвигения честнаго креста повелением князя Ярослава...» (ПСРЛ. Т. V. СПб., 1853. С. 130). Впрочем, в дальнейшем исследовательница говорит только об освящении храма.
- 80 См.: Повесть о Царьграде (его основании и взятии турками в 1453 году) Нестора Искандера XV века. СПб., 1886. С. 23–24.
- 81 Эти «константинопольские» даты сближал уже Хр.М. Лопарев, причем не в «радужном» (как Добрыня Ядрейкович в «Книге Паломник», говоря о чуде 1200 г.), а в мрачном истолковании: «Огонь временно подымался кверху и снова опустился на землю: это означало занятие Цареграда неприятелями, но только временное; напротив, по чуду 21 мая 1453 года, огонь из Св. Софии совсем ушел в небо, и это означало уже окончательное завоевание» (см.: ППС. Т. 17. Вып. 51 (3). С. LXXVIII).
- 82 См.: Ипатьевская летопись. ПСРЛ. Т. 2. М., 1998. Стлб. 64; см. также: Успенский сборник XII–XIII вв. М., 1971. С. 359.

- 83 Хождение в Царьград Добрыни Ядрейковича... С. 223.
- 84 Там же. С. 225.
- 85 Там же. С. 232, 231.
- 86 Там же. С. 221.
- 87 Там же. С. 229.
- 88 Там же. С. 222.
- 89 Там же. С. 232.
- 90 Там же. С. 224. Г. Подскальски полагает, что «Антоний, очевидно, позаимствовал эту эсхатологическую идею из рассказов византийских гидов». См.: *Подскальски Герхард*. Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237). СПб., 1996. С. 327–328. Примеч. 863 (здесь же приведена литература вопроса).
- 91 Хождение в Царьград Добрыни Ядрейковича... С. 234.
- 92 Еще Л.П. Бельский писал, что Добрыня был отправлен в Константинополь для приобретения святынь и ознакомления с греческим богослужением. См.: *Бельский Л.П.* Антоний, архиепископ Новгородский, и его путешествие в Царьград. Из истории паломничеств русских. СПб., 1890. С. 19.
- 93 Сказание мест святых во Царьграде Антония, архиепископа Новгородского в 1200 г. С. 33.
- 94 См.: Там же. С. 22.
- 95 См.: Там же. С. 25. См. также: *Каргер М.К.* Новгород. М., 1970. С. 13–14, 105.
- 96 *Царевская Т.Ю.* О царьградских реликвиях Антония Новгородского // *Востоčnoхристианские реликвии*. М., 2003. С. 399. Здесь же о «части Животворящих древ Креста Господня» и других реликвиях, приобретенных Антонием в Константинополе.
- 97 *Бородин О.Р.* Развитие географии в поздней Византии // *Культура Византии XIII – первая половина XV в.* М., 1991. С. 393.
- 98 Там же. Со ссылкой на изд.: *Bdinski sbornik. An Old Slavonic Menologium of Women Saints* (Gent University Library. Ms. 408 A.D. 1360) / Ed. J.L. Scharpé, F. Vyncke. Intr. E. Voordecker. Bruges, 1973. P. 235–242.
- 99 См.: *Решетова А.А.* Древнерусская паломническая литература XVI–XVII веков (история и поэтика). Рязань, 2006.
- 100 См., напр.: Восемь греческих описаний св. мест XIV, XV и XVI вв. // ППС. Т. XIX. Вып. 2 (56). СПб., 1903. С. VI.
- 101 *Федорова И.В.* Из литературной истории «Хожения» игумена Даниила // «Хождение» игумена Даниила в Святую Землю в начале XII в. С. 356.
- 102 Там же. С. 368.
- 103 См.: *Рузский Н.В.* Сведения о рукописях, содержащих в себе Хождение в Св. Землю русского игумена Даниила в начале XII в. // *Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете*. 1891. Кн. III. С. 1–172; *Прокофьев Н.И.* «Хождения» как жанр древнерусской литературы // *Вопросы русской литературы. Ученые записки МГПИ им. В.И. Ленина*. № 288. М., 1968. С. 7.

- ¹⁰⁴ Белоброва О.А. «Книга Паломник» Антония Новгородского // ТОДРЛ. Т. XXIX. Л., 1974. С. 182.
- ¹⁰⁵ Сперанский М.Н. Из старинной новгородской литературы XIV века. Л., 1934. С. 86.
- ¹⁰⁶ См.: ППС. Т. IV. Вып. 2 (11). СПб., 1888. С. XV–XXX.
- ¹⁰⁷ Данилевский И.Н., Турилов А.А. Даниил // ПЭ. Т. XIV. С. 81. Кстати сказать, диакон Арсений Солунский явно использовал в своем описании Святой Земли (XIV в.) греческие итинерарии. См.: *Бородин О.Р.* Развитие географии в поздней Византии. С. 394.
- ¹⁰⁸ См. об этом: *Федорова И.В.* Из литературной истории «Хожения» игумена Даниила. С. 368–369.
- ¹⁰⁹ См. об этом, напр.: *Адрианова-Перетц В.П.* Путешествия // История русской литературы. Т. I. М.–Л., 1941. С. 373–374.
- ¹¹⁰ См.: «Пути и расстояния Даниила» (Приложение IV) в изд.: Житие и хоженье Даниила, Русьския земли игумена 1106–1108 гг. / Под ред. М.А. Веневитинова // ППС. Вып. 3. СПб., 1883. С. 249–257.
- ¹¹¹ См. об этом: *Данилов В.В.* К характеристике «Хождения» игумена Даниила // ТОДРЛ. Т. X. Л., 1954. С. 94–98.
- ¹¹² *Адрианова-Перетц В.П.* Путешествия... С. 372.
- ¹¹³ *Назаренко А.В.* У истоков русского паломничества... С. 295.
- ¹¹⁴ См.: Житие и хоженье Даниила, Русьския земли игумена 1106–1108 гг. / Под ред. М.А. Веневитинова // ППС. Вып. 3. С. 147. В дальнейшем все цитаты из «Путешествия» Зевульфа даются по этому изд. в тексте (цифры в скобках обозначают номер страницы).
- ¹¹⁵ Учение о благоприятных и неблагоприятных днях распространилось на христианском Западе, вероятно, с IV в. Существовала даже специальная формула, по которой можно было вычислить эти дни. См.: Путешествие Зевульфа в Святую Землю. 1102–1103 гг. (Приложение V) в изд.: Житие и хоженье Даниила, Русьския земли игумена 1106–1108 гг. / Под ред. М.А. Веневитинова // ППС. Вып. 3. С. 264. Не вдаваясь сейчас в существо вопроса, отметим, что на Руси «вычислительная», или «инициативная», астрология получила распространение по крайней мере с XV в., причем столь широкое, что известный старец Псковского Елеазарова монастыря Филофей в 1523 или 1524 г. вынужден был выступить с посланием «На звездочетцы» («Послание к Иоанну Акиндеевичу о злых днях и часах»), направленным против подобной практики. См. об этом: *Симонов Р.А.* Об астрологическом происхождении древней государственной эмблемы России – единорога // *Герменевтика древнерусской литературы.* М., 1998. С. 313. Истоки подобных представлений лежат в глубокой (языческой) древности. Вероятно, один первых перечней счастливых и несчастливых дней (календарь) был составлен при Рамсесе II (XIX династия: 1314–1200 гг. до н.э.). См. об этом: *Монте Пьер.* Египет Рамсесов: Повседневная жизнь египтян во времена великих фараонов. М., 1989. С. 37–39. Гесиод последние стихи «Трудов и дней» (765–825) посвятил обозрению «наилучших», «священных» и т.п. дней. О таком же отношении

- к календарю свидетельствует Гораций: Сатиры. Кн. вторая. 3, 246. Его русский переводчик так прокомментировал строку римского поэта «Пусть белая день наш отметит черта...»: «Белая черта указывает на обычай римлян обозначать на таблице счастливые дни мелом, а несчастные углем, чтобы под конец года видеть, каких больше». См.: *Фет А.А.* Соч-я и письма в 20 т. СПб., 2004. Т. 2. Переводы 1839–1863. С. 45.
- 116 См.: *Пауто В.Т.* Внешняя политика Древней Руси. С. 85. Ср.: *Янин В.Л.* Печати Феофано Музалон // Нумизматика и сфрагистика. Т. 2. Киев, 1965. С. 76–90; *он же.* Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Т. 1. Печати X – начала XIII в. М., 1970. С. 24–28.
- 117 См. подр.: *Гуминский В.М.* Святитель Николай и древнерусская паломническая традиция // Добрый кормчий. Почитание святителя Николая в христианском мире. Сб. статей. М., 2010. С. 193–194.
- 118 См.: Там же.
- 119 См. об этом: *Гуминский В.М.* Путешествие Гоголя по Святой Земле в контексте развития паломнической литературы // Новая книга России. № 12, 2011. С. 26 (примеч. 3).
- 120 *Данилевский И.Н., Турилов А.А.* Даниил // ПЭ. Т. XIV. С. 81.
- 121 *Прохоров Г.М.* Комментарии // ПЛДР. XII век. М., 1980. С. 627. То же самое исследователь дословно повторил и в последнем издании паломничества игумена Даниила. См.: «Хожение» игумена Даниила в Святую Землю в начале XII в. СПб., 2007. С. 8.
- 122 См.: *Igumen Daniil.* Wallfahrtsbericht. Nachdruck der Ausgabe von Venevitinov 1883 / 1885 mit einer Einleitung und bibliographischen Hinweisen von Klaus Dieter Seeman. München, 1970 (Slavische Propyläen. Bd. 36). S. XIII.
- 123 Собственно, русская часть маршрута и далее до Синая (без описания населенных пунктов, но с указанием расстояния между ними) представлена уже в «Хожении архимандрита Агрефения» («...от Москвы и от Тфери до Смоленска 490, от Смоленска до Меньска пол 4-ста...»), обычно датируемом 1370 годами. См.: *Малето Е.И.* Антология хождений русских путешественников. М., 2005. С. 286. О.Р. Бородин увидел в этом «перечне населенных пунктов от Москвы до Синая с расстояниями между ними» «включение итинерария классического типа». См.: *Бородин О.Р.* Развитие географии в поздней Византии. С. 393.
- 124 Житье и хоженье Даниила, Русьския земли игумена 1106–1108 гг. / Под ред. М.А. Веневитинова // ППС. Вып. 3. С. I.
- 125 *Белоброва О.А.* «Книга Паломник» Антония Новгородского. С. 180.
- 126 ППС. Т. XXI. Вып. 1 (61). СПб., 1914. С. IV.
- 127 *Лихачев Д.С.* Поэтика древнерусской литературы. Л., 1971. С. 282.
- 128 *Трубецкой Н.С.* История. Культура. Язык. М., 1995. С. 579, 580–581.
- 129 См. об этом подр.: *Гуминский В.М.* Русский человек в море и у моря. От «Хожения» игумена Даниила к «Фрегату “Паллада”» // Новая книга России. 2013. № 1.

- ¹³⁰ Котельников В.А. Повторѣя Ивана Гончарова // *Da Ulisse a Ulisse... Il viaggio per mare nell'immaginario letterario ed artistico. Atti del Convegno Internazionale*. Pisa, 2003. P. 156–157.
- ¹³¹ См. об этом: Гуминский В.М. Русский человек в море и у моря // *Da Ulisse a Ulisse... La città e il mare Dalla Liguria al mondo. Atti del Convegno Internazionale*. Pisa, 2004. P. 607–610. См. также примеч. 137.
- ¹³² Гладкова О.В. Мотив морского путешествия в античном романе // *Da Ulisse a Ulisse...* Pisa, 2003. P. 53.
- ¹³³ Историко-литературный анализ «Слова о путешествии Иоанна на бесе в Иерусалим» см.: Дмитриев Л.А. Житийные повести русского Севера как памятники литературы XIII–XVII вв. Эволюция жанра легендарно-биографических сказаний. Л., 1973. С. 152–160.
- ¹³⁴ Повесть временных лет. СПб., 2007. С. 75.
- ¹³⁵ Уболь (амболь) – «проход под сводами, аркада». См.: *Словарь русского языка XI–XVII вв.* Вып. 1 (А–Б), М., 1975. С. 35 со ссылкой на «Хождение» Антония Новгородского. Так что А.В. Назаренко ошибся, указав в качестве места погребения «русского священника Леонтия» «один из приделов константинопольской Софии», а не церковь св. Георгия. См.: Назаренко А.В. У истоков русского паломничества... С. 291. Ср.: Гардзанини М. У истоков паломнической литературы Древней Руси // «Хождение» игумена Даниила в Святую Землю в начале XII в. С. 272.
- ¹³⁶ Хождение в Царьград Добрыни Ядрейковича... С. 231.
- ¹³⁷ См.: Фасмер М. *Этимологический словарь русского языка*. Т. IV. М., 1987. С. 253. Встречающееся иногда в популярной литературе сближение «хождение» и «хаджа» – паломничества у мусульман, связанного с посещением Мекки и ее окрестностей («хадж» в букв. переводе с арабск. означает «стремление к прославленному» и «возвращение, обновление»), – не имеет под собой оснований.
- ¹³⁸ См.: Там же. Т. III. С. 413. Целый ряд исследований посвятил термину «паломник» А.В. Назаренко (см.: Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях... С. 600–626; Назаренко А.В. Древнерусский паломник // *От Древней Руси к новой России. Юбилейный сборник, посвященный члену-корреспонденту РАН Я.Н. Щапову*. М., 205. С. 139–149; Назаренко А.В. У истоков русского паломничества... С. 296–297). Вероятно, настало время перейти к анализу всего терминологического комплекса, связанного с паломничеством.
- ¹³⁹ Назаренко А.В. У истоков русского паломничества... С. 294.
- ¹⁴⁰ Ср. со свидетельством Антонина из Плаценции: «Богоявление я провел на Иордане. <...> По окончании утрени, на рассвете, идет крестный ход под открытым небом, и священник, поддерживаемый диаконами, спускается к реке, и в тот час, когда он начнет благословлять воду, тотчас Иордан с ревом возвращается назад и верхнее течение останавливается до окончания крещения, а нижнее убегает в море, по словам псалмопевца: “Море виде и побеже, Иордан возвратися вспять”» (ППС. Т. XIII. Вып. 3 (39). С. 31).

- ¹⁴¹ Ср. с описанием саркофагов с телами патриархов Авраама, Исаака и Иакова в Хевроне в «Путешествии» Зевульфа: «До сих пор все еще запах мази и драгоценнейших ароматов, которыми были помазаны святые тела, исходя из гробниц, весьма приятным образом наполняет ноздри близко стоящих» (285).
- ¹⁴² *Гардзанити М.* У истоков паломнической литературы Древней Руси // «Хождение» игумена Даниила в Святую Землю в начале XII в. С. 277.
- ¹⁴³ П.А. Заболотский в статье «Легендарный и апокрифический материал в Хождении игумена Даниила» (Русский филологический вестник. 1899. Вып. 3–4. С. 270) возводил выражение «Иродова мука» к палестинской легенде, цитируемой Иосифом Флавием, М. Гардзанити (У истоков русской паломнической литературы... С. 301–302. Прим. 1) видит здесь заимствование из «Хроники» Георгия Амартола.
- ¹⁴⁴ А.С. Демин не без иронии характеризует Балдуина Фландрского в изображении Даниила как «церковника» и «наихристианнейшего государя». См.: *Демин А.С.* О художественности древнерусской литературы. М., 1998. С. 582–585.
- ¹⁴⁵ М. Гардзанити считает, что речь идет о горе, известной как *mons gaudii*, и даже предполагает, что Даниилу «был знаком обычай, сложившийся во Франции, называть “радостными горами” те возвышенности, с которых взору открывалась цель его паломничества» (*Гардзанити М.* У истоков паломнической литературы... С. 304).
- ¹⁴⁶ *Горожанский Я.И.* Хождение архимандрита Грефенья во Святую Землю // Русский филологический вестник. 1884. № 4. С. 293–294.
- ¹⁴⁷ *Данилов В.В.* К характеристике «Хождения» игумена Даниила // ТОДРЛ. Т. X. М.–Л., 1954. С. 102. Исследователь счел замечание Я.И. Горожанского о связи святости земли с ее изобилием «неосновательным», но единственный приведенный им пример с островом Самосом («обилен же всем остров той») носит слишком общий, «островной» характер (ср. об острове Хиосе: «И в том острове ражается мастика, и вино доброе, и овощ всякий») и не противоречит, на наш взгляд, общей тенденции «земледельческих» описаний Даниила.
- ¹⁴⁸ Ср.: *Гардзанити М.* У истоков паломнической литературы... С. 301–303.
- ¹⁴⁹ См.: *Гуминский В.М.* Норов на Святой Земле // *Норов А.С.* Путешествие по Святой Земле в 1835 году. М., 2008. С. 289.
- ¹⁵⁰ *Марк, епископ Егорьевский.* Православное паломничество: содержание понятий // Православное паломничество: традиции и современность. Сб. материалов конференции. М., 2005. С. 26.
- ¹⁵¹ Большинство этих деталей (Авраам «остриже» и «обреза ногти» Мелхиседека, ибо тот был «космат» и др.) заимствованы Даниилом из так называемого «Слова свт. Афанасия Великого, архиепископа Александрийского о Мелхиседеке». См.: *Порфирьев И.Я.* Апокрифические сказания о ветхозаветных лицах и событиях по рукописям Соловецкой библиотеки. СПб., 1877. С. 131–135. Здесь же опубликованы и другие апокрифы о Мелхиседеке.
- ¹⁵² *Шалина И.А.* Реликвии в восточнохристианской иконографии. М., 2005. С. 7.

- 153 Предполагается, что речь идет о том же Издеславе, который сопровождал
Даниила при его посещении «столпа Давыдова» (34).
- 154 Янин В.Л. Междукняжеские отношения в эпоху Мономаха и «Хождение игу-
мена Даниила» // ТОДРЛ. XVI. М.–Л., 1960. С. 130.
- 155 См. об этом: Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Выбор имени у русских князей
в X–XVI вв. Династическая история сквозь призму антропоники. М., 2006
(по указателю).
- 156 См. подробнее: Гуминский В.М. Открытие мира... С. 146–149. Ср.: Гардза-
нити М. У истоков паломнической литературы... С. 300–303.
- 157 Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. С. 390.
- 158 Лотман Ю.М. Избранные статьи. Т. I. Таллин, 1992. С. 412.
- 159 Шалина И.А. Реликвии в восточнохристианской иконографии. С. 7.
- 160 См.: Flusin B. Remarques sur les lieux saints de Jérusalem à l'époque byzantine // *Lieux sacrés, lieux de culte, sanctuaries. Approches terminologiques, méthodologiques, historiques et monographiques*. Roma, 2000. P. 119–131.
- 161 См., например: Паломничество по Святым местам конца IV века // ППС.
Т. VII. Вып. 20. СПб., 1889; Подвижники благочестия, процветавшие на Си-
найской горе и в ее окрестностях. К источнику воды живой. Письма палом-
ницы IV века. М., 1994. С. 133–221.
- 162 Архипов А.О. О происхождении древнерусских хождений // Труды по знако-
вым системам. XV. Вып. 576. Тарту, 1982. С. 106.
- 163 Гардзанини М. У истоков паломнической литературы... С. 312.
- 164 Левицун Л.В. История восточнославянского книжного слова XI–XVII вв.
Минск, 2001. С. 192. В своей последней фундаментальной работе (см.: Ле-
вицун Л.В. О слове преображенном и слове преображающем. Теоретико-ана-
литический очерк истории восточнославянского книжного слова XI–XVII ве-
ков. Минск, 2009. С. 387) исследовательница предложила еще более эффек-
тную, несколько расширенную и уточненную формулировку – характеристику
произведения древнерусского паломника: «Хождение игумена Даниила»
«представляет собой и собственно священнодействие в сакральном про-
странстве Храма под небесами (словесно-образную “ипостась” вечной Ли-
тургии) и исповедание, т.е. изложение того, как и во что верует игумен
Даниил».
- 165 См. об этом: Назаренко А.В. У истоков русского паломничества... С. 293–
294.
- 166 Seeman K.-D. Die altrussische Wallfahrtsliteratur. Theorie und Geschichte eines
literarischen Genres. München, 1976. S. 134.
- 167 См.: Назаренко А.В. У истоков русского паломничества... С. 287; Гардзани-
ни М. У истоков паломнической литературы... С. 273.
- 168 См. об этом: Гуминский В.М. Открытие мира... С. 155. Ср.: Назаренко А.В.
У истоков русского паломничества... С. 287–289. Впрочем, о запрещениях
паломничеств писал еще С.П. Шевырев в примеч. 57 к восьмой лекции (ч. II)
в «Истории русской словесности, преимущественно древней» (М., 1846), где
в числе прочего идет речь о «Хожении» игумена Даниила.

- 169 Гусев П.Л. Новгородская икона св. Иоанна (Илии) архиепископа в деяниях и чудесах. СПб., 1903. С. 42–44.
- 170 Теребихин Н.М. Сакральная топонимия Русского Севера (к постановке проблемы) // Вопросы топонимики Подвинья и Поморья. Архангельск, 1991. С. 27
- 171 Рождественская М.В. Образ Святой Земли в древнерусской литературе // Иерусалим в русской культуре. М., 1994. С. 12. См. также примеч. 4.
- 172 Лотман Ю.М. О понятии географического пространства в русских средневековых текстах // Уч. зап. ТГУ. Вып. 181. Тарту, 1965. С. 212–213. Перепеч.: Лотман Ю.М. Избр-е статьи: Т. 1–3. Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллинн, 1992. С. 409–410; Успенский Б.А. К проблеме христианско-языческого синкретизма в истории русской культуры // Вторичные моделирующие системы. Тарту, 1979. С. 60–61.
- 173 См. об этом: Федорова И.В. Образ Италии в «Хождении во Флоренцию» // Da Ulisse a Ulisse. Il viaggio come mito letterario. Pisa-Roma, 2001. С. 113–121.
- 174 Глушанина Н.И. Архетипические черты рая в изображении идеальной государственности в «Архиве, или статейном списке...» А.А. Матвеева // «Вечные» сюжеты русской литературы. Новосибирск, 1996. С. 12–13. Ср.: Травников С.Н. Писатели петровского времени. Литературно-эстетические взгляды. Путевые записки. М., 1989. С. 17–62.
- 175 См. об этом: Гуминский В.М. Открытие мира... С. 173–207.
- 176 См. об этом, например, доклад «Влияние Хрустального дворца (Лондон, 1851 г.) на русское воображение» М.Р. Кац (США) на XIII Международном конгрессе славистов (Любляна, 2003). О судьбе собственно паломнического жанра в русской литературе XIX в. см.: Гуминский В.М. «Сказание» инока Парфения и русская литература // Парфений (Агеев) инок. Странствия по Афону и Святой Земле. М., 2008. С. 239–271.
- 177 Толстой Л.Н. Собр. соч.: в 22 т. Т. 19–20. М., 1984. С. 118.
- 178 См. подробнее: Гуминский В.М. Открытие мира... С. 221–271.
- 179 См. об этом, например, доклад Ж. Ревелли (Италия) «О паломничестве в Святую Землю в русской литературе конца XIX и XX вв.» на XIII Международном конгрессе славистов (Любляна, 2003).
- 180 См. об этом подробнее: Гуминский В. Египет и Синай в русской паломнической литературе // От Фив египетских до Александрии. М., 2006. С. 67–93.
- 181 См.: Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: в 10 т. Т. VII. М., 1964. С. 262–263.
- 182 Лисовой Н.Н. А.Н. Муравьев и его книга «Путешествие ко святым местам в 1830 году» // Муравьев А.Н. Путешествие ко святым местам в 1830 году. М., 2007. С. 10.
- 183 Муравьев А.Н. Путешествие ко святым местам в 1830 году. С. 73.
- 184 Там же. С. 75.
- 185 Там же. С. 197.
- 186 Впрочем, следующее переиздание вышло только в 2006 г. в «Индрике», в серии «Восточнохристианский мир». До этого в 1995 г. «Школа Пресс» издала существенно сокращенный текст муравьевского «Путешествия» в сбор-

нике «Святые места вблизи и вдали. Путевые заметки русских писателей. 1 половина XIX века».

¹⁸⁷ Стурдза А.С. Беседа любителей русского слова и Арзамас в царствование Александра I. И мои воспоминания // Арзамас. Сборник: В 2 кн. Кн. 1. М., 1994. С. 58.

¹⁸⁸ См.: Хохлова Н.А. Андрей Николаевич Муравьев – литератор. СПб., 2001.

¹⁸⁹ См. об этом подробнее: Гуминский В.М. Норов на Святой Земле... С. 275–291.

¹⁹⁰ См. об этом: Гуминский В.М. «Сказание» инока Парфения и русская литература // Духовная традиция в русской литературе. Сб. научных статей. Ижевск, 2009. С. 97–127.

ИЗ ИСТОРИИ ЦИТАТ

К.В. Душенко

«САМОВЛАСТИЕ, ОГРАНИЧЕННОЕ УДАВКОЙ»: К ИСТОРИИ ПУШКИНСКОГО АФОРИЗМА

В «Заметках по русской истории XVIII века» (1822) Пушкин писал: «Царствование Павла доказывает одно: что и в просвещенные времена могут родиться Калигулы. Русские защитники Самовластия в том несогласны и принимают славную шутку г-жи де Сталь за основание нашей конституции: *En Russie le gouvernement est un despotisme mitigé par la strangulation*». В примечании Пушкин дает свой перевод с французского: «Правление в России есть самовластие, ограниченное удавкой»¹.

Этой пушкинской формуле посвящены заметки Ларисы Вольперт и Юрия Лотмана. Вольперт указала «смысловой» источник пушкинского афоризма в книге де Сталь «Десять лет в изгнании» (ч. 2, 1821): «Эти деспотические правительства, ограниченные лишь возможностью убийства деспота [*dont le seule limite est l'assassinat du despote*], опрокидывают в человеческой голове понятия чести и долга». Эту мысль де Сталь высказала, стоя в Петропавловском соборе перед могилами Петра III и Павла, убитых заговорщиками².

Лотман указал на гораздо более отдаленный по смыслу, зато почти совпадающий по форме литературный источник – афоризм Никола Шамфора, назвавшего Старый режим во Франции «абсолютной монархией, ограниченной [сатирическими] песенками» (*une monarchie absolue, tempéré par des chansons*). Этот афоризм был опубликован в его посмертно вышедшем сборнике «Характеры и анекдоты» (1795)³.

Мы полагаем, что мысль г-жи де Сталь восходит к Вольтеру и Мирабо. А формулы, чуть ли не дословно совпадающие с пушкинской, в момент ее создания «носились в воздухе» и неоднократно встречаются у современных Пушкину французских авторов.

* * *

В 93 главе «Опыта о нравах и духе народов» (1756) Вольтер писал: «Оттоманская империя не есть *монархическое правление, ограниченное мягкими нравами* (un gouvernement monarchique, tempéré par des mœurs douces), как в нынешней Франции. <...> Правитель, почитаемый за самого могущественного на земле, в то же время наименее прочно сидит на своем троне. Достаточно одного дня, чтобы он свалился с него в результате переворота. <...> Они [турки] могут свергнуть, могут зарезать султана... <...> Страх быть низвергнутыми гораздо более сильная *узда для турецких императоров*, чем все законы Корана» (курсив наш. – К. Д.)⁴.

В 1782 г. в Гамбурге вышло сочинение Оноре Мирабо «О внесудебных арестах и государственных тюрьмах» (без подписи автора и с фиктивной датой «1778»). Здесь говорилось: «Китайские законы по прежнему остаются простым деспотизмом, ограниченным местными условиями и в особенности страхом (despotisme tempéré <...> par la crainte)»⁵. От формулы «деспотизм, ограниченный страхом», было уже недалеко и до формулы де Сталь «деспотическое правление, ограниченное возможностью убийства деспота».

В 1821 г., т.е. за год до написания пушкинских «Заметок...», вышли в свет «Заметки о путешествии в Левант в 1816 и 1817» издателя, эллиниста и коллекционера произведений искусства Амбруаза Фирмен-Дидо (1790–1836). Здесь мы читаем: «...говорят, что турецкое правление есть не что иное как абсолютный деспотизм, ограниченный цареубийством (un despotisme absolu, tempérée par le régicide)»⁶.

Журналист и романист Антуан Рей-Дюссей (1798–1851) в своей «Краткой истории Египта» (1826) замечает: «Во многих популярных сочинениях говорится, что старая французская монархия была абсолютной монархией, ограниченной песенками;

можно сказать, что магометанское правление есть деспотическое правление, ограниченное убийствами (*un gouvernement despotique tempéré par des assassinats*)»⁷.

Год спустя вышло «Путешествие в Грецию» французского дипломата, литератора и историка Франсуа Пуквиля (1770–1838). Автор писал: «Правление султанов есть тирания, ограниченная шнурком (*une tyranie tempérée par le cordon*)»⁸. Имелся в виду шелковый шнурок, использовавшийся для удушения, т.е. именно то, что Пушкин называет «удавкой».

Все три процитированные формулы относятся к Османской империи. Все они построены по модели «монархия, ограниченная [царе]убийством», где центральный член (*tempérée par*) неизменен, а два прочих варьируются. Во второй из этих цитат содержится отсылка к афоризму Шамфора как источнику формулы, что подтверждает справедливость наблюдения Лотмана.

О продуктивности формулы Шамфора свидетельствует, среди прочего, запись Александра Герцена в дневнике от 6 апреля 1842 г.: «Самодержавие, ограниченное взятками так, как во Франции была некогда монархия, *limitée par des chansons*»⁹. Пушкинский афоризм в то время еще не был известен.

Сам по себе оборот «монархия, ограниченная тем-то и тем-то (*tempéré par...*)», существовал, как мы видели, уже у Вольтера и был широко распространен независимо от Шамфора. Первоначально речь шла об ограничении власти монарха религией и обычаями (в духе Монтескье), затем – парламентом и основными законами (в духе конституционной монархии).

В высказывании, которое Пушкин приписал г-же де Сталь, речь шла об «удушении» (*la strangulation*) деспота; в авторском переводе появляется гораздо более выразительная «удавка». «Удавка» содержала в себе отсылку к нравам Османской империи; тем самым русское самовластие неявно уравнивалось с восточной деспотией. Не случайно в оде «Вольность» (1817) Пушкин называет гвардейцев-цареубийц янычарами («Как звери, вторглись янычары...») ¹⁰.

В русской литературе «удавка» уже встречалась в сходном контексте – как орудие удушения турецких султанов, причем в произведении, известном Пушкину с молодых ногтей и высоко им

ценимом. В поэме И.Ф. Богдановича «Душенька» (1778), кн. III, читаем:

*...И сами там султаны
За собственны свои или других обманы
Кончают свой живот в ошейных осилках.
Хотя ж в других местах
Не ставят в честь удавку
И смертью таковой казнят одних плутов¹¹.*

Вероятно, отсюда и возникла «удавка» в пушкинском афоризме. В таком случае ее «семантическое поле» включает в себя также крайнюю унижительность способа цареубийства. Стоит еще заметить, что пушкинском афоризме обыгрываются два значения слова «ограниченный»: отвлеченное («поставленный в известные рамки») и предметное («ограниченный в пространстве» – пространстве, заданном шириной удавки).

Среди позднейших высказываний в духе «славной шутки г-жи де Сталь» наиболее известна цитата из книги Астольфа де Кюстина «Россия в 1839 году» (1843): «Русское правительство – абсолютная монархия, ограниченная убийством (une monarchie absolue tempérée par l'assassinat)¹².

В 1841 г. австрийский историк Йозеф Хормайр опубликовал «Жизнеописание из времен Освободительной войны» – биографию графа Эрнста Фридриха Мюнстера (1766–1839), государственного деятеля королевства Ганновер. Согласно Хормайру, после воцарения в 1801 г. Александра I Мюнстер был послан в Петербург для установления контактов с новым правительством. Он, разумеется, интересовался подробностями смерти Павла I. Некий русский вельможа будто бы сказал ему по-французски: «Но, боже мой, чего вы хотите, граф? Это наша Хартия вольностей – тирания, ограниченная убийством! (...c'est notre magna charta: la tyrannie tempérée par l'assassinat!)»¹³.

Достоверность этого разговора представляется нам сомнительной, хотя нельзя совершенно исключить, что эта фраза могла быть сказана кем-то из тогдашних остроумцев. Так или иначе, но пушкинский оборот «основание нашей конституции», приме-

ненный к удавке, очень близок к обороту «наша Хартия вольностей», понимаемая как цареубийство.

-
- ¹ Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: [В 16 т.]. М.; Л., 1949. Т. 11. С. 17.
- ² Вольперт Л.И. Еще о «славной шутке» госпожи де Сталь // Временник пушкинской комиссии. 1973. Л., 1975. С. 125.
- ³ Oster P. Citations françaises. Paris, 1993. P. 363; Лотман Ю.М. «Об источнике “славной шутки”» // Временник Пушкинской комиссии. 1974. Л., 1977. С. 91.
- ⁴ Voltaire. Œuvres complètes. Paris, 1785. Т. 17. P. 451–453.
- ⁵ Mirabeau H.-G. Des lettres de cachet et des prisons d'état. Hambourg, 1782. P. 163.
- ⁶ Firmin-Didot A. Notes d'un voyage fait dans le Levant en 1816 et 1817. Paris, 1821. P. 70.
- ⁷ Rey-Dussueil A. Résumé de l'histoire d'Egypte. Paris, 1826. P. 441.
- ⁸ Pouqueville F. Voyage de la Grèce. Paris, 1827. Т. 6. P. 82.
- ⁹ Герцен А.И. Собр. соч.: в 30 т. М., 1954. Т. 2. С. 225.
- ¹⁰ Пушкин А.С. Цит. соч. Т. 2. Ч. 1. С. 47.
- ¹¹ Богданович И.Ф. Стихотворения и поэмы. М., 1957. С. 102. «Душенька» была вольным переложением повести Лафонтена «Любовь Психеи и Купидона» (1669), однако у Лафонтена ни султана, ни удавки нет и в помине.
- ¹² Custine A.L. marq. de. La Russie en 1839. Paris, 1843. Т. 1. P. 289.
- ¹³ Hormayr J.F. von. Lebensbilder aus dem Befreiungskriege: Ernst Friedrich Herbert Graf von Münster. Jena, 1841. 1. Abt. S. 17.

К.В. Душенко

НАСТУПИТЬ НА ЛЮБИМУЮ МОЗОЛЬ

Во фразеологических словарях это выражение дается как анонимное. Однако у него есть автор, а точнее, два автора.

В рецензии А.И. Кирпичникова (1897) на II издание «Метких и ходячих слов» М. Михельсона (1896) указывалось: «Изобретатель этого выражения <...>, сколько мне известно, Лесков»¹.

Действительно, в русский язык этот оборот попал из романа-хроники Лескова «Соборяне». В 1872 г. роман был напечатан в журнале «Русский вестник» (№ 4–7), а 1878 г. вышел отдельным изданием.

Место действия лесковской хроники – уездный город Старгород, а один из ее персонажей – Варнава Препотенский, молодой учитель математики в уездном училище. В части II, гл. 4 читаем:

«Термосесов же, устранив его с дороги, наступил ему на ногу, отчего учитель, имевший слабость в затруднительные минуты заговариваться и ставить одно слово вместо другого, вскрикнул:

– Ой, вы мне наступили на самую мою любимую мозоль!

По поводу “любимой мозоли” последовал смех».

«...Он вырвался из рук удерживавших его Термосесова и Ахиллы и, прыгая на своей “любимой мозоли”, наскочил на председателя...»²

Этот сюжет возникает еще раз в части III, гл. 4:

«– Однако же вы должны согласиться, что люди семинария воспитанского лучше, – пролепетал, путая слова, Варнава.

– Ну вот, – перебил Термосесов, – то была “любимая мозоль”, а теперь “семинария воспитанского”! Вот Цицерон!

– Он это часто, когда разгорячится, хочет сказать одно слово, а скажет совсем другое, – вступился за Препотенского Ахилла и при этом пояснил, что учитель за эту свою способность даже чуть не потерял хорошее знакомство, потому что хотел один раз сказать даме: “Матрена Ивановна, дайте мне лимончика”, да вдруг выговорил: “Лимона Ивановна, дайте мне матренчика!” А та это в обиду приняла³.

Итак, Лесков дважды говорит о свойстве Препотенского «ставить одно слово вместо другого» и дает соответствующие примеры. По предположению Игоря Добродомова, в реплике учителя о любимой мозоли также содержалась обмолвка: «...наступили на мою самую мобимую люзоль!» «Но из-за сходства в рукописном начертании слогов *мо-* и *лю-* эта обмолвка не была замечена, поскольку ее в значительной степени затмила экстравагантность выражения»⁴.

Действительно, говоря о «любимой мозоли», Препотенский должен был бы «перепутать слова», а между тем в его фразе ничего не перепутано.

Однако принять гипотезу о «мобимой люзоли» мешают два обстоятельства. Во-первых, «любимая мозоль» встречается в «Соборьях» трижды, и трудно представить себе, чтобы наборщики «Русского вестника» ошиблись во всех трех случаях. Во-вторых, даже если бы так и случилось, Лесков должен был заметить и исправить эту ошибку, готовя книжное издание «Соборян», но там мы находим все ту же «любимую мозоль».

Возможно, по первоначальному замыслу автора Варнава действительно должен был сказать «мобимая люзоль»; отсюда замечание о его склонности «перепутывать слова», предшествующее этой фразе. Но затем писатель решил, что фраза достаточно смешна и нелепа даже без этой обмолвки.

Очень скоро выражение «наступить на любимую мозоль» обрело переносный смысл. В чеховской юмореске «Правила для начинающих авторов» (1885) указывалось: «В печатном мире существуют приличия. Здесь так же, как и в жизни, не рекомендуется наступать на любимые мозоли»⁵.

В повести «Полунощники» (1891) Лесков использует это выражение уже в качестве идиомы:

«– ...Что вам на любимую мозоль, что ли, кто наступил?»⁶

Пять лет спустя Чехов включил «любимую мозоль» в монолог Тригорина из II действия «Чайки»:

«– Вы, как говорится, наступили на мою самую любимую мозоль, и вот я начинаю волноваться и немного сердиться»⁷.

Вторым – а по хронологии первым – автором «любимой мозоли» был Уильям Теккерей.

В 1855 г. сразу в двух петербургских журналах – «Современнике» и «Библиотеке для чтения» – был напечатан новый роман Теккеря «Ньюкомы» (1854). В том же году оба перевода толстого романа вышли отдельными изданиями – случай нечастый в истории русского книгопечатания.

В гл. 30 романа имелась реплика (цитирую перевод С.М. Майковой, опубликованный в «Современнике»):

«– Клэйв наступил Барнсу на ногу, – восклицает веселый лорд Кью, – и зашиб ему любимую мозоль, так что он не в состоянии выходить <...>. Вот о чем мы смеялись»⁸.

Анонимный переводчик «Библиотеки для чтения» дал чуть иной вариант: «...и придавил любимую мозоль Барнса»⁹.

В советском переводе Р. Померанцевой использована лесковская формула: «...Наступил Барнсу на любимую мозоль»¹⁰.

В оригинале: «hurt <...> favourite corn», букв. «повредил <...> любимую мозоль». Так что старые переводы («зашиб», «отдавил») были точнее.

Подобные обороты встречались в англоязычной печати и до Теккеря. Но «любимая мозоль» не использовалась в переносном смысле и не стала идиомой английского языка.

В книгах Лескова неоднократно упоминается «Ярмарка тщеславия» Теккеря. Весьма вероятно его знакомство и с «Ньюкомами»: новый роман Теккеря едва ли прошел мимо его внимания, к тому же «Современник» в 1855 г. был «главным» русским журналом.

¹ Добродомов И.Г. Наступить на любимую мозоль // Русский язык в школе. М., 1993. № 1. С. 63.

² Лесков Н.С. Собрание сочинений: в 11 т. М., 1957. Т. 4. С. 192.

³ Там же. С. 197.

⁴ Добродомов И.Г. Указ. соч. С. 63.

-
- ⁵ *Чехов А.П.* Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Соч.: в 18 т. М., 1975. Т. 3. С. 207.
- ⁶ *Лесков Н.С.* Собрание сочинений: в 11 т. М., 1958. Т. 9. С. 178.
- ⁷ *Чехов А.П.* Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Соч.: в 18 т. М., 1978. Т. 12. С. 29.
- ⁸ *Теккерей У.* Ньюкомы, записки весьма почтенного семейства. СПб., 1855. С. 377.
- ⁹ *Теккерей У.* Ньюкомы: История одной достопочтенной фамилии. СПб., 1855. С. 421.
- ¹⁰ *Теккерей У.* Собрание сочинений: в 12 т. М., 1978. Т. 8. (Ньюкомы. Жизнеописание одной весьма почтенной семьи...) – С. 59.

БИБЛИОГРАФИЯ

ГАЗЕТА «РУССКАЯ РЕЧЬ» ЕВГЕНИИ ТУР (1861)*

Задолго до выхода в свет газеты «Русская Речь» вокруг этого еще не появившегося издания завязалась в печати острая полемика. Редактор газеты Евгения Тур (Елизавета Васильевна Салиас), как это и водится, заранее разослала объявление о подписке, извещая читателей о том, что ее газета начнет издаваться с 1 января 1861 г., и будет выходить два раза в неделю. Кратко излагая программу, она упомянула, что «Русская Речь» будет свободна от односторонностей, придерживаясь благотельного направления. В общих чертах выражалась надежда на сотрудничество известных литераторов и ряда общественных деятелей. И вот в октябрьской книжке «Русского Вестника» за 1860 г., за два месяца до появления новой газеты, М.Н. Катков по-своему объясняет ее особенности. «Новая газета, — пишет он, — растворяет широко ворота для гонимых писателей, не находящих себе нигде места вследствие нетерпимости, которая господствует в нашей литературе».

На это Евгения Тур ответила критику в газете «Московские Ведомости» (19 ноября), причем ее гневная отповедь не только снимала обвинения в нетерпимости и исключительности, приписываемые ее позиции, но и отводила домыслы относительно перетягивания авторов на свою сторону. «“Русскому Вестнику”, — пишет графиня Салиас, — вздумалось предположить, что два, три слова нашей программы о нетерпимости и исключительности направления нарочно употреблены были нами против него, во

* Продолжение публикации. Начало см.: Литературоведческий журнал. — М., 2015. — № 36. — С. 257–310.

враждебном для него смысле... На этом основании он счел выгодным для себя уверять, что вся наша программа есть не что иное, как протест, направленный нами против него, и притом протест не от имени одной только редакции, но и от имени всех сотрудников, обещавших нам свое участие... Мы объявляем прямо и положительно, что мы нисколько не думали протестовать против “Русского Вестника”, ни против какого бы то ни было другого журнала. Что такое протест? К чему такое громкое и звучное слово? Протестуют против насилия, против оскорбления, против незаконности. Где же тут что-либо похожее на это?.. Мы думаем, что при настоящем состоянии нашей литературы и нашего общества журналы могут быть с равною, если не с большею пользою терпимее и уступчивее в своих направлениях». Именно о пользе соединения литературных сил, без нетерпимости и исключительности, говорилось в программе газеты. Ведь страна стояла на пороге великих реформ и обновления жизненных устоев. Издание, соединяющее в себе разнородные литературные силы, может быть полезным. Кстати, Евгения Тур предварительно, до печатного объявления о новой газете, рассылала возможным авторам приглашение к сотрудничеству, при этом «изъясняя, какое именно литературное предприятие хотим мы основать». В объяснительной записке излагались вкратце соображения о характере будущего издания, говорилось о желательности избегать узких, исключительных доктрин и тенденций.

Конечно, спор этот с М.Н. Катковым возник не на пустом месте, и к тому была причина. Еще год не прошел с того момента, как Евгения Тур покинула «Русский Вестник». В журнале М.Н. Каткова она заведовала отделом словесности и критики, проявила немало умения и такта для привлечения видных литературных сил, а с начинающими и вовсе дорабатывала тексты, совершенствуя изложение и стиль написанного. Редактор журнала был ее близким сподвижником. Черная черта в отношениях проведена после публикации Елизаветой Васильевной статьи против беженки из России, аристократки Софии Свечиной, которая переметнулась в другую религию, исповедуя крайние взгляды на духовные традиции отцов. Взяв под защиту поступок ренегатки Свечиной, Михаил Никифорович Катков печатно высказал в своем журнале резкое несогласие с тем, что написано сотрудником его же редакции.

Произошел разрыв. Евгения Тур решила теперь сама издавать газету-журнал, и не в отместку Каткову, а так, как велят ее совесть и сложившийся взгляд на текущую жизнь современного общества. Литература, история, искусство и общественная жизнь на Западе и в России – вот главные темы публикаций. Политика отсутствует: редактор не получила дозволения от властей на обозрение в своем издании жгучих вопросов – сказался тайный надзор, установленный за Евгенией Тур, содействовали и носившиеся слухи вокруг ее литературного салона, отмеченного вольнодумством. Разумеется, газета, лишенная возможности публиковать статьи политического характера, получалась беззубой, пресной. Но с этим редактор была вынуждена смириться, полагаясь на авторитетный уровень гуманитарных материалов. Общий тон газеты – умеренно-либеральный.

Первый номер «Русской Речи» выпущен 1 января 1861 г. Газета будет выходить два раза в неделю, по воскресеньям и четвергам. Пагинация страниц непрерывная, за 12 месяцев первого года издания напечатано 104 номера общим числом 830 страниц. Типография Грачева и компании, цензор А. Петров. Годовая цена для подписчиков – 10 руб. серебром. Своих средств на издание газеты у графини Салиас не было – жила на литературные заработки, воспитывая троих детей. Деньгами ее снабдила родная сестра – Евдокия Васильевна Петрово-Соловово (1820–1893). Истрачено было 20 тыс. руб. Авторские гонорары и жалование штатным сотрудникам выплачивалось пунктуально, в размерах не ниже, чем в известных и почтенных изданиях. Основные рубрики издания: Литературное и ученое обозрение, Словесность, Внутреннее обозрение, Провинциальная хроника, Мелкие известия, Смесь. Большинство публикаций принадлежат перу самой Елизаветы Васильевны либо ее друзей – профессоров Е.М. Феокистова и Г.В. Вызинского, польского патриота. Интересно, что в первых же номерах «Русской Речи» графиня Салиас поместила под псевдонимом В. Сухарев (жила вблизи Сухаревой площади, на углу Мещанской улицы) – свои городские зарисовки «Москва и москвичи».

Так было издано 38 номеров, затем произошли изменения. Совершенно очевидным стало, что без обозрения внутренней политики тираж газеты не поднять, и тот, что с трудом был собран, – не удержать. Общественный орган не может вызывать острый

интерес одними культурными вопросами. Правда, в «Русской Речи» постоянно ставилась злободневная для той поры тема женского равноправия, вообще эмансипации в широком смысле, в том числе в сословном; реформирования высшей школы и самого процесса обучения, уже забрезжили лучи первых очагов земской педагогики. Салиас старалась привлечь к сотрудничеству в газете крупных писателей – И.С. Тургенева и М.Е. Салтыкова-Щедрина, но дальше обещаний помочь новому изданию дело не пошло. Из писателей охотно печатались здесь В. Слепцов, А. Левитов, Т. Толычева и другие прозаики не первой величины. А литераторов первой величины, что называется, поглотил «Русский Вестник» и сходные ему известные издания. Зато есть статьи и очерки из русской истории, особенно допетровского и петровского времени. Печатались: С.М. Соловьев, А.Н. Афанасьев, М.И. Семевский, Г.В. Есипов, Н.А. Попов, Н.И. Субботин. Ф.И. Буслаев и Н.С. Тихонравов заведовали отделом истории литературы и народности русской и западной. А сама Евгения Тур приняла на себя отдел литературы и критики. Художественные новости сообщал искусствовед К.К. Герц.

И все же необходимость перемен остро чувствовала прежде всего Е.В. Салиас. Уже и план этих перемен созрел. В письме к Н.И. Субботину от 31 апреля 1861 г. она писала: «Не удивляйтесь, если на днях вы увидите, что я передам газету другому. Я остаюсь точно так же во главе редакции, и ничего не изменяется. Это я принуждена сделать потому, что в Петербурге не хотят допустить мне выдавать политическое обозрение, без которого газета существовать не может. Я передаю ее одному моему приятелю, который и теперь вместе со мною издает газету. Письма и рукописи прошу точно так же пересылать ко мне и на мое имя».

В середине мая того же 1861 г. вышел 39 номер газеты. Теперь она называлась «Русская Речь и Московский Вестник», а вторым рядом раскрывалась тематика: Литература, Политика, История, Искусство и Общественная жизнь на Западе и в России. Редактором стал Евгений Михайлович Феоктистов (1828–1898), видный публицист, а впоследствии – начальник Главного управления по печати. Феоктистов из разночинцев, выпускник Московского университета, одно время был домашним учителем детей графини Е.В. Салиас и ее восторженным поклонником. При такой,

пусть даже формальной, замене газета наделялась властями правом вести политическое обозрение, что придавало «Русской Речи» злободневность и вес в общественном мнении. Что касается присоединения «Московского Вестника», то при этом исходили из следующих соображений. Во-первых, «Московский Вестник» с самого начала выпускался как газета политическая и литературная; еженедельно выходил с 1859 г. и к моменту возникновения «Русской Речи», потеряв подписчиков, стал неинтересным и безликим, но право освещать политические вопросы в современной России за ним сохранялось. Присоединяя «Московский Вестник», графиня Салиас наследовала это право, и желанная рубрика «Политика» наконец-то могла появиться в ее газете. В феврале 1861 г. «Московский Вестник» завершил свое существование, выпустив второй номер.

А ведь перед тем «Московский Вестник» извещал своих подписчиков, что объем газеты увеличивается и «редакция будет иметь возможность расширить в своем издании некоторые отделы... При составлении политического обозрения, мы имели в виду представить читателям не только связный рассказ о главных событиях, но и пояснить их смысл и значение... Оставляя политическое обозрение с прежним его характером, мы думаем прибавить к нему еще иностранные известия, и под этой рубрикой помещать строгий и внимательный выбор известий, помещаемых в газетах, без всякого суждения о них». Далее редактор «Московского Вестника» Николай Николаевич Воронцов-Вельяминов (1824–1864) сообщал читателям, что в его издании принимали участие известные ученые и литераторы: Н.В. Берг, М.Н. Лонгинов, И.И. Лажечников, А.Н. Островский, М.Е. Салтыков-Щедрин, А.Н. Плещеев, И.С. Тургенев и др. Этим же лицам рассылала приглашение к сотрудничеству в «Русской Речи» и Е.В. Салиас. Судьба «Московского Вестника» как бы зеркально повторилась в судьбе «Русской Речи»: каждой из них называли газетой и журналом, кто как, а то и просто газетой-журналом. Неопределенность типа издания порождала и неуместность части публикаций, и выбранный тон изложения. Издатели-аристократы в смутную эпоху реформ не сразу ощутили свое призвание. Их идеал был – реформы сверху, впрочем, временами не были им чужды и радикальные взгляды.

В связи с переменами «Русская Речь» ставила своею целью помещать материалы по части политики, внутреннего управления и общественной жизни с большей полнотой. «Народное образование, развитие народной жизни в общественном и административном отношениях, вопрос о национальностях – постоянно будут обращать на себя наше внимание», – сказано в письме к читателям редакции обновленной газеты. Но шли месяцы, а тираж все не рос и даже уменьшался. Осенью из состава сотрудников ушел Н.С. Лесков, сама Елизавета Васильевна – на ней, собственно, и держалась газета – надолго отлучилась в Париж по семейным делам, и тяжелый груз рутинной работы по выпуску в свет номеров (типография, цензура и проч.) упал на одного человека. Им был штатный сотрудник, скитавшийся по углам и обремененный детьми, – А.С. Суворин. К концу 1861 г. стало совершенно ясно: газета не удержится на плаву. Официальный редактор издания Е.М. Феоктистов не оказался на высоте своего положения, не проявился как смелый и оригинальный публицист, не поменял ровным счетом ничего. К тому же в следующем 1862 г. он собрался покинуть Москву и переехать в Петербург, где ему предложили взять под свое начало «Журнал Министерства Народного Просвещения» – весьма почтенное и авторитетное издание. Задумал перебраться в Петербург и молодой, но деятельный сотрудник графини – А.С. Суворин. На первом номере за 1862 г. газета «Русская Речь» прекратила свое существование.

Графиня вскоре на долгие годы уедет за границу, чтобы после разного рода переживаний и утрат вернуться в Россию с любовью к родным ценностям. Но то уже будет третья пора ее жизни – благочестивая и, как все предыдущие, эмоционально насыщенная. А ее стройная «Русская Речь» оставит след в отечественной публицистике как литературный факт, поучительный и во многом уникальный.

*Публикацию подготовили библиографы
М.А. Бирюкова и А.Н. Стрижёв*

Газета «Русская Речь»

(Обозрение литературы, истории, искусства
и общественной жизни на Западе и в России)

С № 39: «Русская Речь и Московский Вестник»

(Литература, политика, история, искусство
и общественная жизнь на Западе и в России)

1861 г.

№ 1 (1 января)

Литературное и ученое обозрение. Евгения Тур [Салиас Е.В.]. Горас Вальполь и Маркиза Дюдеффан. С. 1.

Словесность. В. Сухарев [Салиас Е.В.]. Москва и москвичи. С. 6.

Внутреннее обозрение. А. Забелин. Общественное управление С.-Петербурга. С. 10.

Смесь. [Б. п.]. Очерки общественной жизни в Англии (I. Таинственное преступление. II. Из студенческой жизни). С. 13.

№ 2 (5 января)

Литературное и ученое обозрение. [Корсак А.К.]. Нынешний Рим (Rome contemporaine, par M. Ed. About. 1860). [Рец.]. С. 17. – Евгения Тур [Салиас Е.В.]. Горас Вальполь и Маркиза Дюдеффан (Продолж.). С. 21.

Внутреннее обозрение. А. Корсак. Финансовая хроника. С. 24. – М. К. Промышленная хроника. С. 27.

Смесь. [Б. п.]. Лорд Абердин. С. 28.

№ 3 (8 января)

Литературное и ученое обозрение. Г. Головачов. По поводу вопроса об учебных заведениях («Организация учебной части в гимназиях». Статья г. Робера в № 17 и 18 «Русского Вестника» 1860 г.). [Рец.]. С. 33. – Евгения Тур [Салиас Е.В.]. Горас Вальполь и Маркиза Дюдеффан (Оконч.). С. 39.

Словесность. В. Сухарев [Салиас Е.В.]. Москва и москвичи. С. 47.

Смесь. [Б. п.]. К.С. Аксаков. С. 50. – [Салиас Е.В.]. Хроника Московской жизни. С. 51.

№ 4 (12 января)

С.М. Соловьев. Алексей Петрович Бестужев-Рюмин (I). С. 53.

Словесность. [Корсак А.К.]. Римские сцены (Из «Römische Figuren» Грегоровиуса). С. 60.

Внутреннее обозрение. [Лесков Н.С.]. Административные распоряжения и проекты. С. 63.

Смесь. [Салиас Е.В.]. Хроника Московской жизни (Оконч.). С. 65. – [Б. п.]. Из общественной и литературной жизни Франции. С. 67.

№ 5 (15 января)

Г.Е. Раскольникове дело в XVIII в. С. 69. – Д. Каченовский. Заметки о характере французов и англичан. С. 72.

Словесность. [Корсак А.К.]. Римские сцены (Продолж.). С. 76.

Внутреннее обозрение. М. К-ий. Промышленная хроника. С. 79.

Смесь. [Б. п.]. Обед 12 января. С. 80.

Провинциальная хроника. В. Марков. Письмо из Воронежа. С. 82.

№ 6 (19 января)

Литературное и ученое обозрение. Евгения Тур [Салиас Е.В.]. По поводу последней повести г-на Авдеева «Подводный камень». С. 85. – Д.И. Каченовский. Заметки о характере французов и англичан (Оконч.). С. 90.

Внутреннее обозрение. [Лесков Н.С.]. Экономическая хроника. С. 95.

Смесь. [Б. п.]. Процесс в семействе Бонапартов. С. 97. – [Б. п.]. Дешевые квартиры для бедных в Англии. С. 100.

№ 7 (22 января)

Литературное и ученое обозрение. Н.П. Некрасов. Нечто о действительности в искусстве (По поводу комедии г. Потехина «Кто лучше?», Отечественные Записки. 1860, № 12). С. 101.

Словесность. [Корсак А.К.]. Римские сцены (Продолж.). С. 109.

[Лесков Н.С.]. *Внутреннее обозрение.* А. К. Экономическая хроника (Оконч.). С. 113.

Смесь. Ив. Свидригайло. Заметка о положении университетского сословия. С. 115.

№ 8 (26 января)

Литературное и ученое обозрение. Е. Феокистов. Очерки новейшей истории Венгрии. С. 117.

Словесность. [Корсак А.К.]. Римские сцены (Оконч.). С. 120.

Смесь. Н. Б-овский. Гизо и Лакордер во Французской академии. С. 125. – [Лесков Н.С.]. Несколько слов об обществе любителей художеств в Москве. С. 128.

Провинциальная хроника. [Б. п.]. Письмо из Одессы. С. 129. – [Б. п.]. Бенефис г. Шумского. С. 130. – [Б. п.]. Процесс в семействе Бонапартов (Заседание Парижского гражданского суда 25 января). С. 131.

№ 9 (29 января)

А.Н. Афанасьев. Переписка Петра Великого с Екатериною. С. 133.

Литературное и ученое обозрение. Е. Феокистов. Очерки новейшей истории Венгрии (Продолж., II.). С. 136.

Смесь. [Б. п.]. Манин, основатель национального общества в Италии. (Извлечено из «Preussische Jahrbücher»). С. 141. – А. Забелин. Европейские удобства общественной жизни. С. 145. – [Б. п.]. Процесс в семействе Бонапартов (Продолж.). С. 146.

№ 10 (2 февраля)

А.Н. Афанасьев. Переписка Петра Великого с Екатериною (Оконч.). С. 149.

Литературное и ученое обозрение. В. Лялин. Г. Тьер о реставрации Бурбонов. С. 153.

[Лесков Н.С.]. *Внутреннее обозрение.* М. К-ий. Промышленная хроника. С. 157.

Смесь. [Б. п.]. Процесс в семействе Бонапартов (Продолж.). С. 157. – [Б. п.]. Литература о Гарибальди. С. 160. – [Б. п.]. Бенефис г. Васильева. С. 160.

Мелкие известия. Смерть Коссидьера. С. 163. – Ледрю-Роллен. С. 163. – Романист Мюржер. С. 163. – Путешественник Макгрегор Лерд. С. 164. – Аббат Тине. С. 164. – Швейцарское консульство в Японии. С. 164. – Наводнение в Нидерландах. С. 164. – Гарем Турецкого Султана. С. 164. – Новый немецкий Роман. С. 164.

№ 11 (5 февраля)

Литературное и ученое обозрение. Е. Феоктистов. Очерки новейшей истории Венгрии (Продолж., III. – V.). С. 165.

Словесность. Покинутая (Повесть Оттилии Вильдермут). С. 173.

Внутреннее обозрение. [Лесков Н.С.]. Нечто о золотопромышленности. С. 175.

Смесь. Р. Бенефис г. Садовского. С. 177. – [Б. п.]. Заведение для слепых в Англии (Из «Athaeneum»). С. 180.

№ 12 (9 февраля)

Литературное и ученое обозрение. Евгения Тур [Салиас Е.В.]. По поводу романа В. Крестовского («В ожидании лучшего», роман В. Крестовского, в двух частях. Москва. В типографии Рыжкова. 1860 г.). С. 181.

Словесность. Покинутая (Повесть Оттилии Вильдермут. Продолж.). С. 186.

Внутреннее обозрение. [Лесков Н.С.]. Нечто о золотопромышленности (Оконч.). С. 190.

Смесь. Д. Соколов. Педагогические журналы за январь месяца. («Воспитание». № 1. – «Русский Педагогический Вестник». № 1. – «Учитель». № 1 и 2). С. 191. – [Б. п.]. Из общественной и литературной жизни Франции. С. 194.

Мелкие известия. [Б. п.]. Представление Лакордера Наполеону III. С. 196. – [Б. п.]. Фальшивые монетчики в Константинополе. С. 196. – [Б. п.]. Новые успехи фотографии. С. 196.

№ 13 (12 февраля)

Литературное и ученое обозрение. В. Лялин. Г. Тьер о реставрации Бурбонов (Продолж., II.). С. 197.

Словесность. Покинутая (Повесть Оттилии Вильдермут. Продолж.). С. 202.

Смесь. [Б. п.]. Из Германии. С. 204. – [Б. п.]. Частная жизнь Гарибальди на о. Капрере. С. 207.

Т. Отрывок из частного письма. С. 209.

[Лесков Н.С.]. *Мелкие известия.* Родское убийство. С. 210. – Полицейский устав в Мюнхене. С. 211. – О памятнике Лютеру. С. 211. – Корреспондент «Times». С. 212. – Африканский путешественник Миани. С. 212. – Библиотека Гумбольдта. С. 212. – Французская академия. С. 212. – Мнимые сочинения Гейне. С. 212. От редакции. С. 212.

№ 14 (16 февраля)

Литературное и ученое обозрение. Евгения Тур [Салиас Е.В.]. Переписка Беранже. С. 213.

Словесность. Покинутая (Повесть Оттилии Вильдермут. Оконч.). С. 218.

Внутреннее обозрение. М. К...ий. Промышленная хроника. С. 223.

Смесь. [Салиас Е.В.]. Г-жа Ристори в Москве. Роль Юдифи. С. 224. – [Б. п.]. Продажа невольников в штате Георгии. С. 226. – [Б. п.]. Бенефис М.С. Щепкина. С. 227.

№ 15 (19 февраля)

Ф.И. Буслаев. Похождения беса в женской богадельне (Для истории Московских нравов конца XVII века). С. 229.

[Лесков Н.С.]. *Внутреннее обозрение.* (Подпись: М. К...й). Московский сжатый переносной газ. С. 233.

Смесь. [Салиас Е.В.]. Г-жа Ристори в Москве (II. Роль Марии Стюарт). С. 235. – К. Хозяин и работник. С. 237. – Продажа

невольников в штате Георгии (Оконч.). С. 238. – Окончание процесса семейства Бонапартов. С. 240.

Мелкие известия. Газта. С. 241. – Мистрисс Гор. С. 243. – Encyclopaedia Britannica. С. 244. – Пребывание Наполеона III в Аугсбургской гимназии. С. 244.

Поправки. С. 244.

№ 16 (23 февраля)

Генрих Вызинский. Очерки Английской истории XVIII столетия (I. Питт Старший и лорд Картерет). С. 245.

Словесность. Франциска (Роман Луи Ульбаха. Часть первая. I.). С. 250.

Внутреннее обозрение. [Лесков Н.С.]. Разные известия. С. 253.

Смесь. А. Забелин. Ясли (crèches) для детей в Париже. С. 254. – [Салиас Е.В.]. Г-жа Ристори в Москве (III. Роль Елисаветы королевы Английской). С. 256. – [Головачов Г.Ф.]. Письмо из Петербурга. С. 259.

Мелкие известия. [Б. п.]. Французский барон Мирес. С. 259. – [Б. п.]. Гумбольдт под надзором полиции. С. 260.

№ 17 (26 февраля)

Евгения Тур [Салиас Е.В.]. Жизнь Елизаветы Фрей. С. 261.

Словесность. Франциска (Роман Луи Ульбаха. Продолж. Часть первая. II.). С. 265.

Внутреннее обозрение. (Подпись: М. К...й). Промышленные ошибки. С. 268.

Смесь. А. Забелин. Ясли (crèches) для детей в Париже (Продолж.). С. 269. – [Салиас Е.В.]. Г-жа Ристори в Москве (III. Роль Елисаветы королевы Английской. Оконч.). С. 271.

Провинциальная хроника. Д. Письмо из Киева. С. 273.

Мелкие известия. [Лесков Н.С.]. О малолетних преступниках в Англии. С. 275. – Пожар в Бленгеймском дворце. С. 276. – Возобновление раскопок в Помпее. С. 276.

№ 18 (2 марта)

Г.В. Есипов. Алексей Лампадчик (Эпизод 1704–1720). С. 277.

Словесность. Франциска (Роман Луи Ульбаха. Продолж. Часть первая. III.). С. 282.

Внутреннее обозрение. [Б. п.]. Экономическая хроника. С. 285. – (Подпись: М. К...й). Промышленная хроника. С. 287.

Смесь. [Лесков Н.С.]. Т.Г. Шевченко. С. 288.

Провинциальная хроника. А. Суворин. Письмо из Воронежа. С. 288. – [Б. п.]. По поводу письма нашего Воронежского корреспондента. С. 289.

[Б. п.]. Московское общество любителей российской словесности. С. 291. – [Салиас Е.В.]. Г-жа Ристори в Москве (IV. Роль Каммы). С. 291.

№ 19 и 20 (9 марта)

Высочайший манифест об упразднении крепостной зависимости. С. 293. – [Б. п.]. 19 февраля 1861 г. С. 295. – Евгения Тур [Салиас Е.В.]. Жизнь Елизаветы Фрей (Продолж.). С. 296.

Библиография. Г. Стихотворения А.Н. Плещеева. Новое издание значительно дополненное. Москва. В типографии Грачева и К⁰. 1861 г. С. 300.

Словесность. Франциска (Роман Луи Ульбаха. Продолж. Часть первая. IV.). С. 301.

Внутреннее обозрение. [Б. п.]. Экономическая хроника (Оконч.). С. 306.

Смесь. [Б. п.]. Из Германии. С. 307. – А. Забелин. Ясли (crèches) для детей в Париже (Оконч.). С. 312. – Н. Л[еск]ов. Последняя встреча и последняя разлука с Шевченко. С. 314.

Мелкие известия. [Б. п.]. О приготовлении учителей для сельских школ. С. 316. – Школа для крестьянских мальчиков. С. 316. – Курьезное явление. С. 316. – Спектакли любителей. С. 316. – Окончание процесса по духовному завещанию Робинсона Гартлея. С. 316. – Новое сочинение Эмерсона. С. 316.

№ 21 (12 марта)

Литературное и ученое обозрение. Ф.И. Буслаев. Русские духовные стихи. С. 317.

Словесность. Франциска (Роман Луи Ульбаха. Продолж. Часть первая. IV.). С. 321.

Смесь. [Б. п.]. Очерки истории Английского парламента. С. 325. – [Салиас Е.В.]. Г-жа Ристори в Москве (Оконч. IV.). С. 327.

Провинциальная хроника. [Б. п.]. Письмо из Одессы. С. 329.

Мелкие известия. [Лесков Н.С.]. О переводе сочинений г. Щедрина на английский язык. С. 331. – Смерть скульптора Ричеля. С. 332. – Книга г. Ларше об Англии. С. 332. – Лаура Шиллера. С. 332.

№ 22 (16 марта)

Литературное и ученое обозрение. М. Де-Пуле. Старческий грех. (Совершенно романическое приключение. А. Писемского. «Библиотека для чтения». Январь 1861 г.). С. 333. – Евгения Тур [Салиас Е.В.]. Жизнь Елизаветы Фрей (Продолж.). С. 336.

Словесность. Франциска (Роман Луи Ульбаха. Продолж. Часть первая. VII.). С. 341.

Внутреннее обозрение. [Б. п.]. Новейшие известия. С. 343. – (Подпись: М. К...ий). Промышленная хроника. С. 345.

Смесь. Провинциальная хроника: [Б. п.]. Письмо из Одессы. С. 346. – Н. Л[еск]ов. Письмо из С.-Петербурга. С. 347.

№ 23 (19 марта)

Литературное и ученое обозрение. Ф.И. Буслаев. Русские духовные стихи (Продолж. II.). С. 349.

Словесность. Франциска (Роман Луи Ульбаха. Продолж. Часть первая. VIII. – X.). С. 356.

[Лесков Н.С.]. *Внутреннее обозрение.* Алексей Головачов. Проект устава С.-Петербургского закладного общества. С. 360.

Смесь. *Мелкие известия.* [Б. п.]. Школа в Трубчевске. С. 364. – [Б. п.]. Известие из Саратова. С. 364.

№ 24 (23 марта)

Г.В. Вызинский. Очерки Английской истории XVIII столетия (II. Братья Пельгемы). С. 365.

Словесность. Франциска (Роман Луи Ульбаха. Продолж. Часть первая. X. – XI.). С. 370.

Внутренние известия. [Лесков Н.С.]. Высочайший манифест. С. 373.

Смесь. Д.С. Педагогические журналы за февраль месяц. С. 374. – [И.С. Некрасов]. Значение литературной деятельности Скриба. С. 376. – [Б. п.]. Несколько слов о Русском музыкальном обществе в Москве. С. 379.

Мелкие известия. [Лесков Н.С.]. Картина Иванова. С. 380. – [Б. п.]. Материалы для истории французского театра. С. 380.

№ 25 (26 марта)

Евгения Тур [Салиас Е.В.]. Жизнь Елизаветы Фрей (Оконч.). С. 381.

Словесность. Франциска (Роман Луи Ульбаха. Продолж. Часть первая. XII.). С. 385.

Смесь. П. Шестаков. О преобразовании духовных училищ. С. 388. – Н. [И.С.] Некрасов. Значение литературной деятельности Скриба (Продолж.). С. 391. – Николай Лесков. Письмо из С.-Петербурга. С. 395. – [Б. п.]. Экспедиция во внутреннюю Африку доктора Гейглина. С. 396.

Поправка. С. 396.

№ 26 (30 марта)

Ф.И. Буслаев. Русские духовные стихи (Оконч.). С. 397.

Словесность. А. Левитов. Целовальничиха (Очерки из народной жизни). С. 403.

Внутреннее обозрение. [Лесков Н.С.]. Экономическая хроника. С. 407.

Смесь. А. Корсак. Исторический очерк цехового устройства ремесленной промышленности на Западе. С. 408. – Н. [И.С.] Некрасов. Значение литературной деятельности Скриба (Оконч.). С. 411. – Заметка. С. 412.

№ 27 (2 апреля)

Литературное и ученое обозрение. Е. Феоктистов. Жозеф де-Местр в Петербурге. С. 413.

Словесность. А. Левитов. Целовальничиха (Очерки из народной жизни. Оконч.). С. 417.

Внутреннее обозрение. [Лесков Н.С.]. Экономическая хроника (Оконч.). С. 421.

Смесь. Алексей Головачов. О вольнонаемном труде в помещичьих хозяйствах Тверской губернии. С. 422. – В. Слепцов. Из путевых заметок. С. 424. – Аполлон Головачов. «Русский Вестник» о старых и новых богах. С. 428.

№ 28 (6 апреля)

Литературное и ученое обозрение. Е. Феоктистов. Жозеф де-Местр в Петербурге (Оконч.). С. 429. – [М. Де-Пуле]. Нечто о подводных камнях и утесах в нашей литературе (Письмо к редактору «Русской Речи» по поводу последнего романа г. Авдеева). С. 433.

Смесь. [А.К. Корсак]. Исторический очерк цехового устройства ремесленной промышленности на Западе (Продолж.). С. 436. – В. Слепцов. Из путевых заметок (Продолж.). С. 439. – [Б. п.]. Из общественной и литературной жизни Франции. С. 442. – [Б. п.]. Нечто о невежестве в нашей литературе. С. 443.

№ 29 (9 апреля)

Г.В. Вызинский. Очерки Английской истории XVIII столетия (III. Претендент Карл Эдуард). С. 445. – М. Де-Пуле. Нечто о подводных камнях и утесах в нашей литературе (Письмо к редактору «Русской Речи» по поводу последнего романа г. Авдеева. Оконч.). С. 449.

Словесность. Ганс Ибелес в Лондоне (Роман г-жи Иоганны Кинкель). С. 452.

Смесь. П. Шестаков. Из записок директора тюремного комитета. С. 455. – [Б. п.]. Из общественной и литературной жизни Франции. С. 458. – Аполлон Головачов. Г. Гымалэ – последователь г. Дудышкина. С. 459. – [Б. п.]. А.Н. Бахматов. [Некролог]. С. 460.

№ 30 (13 апреля)

Н.А. Попов. События 1730 г. и участие в них Татищева. С. 461.

Словесность. Ганс Ибелес в Лондоне (Роман г-жи Иоганны Кинкель. Продолж.). С. 466. [Лесков Н.С.]. Внутреннее обозрение. С. 469.

Смесь. П. Шестаков. Из записок директора тюремного комитета (Оконч.). С. 471. — [Б. п.]. Из общественной и литературной жизни Англии. С. 473. — [Лесков Н.С.]. Письмо из С.-Петербурга. С. 476.

Поправка. С. 476.

№ 31 (16 апреля)

Н.А. Попов. События 1730 г. и участие в них Татищева (Продолж.). С. 477.

Словесность. Ганс Ибелес в Лондоне (Роман г-жи Иоганны Кинкель. Продолж.). С. 481.

[Лесков Н.С.]. Внутреннее обозрение. С. 484.

Смесь. Н. Чего можно ожидать от соединения духовных училищ со светскими? С. 485. — А.К. Корсак. Исторический очерк цехового устройства ремесленной промышленности на Западе (Оконч.). С. 487. — [Лесков Н.С.]. Постоянная выставка общества любителей художеств. С. 488. — Николай Лесков. Письма из С.-Петербурга (I, II). С. 489. — А. Суворин. Письмо из Воронежа. С. 490.

№ 32 и 33 (21 апреля)

Н.А. Попов. События 1730 г. и участие в них Татищева (Продолж.). С. 493.

Литературное и ученое обозрение. Периодическая литература Франции (Статья о книге г. Гатена заимствована из «Westminster – Review»). С. 497.

Словесность. С. Макашин. Моя автобиография. С. 501. — Ганс Ибелес в Лондоне (Роман г-жи Иоганны Кинкель. Продолж.). С. 506.

Смесь. [Б. п.]. Из Германии. С. 510. — Алексей Лесков. Н.И. Пирогов. С. 512. — К. Герц. Иностранные художники на

постоянной выставке общества любителей художеств. С. 513. – Протест Московского университета. С. 516. – Библиографическое известие. С. 516.

[Заметка]. С. 516.

№ 34 и 35 не вышли

№ 36 (4 мая)

Н.А. Попов. События 1730 г. и участие в них Татищева (Оконч.). С. 517.

Словесность. Ганс Ибелес в Лондоне (Роман г-жи Иоганны Кинкель. Продолж.). С. 520.

Смесь. [Б. п.]. Из Германии (Оконч.). С. 524. – [Б. п.]. Венгерский поэт Александр Петефи. С. 528. – А.С. [Суворин А.С.] Врачи и народ (О направлении медицинской деятельности и средствах служения врачей на пользу науки и народа. Статья Н. Розова. Москов. медиц. газет. № 1–9. [Рец.]). С. 530. – Н. Лесков. Письмо из Петербурга. С. 532. – Мелкие известия. С. 532.

№ 37 (7 мая)

Г.В. Есипов. Александр – дьякон. С. 533. – Г.В. Вызинский. Очерки Английской истории XVIII столетия (IV. Англия накануне Семилетней войны). С. 535.

Словесность. Ганс Ибелес в Лондоне (Роман г-жи Иоганны Кинкель. Продолж.). С. 539.

Смесь. Н. Лесков. О наемной зависимости. С. 542. – В. С-в. На выставке (Очерк). С. 543. – [Б. п.]. Нечто о глупости лорда Джона Росселя и об уме г. Благовсветова. С. 547.

№ 38 (11 мая)

Г.В. Вызинский. Очерки Английской истории XVIII столетия (IV. Англия накануне Семилетней войны. Оконч.). С. 549.

Литературное и ученое обозрение. Периодическая литература Франции (Оконч.). С. 552.

Словесность. С. Макашин. Моя автобиография (Продолж.). С. 557. – Ганс Ибелес в Лондоне (Роман г-жи Иоганны Кинкель. Продолж.). С. 559.

Смесь. (Подпись: В. С...ий). Из записок путешественника по Италии. С. 653. – От редакции. С. 564.

№ 39 (14 мая)

Г. Геннади. Записки Храповицкого о Екатерине II. С. 565.

Словесность. Ганс Ибелес в Лондоне (Роман г-жи Иоганны Кинкель. Продолж.). С. 568.

Политика. [Лесков Н.С.]. 1. Имперский сейм и сейм Венгерский. С. 571. – 2. Итальянские дела. С. 574. – 3. Нечто о Берлинской полиции. С. 576. – 4. Последние происшествия в Соединенных Штатах. С. 577. – Последние известия. С. 578.

Смесь. Из записок путешественника по Италии (Продолж.). С. 578. (Подпись: В. С...ий). – Мелкие известия. С. 580. – От редакции. С. 580.

№ 40 (18 мая)

Литературное и ученое обозрение. Г. Новые книги (Сочинения и переводы Льва Мея. Книга первая. Песни и былины. Издание Печаткина. С.-Петербург. 1861 г. [Рец.]). С. 581. – Н. [И.С.] Некрасов. Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях Н.И. Костомарова [Рец.]. С. 582.

Словесность. Ганс Ибелес в Лондоне (Роман г-жи Иоганны Кинкель. Оконч.). С. 585. – С. Макашин. Моя автобиография (Продолж.). С. 588.

Смесь. [Б. п.]. Очерки истории утверждения и распространения невольничества в Соединенных Штатах. С. 590. – Из записок путешественника по Италии (Продолж.). С. 592. (Подпись: В. С...ий). – [Б. п.]. Празднество в честь литературного фонда в Англии. С. 595.

№ 41 (21 мая)

Словесность. Кохановская [Н.С.]. Черты из нашей народности. (Записано в 1850 г.; Холера. Каменные бабы). С. 597. – С. Макашин. Моя автобиография (Продолж.). С. 602.

Внутреннее обозрение. А. Г. Еще о мировых посредниках. С. 604.

Политика. [Б. п.]. 1. Французская пресса и циркуляр г. де-Персиньи. С. 608. – [Б. п.]. 2. Итальянские дела. С. 609. – [Б. п.]. Последние происшествия в Соединенных Штатах. С. 610.

Смесь. [Б. п.]. Очерки истории утверждения и распространения невольничества в Соединенных Штатах (Оконч.). С. 611. – [Надежда Веселовская]. Мысли по поводу открытия женских гимназий. С. 612. – Мелочи. С. 612.

№ 42 (25 мая)

Литературное и ученое обозрение. [Б. п.]. О французских романах. С. 613. – [Н. Г.]. Руководство по сравнительной статистике, Кольба [Рец.]. С. 617.

Словесность. Иосиф в снегу (Рассказ Бертольда Ауербаха). С. 619.

Смесь. В. С. Последние события в Китае и значение их для России. С. 622. – Д. К. Детская литература во Франции. О Грибуле Жорж-Санда. С. 624. – Надежда Веселовская. Мысли по поводу открытия женских гимназий (Оконч.). С. 627. – От редакции. С. 628. – Поправка. С. 628.

№ 43 (28 мая)

Литературное и ученое обозрение. [Субботин Н.И.]. Дело патриарха Никона («История России с древнейших времен». Сочинение Сергея Соловьева. Том одиннадцатый. СПб. 1861 г.). С. 629.

Словесность. Иосиф в снегу (Рассказ Бертольда Ауербаха. Продолж.). С. 634.

Политика. [Б. п.]. 1. Граф Кавур. С. 637. – 2. Венгерский сейм и Австрия. С. 637. – 3. Общественное мнение во Франции. С. 638. – 4. Известия из Пруссии. С. 641. – 5. Итальянские дела. С. 641. – 6. Новое управление Ливанской горы. С. 643. – 7. Последние происшествия в Соединенных Штатах. С. 644.

№ 44 (1 июня)

Литературное и ученое обозрение. [Б. п.]. Французские романы (Из «National review». Оконч.). С. 645. – [Н. Г.]. Руководство по сравнительной статистике, Кольба [Рец.] (Продолж.). С. 650.

Словесность. Иосиф в снегу (Рассказ Бертольда Ауербаха. Продолж.). С. 652.

Смесь. Н. Лесков. Русские женщины и эманципация. С. 655.

Провинциальная хроника. А. А. Письмо из Ярославля. С. 659.

№ 45 (4 июня)

Г.В. Есипов. Серпуховские калачи (Эпизод из событий 1724 г.). С. 661.

Словесность. Иосиф в снегу (Рассказ Бертольда Ауербаха. Продолж.). С. 662.

Политика. [Б. п.]. Политическая деятельность графа Кавура. С. 665. – Франция. С. 668. – Пруссия и Германия. С. 671. – Последние события в Соединенных Штатах. С. 673. – Римский вопрос. С. 675. – Последние известия из Турина. С. 676.

№ 46 (8 июня)

Литературное и ученое обозрение. [Субботин Н.И.]. Дело патриарха Никона (II. Статья вторая). С. 677. – Н. Г. Руководство по сравнительной статистике, Кольба [Рец.] (Оконч.). С. 683.

Словесность. Иосиф в снегу (Рассказ Бертольда Ауербаха. Продолж.). С. 684.

Смесь. Н. Лесков. Русские женщины и эманципация (Оконч.). С. 688. – [Б. п.]. Несколько слов об уважении к прежним деятелям в нашей литературе (По поводу статьи г. Лонгинова о князе Вяземском. Русск. Вестн. Кн. 4). С. 690. – От редакции. С. 692.

№ 47 (11 июня)

Литературное и ученое обозрение. М. Де-Пуле. Нечто о таланте Марко Вовчка («Лихой человек», рассказ Марко Вовчка, «Русский Вестник», 1861 г. Кн. первая). С. 693.

Словесность. Иосиф в снегу (Рассказ Бертольда Ауербаха. Продолж.). С. 696.

Политика. [Б. п.]. Политические партии в Австрии. С. 699. – Общественное мнение Европы о графе Кавуре. С. 700. – Итальянские дела. С. 702. – Слухи о признании Итальянского королевства Францией. С. 703. – Соединенные Штаты и Европа. С. 705.

Смесь. К. Герц. Художественные известия из Петербурга (в мае 1861 г.). С. 706. – От редакции. С. 708. – Объявление. С. 708.

№ 48 (15 июня)

Литературное и ученое обозрение. Н.П. Некрасов. Записки Фарнгагена фон Энзе о собственной его жизни. С. 709.

Словесность. Иосиф в снегу (Рассказ Бертольда Ауербаха. Продолж.). С. 712.

Внутреннее обозрение. [Б. п.]. Экономическая хроника. С. 718.

Смесь. Н. Лесков. Как относятся взгляды некоторых просветителей к народному просвещению. С. 719. – [Б. п.]. Нечто об акционерном деле. С. 722. – От редакции. С. 724. – Объявление. С. 724.

№ 49 (18 июня)

Литературное и ученое обозрение. Н.П. Некрасов. Записки Фарнгагена фон Энзе о собственной его жизни (Продолж., II). С. 725.

Словесность. Иосиф в снегу (Рассказ Бертольда Ауербаха. Продолж.). С. 729. – С. Макашин. Моя автобиография (Продолж.). С. 732.

[Лесков Н.С.]. Итальянские дела. С. 734. – Австрия и Венгрия. С. 736. – Известия из Соединенных Штатов. С. 738 – Процесс герцога де-Броли. С. 739. – Прокламация Омер-Паши в Герцеговине. С. 740. – Окончательное устройство Ливана. С. 740. – Новое издание Центрального статистического комитета: «Списки населенных мест Российской империи» (Объявление). С. 740.

№ 50 (22 июня)

Литературное и ученое обозрение. [Субботин Н.И.]. Дело патриарха Никона (III). С. 741.

Словесность. С. Макашин. Моя автобиография (Продолж.). С. 745. – Иосиф в снегу (Рассказ Бертольда Ауербаха. Оконч.). С. 748.

Смесь. [Б. п.]. Дневник Вильсона. С. 753. – N. Заметка о преподавании в Тверской воскресной школе, в Москве. С. 755. – От редакции. С. 756. – Объявление. С. 756.

№ 51 (25 июня)

Литературное и ученое обозрение. [Субботин Н.И.]. Дело патриарха Никона (IV.). С. 757.

Словесность. [Б. п.]. Зеркало (Повесть, I. – II.). С. 761.

Политика. [Б. п.]. Nationalverein и Пруссия. С. 763. – Итальянские дела. С. 767. – Прения о свободе печати во Франции. С. 769. – Признание Францией Итальянского королевства. С. 770. – Разные известия. С. 771. – От редакции. С. 772. – Поправка. С. 772.

№ 52 (29 июня)

Литературное и ученое обозрение. [Новосильцева Е.В.]. Шеридан и его время. С. 773.

Словесность. [Б. п.]. Зеркало (Повесть, III. – IV.). С. 777. – С. Макашин. Моя автобиография (Продолж.). С. 781.

Смесь. П.К. Щебальский. О С.-Петербургских воскресных школах. С. 784. – Н. Лесков. Русские люди, состоящие «не у дел». С. 786. – Извлечения и выводы из описаний помещичьих имений (Объявление). С. 788. – Объявление о подписке на второе полугодие. С. 788.

№ 53 (2 июля)

Литературное и ученое обозрение. [Новосильцева Е.В.]. Шеридан и его время (Продолж.). С. 1.

Словесность. [Б. п.]. Зеркало (Повесть, V. – VII.). С. 5.

Политика. [Б. п.]. Итальянские дела. С. 8. – Перемена престола в Турции. С. 11. – Адрес Венгерского сейма. С. 12. – Известия из Соединенных Штатов. С. 13. – Разные известия. С. 14. – От редакции. С. 16.

№ 54 (6 июля)

Литературное и ученое обозрение. [Новосильцева Е.В.]. Шеридан и его время (Продолж.). С. 17.

Словесность. [Б. п.]. Зеркало (Повесть, VIII. – IX.). С. 21 – С. Макашин. Моя автобиография (Продолж.). С. 25.

Смесь. [Б. п.]. Подлинные сведения о Гарибальди. С. 27. – Михаил Драгоманов. По поводу заметки о Н.И. Пирогове (в № 4

«Отечественных Записок» в 1861 г. «Обед в Киеве»). С. 29. — Ал. Сухарев [Суворин А.С.]. Нечто о лавочках журнала «Современник». С. 31.

№ 55 (9 июля)

Литературное и ученое обозрение. Т. Толычева [Новосильцева Е.В.]. Шеридан и его время (Оконч.). С. 33.

Словесность. Франциска (Роман Луи Ульбаха. Часть вторая. XIII.). С. 37. — С. Макашин. Моя автобиография (Продолж.). С. 39.

Политика. [Б. п.]. Венгерский сейм. С. 42. — Итальянские дела. С. 43. — В Испании. С. 46. — Известия из Пруссии. С. 46.

Смесь. [Б. п.]. Подлинные сведения о Гарибальди (Продолж.). С. 47.

№ 56 (13 июля)

Литературное и ученое обозрение. В. Авсеенко. Федерация Италии по идеям 1848 г. С. 49.

Словесность. Франциска (Роман Луи Ульбаха. Часть вторая. XIV.). С. 52.

Внутреннее обозрение. [Б. п.]. Правительственные распоряжения и общественная деятельность. С. 57.

Смесь. [Б. п.]. Письмо из Одессы. С. 60. — [Б. п.]. Подлинные сведения о Гарибальди (Продолж.). С. 62. — От редакции. С. 64.

№ 57 (16 июля)

Литературное и ученое обозрение. Ев. Феокистов. Токвилль в русском переводе («Демократия в Америке», соч. Ал. Токвилля, члена института, перев. А. Якубовича. 4 книги. Киев. 1860). С. 65.

Словесность. Франциска (Роман Луи Ульбаха. Часть вторая. XV.). С. 70.

Политика. [Б. п.]. Франция. С. 72. — Итальянские дела. С. 74. — Покушение на жизнь Прусского короля. С. 75. — Известия из Соединенных Штатов. С. 76. — «Times» о литературной оппозиции во Франции. С. 77.

Смесь. В. Манассеин. Быт русских студентов в Дерптском университете (Письмо из Дерпта). С. 78. — [Б. п.]. Подлинные сведения о Гарибальди (Оконч.). С. 79.

№ 58 (20 июля)

Литературное и ученое обозрение. А.С. [Суворин А.С.]. Стихотворения А.С. Хомякова. С. 81. – Н. Библиографические заметки. С. 83.

Словесность. Франциска (Роман Луи Ульбаха. Часть вторая. XVI.). С. 85.

Внутреннее обозрение. [Б. п.]. Административные распоряжения и общественная деятельность. С. 88.

Смесь. [Б. п.]. Дело Миреса. С. 91. – [Б. п.]. Процесс барона Видиля. С. 94. – Ред. Некоторые сведения о житье в русских американских владениях с 1851 по 1859 г. (Извлечено из записки доктора З. Говорливого). С. 94. – От редакции. С. 96.

№ 59 (23 июля)

Литературное и ученое обозрение. Т. [Салиас Е.В.]. Риччиарди (Извлечение из автобиографии). С. 97.

Словесность. Франциска (Роман Луи Ульбаха. Часть вторая. XVII.). С. 101.

Политика. [Б. п.]. Итальянский вопрос в английском парламенте. С. 104. – Императорский рескрипт в ответ на адрес Венгерского сейма. С. 105. – Итальянские дела. С. 107. – Лорд Джон Россел. С. 109. – Абраам Линкольн и его послание к сенату и палате представителей. С. 110. – Прекращение торга неграми во Французских колониях. С. 111. – [Характеристика Венгерского сейма]. С. 112.

№ 60 (27 июля)

Литературное и ученое обозрение. Т. [Салиас Е.В.]. Риччиарди (Извлечение из автобиографии. Оконч.). С. 113.

Словесность. Франциска (Роман Луи Ульбаха. Часть вторая. XVIII.). С. 118. – С. Макашин. Моя автобиография (Продолж.). С. 121.

Внутреннее обозрение. [Лесков Н.С.]. [«О различных явлениях общественной жизни»]. С. 122.

Смесь. В. Пересветов [Лесков Н.С.]. О замечательном, но не благородном направлении некоторых современных писателей. С. 126.

№ 61 (27 июля)

Литературное и ученое обозрение. М. Де-Пуле. Литература и общественный быт. («Семейство Подошвиных», роман. «Русское Слово», 1860 г., январь-март; «Прикащик», повесть в том же журнале, в декабрьской книжке прошлого и в январской книжке нынешнего года.) С. 129.

Словесность. Франциска (Роман Луи Ульбаха. Часть вторая. XIX. – XX.). Ч. 133.

Политика. [Б. п.]. Французские журналы и Английское министерство. С. 136. – Положение дел в Венгрии. С. 138. – Итальянские дела. С. 139. – Абраам Линкольн и его послание к сенату и палате представителей (Оконч.). С. 143. – Известия из Соединенных Штатов. С. 144.

№ 62 (3 августа)

А.Н. Афанасьев. Из нравов XVIII в. С. 145.

Словесность. Франциска (Роман Луи Ульбаха. Часть вторая. XIX.). С. 146. – Д. Минаев. Из забытой тетради покойника (Повесть). С. 148. – [Лесков Н.С.]. Внутреннее обозрение. С. 155.

Смесь. В. Манассеин. Несколько слов о дерптских студентах. С. 159.

№ 63 (6 августа)

Литературное и ученое обозрение. Иван [Семенович] Некрасов. Иностранцы Казанской губернии. (Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Казанская губерния. Составил М. Лаптев. 1861. [Рец.].) С. 161.

Словесность. Д. Минаев. Из забытой тетради покойника (Повесть. Продолж.). С. 164.

Политика. [Б. п.]. Пруссия и Германские дела. С. 166. – Римский вопрос. С. 168. – Известия из Италии. С. 170. – Положение дел в Турции. С. 171. – Разные известия. С. 173.

Смесь. В. Лялин. Юридические вопросы в Германии. С. 175. – Полный словарь иностранных слов (Объявление). С. 176.

№ 64 (10 августа)

Литературное и ученое обозрение. Н.П. Некрасов. Записки Фарнгагена фон Энзе о собственной его жизни (Продолж., III.). С. 177.

Словесность. Д. Минаев. Из забытой тетради покойника (Повесть. Оконч.). С. 180.

[Б. п.]. Внутреннее обозрение. С. 184.

Смесь. В. Слепцов. Владимирка и Клязьма (Дорожные заметки). С. 189. – Полный словарь иностранных слов (Объявление). С. 192. – Ответы редакции. С. 192.

№ 65 (13 августа)

Литературное и ученое обозрение. Н.П. Некрасов. Записки Фарнгагена фон Энзе о собственной его жизни (Продолж., IV.). С. 193.

Словесность. А. Левитов. Проезжая степная дорога (Ночь) (Очерк). С. 198.

Политика. [Б. п.]. Положение дел в Австрии и Венгрии. С. 201. – Итальянские дела. С. 203. – События в Соединенных Штатах. С. 205.

Смесь. В. Слепцов. Владимирка и Клязьма (Дорожные заметки. Продолж.). С. 207.

№ 66 (17 августа)

Литературное и ученое обозрение. Н.П. Некрасов. Записки Фарнгагена фон Энзе о собственной его жизни (Продолж., V.). С. 209. – [Б. п.]. Библиографические заметки (Будущность земледельческих государств. Извлечение из писем Либиха. Перевел С.С. Мальцев. С.-Петербург. 1861 г.). С. 213.

Словесность. А. Левитов. Проезжая степная дорога (Ночь) (Очерк. Оконч.). С. 214. [Лесков Н.С.]. Внутреннее обозрение. С. 216.

Смесь. В. Письмо из Киева. С. 219. – В. Слепцов. Владимирка и Клязьма (Дорожные заметки. Продолж.). С. 221. – В. Лялин. Юридические вопросы в Германии (Продолж.). С. 224. – Ответы редакции. С. 224.

№ 67 (20 августа)

Литературное и ученое обозрение. Н.П. Некрасов. Записки Фарнгагена фон Энзе о собственной его жизни (Продолж., VI.). С. 225.

А. С. [Суворин А.С.]. Библиографические заметки ([1] «Хрестоматия или избранные статьи для народного учения». Выпуск первый. Москва. 1861 г. Цена 30 коп. сер., стр. 350. [2] «Книга для школ», составленная из произведений избранных русских писателей: Крылова, Даля, Некрасова, Пушкина, Кольцова, Марка Вовчка, Тургенева, Полежаева, Жуковского, Лермонтова и др. Цена 25 коп. Москва. 1861 г., стр. 93. [3] «Чтение для православного русского народа». Состав. В. Аскоченским. С 34 политипажам в тексте. С.-Петербург. 1861. Цена 30 коп., стр. 236.) С. 229.

Словесность. [Ольга Касторская]. Гувернантка (Повесть). С. 230.

Политика. [Б. п.]. Правительство и католическое духовенство во Франции. С. 233. – Итальянские дела. С. 234. – Эрцгерцог Фердинанд Максимилиан в Соутгамптоне. С. 237. – Турция и христианские области. С. 237. – Разные известия. С. 239. – От редакции. С. 240.

№ 68 (24 августа)

Литературное и ученое обозрение. Б. Несколько слов о монахах. С. 241. – А. С. [Суворин А.С.]. Библиографические заметки ([1] «Хрестоматия или избранные статьи для народного учения». Выпуск первый. Москва. 1861 г. Цена 30 коп. сер., стр. 350. [2] «Чтение для православного русского народа». Состав. В. Аскоченским. С 34 политипажам в тексте. С.-Петербург. 1861. Цена 30 коп., стр. 236. Оконч.) С. 243.

Словесность. Ольга Касторская. Гувернантка (Повесть. Продолж.). С. 246.

[Б. п.]. Внутреннее обозрение. С. 248.

Смесь. [Б. п.]. Процесс барона Видиля. С. 251. – В. Лялин. Юридические вопросы в Германии (Оконч.). С. 252. – Ответы редакции. С. 252.

№ 69 (27 августа)

Д.И. Каченовский. Мои встречи и беседы с г-жею Джемсон (Рассказ путешественника. I. Посвящ. преподавательницам женской воскресной школы в Харькове). С. 253.

Словесность. Ольга Касторская. Гувернантка (Повесть. Продолж.). С. 258.

Политика. [Б. п.]. Католическая церковь в Италии. С. 262. – Закрытие Венгерского сейма. С. 263. – Известия из Франции. С. 264. – События в Соединенных Штатах. С. 265.

Смесь. К. Из-за границы. Письмо I. Берлин. С. 267.

№ 70 (31 августа)

Д.И. Каченовский. Мои встречи и беседы с г-жею Джемсон (Рассказ путешественника. Продолж., II.). С. 269.

Словесность. Ольга Касторская. Гувернантка (Повесть. Продолж.). С. 273.

Внутреннее обозрение. [Б. п.]. Административные распоряжения и явления общественной жизни. С. 278.

Смесь. Е. Т. [Салиас Е.В.]. Несколько слов о женском труде. С. 280. – К. Из-за границы. Письмо I. Берлин (Оконч.). С. 282. – [Салиас Е.В.]. Заметка (О пьесе г. Сухово-Кобылина «Дело»). С. 284.

№ 71 (3 сентября)

Д.И. Каченовский. Мои встречи и беседы с г-жею Джемсон (Рассказ путешественника. Продолж., III.). С. 285.

Словесность. Ольга Касторская. Гувернантка (Повесть. Продолж.). С. 287.

Политика. [Суворин А.С.]. «Salus reipublicae maxima lex esto». С. 293. – Итальянские дела. С. 295. – Христианские области Турции. С. 296. – События в Соединенных Штатах. С. 297. – Разные известия. С. 298.

Смесь. Одесский корреспондент «Русской Речи». По поводу вступительных экзаменов (Письмо к Редактору «Русской Речи»). С. 298.

№ 72 (7 сентября)

Г.В. Есипов. Дела Преображенского приказа (Из времен Петра Великого). С. 301. – А.С. [Суворин А.С.]. Библиографические заметки («История русской литературы». П. Петраченко. Варшава. 1861). С. 305.

Словесность. Ольга Касторская. Гувернантка (Повесть. Оконч.). С. 306.

[Суворин А.С.]. Внутреннее обозрение. С. 308.

Смесь. Семинарист. Положение в семинариях учителей-мирян (Письмо к редактору). С. 312. – Михаил Цветков. Ремесленное заведение в Москве (Письмо к редактору). С. 315. – Сбор в пользу бедных студентов, обязанных вносить плату за слушание лекций. С. 316. – Ответы редакции. С. 316.

№ 73 (10 сентября)

Г.В. Есипов. Дела Преображенского приказа (Из времен Петра Великого. Оконч.). С. 317.

Словесность. Т. Толычева [Новосильцева Е.В.]. Старый дом (Не сказка, а быль. Посвящается семейству). С. 320.

Политика. [Суворин А.С.]. Австрия и ее отношения к Европе. С. 324. – Итальянские дела. С. 326. – События в Соединенных Штатах. С. 327. – Разные известия. С. 328.

Смесь. [Б. п.]. Влияние централизации на провинцию. С. 329. – [Б. п.]. Общество для распространения наук в Англии. С. 332. – [Заметка о недавно открытых сочинениях Гоголя]. С. 332. – Ответы редакции. С. 332.

№ 74 (14 сентября)

Литературное и ученое обозрение. [Субботин Н.И.]. Дело патриарха Никона (V.). С. 333.

Словесность. Т. Толычева [Новосильцева Е.В.]. Старый дом (Не сказка, а быль. Продолж.). С. 337.

[Суворин А.С.]. Внутреннее обозрение. С. 340.

Смесь. [Б. п.]. Уголовный случай. С. 346. – [Суворин А.С.]. Вести и слухи. С. 347. – [Заметка о смерти артистов А.М. Максимова и И.К. Кавоса]. С. 348. – Ответы редакции. С. 348.

№ 75 (17 сентября)

Литературное и ученое обозрение. [Субботин Н.И.]. Дело патриарха Никона (VI.). С. 349. – А. С. [Суворин А.С.]. Библиографические заметки («Поездка в Южную Россию». А. Афанасьева-Чужбинского. Часть 1. Очерки Днепра. СПб. 1861). С. 353.

Словесность. Т. Толычева [Новосильцева Е.В.]. Старый дом (Не сказка, а быль. Оконч.). С. 356. – [Б. п.]. Внутреннее обозрение. С. 359.

Политика. [Б. п.]. Общее обозрение. С. 360. – [Б. п.]. Празднество в Неаполе в годовщину освобождения. С. 361. – Разные известия. С. 362.

Смесь. [Б. п.]. Русская церковь в Париже. С. 363. – В пользу бедных студентов поступило... С. 364.

№ 76 (21 сентября)

Литературное и ученое обозрение. [Субботин Н.И.]. Дело патриарха Никона (VII.). С. 365.

Словесность. [Е. Бельская]. Казамазовка (Повесть сороковых годов). С. 369. – [Лесков Н.С.]. Внутреннее обозрение. С. 374.

Смесь. [Б. п.]. Замечательные юридические и административные явления в Европе. С. 377.

[Б. п.]. Семейная драма. С. 378. – Разные известия. С. 379. – Объявление: Еженедельная газета «Черниговский листок». С. 380. – Ответы редакции. С. 380. – Поправки. С. 380.

№ 77 (24 сентября)

С.М. Соловьев. Алексей Петрович Бестужев-Рюмин (Статья вторая). С. 381.

Словесность. Е. Бельская. Казамазовка (Повесть сороковых годов. Продолж.). С. 385.

Политика. [Б. п.]. Официальная и независимая пресса во Франции. С. 388. – Рим и Неаполь. С. 389. – Положение дел в Австрии. С. 390. – События в Соединенных Штатах. С. 391. – Разные известия. С. 393.

Смесь. [Б. п.]. Процесс Оскара Беккера. С. 394. – Ответы редакции. С. 396.

№ 78 (28 сентября)

С.М. Соловьев. Алексей Петрович Бестужев-Рюмин (Статья вторая. Оконч.). С. 397.

Словесность. Е. Бельская. Казамазовка (Повесть сороковых годов. Продолж.). С. 401. – [Б. п.]. Внутреннее обозрение. С. 404.

Смесь. [Б. п.]. Театральные заметки (Бенефис г. Колосова. Пьеса Альфреда Мюссе. Статья о театре г. Иванова. – Театральные новости). С. 410. – Разные известия. С. 412. – Ответы редакции. С. 412.

№ 79 (1 октября)

Литературное и ученое обозрение. Н.П. Некрасов. Записки Фарнгагена фон Энзе о собственной его жизни (Продолж., VIII.). С. 413. – К. Герц. Рафаэль – гравер. С. 417.

Словесность. Е. Бельская. Казамазовка (Повесть сороковых годов. Продолж.). С. 418.

Политика. [Б. п.]. Свидание в Компьене. С. 421. – Итальянские дела. С. 423. – Г. де-Монталамбер о единстве Германии. С. 423. – Разные известия. С. 425.

Смесь. [Б. п.]. Процесс баронессы Баумбах. С. 425. – [Б. п.]. О взятии полициею шайки воров и делателя фальшивых ассигнаций в Малоярославецком уезде. С. 427. – А. Л. Железинское подворье и его обитатели. С. 428.

№ 80 (5 октября)

Литературное и ученое обозрение. Н.П. Некрасов. Записки Фарнгагена фон Энзе о собственной его жизни (Продолж., IX.). С. 429. – А. С. [Суворин А.С.]. Библиографические заметки. С. 432.

Словесность. Е. Бельская. Казамазовка (Повесть сороковых годов. Продолж.). С. 435. – [Лесков Н.С.]. Внутреннее обозрение. С. 439.

Смесь. [Б. п.]. Г. Жюль Симон о женском труде во Франции. С. 441. – А. Л. Железинское подворье и его обитатели (Оконч.). С. 443. – В пользу бедных студентов поступило... С. 444.

№ 81 (8 октября)

[Салиас Е.В.]. Об издании Русской Речи и Московского Вестника в 1862 г. С. 445.

Литературное и ученое обозрение. [Субботин Н.И.]. Дело патриарха Никона (VIII.). С. 446.

Словесность. Е. Бельская. Казаматовка (Повесть сороковых годов. Продолж.). С. 449.

Политика. [Лесков Н.С.]. Анонимные брошюры во Франции. С. 454. – Г. Шмерлинг и его противники. С. 455. – События в Соединенных Штатах. С. 457. – Тунисская конституция. С. 458. – Разные известия. С. 459.

Смесь. [Б. п.]. Роза Шери. – Смерть поэта Никколини. – Новое сочинение Гервинуса. – Женильба Листа. С. 459.

№ 82 (12 октября)

Литературное и ученое обозрение. [Де-Пуле М.С.]. Граф Сперанский. («Жизнь графа Сперанского». Соч. барона М. Корфа. Печатано с Высочайшего соизволения. 2 тома. СПб. 1861 г.) С. 461.

Словесность. Елена Бельская. Казаматовка (Повесть сороковых годов. Оконч.). С. 466. [Лесков Н.С.]. Внутреннее обозрение (Общественные явления. – Последние происшествия в Польше. – С.-Петербургский университет. – Гласное и устное судопроизводство в России). С. 467.

Смесь. В. Слепцов. Владимирка и Клязьма (Продолж.). С. 473. – Мелкие известия. С. 475. – От редакции. С. 476.

№ 83 (15 октября)

Литературное и ученое обозрение. [Де-Пуле М.Ф.]. Граф Сперанский (Продолж.). С. 477. – К. Герц. Библиографические заметки. Старые и новые биографы Микель-Анджело. С. 481.

Словесность. Ольга Н. [Энгельгардт С.В.]. Скользкий шаг (Повесть. Из дневника Сурменева). С. 484.

Политика. [Б. п.]. Итальянские дела. С. 486. – Речь г. Форстера о междоусобной войне в Америке. С. 487. – Пресса в Австрии. С. 489. – Разные известия. С. 489.

Смесь. [Б. п.]. Из современных французских нравов. С. 491. – Мелочи. С. 492. – От редакции. С. 492.

№ 84 (19 октября)

Литературное и ученое обозрение. Н. С.-н. [Субботин Н.И.]. Дело патриарха Никона (IX.). С. 493.

Словесность. Ольга Н. [Энгельгардт С.В.]. Скользкий шаг (Повесть. Продолж.). С. 498. [Лесков Н.С.]. Внутреннее обозрение (Административные известия. – Приказы Е. В. генерал-фельдцейхмейстера. – Явления общественной жизни. – Полицейские Ведомости о недавних происшествиях в Москве). С. 502.

Смесь. В. Слепцов. Владимирка и Клязьма (Продолж.). С. 505.

№ 85 (22 октября)

П.И. Бартенев. Пушкин в Южной России. Материалы для биографии А.С. Пушкина. С. 509. – А. С. [Суворин А.С.]. Библиографические заметки ([1] Воронежский Литературный Сборник, повременное издание. Выпуск I. Издаваемый Н. Гардениным под редакциею П. Малыхина. Воронеж. 1861. [2] Рассказы из Русской Истории. Выпуск I. СПб. 1861. Цена 40 к.). С. 513.

Словесность. Ольга Н. [Энгельгардт С.В.]. Скользкий шаг (Повесть. Продолж.). С. 515.

Политика. [Б. п.]. Уроки политической свободы во Франции. С. 517. – Пий IX и итальянское духовенство. С. 518. – Законный порядок в Австрии. С. 519. – Гизо об Италии и папстве. С. 520. – Кенигсбергские празднества. С. 521. – События в Соединенных Штатах. С. 521. – Разные известия. С. 523.

[Лесков Н.С.]. Внутренние известия (Происшествия в Польше и западных губерниях. – Петербургские происшествия). С. 523.

№ 86 (26 октября)

Литературное и ученое обозрение. [Де-Пуле М.Ф.]. Граф Сперанский (Оконч.). С. 525. – А. С. [Суворин А.С.]. Библиографические заметки (Французы о философии и философах. «Православное Обозрение» о материализме и идеализме. Гегель и Фейербах. Люди и индюшки). С. 530.

Словесность. Ольга Н. [Энгельгардт С.В.]. Скользкий шаг (Повесть. Продолж.). С. 532.

[Б. п.]. Внутреннее обозрение (Известия из педагогического мира. – Решения мировых съездов и посредников в различных губерниях. – Явления общественной жизни). С. 534. – Мелочи. С. 540. – Ответы редакции. С. 540.

№ 87 (29 октября)

Литературное и ученое обозрение. А. С. [Суворин А.С.]. [Новые книги]: [1] Историческая хрестоматия нового периода русской словесности (От Петра I до нашего времени). Составлена А. Галаховым. Том I. Санкт-Петербург. 1861. Цена за 2 шт. 3 руб., с пересылкою 4 р. – [2] Географические очерки и картины. Составлено по Грубе и другим источникам. Выпуски первый и второй. С. 210 и 274. М. 1861. Издание А. Плещеева и В. Костомарова. С. 541.

Словесность. Ольга Н. [Энгельгардт С.В.]. Скользкий шаг (Повесть. Продолж.). С. 542.

[Лесков Н.С.]. Внутренние известия. С. 545.

Политика. Общее обозрение. С. 546. – Разные известия. С. 548.

Смесь. [Суворин А.С.]. Осенняя выставка общества любителей садоводов в Москве. С. 549. – Г. Жюль-Симон о женском труде. С. 551. – Несколько слов о заведении глухонемых в Москве. С. 554. – В. Слепцов. Владимирка и Клязьма (Продолж.). С. 555. – Премия в честь Н.И. Пирогова. С. 556. – Ответы редакции. С. 556.

№ 88 (2 ноября)

П.И. Бартенев. Пушкин в Южной России. Материалы для биографии А.С. Пушкина (Продолж.). С. 557.

Словесность. Ольга Н. [Энгельгардт С.В.]. Скользкий шаг (Повесть. Продолж.). С. 561.

[Лесков Н.С.]. Внутреннее обозрение (Замечательные статьи министерских журналов. – Налоги и рекрутство. – Библиотеки и школы. – Разные известия). С. 564.

Смесь. [Б. п.]. Письмо из Одессы. С. 568. – Б. Русский Вестник и корреспонденции Times. С. 570.

Мелочи. [Б. п.]. Перекрещенец, и он же живой мертвец. С. 572.

№ 89 (5 ноября)

Литературное и ученое обозрение. Евгения Тур [Салиас Е.В.]. Романы и сказки. «Униженные и оскорбленные», роман г. Достоевского. С. 573.

Словесность. Ольга Н. [Энгельгардт С.В.]. Скользящий шаг (Повесть. Оконч.). С. 576.

[Лесков Н.С.]. Внутренние известия. С. 579.

Политика. [Лесков Н.С.]. Общее обозрение. С. 581. – События в соединенных Штатах. С. 583. – Франция и Швейцария. С. 584. – Мексиканская конвенция. С. 584. – Демонстрация в Познани. С. 584. – Свидание Прусского короля и Австрийского императора. С. 584.

Смесь. К. Герц. Художественные известия из Бельгии. С. 585. – А. С. [Суворин А.С.]. Иван Саввич Никитин. С. 586.

№ 90 (9 ноября)

П.И. Бартнев. Пушкин в Южной России. Материалы для биографии А.С. Пушкина (Продолж.). С. 589.

Словесность. Т. Толычева. [Новосильцева Е.В.]. Отживающие типы (Посвящается Александру Владимировичу Новосильцеву). С. 594.

[Лесков Н.С.]. Внутреннее обозрение (По поводу речи г. министра финансов 25 октября. – Отчет г. Министра внутренних дел. – Управление государственных имуществ. – Крестьянское дело. – Распоряжение Киевского генерал-губернатора. – Мелкие известия). С. 595.

Смесь. Письмо из Иркутска. Подпись: – Ъ. С. 601. – Граф Аракчеев. (Отеч. Зап. № X. Октябрь). С. 602. – Ответы редакции. С. 604. – Книжный Вестник (Объявление). С. 604. – В. Слепцов. Владимирка и Клязьма (Продолж.). С. 605. – Е. Феоктистов. Об издании Русской Речи и Московского Вестника в 1862 г. С. 608.

№ 91 (12 ноября)

К. Сторожевский. Капуцины и иезуиты в Астрахани. С. 609.

Словесность. Т. Толычева. [Новосильцева Е.В.]. Отживающие типы (Продолж.). С. 614.

[Лесков Н.С.]. Внутренние известия (Распоряжения Виленского военного губернатора. – Из западных губерний. – Новые назначения). С. 616.

Политика. [Б. п.]. Общее обозрение. С. 618. – Обед, данный французскими журналистами г-ну Ратацци. С. 620. – Разные известия. С. 621.

Смесь. N. N. Письмо из Ярославля. С. 623.

№ 92 (16 ноября)

Литературное и ученое обозрение. А. С. [Суворин А.С.]. Наши герои (Воронежская Беседа на 1861 год. Издание М. Де-Пуле и П. Глотова. СПб. 1861. Большой том более 700 стр. убористой печати). С. 625. – Я. Р. Этюды Шлейдена (Этюды. Популярные чтения М.И. Шлейдена, автора «Растение и его жизнь». Перевод с 2-го последнего немецкого издания профессора Московского университета Я.Н. Калиновского... Москва. 1861 г. Издание книгопродавца А.И. Глазунова). С. 630.

Словесность. Т. Толычева. [Новосильцева Е.В.]. Отживающие типы (Продолж.). С. 632.

[Лесков Н.С.]. Внутреннее обозрение. С. 634.

Смесь. [Суворин А.С.]. Вопрос об университетах в нашей журналистике. С. 638.

№ 93 (19 ноября)

П.И. Бартенев. Пушкин в Южной России. Материалы для биографии А.С. Пушкина (Продолж.). С. 641.

Словесность. Т. Толычева. [Новосильцева Е.В.]. Отживающие типы (Продолж.). С. 645.

[Лесков Н.С.]. Внутренние известия. С. 648.

Политика. [Суворин А.С.]. Общее обозрение. С. 649. – [Б. п.]. События в Соединенных Штатах. С. 650. – [Б. п.]. «Times» о финансовых реформах во Франции. С. 652.

Смесь. [Б. п.]. Заграничная корреспонденция. Письмо из Парижа. С. 653. – Мелочи. С. 656. – [Салиас Е.В.]. Об издании Русской Речи и Московского Вестника в 1862 г. С. 656.

№ 94 (23 ноября)

П.И. Бартенев. Пушкин в Южной России. Материалы для биографии А.С. Пушкина (Продолж.). С. 657.

Словесность. Т. Толычева [Новосильцева Е.В.]. Отживающие типы (Оконч.). С. 660. [Суворин А.С.]. Внутреннее обозрение (Проект правил для найма рабочих. – Крестьянское дело). С. 662. – А. К. Перерождение главного общества Российских железных дорог. С. 665. – Разные известия. С. 668.

Смесь. Т. [Салиас Е.В.]. Литературные воспоминания г. Панаева (Грановский и Московский кружок. Современник, № X). С. 669. – В. Слепцов. Владимирка и Клязьма (Продолж.). С. 671.

№ 95 (26 ноября)

М.И. Семевский. Иван Скобелев. С. 673.

Словесность. Шесть стихотворений А.С. Пушкина. (I. «Смотрю печально, молчаливо...» – II. «Весь день, отъявленный ленивец...» – III. «Смирдин меня в беду поверг...» – IV. «Нимфодоре Семеновой». – V. «Сошлись школьники и вскоре...» – VI. «Все говорят: он Вальтер-Скотт...»). С. 678. – А. Левитов. Накануне Христова дня (Рассказ из народной жизни). С. 678. – В. Авсеенко. Новости французской критической литературы. С. 681. – [Б. п.]. Неизданные сочинения и переписка Ж.Ж. Руссо. С. 682.

Политика. [Б. п.]. Общее обозрение. С. 682.

Смесь. Заграничная корреспонденция. 2-е письмо из Парижа. С. 685. – В. Слепцов. Владимирка и Клязьма (Продолж.). С. 686. – Заметка [о «Дворянском гнезде» И.С. Тургенева]. С. 688.

№ 96 (30 ноября)

М.И. Семевский. Иван Скобелев (Оконч.). С. 689. – А. С. [Суворин А.С.]. Народные просветители. С. 694.

Словесность. А. Левитов. Накануне Христова дня (Рассказ из народной жизни. Продолж.). С. 696.

[Суворин А.С.]. Внутреннее обозрение. С. 699.

Смесь. [Б. п.]. Заграничная корреспонденция. Письмо из Лондона. С. 702.

Мелочи. Браки мормонов и число жен у них. С. 704. – Ответы редакции. С. 704.

№ 97 (3 декабря)

Д.И. Каченовский. Новая Европа и новая Россия (Лекция, читанная 6 октября 1861 г. в Харьковском университете). С. 705.

Словесность. А. Левитов. Накануне Христова дня (Продолж.). С. 711.

Политика. Общее обозрение. С. 715.

Смесь. [Б. п.]. Заграничная корреспонденция. Письмо из Парижа. С. 717. – А. Л. Московские нищие на поминках. С. 719. – Ответы редакции. С. 720.

№ 98 (7 декабря)

П.И. Бартенев. Пушкин в Южной России. Материалы для биографии А.С. Пушкина (Продолж.). С. 721.

Словесность. А. Левитов. Накануне Христова дня (Продолж.). С. 725.

[Б. п.]. Внутреннее обозрение (Города на Амуре. – Новые проделки откупщиков. – Крестьянское дело: составление уставных грамот. – Мировые посредники. – Самостоятельность волостных судов. – Разные известия). С. 729. – А. Л. Московские нищие на поминках (Оконч.). С. 733. – А. П-в. Заметки о театре (Бенефис г. Садовского: Однودворец, комедия г. Бобарыкина). С. 735. – Заметка [Новый драматический талант]. С. 736.

№ 99 (7 декабря)

Литературное и ученое обозрение. В.А. Лялин. Г. Тьер о Венском конгрессе. С. 737.

Словесность. А. Прошлое (Пансионские воспоминания). С. 742.

Политика. С. 744.

Смесь. П. Добычин. Сближение врачей с народом (Письмо к редактору). С. 747.

Заграничная корреспонденция. [Б. п.]. Письмо из Лондона. С. 748. – [Б. п.]. Письмо из Парижа. С. 750.

№ 100 (14 декабря)

Литературное и ученое обозрение. И. М.-к. Кольцов и Воронежские педагоги («Воронежская Беседа» на 1861 г. Изд. М. Де-Пуле и П. Глотова. СПб. 1861). С. 753. – А. С. [Суворин А.С.]. Народные просветители (II.). С. 757.

Словесность. А. Прошлое (Пансионские воспоминания. Продолж.). С. 759.

[Суворин А.С.]. Внутреннее обозрение. С. 763.

Смесь. В. Слепцов. Владимирка и Клязьма (Продолж.). С. 765. – Ответы редакции. С. 768.

№ 101 (17 декабря)

П.И. Бартенев. Пушкин в Южной России. Материалы для биографии А.С. Пушкина (Продолж.). С. 769.

Словесность. А. Прошлое (Пансионские воспоминания. Оконч.). С. 772.

Политика. [Б. п.]. Общее обозрение. С. 778. – [Б. п.]. События в Соединенных Штатах. С. 780. – [Мелкие известия]. С. 781.

Смесь. Заграничная корреспонденция. Письмо из Лондона. С. 782. – Заметки. С. 784.

№ 102 (21 декабря)

Литературное и ученое обозрение. [Феоктистов Е.М.]. Евреи и современный вопрос о народностях (По поводу спора еврейского журнала «Сион» с южно-русским журналом «Основою»). С. 785.

Словесность. А. Левитов. Накануне Христова дня (Рассказ из народной жизни. Продолж.). С. 791.

Внутреннее обозрение. [Проект об устройстве отношений между фабричными работниками и их хозяевами. – Мостовые и сточные трубы. – Мертворожденное дело в Астрахани]. С. 794. – Крестьянское дело в Калужской губернии. С. 797. – [Разные известия]. С. 797.

Смесь. Письмо из Иркутска. Подпись: (Подпись: -Ъ.) С. 798. – [Б. п.]. Стрелки и стрельба (Нравы Московских нищих). С. 800.

№ 103 и 104 (31 декабря)

П.И. Бартенев. Пушкин в Южной России. Материалы для биографии А.С. Пушкина (Оконч. первой части). С. 801. – А. С. [Суворин А.С.]. Грязь и идеалы (Стихотворения Н. Некрасова. Издание второе, с издания 1856 г., с прибавлением стихотворений, написанных после этого года. СПб. 1864). С. 805. – А. Левитов. Накануне Христова дня (Рассказ из народной жизни. Оконч.). С. 809.

Внутренние известия. С. 814. – Политика. С. 816.

Смесь. Р. [Суворин А.С.]. По вопросу о «Сближении врачей с народом». Ответ г. Добычину. С. 819. – Письмо из Иркутска (Оконч.). (Подпись: -Ъ.) С. 823. – А. Л. Стрелки и стрельба (Оконч.). С. 824. – Ф. Воропонов. Трезвость на юге России. С. 826. – [Б. п.]. Письмо из Парижа. С. 827. – [Б. п.]. Письмо из Лондона. С. 829.

1862 г.**№ 1 (4 января)**

[Б. п.]. Новый год. С. 1. – Д.И. Каченовский. Прежнее и нынешнее положение русских университетов. С. 2. – М.Н. Семевский. Сны Петра I. Историческая заметка. 1714–1719. С. 6.

Словесность. А. Нестроев. По ту сторону. Повесть. С. 8. (*Продолжение следует*).

Внутреннее обозрение. [Б. п.]. Крестьянское дело. С. 10.

[Разные известия]. Известия из Варшавы. С. 12. – Академия наук. С. 12. – Из Гельсингфорса. С. 13. – Известия из Пекина. С. 13. – Преобразования. С. 13. – Неудача г. Эдмонда Абу. С. 14. – Анекдоты о принце Альберте. С. 14. – Повешенный маленький депутат. С. 14. – Херсонские благотворители. С. 14. – Школа рисования и живописи в Харькове. С. 14. – Нет ли контрабанды в дровах? С. 14. – Благочестие в Харьковском уезде. С. 14. – Кинешемский мировой съезд. С. 14. – Новгородские варяги. С. 14. – Кабаки и школы в Бессарабии. С. 15. – Пожертвование Тульских дворян. С. 15.

Смесь. По поводу Славянского отдела газеты «День». С. 15–16. Подпись: К.

«Московский Вестник»

1859 г.

№ 1 (12 февр.)

Постановления и распоряжения Правительства. С. 1. – Н. Я. Несколько слов о прошедшем десятилетии (Введение к политическому отделу). С. 4.

Отдел литературный. Ив. Тургенев. Собственная господская контора (Отрывок из неизданного романа). С. 8. – Е. Э-нъ. Библиографическое известие (Сочинения А.Н. Островского. СПб. 1859. В типографии Рюмина. Издание графа Кушелева-Безбородко. Том 1). С. 12.

№ 2 (18 февр.)

Постановления и распоряжения Правительства. С. 13. – Н. Я. Несколько слов о прошедшем десятилетии (Введение к политическому отделу. Оконч.). С. 13.

Отдел литературный. Л. Оптухин. [Павлов И.В.]. Из записок деревенского врача (1. Кলেখатуха). Посвящ. И.С. Тургеневу. С. 20.

№ 3 (27 февр.)

Постановления и распоряжения Правительства. С. 29. – [Б. п.]. Несколько замечаний по поводу реформы Парламента в Англии. С. 30.

Отдел литературный. Н. Щедрин [М.Е. Салтыков]. Из «Книги об умирающих» (1. Генерал Зубатов). С. 32. – Н. Данилов. Литературные заметки. С. 37. – [Рец.] Народное Чтение. Книжка первая, составленная А. Облонским и г. Щербачевым. СПб. 1859. С. 39. [Б. п.]

№ 4 и 5 (5 марта)

Постановления и распоряжения Правительства. С. 41. – [Б. п.]. Несколько замечаний по поводу реформы Парламента в Англии (Продолж.). С. 43.

Отдел литературный. А. Плещеев. Стихотворения (С Малороссийского): 1. «Жница»; 2. «Песня». С. 46. – Ф. Миллер. Проклятие певца (Из Уланда). Стихотворение. С. 46. – Б. Алмазов. Из А. Шенье. Стихотворение. С. 47. – Л. Оптухин [Павлов И.В.]. Восток и Запад в Русской литературе. С. 48. – Прибавление. Купчая 1675 г. на пустую вотчинную землю («Списано с подлинника...»). С. 63.

№ 6 (13 марта)

Постановления и распоряжения Правительства. С. 65. – Иностранные известия. С. 66. [Б. п.]

Отдел литературный. Б. Алмазов. Германской музе (Из Шиллера). Стихотворение. С. 67. – Н. Володкевич. Неуверенность (Из Мицкевича). Стихотворение. С. 68. – Н. Володкевич. Из Гейне. Стихотворение. С. 68. – Ф. Миллер. «Anno Domini...?» (Из Фрейлиграта). Стихотворение. С. 68. – (Подпись: Н. Ч...ь.) Встречи (1. Ямщик). С. 69. – Литературная заметка. «Лаокоон или о границах живописи и поэзии». Соч. Лессинга. Перевод Е. Эдельсона. Москва. В типографии Александра Семена. 1859. С. 75. – Опечатки. С. 76.

№ 7 (20 марта)

Постановления и распоряжения Правительства. С. 77. – Иностранные известия. С. 78. [Б. п.]

Отдел литературный. [А. Плещеев]. Благodeяние (Рассказ). С. 79. – Московские заметки. С. 87. [Б. п.]

№ 8 (27 марта)

Постановления и распоряжения Правительства. С. 89. – Политическое обозрение. С. 91. [Б. п.]

Отдел литературный. А. Плещеев. Благodeяние. (Рассказ. Оконч.). С. 94. – Московские заметки. С. 103. [Б. п.]

№ 9 (2 апреля)

Постановления и распоряжения Правительства. С. 105. – Политическое обозрение. С. 106. [Б. п.]

Отдел литературный. Б. Алмазов. Геркулес-младенец (Посвящ. Н.). Стихотворение. С. 111. – П. Нащокин. Охота в Персии. С. 111. – Московские заметки. С. 115.

№ 10 (6 апреля)

Постановления и распоряжения Правительства. С. 117. – Кавказ (Из «Русск. Дн.»). С. 118.

Отдел литературный. И. Селиванов. Из провинциальных воспоминаний. Частный пристав и часы. С. 122.

№ 11 (25 апреля)

Постановления и распоряжения Правительства. С. 129. – Внутренние известия. Кавказ. Приказ войскам левого крыла (Из «Р. Д.»). С. 130. – Политическое обозрение. С. 132. [Б. п.]

Отдел литературный. Л. Оптухин [Павлов И.В.]. Несколько слов о Белевской Вивлиофике, изданной Н.А. Елагиным. С. 136. – Поправка. С. 140.

№ 12 (2 мая)

Постановления и распоряжения Правительства. С. 141. – Сообщение о кончине С.Т. Аксакова. С. 144. – Политическое обозрение. С. 144. [Б. п.]

Отдел литературный. Н. Берг. «Д. Д.». Стихотворение. («Ни взора нежного, ни ласкового слова...»). С. 146. – Королевская принцесса. Рассказ Дикенса. С. 147. – Л. Оптухин [Павлов И.В.]. Литературная и историческая заметки. С. 149. – Московские заметки. С. 151. [Б. п.]

№ 13 (8 мая)

Постановления и распоряжения Правительства. С. 153. – Политическое обозрение. С. 154. [Б. п.]

Отдел литературный. [В. Марков]. Асеев. Рассказ. С. 155. – Библиографические заметки. С. 163. [Б. п.]

№ 14 (13 мая)

Постановления и распоряжения Правительства. С. 165. – Внутренние известия. Кавказ. Военные известия с Левого крыла. С. 166. – Иностранные известия. Известия с театра войны. С. 167. – Телеграфические депеши, полученные в Петербурге. С. 169.

Отдел литературный. Н. Берг. Отрывок из поэмы Мицкевича: «Прощанье». С. 170. – В. Марков. Асеев. Рассказ (Оконч.). С. 171. – От Москвы по Каширке. С. 173. [Б. п.]. – Московские заметки. С. 175. [Б. п.]. – Последние телеграфические депеши, полученные в С.-Петербурге. С. 176. – Опечатки. С. 176.

№ 15 (18 мая)

Постановления и распоряжения Правительства. С. 177. – Внутренние известия. Кавказ. С. 179. – Политическое обозрение. С. 180. – Телеграфические депеши. С. 182.

Отдел литературный. Н. Щедрин [М.Е. Салтыков]. Гегемонией (Из «Книги об умирающих»). С. 182. – Богомолка у заставы. С. 185. [Б. п.]. – Мнения англичан и американцев о Русском владычестве на Амуре. С. 186. (Ж. для А.). – Московские заметки. С. 188. – Опечатки. С. 188.

№ 16 (26 мая)

Постановления и распоряжения Правительства. С. 189.

Внутренние известия. Кавказ. С. 190. [Б. п.]. – Политическое обозрение. С. 190. [Б. п.]. – Телеграфические депеши. С. 191.

Отдел литературный. Невинный преступник. Рассказ Дикенса. С. 192. – Л. Оптухин [Павлов И.В.]. Журнальная заметка. С. 197. – Московские заметки. С. 199.

№ 17 (2 июня)

Книжка Абу, La Question Romaine (Римский Вопрос). С. 201. [Б. п.]. – И. Лажечников. Заметки для биографии Белинского. С. 203.

№ 18 (2 июня)

Постановления и распоряжения Правительства. С. 213. – Внутренние известия. С. 214. [Б. п.]. – Политическое обозрение. С. 214. – Телеграфические депеши. С. 217.

Отдел литературный. С. Федоров. Имянинник (Выдержки из случайно найденного дневника неизвестного). С. 218. – От редакции [О подписке на второе полугодие «Московского Вестника»]. С. 224.

№ 19 (12 июня)

Постановления и распоряжения Правительства. С. 225. – Политическое обозрение. С. 226. [Б. п.]

Отдел литературный. (Подпись: Н. Ч...ъ.) [Н. Чаев]. Встречи (П. Живописец. Посвящ. С.А. Юрьеву). С. 229.

№ 20 (15 июня)

Постановления и распоряжения Правительства. С. 237. – Внутренние известия (И. Н. «Тверь, 8 июня» [О пожаре в гостинном дворе]). С. 238. – Князь Горчаков. Циркуляр князя Горчакова. С. 239. – Телеграфические депеши. С. 240.

Отдел литературный. [Н. Чаев]. Встречи (П. Живописец. Продолж.). С. 241.

№ 21 (16 июня)

Постановления и распоряжения Правительства. С. 249. – Внутренние известия [О пожаре в Казани 25 мая (Р. Дн.)]. С. 250. – Политическое обозрение. С. 251. [Б. п.]. – Телеграфические депеши. С. 255. (М. В.; СПб. Вед.).

Отдел литературный. Н. Чаев. Встречи (П. Живописец. Оконч.). С. 255.

№ 22 (20 июня)

Постановления и распоряжения Правительства. (С. В.). С. 261. – Внутренние известия. Кавказ (С Левого Крыла Кавказской линии). С. 262. – Телеграфические депеши. С. 263.

Отдел литературный. В. В. Охотники между собою. С. 263. – Библиографические и Московские заметки. С. 268.

№ 23 (25 июня)

Постановления и распоряжения Правительства. С. 273. – Внутренние известия (М. Погодин [О письме об освобождении крестьян под именем Гизо, «ходившем зимою по рукам» в Петербурге и Москве]). – Подпись: В. Встск. Действие молнии в Богородском уезде). С. 273. – Политическое обозрение. С. 274. [Б. п.]

Отдел литературный. [Евгений Марков]. Прощанье (Рассказ из прошлого времени). С. 277–284.

№ 24 (30 июня)

Постановления и распоряжения Правительства. (С. В.). С. 285. – Политическое обозрение. С. 285. [Б. п.]. – Обзор военных действий в Италии. Статья Сент-Анжа. С. 290.

Отдел литературный. Евгений Марков. Прощанье (Оконч.). С. 292. – Оригинальная переписка [Статья при письме, подписанном А. С.]. С. 294.

№ 25 (6 июля)

Постановления и распоряжения Правительства. (Сен. Вед.). С. 297. – Внутренние известия (Р. Дн.) [О донесениях из Шемахи]. С. 298. – Обзор военных действий в Италии. Статья Сент-Анжа (Продолж.). С. 298.

Отдел литературный. И. Бабст. По поводу увеличения штатов уездных училищ (Посвящ. Ив. Вас. Павлову). С. 300. – Н. Дмитриев. Архитектурная деятельность в Москве. С. 305.

№ 26 (8 июля)

Постановления и распоряжения Правительства. С. 309. – Политическое обозрение. С. 309. [Б. п.]. – Обзор военных действий в Италии. Статья Сент-Анжа (Продолж.). С. 312.

Отдел литературный. Семейство Четуайнд. Рассказ Диккенса. С. 314. – Московские заметки. С. 319. – От редакции [Об

ошибке в статье И. Лажечникова «Заметки для биографии Белинского». С. 320.

№ 27 (17 июля)

Постановления и распоряжения Правительства. С. 321. – Политическое обозрение. С. 322. [Б. п.] – А.Ф. Г-въ. По поводу мира. С. 324. – Обзор военных действий в Италии. Статья Сент-Анжа (Продолж.). С. 326. – Московские заметки. С. 327. [Б. п.]

№ 28 (25 июля)

Постановления и распоряжения Правительства. С. 333. – Политическое обозрение. С. 335.

Отдел литературный. А. Пальховский. О Русской женщине. По поводу романа г. Гончарова «Обломов» (Посвящ. исключительно читательницам). С. 337.

№ 29 (31 июля)

Постановления и распоряжения Правительства. С. 345. – Политическое обозрение. С. 345. [Б. п.]

Отдел литературный. А.Н. Островский. Сцены из неоконченной еще комедии. С. 347. – Н.В. Дмитриев. Архитектурная деятельность в Москве (Ст. вторая). С. 351. – (Подпись: В.Г. Ветск.). Испытание земледельческих орудий на Московском учебном хуторе. С. 354.

№ 30 (8 августа)

Постановления и распоряжения Правительства. (С. В.). С. 367. – Политическое обозрение. С. 367. [Б. п.]

Отдел литературный. (Подпись: Ве...Те...ръ.) Брак каких мало. С. 369. – Михаил Лонгинов. Библиографические заметки (1. Кузнечик-музыкант, шутка в виде поэмы. Я. Полонского. СПб.: в тип. Рюмина и Комп. – 2. Стихотворения Я. Полонского (дополнение к стихотворениям, изданным в 1855 г.). СПб.: в тип. Рюмина и Комп. – 3. Библиографические новости). С. 375. – Московские заметки. С. 377. – От редакции [Уведомление И.И. Лажечникова касательно статьи о В.Г. Белинском]. С. 378.

№ 31 (15 августа)

Известия с Кавказа (Приказ по Кавказской армии № 186. – Известия о военных действиях в Дагестане. – Донесение генерал-адъютанта барона Врангеля от 24 июля). С. 379.

Отдел литературный. (Подпись: Ве...Те...рь.) Брак каких мало (Оконч.). С. 383. – Некоторые размышления о русском воспитании. С. 385. [Б. п.]

№ 32 (22 августа)

Постановления и распоряжения Правительства. (С. В.). С. 391. – Политическое обозрение. С. 391. [Б. п.]

Отдел литературный. А. Снопов. О свободе чиновников. С. 393. – И. Лажечников. Заметка. Ответ г. Надеждину. По поводу его набега на мою статью о Белинском. С. 397.

№ 33 (29 августа)

Отдел литературный. [М. Юрьин]. По поводу оснований Европейского судопроизводства. С. 403. – Некоторые размышления о русском воспитании (Продолж.). С. 410. [Б. п.]

№ 34 (29 августа)

Постановления и распоряжения Правительства. С. 415. – Политическое обозрение. С. 416. [Б. п.]

Отдел литературный. М. Юрьин. По поводу оснований Европейского судопроизводства (Оконч.). С. 418. – Опечатки в № 32 М. В. С. 426.

№ 35 (4 сентября)

Постановления и распоряжения Правительства. (С. В.). С. 427.

Кавказская летопись. Известия о военных действиях на Правом Крыле Кавказской линии. С. 430. – Известия о военных действиях в Дагестане. С. 431. – Телеграфные депеши. С. 432. (Р. И.)

Отдел литературный. [С. Кожухов]. На зимовых квартирах. С. 433.

№ 36 (4 сентября)

Постановления и распоряжения Правительства. С. 441. – Политическое обозрение. С. 444. [Б. п.]

Отдел литературный. [С. Кожухов]. На зимовых квартирах (Продолж.). С. 446.

№ 37 (11 сентября)

Приказ по Кавказской армии. С. 455.

Отдел литературный. [С. Кожухов]. На зимовых квартирах (Продолж.). С. 455.

№ 38 (11 сентября)

Слова, сказанные Государем Императором членам Губернских комитетов при представлении их Его Императорскому Величеству в Царском селе 4 сентября 1859 г. С. 467. – Известия с Кавказа. С. 468. – Политическое обозрение. С. 468. [Б. п.]

Отдел литературный. С. Кожухов. На зимовых квартирах (Оконч.). С. 469.

№ 39 (22 сентября)

Постановления и распоряжения Правительства. (М. В.). С. 479. – О преобразованиях по банковым установлениям. (М. В.). С. 480. – Известия о военных действиях в Дагестане. С. 481. – Телеграфическая депеша Харьковского Губернатора к Г. Военному министру, от 16 сентября 1859 г. С. 482. – Политическое обозрение. С. 482.

Отдел литературный. Н. Поляков. Московские углы. С. 484.

№ 40 (26 сентября)

Постановления и распоряжения Правительства. О преобразованиях по банковым установлениям (Продолж.). С. 491. – Политическое обозрение. С. 494. [Б. п.]. – А.Ф. Г-въ. По поводу Цюрихских конференций. С. 495.

Отдел литературный. А. Плещеев. Странствуй! (Из Гейне) (Стихотворение). С. 498. – (Подпись: С-я Д-а). Из воспоминаний

доктора. С. 498. — А. Пальховский. Библиографические заметки. Журналы, газеты и публика. Сочинение А. Надеждина. С. 501.

№ 41 (3 октября)

Постановления и распоряжения Правительства. О преобразованиях по банковым установлениям (Оконч.). (М. В.). С. 503. — Положение о Государственных пятипроцентных банковых билетах и о вкладах в Государственных Банковых Установлениях. С. 504. — Внутренние известия. С правого крыла Кавказской линии. С. 505. — Политическое обозрение. С. 505. [Б. п.]

Отдел литературный. (Подпись: С-я Д-а). Из воспоминаний доктора (Продолж.). С. 507. — А. П-й. Библиографические заметки (1. Афины и Константинополь. Путевые записки А. Милюкова 1857 г. СПб. 1859. — 2. Географическо-энциклопедический атлас, составленный Н. Зуевым. В шести отделах, гравированный на меди и издаваемый выпусками. СПб. 1859. Выпуски: первый и второй.) С. 513.

№ 42 (3 октября)

Отдел литературный. Н. Берг. Италия и Рим (С новогреческого) (Стихотворение). С. 515. — С-я Д-а. Из воспоминаний доктора (Оконч.). С. 515. — А. Пальховский. Наш современный портрет. Несколько слов по поводу Обломова. С. 521. — От редакции [Об издании Московского Вестника в 1860 г.]. С. 526.

№ 43 (9 октября)

Постановления и распоряжения Правительства. Положение о Государственных пятипроцентных банковых билетах и о вкладах в Государственных Банковых Установлениях. Подписал: Министр Финансов А. Княжевич (Оконч.). С. 527. — Политическое обозрение. С. 529. [Б. п.]. — Книга синьора Дженаделли. С. 530. [Б. п.]

Отдел литературный. Н. Берг. М*. (Из Мицкевича) (Стихотворение). С. 534. — И.С. Трактир. Рассказ. С. 534. — [М. Сухотин]. Письмо из Англии Н.А. Основскому. С. 539. — Библиографические заметки. Курс Всеобщей истории доктора Георга Вебера, профессора в Гейдельберге. Том 1. Перевод с немецкого Е. и В. Корша. Выпуск первый (Введение. — Восточные народы.). М. 1859. [Б. п.].

С. 541. – Редактор Н. Воронцов-Вельяминов. Объявление об издании в 1860 г. Московского Вестника, журнала политического и литературного (Приложение).

№ 44 (17 октября)

Постановления и распоряжения Правительства. С. 543. – Указ Министру Императорского Двора и Уделов. С. 543. – Правила об отводе государственным крестьянам отдельных хозяйственных участков на праве долговременного пользования. (Ж. М. Г. И.). С. 543. – Политическое обозрение. С. 545. [Б. п.]

Отдел литературный. М. Кублицкий. Несколько случаев из моей жизни (Отрывок из записок). С. 546. – Н. Дмитриев. Архитектурная деятельность в Москве. С. 550. – М. Сухотин. Письмо из Англии Н.А. Основскому (Оконч.). С. 553. – Михаил Лонгинов. Библиографические заметки. Сочинения В. Белинского, с портретом автора и его факсимиле. Части 1 и 2. Издание К. Солдатенкова и Н. Щепкина. М.: в тип. В. Грачева и комп. 1859. С. 557.

№ 45 (23 октября)

Постановления и распоряжения Правительства. (С. В.). С. 559. – Политическое обозрение. С. 559. [Б. п.]

Отдел литературный. С. Федоров. Рассказ моего хозяина. С. 561.

№ 46 (30 октября)

Политическое обозрение. С. 571. [Б. п.]

Отдел литературный. А. Плещеев. Призраки. Стихотворение. С. 572. – Н. Щедрин [М.Е. Салтыков]. Погребенные заживо. Драматическая сцена. С. 573. – Д. К. Из-за границы (Париж. Октября 25). С. 575. – А. П-въ. Библиографические заметки. Стихотворения В.И. Красова. Издание П. Шейна. М. 1859; Стихотворения Ф.Б. Миллера. М. 1860. С. 578.

№ 47 (9 ноября)

Постановления и распоряжения Правительства. (С. В.). С. 583. – Политическое обозрение. С. 583. [Б. п.]. (*Пропущена одна страница в нумерации, есть две с. 582*).

Отдел литературный. А. Плещеев. Стихотворение. «Ах! Не та уж эта липа...». (С немецкого). С. 584. – О роскоши (Из Вильгельма Рошера). С. 584. – Ю. Об одном из видов спекуляций. С. 592. – А. Андреев. Сан-Донато [Вилла Демидова во Флоренции]. Листок из путевых записок. С. 596.

№ 48 (13 ноября)

Политическое обозрение. С. 598. [Б. п.]. – Из письма английского корреспондента (Флоренция. Октябрь, 1859 г.). С. 599.

Отдел литературный. А. Плещеев. Чиновница (Рассказ). С. 602. – И. Селиванов. По поводу следствий. С. 607. – В. Ржевский. Замечательное объявление. С. 611. – Поправка. С. 613.

№ 49 (20 ноября)

Политическое обозрение. С. 614.

Отдел литературный. А. Плещеев. Чиновница (Оконч.). С. 616. – А. П-ий. «Гроза» (Драма А.Н. Островского). С. 619. – С. Колошин. Дань памяти учителя. Из письма в редакцию «Московского Вестника» [О К. Полевом и В. Белинском]. С. 621. – Библиографические заметки: 1. В. В. «Учебная книга русской истории». Соч. С. Соловьева. Выпуск III. М. 1859. С. 623. – 2. Михаил Лонгинов. «Иов. Свободное подражание священной книге Иова», Ф. Глинки. СПб. В тип. Королева и Комп. 1859. С. 624. – [Объявление о продаже сочинения «Восшествие на престол Императора Николая I».] С. 625. – Поправка. С. 625.

№ 50 (28 ноября)

Постановления и распоряжения Правительства. Объявления от Министерства Финансов. С. 626. – Известия с Кавказа. С. 627. – Политическое обозрение. С. 627. [Б. п.]

Отдел литературный. Криницкий. Невидимка (Деревенское предание) (Первые пять преданий напечатаны в Рус. Газ.). С. 628. –

И. Свиньин. Переправа (Истинное происшествие). С. 632. – Л. Оптухин [Павлов И.В.]. Заметка о лихоимстве и гласности. С. 634.

№ 51 (5 декабря)

Политическое обозрение. С. 642. [Б. п.]

Отдел литературный. [Иван Зяблик]. Ясенки (Рассказ). С. 643. – Московские заметки. С. 647. [Б. п.]. – Библиографические заметки. Небесные светила или планетные и звездные миры. Популярное изложение великих открытий и теорий (?) новейшей астрономии. Сочинение Митчелля, директора Цинциннатской обсерватории. Перевел с англ. Андрей Мин. Москва. 1859. С. 651. [Б. п.]

№ 52 (15 декабря)

Известие с Кавказа. С. 654. – Приказ войскам Правого Крыла. (С. П.). С. 654. – Политическое обозрение. С. 655. [Б. п.]

Отдел литературный. Иван Зяблик. Ясенки (Рассказ) (Оконч.). С. 656. – Русская женщина. Несколько слов в защиту женщин. С. 659. – М. Заметка по поводу правил о проступках и наказаниях учеников гимназий Киевского учебного округа. С. 662.

1860 г.

№ 1 (9 января)

Обзор общественной деятельности в России за 1859 г. С. 1. [Б. п.]. – Политическое обозрение. По поводу событий 1859 г. С. 5. [Б. п.]

Отдел литературный. Н. Иванов. Карета. Рассказ. С. 9. – Из-за границы (Париж. 15 дек.) С. 13. [Б. п.]

№ 2 (16 января)

Обзор общественной деятельности в России за 1859 г. (Продолж.). С. 17. [Б. п.]. – Н. В. Вести с Кубани (Письма в редакцию). С. 20. – Политическое обозрение. С. 22. [Б. п.]

Отдел литературный. Н. Греков. Стихотворения (Из Гейне). – 15 января (М. Ф. К.) – Весна. С. 24. – Н. Смирнов. Бедная девушка. Повесть. С. 25. – Московские заметки. С. 34. – От редакции. С. 36.

№ 3 (23 января)

Обзор общественной деятельности в России за 1859 г. (Продолж.). С. 37. [Б. п.]

Отдел литературный. И.С. Тургенев. Встреча моя с Белинским (Письма к Н.А. Основскому). С. 40. – Шу-ъ. Последний из могикиан (Подражание Беранже). Стихотворение. С. 42. – Н. Греков. «Не стыжусь – говорю: что люблю я тебя...». Стихотворение. С. 43. – Н. Греков. Странные случаи (Из моих воспоминаний). С. 43. – А-У. Очерки Московской жизни. С. 48. – Московские заметки. С. 50. [Б. п.]. – С. Колошин. Троичный бег 20 января. С. 51. – Библиографические заметки. Повести и рассказы С.Т. Славутинского. М. 1860. С. 51.

№ 4 (30 января)

Обзор общественной деятельности в России за 1859 г. (Продолж.). С. 53. [Б. п.]. – Политическое обозрение. С. 57. Подписи: Л. О.; М. С.

Отдел литературный. А.Н. Плещеев. Стихотворения. Из Морица Гартмана. I. Дождевые капли. II. (На мотив одной болгарской песни). С. 61. – Н.В. Берг. Из записок матушки моей о прежней Сибири. С. 61. – Московские заметки. С. 65. [Б. п.]. – А-рь П-въ. Библиографическая заметка. Русское духовенство. Берлин. 1859. С. 67.

№ 5 (6 февраля)

Обзор общественной деятельности в России за 1859 г. (Оконч.). С. 69. Подпись: С. – Политическое обозрение. С. 72–75. Подписи: Л. О.; М. С.

Отдел литературный. Н.В. Берг. Из записок матушки моей о прежней Сибири (Продолж.). Сообщил Н.В. Берг. С. 75. – Н.В. Дмитриев. Архитектурная деятельность в Москве. С. 79. – Московские заметки. С. 81. [Б. п.]. – Библиографическая заметка.

«О Славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании». Сочинение Владимира Ламанского. СПб.: В тип. Импер. Академии Наук. 1859. С. 83. Подпись: О.

№ 6 (13 февраля)

Внутренние известия. С. 85. [Б. п.]. – Политическое обозрение. С. 88. [Б. п.]

Отдел литературный. Н.П. Греков (М.Ф. Кин). Стихотворение. С. 89. – М.А. Стахович. Зимнее утро. Стихотворение. С. 90. – С. Кожухов. На почтовой станции. Рассказ. С. 90. – А-У. Очерки Московской жизни (II). С. 97. – Музыкальные известия. С. 100. – Объявление. С. 100.

№ 7 (20 февраля)

Н. Павлов. Внутренние известия. С. 101. – Л. О. Политическое обозрение. С. 104–105. – М. С. Обзор речи Гладстона о бюджете. С. 106.

Отдел литературный. Н.А. Некрасов. Демон. Стихотворение. С. 108. – М. Иваницкий. Бессонная ночь (Из неоконченного журнала). С. 108. – Д. Сер-нъ. Петербургские письма (I). С. 112. – Н.А. Рамазанов. Мастерская русского живописца Пимена Орлова. С. 115. – От редакции: «Вследствие перемены в днях заседания Ценсурного Комитета, “Московский Вестник” будет выходить в пятницу вместо субботы». С. 116. – Опечатка. С. 116.

№ 8 (26 февраля)

Внутренние известия. С. 117. [Б. п.]. – Л. О. Политическое обозрение. С. 120. – М. С. Обзор речи Гладстона о бюджете (Оконч.). С. 122.

Отдел литературный. А.Н. Плещеев. Из Гейне. Стихотворение. С. 125. – Н. Греков. Шутка. Стихотворение. С. 125. – Н.А. Иванов. Сюрприз (Случай). С. 125. – А.М. Пальховский. Отрывок из истории немецкой литературы. Гейне. Литература до смерти Гёте. С. 128. – Врач А.А. Ветров. Заметка. С. 131. – Объявление. С. 132.

№ 9 (4 марта)

Внутренние известия. С. 133. [Б. п.]. – О трезвости (Статья из «Северной Пчелы» № 42). С. 136. – Политическое обозрение. С. 136. Подписи: Л. О., М. С.

Отдел литературный. Граф Ив. Мамуна. Воспоминание детства (Из Беранже). Стихотворение. С. 139. – Н.П. Греков. Странные случаи (Из моих воспоминаний) (П. Юродивый Садох). С. 140. – А.М. Пальховский. Отрывок из истории немецкой литературы. Гейне. Литература до смерти Гёте (Продолж.). С. 143. – И. М. Два слова о кулачных боях. Письмо к редактору. С. 145. – Б.И. Ордынский. Библиографическая заметка. «Опыт исторической грамматики русского языка». Учебное пособие для преподавателей. Составлено на основании наставления для образования воспитанников военно-учебных заведений, Высочайше утвержденного 24 декабря 1848 г., Ф. Буслаевым. М.: в Унив. Тип. 1858. С. 145.

№ 10 (11 марта)

Внутренние известия. С. 149. [Б. п.]. – Л. О. Политическое обозрение. С. 152.

Отдел литературный. Н.П. Греков. Стихотворения (Первое свидание. – Элегия). С. 154. – С.Н. Федоров. Роман моей кормилицы (Со слов старухи-няни) (Посвящ. брату моему П.Н. Федорову). С. 155. – Заметки кое о чем. С. 160. [Б. п.]. – Д. Судьбинский. Библиографическая заметка. Мироздание, чтение для всех. Выпуск 1. Перевод с нем. М. 1860. С. 162. – Опечатки. С. 164.

№ 11 (18 марта)

Внутренние известия. С. 165. – Два слова о политических событиях. С. 167. [Б. п.]

Отдел литературный. Н.В. Берг. Стихотворения. Вид гор из Евпатории (Из Крымских сонетов Мицкевича): Странник; Мирза. С. 168. – Н.П. Греков. М-ри***. Стихотворение. С. 168. – Ю. Толстой. Поездка в Оксфорд. С. 168. – П. Сонин. Рассказ Никиты Сливаева (Из быта донских казаков в Донецком округе) (Посвящ. А.П. Краснощекову). С. 170. – К. Бо-въ. Федор Иванович Кульченок (Из путевых заметок). С. 174. – А. Андреев. Из воспо-

минаний об Италии. С. 176. – А.М. Пальховский. Отрывок из истории немецкой литературы. Гейне. Литература до смерти Гёте (Продолж.). С. 178. – Прихожанин церкви Рождества Богородицы, что в Путинках. Письмо в редакцию. С. 179. – Библиографическое известие [О продаже сочинений Ф.М. Достоевского]. С. 180.

№ 12 (25 марта)

Внутренние известия. С. 181. [Б. п.]. – Политическое обозрение. С. 183. [Б. п.]

Отдел литературный. Тунгусы. С. 185–187. Подпись: Д. С. – Ю. Толстой. Поездка в Оксфорд (Продолж). С. 187. – Л. Оптухин [Павлов И.В.]. «Накануне» и «Наше время». С. 191. – Б.И. Ордынский. Библиографическая заметка. «Опыт исторической грамматики русского языка». Учебное пособие для преподавателей. Составлено на основании наставления для образования воспитанников военно-учебных заведений, Высочайше утвержденного 24 декабря 1848 г., Ф. Буслаевым. М.: в Унив. Тип. 1858. (Оконч.). С. 194.

№ 13 (1 апреля)

Внутренние известия. С. 196. [Б. п.]. – Политическое обозрение. С. 298. [Б. п.]

Отдел литературный. Ю. Толстой. Поездка в Оксфорд (Оконч.). С. 201. – Из-за границы (Париж, 20 марта). С. 205. Подпись: Д. К. – Заметка кое о чем. [В том числе приводится письмо Т.Г. Шевченко с его автобиографией к г. Облонскому, редактору «Народного Чтения»]. С. 207. – С.П. Колошин. По поводу Московских бегов нынешнего года. С. 210. – Библиографическое известие. С. 212.

№ 14 (15 апреля)

Внутренние известия. С. 213. [Б. п.]. – Вести с Кубани (Продолж.). С. 216. Подпись: Н. В. – Политическое обозрение. С. 220. [Б. п.]

Отдел литературный. [К. К.] Гликера (Очерки жизни Афинской гетеры). С. 224. – Театральная заметка. С. 227. Подпись: А. П. – Библиографическая заметка. Карта железных дорог и проч. Иордана. СПб. 1859. С. 228. [Б. п.]

№ 15 (22 апреля)

Внутренние известия. С. 229. [Б. п.]. – Политическое обозрение. С. 232. [Б. п.]

Отдел литературный. Аполлон Майков. На чужбине. Стихотворение. С. 233. – С.П. Федоров. Роман моей няни (2-й рассказ няни). С. 233. – Гликера. (Очерки жизни Афинской гетеры) (Оконч.). С. 237. Подпись: К. К. (г. Минусинск, Енисейск. Губерн.). – Опять о «Нашем Времени». С. 243. [Б. п.]. – Поправка. С. 244.

№ 16 и 17 (29 апреля)

Внутренние известия. С. 245. [Б. п.]. – Политическое обозрение. С. 248. [Б. п.]. – Из Праги. С. 250. [Б. п.]

Отдел литературный. Граф Ив. Мамуна. Старый холостяк (Из Беранже). Стихотворение (Посвящ. Ив. Ив. К-чу). С. 252. – [Ив. Зяблик]. Захолустье. Повесть. С. 253. – [Рец.] Трое. Роман г. Волгонского. Современник. Январь 1860 г. С. 264. Подпись: И.И. О-ий. – С. Петров. Два слова о живых картинах в пользу детских приютов. С. 271. – Библиографическая заметка. Вестник Естественных Наук, издаваемый Императорским Московским Обществом Испытателей Природы. 1860. № 1–16. С. 272. [Б. п.]

№ 18 (6 мая)

Внутренние известия. С. 277. [Б. п.]. – Вести с Кубани (Продолж.). С. 280. Подпись: Н. В. – Политическое обозрение. С. 282. [Б. п.]

Отдел литературный. Н. Греков. Мелодия. Стихотворение. С. 283. – Ив. Зяблик. Захолустье. Повесть (Продолж.). С. 284. – А.М. Пальховский. Отрывок из истории немецкой литературы. Гейне. Литература до смерти Гёте (Продолж.). С. 287. – Заметка кое о чем [В том числе о рассказе Тургенева «Первая любовь»; о Евгении Тур и ее статье о г-же Свечиной и др.]. С. 290. [Б. п.]

№ 19 (13 мая)

Внутренние известия. С. 293. [Б. п.]. – Политическое обозрение. С. 296. [Б. п.]

Отдел литературный. Ив. Зяблик. Захолустье. Повесть (Оконч.). С. 298. – Н. Дмитриев. Архитектурная деятельность в Москве. С. 302. – А. Воскресенский. О пересылке книг и журналов. С. 305.

№ 20 (20 мая)

Внутренние известия. С. 309. [Б. п.]. – Н.Н. Яниш. Австрийские реформы и Венгрия. С. 311–317.

Отдел литературный. А. Апухтин. Подражание древним. Стихотворение. С. 317. – А. Николаев. Свадебные обряды крестьян великорусских селений Суджинского уезда Курской губернии [Продолжение подобной статьи в «Москвитянине» 1854 г.]. С. 318. – Отрывок из путевых заметок. С. 322. Подпись: О-Г.

№ 21 (27 мая)

Внутренние известия. С. 325. [Б. п.]. – Политическое обозрение. С. 328. [Б. п.]

Отдел литературный. Государственная служба и коронные должностные лица в Англии. С. 331. Подпись: Д. – А.М. Пальховский. Отрывок из истории немецкой литературы. Гейне. Литература до смерти Гёте (Продолж.). С. 345. – Театральная заметка. С. 346. Подпись: А. У. – Библиографическая заметка. Библиотека Естественных и Математических Наук, сборник, издаваемый студентами Императорского Московского университета. 1859. С. 348. [Б. п.]

№ 22 (3 июня)

Внутренние известия. С. 351. [Б. п.]. – Политическое обозрение. С. 353. [Б. п.]

Отдел литературный. А.Н. Плещеев. С польского. Стихотворение. С. 356. – Последний вечер моего двадцатого года. Рассказ. С. 356. Подпись: Ч. – А.М. Пальховский. Отрывок из истории немецкой литературы. Гейне. Литература до смерти Гёте (Про-

долж.). С. 360. – Н. Рамазанов. О художественной выставке в Москве (По поводу статьи: «Выставка художественных произведений в Москве», помещенной в «Московских Ведомостях». 20 мая, № 110). С. 362. – Разные известия. С. 363. [Б. п.]. – Библиографическая заметка. «Житье-бытье Вани, подмосковного мужичка». (Жизнь русских крестьян. Подарок детям). Издание литографии Каткова и К^о. М. 1860. С. 366. [Б. п.]

№ 23 и 24 (10 июня)

Внутренние известия. С. 357. [Б. п.]. – Н.Н. Яниш. Австрийские реформы и Венгрия (II). С. 359.

Отдел литературный. Последний вечер моего двадцатого года. Рассказ (Оконч.). С. 366. Подпись: Ч. – Н.П. Греков. Странные случаи (Продолж.). С. 371. – Алтай и его обитатели. С. 374. Подпись: Д. С. – Н.А. Рамазанов. О художественной выставке в Москве (Оконч.). С. 379. – Разные известия. С. 381. [Б. п.]. – Библиографическая заметка. I. Рассвет, журнал наук, искусств и литературы Для Взрослых Девиц, издаваемый под редакцию В. Кремпина. СПб. 1860. № 1–4. II. Детский журнал для среднего возраста, издаваемый Б. Залесским. М. 1860. Январь и Февраль. С. 385. [Б. п.]. – Объявления: 1. О продолжении издания политической и литературной газеты «Киевский Телеграф». – 2. О бесплатных воскресных школах. С. 387. – От редакции. С. 388.

№ 25 (19 июня)

Внутренние известия. С. 389. Подпись: Вес.-Долгий. – Письмо из Орла. С. 392. Подпись: С и Р. – Политические известия. С. 393. [Б. п.]

Отдел литературный. Н. Фирсов. Стихотворения: Во время грозы. – После сна. С. 396. – А.М. Пальховский. Отрывок из истории немецкой литературы. Гейне. Литература до смерти Гёте. Поэты-романтики (Продолж.). С. 396. – Заметка кое о чем. С. 399. [Б. п.]. – Библиографическая заметка. I. Рассвет, журнал наук, искусств и литературы Для Взрослых Девиц, издаваемый под редакцию В. Кремпина. СПб. 1860. № 1–4. II. Детский журнал для среднего возраста, издаваемый Б. Залесским. М. 1860. Январь и Февраль (Оконч.). С. 402. [Б. п.]. – От редакции. С. 404.

№ 26 (24 июня)

Внутренние известия. С. 405. Подпись: Вес.-Долгий. – Два слова о политике. С. 409. [Б. п.]

Отдел литературный. А.Н. Плещеев. Два стихотворения из Гейне: I. Падение. – II. «Она ползет к нам, ночь немая...». С. 410. – А.М. Пальховский. Отрывок из истории немецкой литературы. Гейне. Поэты-романтики (Продолж.). С. 410. – Разные известия. С. 413. [Б. п.]. – Михаил Лонгинов. Библиографическая заметка. По поводу седьмой части сочинений Белинского. С. 417. – [Рец.] 1. Гигиенические этюды о здоровье, красоте и счастье женщины. Сочинение Доктора Макеля. М. 1860. – 2. Практические наставления вступившим в брак. Сочинение доктора медицины Рудольфа Фернау. Изд. 4-е. М. 1860. – 3. Рецепты к распознаванию женщин, основанные на показаниях людей опытных и бывалых. М. 1860. С. 418. – Поправка. С. 420. – От редакции. С. 420.

№ 27 (1 июля)

Внутренние известия. С. 421. [Б. п.]. – Вести с Кубани (Продолж.). С. 423. Подпись: Н. В. – Политические заметки. С. 424. Подписи: Л. О. и М. С.

Отдел литературный. Б.И. Ордынский. Кое-что об изучении классических языков. С. 427. – Л. Оптухин [Павлов И.В.]. О том же. С. 429. – А.М. Пальховский. Отрывок из истории немецкой литературы. Гейне. Поэты-романтики (Продолж.). С. 430. – Заметка кое о чем. С. 432. [Б. п.]. – Библиографическая заметка. Деревня, рассказы для юношества о сельской природе и сельском быте. СПб. 1859. С. 435. [Б. п.]. – От редакции. С. 436.

№ 28 (8 июля)

Распоряжения Правительства. Правила о приеме в Государственный банк частных вкладов, для обращения из процентов. С. 437. – Иностранные известия. С. 438. [Б. п.]

Отдел литературный. Очерки жизни в Восточной Сибири. С. 441. Подпись: А. С. – П. Сонин. Второй рассказ Никиты Сливаева (Из быта Донских казаков). С. 444. – А. Суворин. Лида. (Из А. Шенье). Стихотворение. С. 447. – Д. Судьбинский. Библиографические заметки. Народные беседы. Изд. Д.В. Григоровича. СПб.

1860. [Первые десять выпусков.] С. 447. – От редакции. С. 452. – Поправка. С. 452.

№ 29 (15 июля)

Внутреннее обозрение. С. 453. Подпись: Вес.-Долгий. – Иностранные известия. С. 457. [Б. п.]

Отдел литературный. Ван-Дик во дворце Бриньоля. Соч. Мери. С. 460. – С.П. Колошин. Московские рысистые беги нынешним летом. Письмо к редактору. С. 465. – Библиографическая заметка. Беседы Золотова в учебном фехтовально-гимнастическом кадре. СПб. Изд. Торгового дома С. Струговщикова, Г. Похитонова, Н. Водова и К⁰. 1859–1860. С. 466. [Б. п.]

№ 30 (22 июля)

Внутреннее обозрение. С. 469. Подпись: Вес.-Долгий. – Иностранные известия. С. 472. [Б. п.]

Отдел литературный. А. Баулин. Стихотворение. «Уж птицы слетелися в гнезды...». С. 474. – Ван-Дик во дворце Бриньоля. Соч. Мери (Оконч.). С. 475. – С.Н. Федоров. Утро реформатора (Сцены). С. 476. – Н.В. Дмитриев. Архитектурная деятельность в Москве. С. 482. – Объявление. С. 484. – От редакции (О подписке на «Московский Вестник» на второе полугодие). С. 484.

№ 31 (29 июля)

Внутренние известия. С. 485. Подпись: Вес.-Долгий. – Иностранные известия. С. 489. [Б. п.]

Отдел литературный. Л. Опутхин. Русская сельская община («Русск. Вестник» № 17, 1858 г.). [Рец.] С. 492. – Б. Ордынский. Из провинциальных воспоминаний. С. 494. – Алексей Д. Зарин. Несколько слов об уничтожении преподавания законоведения в средних учебных заведениях. С. 496. – Библиографическая заметка. Книжный Вестник, журнал русской литературной деятельности, книжной торговли, книгопечатания и т.п. СПб. № 1–10. С. 497. [Б. п.]

№ 32 (5 августа)

Внутренние известия. С. 501. [Б. п.]. – Иностранные известия. С. 503. [Б. п.]

Отдел литературный. Н. Иванов. Ах, если бы не петух! (Случай). С. 505. – Б.И. Ордынский. Заметка на заметку [Об изучении классических языков]. С. 512. – Н.А. Основский. Еще несколько слов о книжной торговле. С. 514.

№ 33 (12 августа)

Внутренние известия. С. 517. [Б. п.]. – Н. Бабицын. Голос с Севера. С. 518. – Иностранные известия. С. 519. [Б. п.]

Отдел литературный. Н.П. Греков. 6 ноября. Стихотворение. С. 522. – Н.П. Греков. Странные случаи (Оконч.). С. 522. – А.М. Пальховский. Отрывок из истории немецкой литературы. Гейне. Поэты-романтики (Продолж.). С. 529. – Кое-что о Нижегородской ярмарке. С. 531. Подпись: А. У-ъ.

№ 34 (19 августа)

Внутренние известия. С. 533. [Б. п.]. – Письмо из Оренбурга. С. 535. Подпись: А. Ж. – Иностранные известия. С. 536. [Б. п.]

Отдел литературный. Н.В. Берг. Из сонетов Мицкевича. Стихотворение. С. 538. – Н.П. Греков. Стихотворения: «На розы твои и гвоздики...». – «Когда любимые мной звуки...». С. 538. – Криницкий. Деревенские предания. С. 538. – Н. Демерт. Сцены из студенческого быта. С. 541. – А.М. Пальховский. Отрывок из истории немецкой литературы. Гейне. Поэты-романтики (Продолж.). С. 544. – Д. Судьбинский. Библиографическая заметка. Книга природы, или Энциклопедия Естественных Наук... Док. Фридриха Шодлера. Перевод с 10-го немецкого изд. И.Д. Панова. Вторая часть. М. 1860. С. 546.

№ 35 (28 августа)

Внутренние известия. С. 549. [Б. п.]. – Ив. Землянский. Из Воронежа. С. 551. – Флоренсов. Из Таганрога. С. 553. – Иностранные известия. С. 555. [Б. п.]

Отдел литературный. А. Ушаков. Потребности нашего коммерческого образования. Несколько слов, по поводу «Заметки на Заметку» г. Ордынского. С. 557. – Алексей Зарин. Заметка на статью «Русского Вестника» «Прием в студенты». («Русск. Вестник» № 14 за 1860 г.). С. 561. – Л. Оптухин [Павлов И.В.]. Журнальная заметка. С. 563.

№ 36 (4 сентября)

Внутренние известия. С. 565. [Б. п.]. – Е. Тржецяк. Из Варшавы (О торгово-комиссионерских, земледельческих помещичьих домах в Царстве Польском и судоходстве по р. Западному Бугу). С. 567. – Иностранные известия. С. 570. [Б. п.]

Отдел литературный. Д. Мордовцев. Училищные воспоминания (Отрывок из записок донца). С. 572. – Кое-что о Нижегородской ярмарке (II). С. 579–580. Подпись: А. У-ъ. – О новых Московских воскресных школах. С. 580. Подпись: А. У-ъ.

№ 37 (11 сентября)

Внутренние известия. С. 581. [Б. п.]. – Иностранные известия. С. 584. [Б. п.]

Отдел литературный. Н.П. Греков. Стихотворение. «День погас – и с умолкнувшим шумом...». С. 588. – Фринэ (Посвящ. И.В. Кирееву). С. 588. Подпись: К. К. – А. Снопов. О свидетельских показаниях. С. 592. – А. Андреев. Художественное известие. С. 596. – Замечания на письма из Нижегородской ярмарки. С. 596. Подпись: Н. Л.

№ 38 (16 сентября)

Внутренние известия. С. 597. [Б. п.]. – Иностранные известия. Телеграммы. С. 600. [Б. п.]. – Заметка о женском фабричном труде. С. 603. Подпись: Я. Г. (Вознесенский Посад). – О Нижегородской ярмарке 1860 г. С. 603. Подпись: Н. Л. – От редакции. С. 604.

№ 39 (25 сентября)

Внутренние известия. С. 605. [Б. п.]. – Иностранные известия. Телеграммы. С. 607. [Б. п.]

Отдел литературный. Н.П. Греков. Стихотворение. «М...». («Когда придет пора для сердца твоего...»). С. 611. – А. Гаузенберг. Степушка. Рассказ вольноотпущенного. С. 611. – А. Жакмон. Охота на тигров в киргизской степи. С. 617. – Счастье в несчастье (С английского). С. 621. [Б. п.]. – [А.М. Пальховский]. Отрывок из истории немецкой литературы. Гейне. Поэты-романтики (Продолж.). С. 623. – Письма Петербургского фланера. Письмо первое. С. 626. Подпись: Фланер. – Письмо в редакцию [По поводу заметки о картине Иванова в журнале «Наше Время», № 15, 24 апреля]. С. 627. Подпись: Один из подписчиков «Московского Вестника», не-художник.

№ 40 (2 октября)

Внутренние известия. С. 629. [Б. п.]. – Политическое обозрение. С. 632. [Б. п.]

Отдел литературный. Мачиха и падчерица (Повесть М. Д.). С. 635. – Заметки кое о чем. С. 640. [Б. п.]. – Из Оренбурга. С. 643. Подпись: И. Л. – Объявление. С. 644.

№ 41 (10 октября)

Внутренние известия. С. 644. [Б. п.]. – Политическое обозрение. С. 648. [Б. п.]

Отдел литературный. Мачиха и падчерица (Повесть М. Д.) (Оконч.). С. 651. Подпись: М. Д. – [Н.А. Чаев]. По шоссе и проселком. С. 655. – А. Козлов. Алексей Степанович Хомяков [Некролог]. С. 659. – Библиографические известия. С. 660.

№ 42 (16 октября)

Внутренние известия. С. 661. [Б. п.]. – Евгений Тржецяк. Еще о торгово-комиссионерских, земледельческих домах в Царстве Польском и влиянии Варшавского Земледельческого Общества на развитие и улучшение земледелия в крае. С. 663. – Политическое обозрение. С. 666. [Б. п.]

Отдел литературный. [Н.А. Чаев]. По шоссе и проселком (Продолж.). С. 669. – Заметки кое о чем. С. 671. [Б. п.]. – Библиографическая заметка (Опыт книги для грамотного простонародья. Составил помещик А.С. Зеленой. – Сельское хозяйство, домашний лечебник для скота, басни, сказки и песни. СПб. 1860. [Рец.]). С. 675. Подпись: Д. С. – Объявление об издании в 1861 г. в Москве еженедельной газеты «Садовник и Огородник». С. 676. – От редакции. С. 676.

№ 43 (23 октября)

Внутренние известия [О кончине Императрицы Александры Феодоровны]. С. 677. – Политическое обозрение. С. 679. [Б. п.]

Отдел литературный. Н.П. Греков. Стихотворения («Мой ангел! Не гляди так строго и сурово...»). – «На шоссе». – «Камелии». – «Из Гейне»). С. 684 – Всемирная история в быте немецкого села (С немецкого). Пер. И. Ж. С. 685. – Объявления: О подписке на журнал «Московский Вестник» на 1861 г., о его программе; и др. С. 692.

№ 44 (31 октября)

Внутренние известия. С. 693. [Б. п.]. – Политическое обозрение. С. 694. [Б. п.]

Отдел литературный. Положение первоначального народного образования в Н... уезде и мысли об образовании народных школ (Из записок сельского учителя). С. 699. [Б. п.]. – [Н.А. Чаев]. По шоссе и проселком (Продолж.). С. 703. – По поводу статьи г. Колошина «О Московских зимних бегах 1860 г». С. 707. Подпись: Член Тамбовского общества охотников рысистого бега.

№ 45 и 46 (7 ноября)

С. Славутинский. Хроника народного образования. С. 709. – П. Дротаевский [Письмо из Ярославля]. С. 718. – Политическое обозрение. С. 719. [Б. п.]

Отдел литературный. В. Костомаров. Стихотворение (Из Гейневой Deutschland). С. 723. – Положение первоначального народного образования в Н... уезде и мысли об образовании народных школ (Из записок сельского учителя) (Продолж.). С. 723.

Подпись: Я... П... – Несколько слов о роскоши (С английского). С. 727. [Б. п.]. – Заметка переводчика по поводу предыдущей статьи. С. 731. Подпись: Ж. – Н. Арнольди. Несколько слов о русском искусстве и его критиках. С. 735. – Н.А. Чаев. По шоссе и проселком (Оконч.). С. 737. – От редакции. С. 738. – Редактор М. Достоевский [Объявление об издании журнала «Время» в 1861 г. и программа журнала]. С. 738.

№ 47 (14 ноября)

Постановления и распоряжения Правительства. С. 741. – Летопись экономических явлений. С. 741. Подпись: А. К. – Политическое обозрение. С. 743. [Б. п.]

Отдел литературный. П. Шестаков. По поводу статьи г. Робера «Организация учебной части в гимназиях». С. 747. – О восстановлении православного христианства на Кавказе [Воззвание]. С. 752.

№ 48 (20 ноября)

Внутренние известия. С. 753. Подпись: С. С. – Политическое обозрение. С. 755. [Б. п.]

Отдел литературный. Н. Иванов. Силуэт (Весьма неправдоподобное событие). С. 759. – [С. Славутинский]. Самый темный угол темного царства. С. 762. – Публичное заседание Общества любителей Российской Словесности 7 ноября. С. 766. Подпись: П. А. – Н. Арнольди. Несколько успокоительных для г. Профана слов [На статью в «Московских Ведомостях», № 247]. С. 767. – Издатель и редактор Ф. Миллер. Объявление об издании журнала «Развлечение» в 1861 г. С. 768.

№ 49 (20 ноября)

Внутренние известия. С. 769. Подпись: С. С. – Политическое обозрение. С. 772. [Б. п.]

Отдел литературный. Ф. Берг. Стихотворения. («Она стояла перед ним...»). – «Королева мятежей»). С. 778. – Г. Аппельрот. Как москвичам дается топливо. С. 779. – [С. Славутинский]. Самый темный угол темного царства (Продолж.). С. 804. – От редакции (Ответы корреспондентам). С. 808.

№ 50 и 51 (7 декабря)

Внутренние известия. С. 809. Подпись: С. С. – Политическое обозрение. С. 813. [Б. п.]

Отдел литературный. Н. Поляков. Московские углы. С. 819. – Крыжов. Старые грешки. Эпизод из неоконченного романа. С. 826. – А. Пальховский. Отрывок из истории немецкой литературы. Гейне (Продолж.). С. 830. – По поводу Московских воскресных школ. С. 834. Подпись: Я... П... – Факт из истории водворения откупной системы в России. С. 838. Подпись: ...ъ. – [С. Славутинский]. Самый темный угол темного царства (Продолж.). С. 839. – Поправка. С. 840.

№ 52 (20 декабря)

Евгений Тржецяк. О торговле хлебом и сплаве его по р. Висле. С. 841. – Политическое обозрение. С. 846. [Б. п.]

Отдел литературный. Н.П. Греков. Сцена из «Ромео и Юлии» Шекспира. Акт V. Явление 3-е (В стихах). С. 851. – А.М. Пальховский. Отрывок из истории немецкой литературы. Гейне (Оконч.). С. 853. – С. Славутинский. Самый темный угол темного царства (Оконч.) [О старообрядцах]. С. 860. – [Примечание редакции к статье С. Славутинского «Самый темный угол темного царства»]. С. 863. Подпись: Ред. – Объявление о № 3 «Юридического Журнала» и его содержании. С. 863. – Объявление о продаже книги «Памятники Древнего Рима». С. 864.

1861 г.

№ 1 (11 января)

Внутренние известия. С. 1. [Б. п.]. – Новейшие политические известия. С. 3. [Б. п.]. – Иностранные известия. С. 4. [Б. п.]

Отдел литературный. Ростислав Крылов. Нравственные уродства (По поводу романа г. Крестовского «В ожидании лучшего»). С. 7. – Несколько слов о г-же Ристори (Из письма к редактору «Московского Вестника»). С. 14. Подпись: Москвич.

№ 2 (21 января)

Политическое обозрение. С. 17. [Б. п.]

Отдел литературный. В. Слепцов. Французские рабочие на русских железных дорогах (Отрывок из путевых заметок). С. 22. – А. Левитов. Сладкое житье. Очерк. С. 27.

(Продолжение следует.)

*Публикацию подготовили библиографы
М.А. Бирюкова и А.Н. Стрижёв*

ИЗБРАННОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО

А.К. Толстой

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО ОТ ГОСТОМЫСЛА ДО ТИМАШЕВА*

*Вся земля наша велика и обилна,
а наряда в ней нет.*
Нестор, летопись, с. 8

1

Послушайте, ребята,
Что вам расскажет дед.
Земля наша богата,
Порядка в ней лишь нет.

2

А эту правду, детки,
За тысячу уж лет
Смекнули наши предки:
Порядка-де, вишь, нет.

* Текст печатается по изд.: А.К. Толстой. Сочинения: в 2 т. – М.: Художественная литература, 1981. – Т. 1. Стихотворения.

3

И стали все под стягом,
И молвят: «Как нам быть?
Давай пошлем к варягам:
Пускай придут княжить.

4

Ведь немцы тороваты,
Им ведом мрак и свет,
Земля ж у нас богата,
Порядка в ней лишь нет».

5

Посланцы скорым шагом
Отправились туда
И говорят варягам:
«Придите, господа!

6

Мы вам отсыплем злата,
Что киевских конфет;
Земля у нас богата,
Порядка в ней лишь нет».

7

Варягам стало жутко,
Но думают: «Что ж тут?
Попытка ведь не шутка –
Пойдём, коли зовут!»

8

И вот пришли три брата,
Варяги средних лет,

Глядят – земля богата,
Порядка ж вовсе нет.

9

«Ну, – думают, – команда!
Здесь ногу сломит черт,
Es ist ja eine Schande,
Wir müssen wieder fort»¹.

10

Но братец старший Рюрик
«Постой, – сказал другим, –
Fortgeh'n wär' ungebührlich,
Vielleicht ist's nicht so schlimm»².

11

Хоть вшивая команда,
Почти одна лишь шваль;
Wir bringen's schon zustande,
Versuchen wir einmal»³.

12

И стал княжить он сильно,
Княжил семнадцать лет,
Земля была обильна,
Порядка ж нет как нет!

13

За ним княжил князь Игорь,
А правил им Олег,
Das war ein großer Krieger⁴
И умный человек.

14

Потом княжила Ольга,
А после Святослав;
So ging die Reihenfolge⁵
Языческих держав.

15

Когда ж вступил Владимир
На свой отцовский трон,
Da endigte für immer
Die alte Religion⁶.

16

Он вдруг сказал народу:
«Ведь наши боги дрянь,
Пойдём креститься в воду!»
И сделал нам Иордань.

17

«Перун уж очень гадок!
Когда его спихнем,
Увидите, порядок
Какой мы заведем!»

18

Послал он за попами
В Афины и Царьград.
Попы пришли толпами,
Крестятся и кадят,

19

Поют себе умильно
И полнят свой кисет;

Земля, как есть, обильна,
Порядка только нет.

20

Умре Владимир с горя,
Порядка не создав.
За ним княжить стал вскоре
Великий Ярослав.

21

Оно, пожалуй, с этим
Порядок бы и был;
Но из любви он к детям
Всю землю разделил.

22

Плоха была услуга,
А дети, видя то,
Давай тузить друг друга:
Кто как и чем во что!

23

Узнали то татары:
«Ну, – думают, – не трусь!»
Надели шаровары,
Приехали на Русь.

24

«От вашего, мол, спора
Земля пошла вверх дном,
Постойте ж, мы вам скоро
Порядок заведем».

25

Кричат: «Давайте дани!»
(Хоть вон святых неси.)
Тут много всякой дряни
Настало на Руси.

26

Что день, то брат на брата
В орду несет извет;
Земля, кажись, богата –
Порядка ж вовсе нет.

27

Иван явился Третий;
Он говорит: «Шалишь!
Уж мы теперь не дети!»
Послал татарам шиш.

28

И вот земля свободна
От всяких зол и бед
И очень хлебородна,
А все ж порядка нет.

29

Настал Иван Четвёртый,
Он Третьему был внук;
Калач на царстве тертый
И многих жен супруг.

30

Иван Васильич Грозный
Ему был имярек

За то, что был серьезный,
Солидный человек.

31

Приёмами не сладок,
Но разумом не хром;
Такой завел порядок,
Хоть покати шаром!

32

Жить можно бы беспечно
При этаким царе;
Но ах! ничто не вечно —
И царь Иван умре!

33

За ним царить стал Фёдор,
Отцу живой контраст;
Был разумом не бодор,
Трезвонить лишь горазд.

34

Борис же, царский шурин,
Не в шутку был умен,
Брюнет, лицом недурен,
И сел на царский трон.

35

При нем пошло все гладко,
Не стало прежних зол,
Чуть-чуть было порядка
В земле он не завел.

36

К несчастью, самозванец,
Откуда ни возьмись,
Такой задал нам танец,
Что умер царь Борис.

37

И, на Бориса место
Взобравшись, сей нахал
От радости с невестой
Ногами заболтал.

38

Хоть был он парень бравый
И даже не дурак,
Но под его державой
Стал бунтовать поляк.

39

А то нам не по сердцу;
И вот однажды в ночь
Мы задали им перцу
И всех прогнали прочь.

40

Взошёл на трон Василий,
Но вскоре всей землей
Его мы попросили,
Чтоб он сошел долой.

41

Вернулись поляки,
Казаков привели;

Пошёл сумбур и драки:
Поляки и казаки,

42

Казаки и поляки
Нас паки бьют и паки;
Мы ж без царя как раки
Горюем на мели.

43

Прямые были страсти –
Порядка ж ни на грош.
Известно, что без власти
Далёко не уйдешь.

44

Чтоб трон поправить царский
И вновь царя избрать,
Тут Минин и Пожарский
Скорей собрали рать.

45

И выгнала их сила
Поляков снова вон,
Земля же Михаила
Взвела на русский трон.

46

Свершилось то летом;
Но был ли уговор –
История об этом
Молчит до этих пор.

47

Варшава нам и Вильна
Прислали свой привет;
Земля была обильна –
Порядка ж нет как нет.

48

Сев Алексей на царство,
Тогда роди Петра.
Пришла для государства
Тут новая пора.

49

Царь Пётр любил порядок,
Почти как царь Иван,
И так же был не сладок,
Порой бывал и пьян.

50

Он молвил: «Мне вас жалко,
Вы сгинете вконец;
Но у меня есть палка,
И я вам всем отец!..

51

Не далее как к святкам
Я вам порядок дам!»
И тотчас за порядком
Уехал в Амстердам.

52

Вернувшись оттуда,
Он гладко нас обрил,

А к святкам, так что чудо,
В голландцев нарядил.

53

Но это, впрочем, в шутку,
Петра я не виню:
Больному дать желудку
Полезно ревеню.

54

Хотя силен уж очень
Был, может быть, прием;
А все ж довольно прочен
Порядок стал при нем.

55

Но сон объял могильный
Петра во цвете лет,
Глядишь, земля обильна,
Порядка ж снова нет.

56

Тут кротко или строго
Царило много лиц,
Царей не слишком много,
А более цариц.

57

Бирон царил при Анне;
Он сущий был жандарм,
Сидели мы как в ванне
При нем, daß Gott erbarm!⁷

58

Весёлая царица
Была Елисавет:
Поёт и веселится,
Порядка только нет.

59

Какая ж тут причина
И где же корень зла,
Сама Екатерина
Постигнуть не могла.

60

«Madame, при вас на диво
Порядок расцветет, –
Писали ей учтиво
Вольтер и Дидерот, –

61

Лишь надобно народу,
Которому вы мать,
Скорее дать свободу,
Скорей свободу дать».

62

«Messieurs, – им возразила
Она, – vous me comblez»⁸, –
И тотчас прикрепила
Украинцев к земле.

63

За ней царить стал Павел,
Мальтийский кавалер,

Но не совсем он правил
На рыцарский манер.

64

Царь Александер Первый
Настал ему взамен,
В нем слабы были нервы,
Но был он джентльмен.

65

Когда на нас в азарте
Стотысячную рать
Надвинул Бонапарте,
Он начал отступать.

66

Казалось, ну, ниже
Нельзя сидеть в дыре,
Ан глядь: уж мы в Париже,
С Louis le Desiré⁹.

67

В то время очень сильно
Расцвёл России цвет,
Земля была обильна,
Порядка ж нет как нет.

68

Последнее сказанье
Я б написал мое,
Но чаю наказанье,
Боюсь monsieur Veillot¹⁰.

69

Ходить бывает склизко
По камешкам иным,
Итак, о том, что близко,
Мы лучше умолчим.

70

Оставим лучше троны,
К министрам перейдем.
Но что я слышу? стоны,
И крики, и содом!

71

Что вижу я! Лишь в сказках
Мы зрим такой наряд;
На маленьких салазках
Министры все катят.

72

С горы со криком громким
In согроре¹¹, сполна,
Скользя, свои к потомкам
Уносят имена.

73

Се Норов, се Путятин,
Се Панин, се Метлин,
Се Брок, а се Замятнин,
Се Корф, се Головнин.

74

Их много, очень много,
Припомнить всех нельзя,

И вниз одной дорогой
Летят они, скользя.

75

Я грешен: летописный
Я позабыл свой слог;
Картина живописной
Противостать не мог.

76

Лиризм, на все способный,
Знать, у меня в крови;
О Нестор преподобный,
Меня ты вдохнови.

77

Поуспокой мне совесть,
Моё усердье зря,
И дай мою мне повесть
Окончить не хитря.

78

Итак, начавши снова,
Столбец¹² кончаю свой
От рождества Христова
В год шестьдесят восьмой.

79

Увидя, что все хуже
Идут у нас дела,
Зело изрядна мужа
Господь нам ниспосла.

80

На утешенье наше
Нам, аки свет зари,
Свой лик яви Тимашев –
Порядок водвори.

81

Что аз же многогрешный
На бранных сих листах
Не дописях поспешно
Или переписях,

82

То, спереди и сзади
Читая во все дни,
Исправи правды ради,
Писанья ж не кляни.

83

Составил от былин
Рассказ немудрый сей
Худый смиренный инок,
Раб Божий Алексей.

<1868>

-
- ¹ Ведь это позор – мы должны убраться прочь (нем.).
² Уйти было бы неприлично, может быть, это не так уж плохо (нем.).
³ Мы справимся, давайте попробуем (нем.).
⁴ Это был великий воин (нем.).
⁵ Такова была последовательность (нем.).
⁶ Тогда пришел конец старой религии (нем.).
⁷ Помилуй Бог! (нем.).
⁸ Господа, вы слишком добры ко мне (фр.).

-
- ⁹ *Louis le Desiré* (Людовик Желанный) – прозвище, данное роялистами Людовику XVIII (1755–1824), возведенному на французский престол при содействии Александра I.
- ¹⁰ *Veillot* – барон И.О. Велио (1830–1899), директор почтового департамента министерства внутренних дел в 1868–1880 гг.
- ¹¹ В полном составе (лат.).
- ¹² *Столбец* – свиток, старинная рукопись.

КОРОТКО ОБ АВТОРАХ

Бирюкова *Маргарита Анатольевна*, писатель, библиограф, краевед. Окончила МХТИ им. Д.И. Менделеева (1992). Совместно с А.Н. Стрижёвым опубликованы библиографические разыскания о незаслуженно забытых русских писательницах Евгении Тур и М.Ф. Львовой-Ростовской.

E-mail: rittabiruikova@mail.ru

Гуминский *Виктор Мирославович* (р. 1949), доктор филол. наук, профессор, гл. научный сотрудник ИМЛИ РАН. Специалист по истории русской литературы, жанру путешествий, творчеству Пушкина и Гоголя, компаративистике. Автор монографии «Открытие мира, или Путешествия и странники» (М., 1976) и др.

E-mail: gumins@rinet.ru

Душенко *Константин Васильевич* (р. 1946), кандидат ист. наук, старший науч. сотрудник Отдела культурологии ИНИОН РАН. Составитель справочников цитат и крылатых выражений, антологий афоризмов: «Мастера афоризмов от Возрождения до наших дней» (3-е изд., 2006), «Цитаты из всемирной литературы от Гомера до наших дней» (2007), «Цитаты из русской литературы от “Слова о полку...” до Пелевина» (2-е изд., 2007), «Всемирная история в изречениях и цитатах» (2-е изд., 2008), «Большой словарь цитат и крылатых слов» (2011), «Большая книга афоризмов» (2012), «Большой словарь латинских цитат и выражений» (в соавт., 2013), «Последние слова знаменитых людей: Легенды и факты» (2016) и др.

E-mail: kdushenko@nln.ru

Котельников Владимир Алексеевич (р. 1947), доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинского Дома) Российской Академии наук, автор 290 научных публикаций, в том числе книг «Иван Александрович Гончаров», «L'Eremo di Optina e i Grandi della cultura russa», «Православные подвижники и русская литература», «Литературные версии критического идеализма», «К.Н. Леонтьев».

Кошелев Вячеслав Анатольевич (р. 1950), доктор филол. наук, профессор. Автор трудов: «Эстетические и литературные воззрения русских славянофилов (1840–1850-е годы)» (1984), «Константин Батюшков. Странствия и страсти» (1987), «Первая книга Пушкина» (1997), «Алексей Степанович Хомяков, жизнеописание в документах, разысканиях, рассуждениях» (2000), «Сто лет семьи Аксаковых» (2005), «Афанасий Фет. Преодоление мифов» (2006) и др.

Курилов Александр Сергеевич (р. 1937), доктор филол. наук, главный научный сотрудник Отдела русской классической литературы ИМЛИ РАН, автор книг: «Традиции русской критической мысли» (1974), «История русского литературоведения» (1980, в соавторстве с П.А. Николаевым и А.Л. Гришуниным), «Литературоведение в России XVIII века» (1981), «Виссарион Белинский» (1985), «В.Г. Белинский в жизни и творчестве» (2012).
Тел.: 8 (495) 612-61-36

Трофимова Валерия Борисовна, кандидат педагогич. наук, доцент ФГБОУИ ВО «Московский государственный гуманитарно-экономический университет». Автор публикаций по истории русской литературы и критики Серебряного века, литературе русского зарубежья, журналистике, истории книжной культуры и литературной библиографии рубежа XIX–XX вв.
E-mail: vbtrofimova@yandex.ru

Стрижёв Александр Николаевич (р. 1934), писатель, библиограф. Сфера научных интересов – библиография рус. писателей, в том числе Е.И. Замятина, Л.Ф. Зурова, В.К. Тредиаковского, М.М. Хераскова, А.С. Шишкова, А.Ф. Лабзина и мн. др. Научно-исследова-

тельские работы собраны в кн.: Собрание сочинений: в 5 т. (2007). Совместно с М.А. Бирюковой опубликованы разыскания о Евгении Тур и М.Ф. Львовой-Ростовской.

E-mail: astrizhev.mbiriukova@mail.ru

Федоров Алексей Владимирович (р. 1971), канд. филол. наук, руководитель Филологического центра издательства «Русское слово». Учитель литературы гимназии № 1516. Автор монографий: «А.К. Толстой в жизни и творчестве» (2012; 2-е изд., перераб. — 2017), «Алексей Константинович Толстой и русская литература его времени» (2017).

E-mail: fedorov@russlo.ru

Чавчанидзе Джульетта Леоновна, доктор филологических наук, профессор МГУ им. М.В. Ломоносова. Автор монографии «Феномен искусства в немецкой романической прозе: средневековая модель и ее разрушение» (1997), статей по истории немецкой литературы, западноевропейскому романтизму, русской литературе первой трети XIX в.

E-mail: juchav@mail.ru

ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

2017 – № 42

Рукописи представляются в редакцию в печатном и электронном виде. К тексту статьи прилагаются: краткая аннотация на русском и английском языках и список ключевых слов, а также справка об авторе с указанием ученой степени, должности, места работы и контактной информации. Публикуемые рукописи рецензируются.

Корректор Я.А. Кузьменко
Компьютерная верстка Н.М. Власова

Свидетельство о регистрации журнала № 003610 от 25.02.2000
Адрес редакции: 117418, Москва, Нахимовский просп., 51/21,
ИНИОН РАН. Отдел литературоведения
liter@inion.ru

Гигиеническое заключение
№ 77.99.6.953.0.5008.8.99 от 23.08.1999 г.
Подписано к печати 29/XII-2017 г. Формат 60х84/16
Бум. офсетная № 1 Печать офсетная
Усл. печ. л. 21,5 Уч.-изд. л. 15,5
Тираж 400 экз. Заказ № 138

**Институт научной информации
по общественным наукам РАН,**
Нахимовский проспект, д. 51/21
Москва, В-418, ГСП-7, 117997

**Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий**
Тел./Факс +7(925) 517-3691
E-mail: inion@bk.ru

Отпечатано в ИНИОН РАН
Нахимовский пр-кт, д. 51/21
Москва, В-418, ГСП-7, 117997
042(02)9